

Федеральное агентство по образованию
Пензенский государственный педагогический университет
имени В. Г. Белинского

**X Социологические чтения
преподавателей,
аспирантов и студентов**

Межвузовский сборник научных трудов

Пенза, 2008

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ББК 60.5

Х Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов: Межвузовский сборник научных трудов. – Пенза, Пензенский гос. пед. ун-т. 2008. – 276 с.

В межвузовский сборник научных трудов включены материалы межвузовской научной конференции и статьи преподавателей, аспирантов и студентов, посвящённые актуальным проблемам теоретической и практической социологии, социальной философии и социальной работы. Очередной выпуск «Социологических чтений» адресован научным работникам, преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам и всем интересующимся социологическими проблемами.

Ответственный редактор – **А. Б. Тугаров**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы

Редакционная коллегия:

Т. И. Лаврёнова, кандидат философских наук, доцент;
Т. Г. Скороходова, кандидат исторических наук, доцент.
А. С. Дудкин, кандидат философских наук, доцент;

Рецензенты:

В. П. Воробьёв, доктор социологических наук, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Пензенского государственного университета

Е. Н. Синёв, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.

© Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Тугаров А. Б. Современная парадигма исследований в социальной работе	5
Лыгина М. А. Роль вуза в первичной профилактике употребления студенческой молодежью наркотических средств	12
Плешакова О. В. Исследование психологической готовности студентов к профессиональной деятельности социального работника	20
Баженова Ю. Реализация социальной политики в отношении лиц без определенного места жительства в учреждениях социальной защиты населения	26
Ушакова О. Профилактика детской беспризорности как направление работы органов исполнительной власти	29
Дудкин А. С. Идеи фанки-бизнеса в современной российской социальной работе	32
Синельникова Ю. Роль социального работника в социальной адаптации клиента	37
Плешакова Л. Я., Улога М. Теоретические принципы организации профилактики наркомании	38
Саратовцева М. Экзистенциальная терапия в социальной работе	47
Силантьева Г. А., Кондрашева Е. Педагогический компонент в профилактико-технологической подготовке специалистов по социальной работе	49
Викторова Е. В. Критерии и уровни эмоционально-нравственного развития младших подростков средствами изобразительного искусства: возможности диагностирования	58

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Козина Г. Ю. Концептуальная модель воздействия социальных факторов на формирование здоровья человека	69
Найденова Л. И., Савчихина И. Ю., Салюкова В.М. Исследование влияния профессионально важных психологических качеств студентов на изучение психолого-педагогических дисциплин в вузе	83
Данилина Е. С. Профессиональное самоопределение студентов педагогического ВУЗа: социологический аспект	90
Богданова Т. Социальная значимость здоровья студенческой молодежи	94
Балашова А. В. Подготовка педагога к работе с детьми разных социальных групп в условиях дополнительного образования детей	96
Сильнова Ю. А. Вариативность использования развивающих методов обучения в процессе социализации личности	101
Сухов С. В. Социальные функции спорта	107

Гуляева Л. В. Особенности влияния телевизионной политической рекламы на массовое политическое сознание	113
Долотов В. А. Пенсионное обеспечение: состояние и проблемы.....	120

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Рашковский Е. Б. Современное и библейское в наследии Вл. Соловьева, или о духовных предпосылках соловьевского «либерализма»	129
Очкина А. В. Марксистский подход к гендерной составляющей общественных отношений и возможности его применения к решению проблем современного феминизма.....	144
Поляков Б. Б. Научное мировоззрение: социологический аспект	159
Мясников А. Г. Является ли «донос» выполнением безусловного долга правдивости?	174
Попов А. С. Эмиль Дюркгейм: Знакомство с классиком.....	178
Лаврёнова Т. И. Культурный потенциал личности как основа жизненного успеха	184
Сорокина Г. Г., Викторова Е. В. Эмотивная функция изобразительного искусства: социально-педагогический аспект	188
Чекарев М. Н. Теория справедливости Ролза как методологическая основа осмысления справедливости в социальной работе.....	195
Ажмакина Н. Б. Религиозно-философский компонент социального служения как основа взаимодействия светской социальной работы и религиозного социального служения.....	197
Кузнецов В. Социально-философский аспект исследования феномена политической культуры	200
Антипов М. А. Историко-эволюционные этапы развития социальной помощи терминальным больным	203
Очкин В. Л. Идеологизм философского сознания и способа мышления.....	209
Данилина Е. С. Социально-философские основания исследования профессионального самоопределения личности.....	226
Киреева Л. В. Человек и вызовы информационного общества.....	231

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ

Скороходова Т. Г. Теоретические положения культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби в методологии анализа индийского Возрождения	237
Мартынов Д. Е. Проблемы рецепции западной социологии в историографии КНР: обзор.....	252
Пахомов С. В. Генезис индуистского тантризма	257
Успенская Е. Н. Модели этнического развития в условиях кастового строя	266

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

А. Б. Тугаров

ПГПУ им. В. Г. Белинского

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Научный подход к практической социальной работе ориентирует специалистов на необходимость исходить из эмпирических исследований при выборе процедур социальной диагностики, экспертных оценок и, тем более, социальной профилактики и социальной реабилитации. Научные исследования определяют перспективы, методы и подходы, на которые опирается практика в социальной работе; способствуют формированию базы знаний, необходимой для профессиональной деятельности социального работника; помогают принять конкретные решения при оказании социальной помощи клиенту, осуществлять социальные программы или проекты социального обслуживания населения.

В свою очередь научные социальные исследования, к которым могут быть отнесены в частности комплексные исследования в социальной работе, предполагают соответствующее методологическое обоснование, выявление их теоретических парадигм. Решение подобной задачи представляется перспективным направлением не только теории социального познания, но и теории социальной работы.

Определение современной парадигмы исследований в социальной работе усложнено тем, что, как показывает опыт, объект такого исследования редко бывает одномерным, гомогенным, гармоничным, стабильным. Обычно он отличается многоаспектностью и многокачественностью. В нём присутствуют отголоски многих форм, видов, типов, аспектов социальной действительности. Другими словами, объект исследования в социальной работе характеризуется «сложностью», и значит, вопрос выбора технологии исследования превращается из чисто инструментального, вспомогательного в конкретно-теоретический и, в известной мере, методологический.

Отечественная социологическая наука неоднократно обращалась к рассмотрению различных аспектов теоретического обоснования исследовательских процедур [См. : 3; 1; 6; 11; 12; 4; 2; 10 и др.].

Возникающие сомнения по поводу методологических основ эмпирических исследований связаны, как правило, с вопросом о неадекватности парадигм, которые используются исследователями. В частности, имеется в виду то, что заимствованная из естественных наук методика зачастую неприемлема для изучения изменчивых и неуловимо тонких социальных явлений. Взамен предлагаются новые парадигмы, различающиеся в зави-

симости от представлений о том, что можно считать достоверным научным исследованием.

Формирование принципов исследований в социальной работе имеет своим началом понимание социального диагноза как результата научного подхода к решению проблем клиента социальной службы. Предложенная еще в 1920-е годы психоаналитиками парадигма «изучение, диагноз, лечение», соответствует общепринятым научным принципам социальной работы и в целом не претерпела изменений. В работе с клиентами, как и во всей практической социальной работе, проблема заключается не в выборе между научными и ненаучными подходами к исследованиям, а в том, какая из научных парадигм исследования предпочтительнее.

Введенные в оборот психоаналитические методы и теории работы с клиентами способствовали постановке диагноза клиенту, который носил скорее психотерапевтический, чем социальный, характер, но оказались неприменимыми к исследованию межличностных и социальных проблем клиентов социальных служб. Альтернативой стали оперативные исследования в социальной работе, или исследования, осуществляемые в процессе оказания социальной помощи.

В социальной работе зарубежных стран подобные исследования стимулировались обострением проблем крупных городов (бедность, плохие жилищные условия и условия труда, неудовлетворительный уход за детьми и др.) и являлись средством предать гласности нужды территориальной общины, чтобы побудить общественность к действиям для исправления положения. Данные собирались и анализировались с точки зрения обозначенной цели исследования.

Оперативные исследования стали основой для развития современных форм изучения общественных потребностей клиентов социальных служб, таких, как оценка социальных программ и проектов, статистический учет социальных услуг, разработка систем индексов. Оперативные исследования не привели к формированию научного знания о социальной работе как единой системы достоверных положений, но их результаты оказались востребованными практическими социальными работниками при принятии конкретных решений и оказались не менее полезными, чем, если бы носили фундаментальный теоретический характер.

В настоящее время такие методы и средства научного исследования, как систематическое наблюдение и стандартизированные тесты, используются по всем направлениям практической социальной работы с отдельными лицами, семьями и группами. Трудности использования результатов научных исследований объясняются тем, что их тематика не всегда связана с решениями, которые приходится принимать в повседневной практике социальной работы, а также тем, что далеко не все социальные работники-практики владеют методикой научных исследований.

Современная парадигма исследований в социальной работе соотносится с идеей более широкого применения методик и технологий исследований, не связанных с «количественными» методами. «Качественные» методы исследования не противопоставляются «количественным» методам, но и не являются их дополнением. Данное обстоятельство предполагает научное обоснование выбора современных методов исследований в социальной работе.

В основе подобного выбора может лежать стремление учёных-обществоведов создать модель исследований в социальной работе, построенную на использовании общих схем и парадигм научного познания в противовес индуктивному методу познания. В рамках такой модели нашли бы своё рассмотрение вопросы соотношения эмпирической и теоретической сторон исследования.

К эмпирической стороне модели следует отнести целостное описание фактов и закономерностей практической социальной работы. В ходе самого исследования она может и не фиксироваться как определенный и законченный этап, но обязательно существует как некоторая идеальная (мысленная) модель. Ей противостоит концептуальная модель, сформулированная на этапе составления программы исследования. Их взаимодействие и определяет весь дальнейший процесс исследования.

Эмпирическая и концептуальная стороны модели исследований в социальной работе не совпадают. Это обусловлено, по крайней мере, тремя факторами: отсутствием полной редуцируемости теоретических понятий, используемых в социальной работе; неадекватностью измерительных процедур и методов сбора социальной информации; наличием неохваченных концептуальной схемой эмпирических закономерностей практической социальной работы.

Отношения между методами «количественных» и «качественных» исследований в социальной работе, которые выясняются в случае их классификации, сводятся к тому, что они (методы) должны определяться относительно друг друга по принятому основанию деления – позитивистской или феноменологической методологии. На этой стадии выработки исследовательской парадигмы подразделением методов выполняется познавательная задача, состоящая в том, чтобы упорядочить найденные в эмпирическом материале объекты социальных исследований, отличающиеся теми или иными особенностями, хотя бы внешними чертами, и для групп социальных явлений с этими особенностями найти общие определения посредством сравнения указанных объектов.

Сторонники новой парадигмы считают необходимым уделять более серьёзное внимание сущности и происхождению знания о социальной работе и способам его получения, поскольку возникают расхождения в оценке достоверности научных знаний. Эти расхождения не могут быть преодо-

лены простым сопоставлением фактов и аргументов. У. Рейд считает, что уместным представляется деление подходов к оценке полученного в ходе исследования знания на «бескомпромиссные» и «умеренные».

Первый подход требует доказательств, основанных на объективных количественных измерениях, с проверкой альтернативных вариантов. Второй подход принимает за истинные выводы, в которых отражаются сложные взаимосвязи и особенности рассматриваемых явлений практической социальной работы. Указанные подходы не сводятся лишь к оценке методов конкретного исследования, оба подхода проявляют себя и при разработке теоретических основ исследований в социальной работе. [8: с. 385].

Осуществляемые в настоящее время процедуры исследований в социальной работе имеют много общего с традицией применения «качественных» методов. В этом случае наибольшей достоверностью обладает информация о социальных явлениях и процессах, которую можно получить, что называется, из первых рук. Сложные явления практической социальной работы могут быть лучше поняты путём подробного анализа конфигурации событий, причём инструментом такого анализа должны быть скорее слова, чем цифры и процентные соотношения.

«Качественные» подходы в исследованиях открывают возможность проникнуть в сущность социальных явлений, что выходит за пределы возможностей стандартной «количественной» методологии. Вместе с тем, среди проблем современных исследований в социальной работе выделяются их недостаточная точность и возможная необъективность исследователя.

Точность и беспристрастность являются общим требованием для всех научных подходов и не могут быть ограничены той или иной методологической традицией или направлением в социальной науке. Вопросы субъективности, предположительности, альтернативных объяснений в исследованиях могут обсуждаться не только в ходе дискуссий по проблемам методики, но и по проблемам научно-теоретических основ современных исследований в социальной работе.

Одной из таких проблем является соотношение аспектов научного исследования в социальной работе: гносеологии, логики и методологии. Провести линию между гносеологическим, логическим и методологическим аспектами исследования в социальной работе затруднительно, но необходимо для рассмотрения вопросов, связанных с определением целей и задач, а также раскрытием самой стратегии исследования.

Выявляя содержательную сторону процесса формирования знания о социальной работе, теория познания способствует выяснению взаимоотношения знания о социальной работе и объективной реальности – процесса практической социальной работы, пониманию специфики и факторов, детерминирующих развитие такого знания.

Каждый уровень знания о социальной работе рассматривается как отражение определенного состояния развивающейся социальной работы и изменения последней детерминируют появление нового уровня знания о социальной работе. Другим фактором, стимулирующим смену уровней познания социальной работы, является изменение в системе и средствах научно-исследовательской деятельности, с помощью которых осуществляется изучение совокупности объектов социальной работы.

Логика, исследуя знание о социальной работе, опирается на результаты гносеологического решения вопроса о природе знания. Особенность логики прежде всего заключается в том, что она рассматривает знание как объективный феномен, исследуя его структуру и взаимосвязь элементов. Логика выделяет в качестве своего предмета готовое знание. Термин «готовый» не следует понимать как синоним «неподвижный». Теория социальной работы стремится использовать логику не только для анализа фиксированных структур научного знания о социальной работе, но пытается рассмотреть процесс и особенности их функционирования.

Логический анализ системы научного знания о социальной работе связан с ее методологическим анализом. Это обусловлено спецификой исследования объекта социальной работы, которая понимается как деятельность по обеспечению социальных прав человека, семьи, группы; или по компенсации определенного социального, физического или психического ущерба, который мешает человеку, группе пользоваться своими правами. [См.: 9: с. 38, 72, 80].

Движение научного знания о социальной работе, включая определение терминов, выбор системы категорий и понятий, осуществляется в процессе исследования и приобретает смысл лишь в профессиональной деятельности социального работника. Поэтому логический анализ самой системы научных понятий и принципов социальной работы должен дополняться методологическим рассмотрением системы процедур исследования в социальной работе: детерминирующей построение системы понятий и категорий социальной работы; реализующей ее функционирование; осуществляющей действия с объектами социальной работы на основе предписания соответствующих социально-гуманитарных наук, прежде всего, социологии и психологии.

Термин «методология» многозначен. Им может быть обозначено учение о методах познания в целом. В этом смысле применительно к социальному познанию принято говорить о методологии социального познания или методологии познания социальных процессов. Данным термином также обозначается специальное описание совокупности приемов и методов, применяемых в исследовании, к примеру, методология социального исследования.

А. И. Ракитов предлагал использовать термин «методология» в более узком смысле. Основные составляющие процесса познания могут быть по-

делены на три группы: 1. системы объектов; 2. системы знаний; 3. системы деятельности с этими объектами на основании данной системы знаний. При этом системы объектов могут быть предметом онтологического исследования; системы знаний – предметом логики; системы деятельности – предметом праксиологии.

Рассмотрение взаимодействий второй и третьей групп образует специфическую задачу методологии. [7: с. 22]. Она, таким образом, исследует взаимоотношенность и взаимосвязь систем знаний и систем деятельности. При таком подходе методология исследований в социальной работе раскрывает взаимоотношенность, взаимосвязь и взаимозависимость системы научного знания о социальной работе и систем профессиональной и непрофессиональной деятельности по социальной защите населения.

Для современной исследовательской парадигмы в социальной работе характерны следующие моменты. 1. Полевое исследование в социальной работе не сводится к единственному методу или технике. Социальный работник почти одновременно наблюдает, беседует с клиентами и читает относящиеся к изучаемой проблеме письменные документы. Столь разнообразные методы используются потому, что нет одного источника социальной информации, которому можно было бы доверять в достаточной степени для того, чтобы составить полное представление о происходящих событиях и их участниках. В этой связи А. И. Ракитов характеризует метод, относя его к «типу знания о действиях, необходимых для получения новых единиц знания». [7: с. 81].

Используя комбинацию наблюдений, интервьюирования и анализа документов социальный работник способен проверить, а затем перепроверить свои выводы. Он будет опираться на силу каждого метода сбора данных, минимизируя слабости конкретного приема исследования. Такой триангуляционный подход к исследованиям в социальной работе увеличивает общую валидность, перекрывая достоинствами одного метода недостатки другого, и надежность полученных в ходе исследования данных.

2. Стратегия триангуляции приносит хорошие результаты не только на стадии сбора данных при изучении конкретного явления практической социальной работы, но и на стадии анализа данных. Следует выделить несколько типов триангуляции, которые способны обосновать результаты полевого исследования, среди которых: «методическая триангуляция» (проверка устойчивости результатов, полученных с помощью разных методов сбора данных) и «теоретическая триангуляция» (использование нескольких теорий для интерпретации данных) [См.: 5]. Комбинируя теории, методы и источники данных социальные работники-практики получают возможность преодолеть смещение, неизбежное при подходе к исследованию с единственным методом, одним источником данных, одной теорией.

3. В процессе реализации стратегии триангуляции определённая роль принадлежит методу классификации изучаемых явлений и процессов практической социальной работы. После того как становится известно, что некоторый круг исследовательских методик обладает простой, элементарной всеобщей определённой, следующим шагом по пути их изучения должно быть их подразделение, классификация на методы «количественного» исследования и методы «качественного» исследования. Причём на данной стадии, подразделяя методы исследования, не удается сразу вскрыть их внутреннюю природу, их глубокие отношения как разных видов.

Другими словами, исследователь не может сразу же в результате классификации составить понятие, отражающее сущность классифицируемых методов. Подразделением методов исследования выполняется задача, состоящая в том, чтобы упорядочить найденные в эмпирическом материале объекты исследования в социальной работе, отличающиеся теми или иными чертами, и для групп объектов с этими чертами найти определения посредством сравнения указанных методов.

«Качественные» методы, применяемые в исследованиях по социальной работе, представляют собой реализацию феноменологического подхода к изучению социальных процессов и явлений. С помощью «количественных» методов исследований, основанных на методологии позитивизма, в первую очередь выясняется «кто и как отвечает» и «сколько отвечают», а затем устанавливаются долевые соотношения ответов.

В свою очередь применение «качественных» методов исследований в социальной работе позволяет определить «что означают ответы» и «почему так отвечают» представители отдельной социальной группы или категории клиентов социальных служб. При этом результаты такого исследования являются продуктом рефлексивности социального работника, изучающего рефлексивность клиента по отношению к объекту исследования, т. е. результатом «двойной рефлексивности». Данным обстоятельством в известной мере объясняется проявляемый в настоящее время интерес к обозначенной парадигме исследований в социальной работе.

Библиографический список

1. Воронов В. П. Методы сбора информации в социологических исследованиях. М., 1974.
2. Готлиб А. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики. Самара, 2002.
3. Здравомыслов А. Г. Методология и процедуры социологических исследований. М., 1969.
4. Как провести социологическое исследование / Под. ред. Горшкова М. К., Шереги Ф. Э. М., 1990.
5. Ковалёв Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. – М., 1999.

6. Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г. В. Осипов. М., 1976.
7. Ракитов А. И. Курс лекций по логике науки. М., 1971.
8. Рейд У. Исследования в социальной работе // Энциклопедия социальной работы / Пер. с англ. В 3-х тт. Т. 1. М., 1993.
9. Теория и методика социальной работы. Часть 1 / Отв. ред. В. И. Жуков. М., 1994.
10. Шляпентох В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М., 2006.
11. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1987
12. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998.

М. А. Лыгина

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

РОЛЬ ВУЗА В ПЕРВИЧНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖЬЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В эпоху трансформации российского общества растет озабоченность состоянием здоровья нового поколения, тесно связанного с последствием институализации детей в структуру меняющегося общества. Возникла реальная угроза национальной безопасности России.

К сожалению, современное состояние российского общества не только не способствует, а наоборот обостряет проблему дезадаптации детей и подростков. За последние годы социально-экономические причины, обуславливающие рост числа несовершеннолетних с девиантным поведением не только не исчезли, а наоборот, обострились. Ранняя социальная дезадаптация приводит к формированию поколения, не умеющего и не желающего трудиться, создавать семью, быть хорошими родителями.

Острейшей проблемой в стране и в Пензенской области является распространение наркомании. На общем неблагоприятном фоне распространения наркомании среди населения наибольшую обеспокоенность вызывает увеличение потребления наркотических средств подростками и молодежью. Подавляющее большинство наркоманов составляют лица в возрасте до 30 лет. Согласно статистическим данным Областной наркологической больницы Пензенской области в 2007 году наркогенная ситуация в регионе продолжает оставаться напряженной. К концу года на официальном учете состоит 1607 больных наркоманией и токсикоманией, а также лиц, злоупотребляющих наркотическими и ненаркотическими веществами (2006 год – 1728). Среди них взрослых 1566, подростков 35, детей 6. На профилактическом учете на 01. 01. 08 год – 760 человек (на 01. 01. 07 года – 585). По оценкам

специалистов, около 10 % лиц, стоящих на профилактическом учете, в результате наблюдения в течении года в дальнейшем ставится диагноз «наркомания».

Однако официальная статистика только частично отражает реальное положение вещей в данной сфере. Многие не обращаются за медицинской помощью, некоторые лечатся в других городах или анонимно и также выпадают из официальной статистики. Большинство исследователей проблемы распространения наркомании считают, что официальную цифру следует умножить на 10, а для детей и подростков – даже на 15.

При сложившейся ситуации основные силы и средства брошены на борьбу с незаконным оборотом наркотиков и лечение наркомании, профилактике же наркозависимости уделяется недостаточное внимание.

Это связано с рядом причин. Во-первых, необходимо отметить ведомственную неопределенность профилактической деятельности. Сегодня не существует ведомства, однозначно ответственного за профилактику наркозависимости, эта задача расплывлена между различными структурами, координация работы которых на сегодняшний момент не налажена. Во-вторых, нет единой и систематизированной научной и методической базы профилактики наркозависимости, научно обоснованных моделей и методик этой деятельности. И, наконец, на данный момент в российском обществе отсутствует единая концепция отношения к наркомании как социальному явлению.

В этой связи кафедра социологии и социальной работы ПГПУ им. В. Г. Белинского осуществляет исследование, которое может восполнить научно-методический пробел в исследовании проблем наркозависимости и определить пути оптимизации деятельности ответственных структур в данном направлении.

Неблагоприятна ситуация с употреблением наркотиков и в студенческой среде. С целью изучения отношения студенческой молодежи к здоровью и здоровому образу жизни в 2005/2006 учебном году кафедрой социологии и социальной работы ПГПУ был проведен социологический опрос (доцент Г. Ю. Козина), в котором участвовало 238 студентов-выпускников ПГПУ (девушки составили 71,4 % выборочной совокупности). Результаты анкетного опроса можно считать репрезентативными, так как выборочная совокупность составила 35,4 % генеральной совокупности.

Анкетный опрос показал, что большинство студентов (82,8 %) никогда в жизни не принимали наркотики, хотя каждый шестой студент (17,2 %) признался, что их пробовал. Юношей, признавшихся в приеме наркотических веществ, оказалось почти в 2 раза больше, чем девушек (23,5 % против 14,7 %). К группе риска можно отнести еще 9,7 % студентов, которые имели желание принять наркотические или психотропные вещества, а 28,9 % опрошенных студентов отметили, что им предлагали попробовать наркотичес-

кие вещества в общезитии, в вузе, на дискотеке или в баре, в дружеской компании.

Такая ситуация диктует необходимость более активных мероприятий, направленных на выявление студентов, употребляющих наркотики, предоставление социально-медицинской помощи им и предотвращение распространения этого явления в студенческой среде.

Одним из направлений в деятельности вуза по первичной профилактике наркомании является пропаганда здорового образа жизни среди студентов. В профилактической работе необходимо использовать потенциал физической культуры и спорта.

Анализ учебных планов ряда факультетов Пензенского государственного педагогического университета (ПГПУ) показал, что они перегружены общепрофессиональными и специальными дисциплинами, которые крайне необходимы для подготовки будущих специалистов. Однако очень мало времени отводится на передачу знаний студентам об индивидуальном здоровье человека, роли стиля жизни в сохранении, укреплении и развитии здоровья.

Среди негативных факторов, влияющих на здоровье студенческой молодежи, необходимо отметить недостаточную физическую активность. Анкетирование показало, что утреннюю гимнастику ежедневно делают только 7,6 % молодых людей. При анализе ответов на вопрос: «Занимаетесь ли Вы оздоровительной физической культурой во внеучебное время?» оказалось, что эту эффективную форму укрепления здоровья используют в своем режиме дня только 59,2 % респондентов, причём занимающихся юношей (76,5 %) больше, чем девушек (52,4 %). Наиболее популярными в молодёжной среде являются: подвижные и спортивные игры (59,6 %), оздоровительный бег (52,4 %), шейпинг (48,3 %), плавание (44,7 %), туристические походы (43,9 %), лыжные прогулки (30,5 %), катание на коньках (30,5 %), атлетическая гимнастика (23,1 %).

Как показало включённое наблюдение, стандартизация медико-биологического блока подготовки учителя привела к профанации основ медицинских знаний. В анкете студентам было предложено оценить полученный в вузе уровень подготовленности по профилактике социально значимых заболеваний. Большинство (42 %) респондентов оценили уровень подготовленности как недостаточный, 26,1 % затруднились ответить. Только каждый третий студент (31,9 %) смог оценить свой уровень подготовленности по профилактике социально значимых заболеваний как достаточный.

Следовательно, в вузе необходимо повысить уровень социально-гигиенического просвещения, на научно-популярном уровне освещать аспекты заболеваемости в современном обществе.

В рамках деятельности кафедры проводились профилактические мероприятия: конкурс плакатов на тему «Мы за здоровый образ жизни», органи-

зовывались «Дни здоровья», проводили диспут на тему «Здоровье молодежи и будущее России». Студенты-волонтеры проводят социально-профилактическую работу с детьми-сиротами.

Одним из условий успешности профилактики злоупотребления наркоманией является профессиональная подготовка специалистов. Кафедра социологии и социальной работы ПГПУ осуществляет подготовку специалистов по социальной работе. На кафедре разработаны учебные курсы, в рамках которых преподаватели обучают студентов проведению курса практических занятий по проведению профилактики, методике проведения аутотренинга, тренинга; групповой работе с элементами психотренинга (различные виды активности). Отслеживают появление новых программ и отрабатывают навыки применения.

Регулярно осуществляются проектные работы по данному направлению. Так, в МУО № 1 г. Пензы был организован проект (2005 г.) «Я организатор своего будущего» (блок «Профилактика злоупотребления наркотиков и других психотропных веществ»), в рамках которого студенты 3–4 курсов факультета социологии и социальной работы провели занятия с учениками 10-х классов (полный цикл программы В. М. Ялтонского и Н. А. Сироты). Проводилась групповая работа с элементами психотренинга профилактической направленности. Предварительно проводилось тестирование учеников и обработка результатов.

В рамках дипломных исследований студентами разработана методика проведения тренинговых занятий по диагностике зависимого поведения у подростков. Данная методика является инновационной технологией социальной работы и имеет практическую ценность для совершенствования системы социальной помощи.

Актуальность представленного направления связана с тем, что диагностика зависимого поведения подростков является малоизученным направлением и представляет собой интерес для исследования, также тем, что значительную часть среди подростков составляют подростки с зависимым поведением, а акцент в работе с ними в основном ставится на профилактике, а не на диагностике.

Дипломные проекты студентов по проблеме профилактики наркозависимости ежегодно отправляются на Всероссийский открытый конкурс на лучшую НИРС студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам, где занимают ведущие места.

Кафедра осуществляет межведомственное взаимодействие с Федеральной службой РФ по контролю за оборотом наркотиков по Пензенской области. Между Управлением ФСКН России по Пензенской области и ПГПУ заключён договор о взаимодействии.

Работа по профилактике распространения наркомании и предупреждения преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота наркоти-

ческих средств и психотропных веществ является одним из приоритетных направлений в деятельности ФСКН России. С момента образования Управления ФСКН России по Пензенской области профилактика злоупотребления наркотиками, как составная часть системы противодействия незаконному обороту и потреблению наркотиков, находится на постоянном контроле у руководства Управления.

Наиболее слабым звеном общества в поражении наркоманией являются дети и подростки. В связи с этим, приказом начальника Управления руководители подразделений закреплены за общеобразовательными учебными заведениями г. Пензы и Пензенской области для организации и проведения профилактических мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни, формирования антинаркотического поведения и нетерпимого отношения к немедицинскому употреблению наркотиков. При организации мероприятий сотрудники Управления привлекают специалистов органов здравоохранения, социальных работников, психологов, имеющих опыт работы в подростковой среде. Также уделяется большое внимание работе с родителями с целью предупреждения и выявления наркомании на раннем этапе.

Организатором профилактической работы в Управлении является группа межведомственного взаимодействия в сфере профилактики (ГМВП).

Основные усилия группа нацеливает на предупреждение распространения наркомании и пропаганду здорового образа жизни на территории г. Пензы и Пензенской области.

Управление предоставляет места прохождения производственной практики для студентов 4,5 курсов по специальности «социальная работа». Работу студентов координирует И. В. Осетрова – начальник отдела межведомственного взаимодействия в сфере профилактики.

Во время прохождения производственной практики в Управлении студенты нашего факультета участвовали в разработке и реализации программы «Молодежь против наркотиков». Программа разработана в целях создания комплексной системы мер по профилактике незаконного оборота наркотиков.

Цель программы: создание и поддержка молодежного движения направленного на противодействие росту злоупотреблению наркотиками.

Задачи программы:

1. Провести подготовку тренеров из числа психологов, работающих в образовательных учреждениях для развертывания программы «Ровесник – ровеснику».
2. Силами тренеров провести подготовку молодежных лидеров способных реализовать программу в школах, училищах, подростковых и молодежных клубах.

- Информационная подготовка.
- Коммуникативная подготовка.

3. Создать условия, позволяющие молодым людям вести своими силами пропаганду, направленную на снижение уровня потребления наркотиков молодежью.

- Обеспечить наличие должного информационного фона.
- скорректировать отношения к проблеме взрослых, составляющих окружение подростка – работников системы образования и родителей.
- Дать взрослым, окружающим ребенка, необходимые знания о проблеме и навыки поведения, обеспечивающего поддержку со стороны взрослых при реализации программы.
- Дать возможность подросткам, вовлеченным в реализацию проекта, участвовать в программе сопровождения и поддержки.

Этапы реализации проекта.

I. Подготовительный:

– проведение семинара на базе районных администраций для учебных заведений.

Цель: добиться понимания проекта со стороны директоров школ. Заручиться их поддержкой.

II. Обучение школьных психологов, оказывающих психологическую помощь детям.

– при прохождении школьных психологов курсов повышения квалификации на базе ИПК и ПРО проводить лекции, семинары и тренинги по профилактике наркомании в молодежной среде.

Цель: обучение формированию в подростковой среде групп подростковых лидеров; обучение работе с группами молодежных лидеров.

- дать достоверную информацию о наркомании и алкоголизме;
- помочь специалисту справиться с собственными сомнениями по поводу этих проблем;
- дать рекомендации по программам формирования здорового образа жизни;
- привести варианты занятий в молодежной группе для формирования у ее членов навыков безопасного поведения; умение ответить «нет», осознание своего поведения;
- приобрести навыки проведения занятий по профилактике наркомании и алкоголизма, здоровому образу жизни.

III. Формирование и обучение групп молодежных лидеров.

Целевая группа: неформальные школьные лидеры 13-14 лет, 15-16 лет.

В каждой школе подключается для работы в проекте 10-12 лидеров.

Содержание работы:

1. Отбор неформальных лидеров с учетом следующих критериев:

2. Проведение Программы обучения работе в проекте для молодежных лидеров.

IV. Обеспечение сопровождения и поддержки.

1. Работа с родителями.

– члены родительских комитетов школ, вовлеченных в проект.

– родители, не входящие в родительские комитеты.

Содержание работы:

Проведение тематических собраний для родителей учащихся 8–11 классов.

Внимание родителей акцентируется на наиболее актуальных для данного возраста аспектах проблемы.

Цель программы: родители должны знать об опасности либерального отношения подростков к употреблению наркотиков, и то, на что нужно обращать особое внимание, как формировать отношение к наркотикам у своего ребенка, как вести себя в опасных ситуациях.

Содержание программы: два цикла родительских собраний (осень – весна).

7–8 класс: «Как формировать отношение к наркотикам у своего ребенка»;

9 класс: «Как не допустить опасных экспериментов»;

10–11 класс: «Как помочь своему ребенку противостоять наркотикам».

2. Работа с сотрудниками образовательных учреждений:

1. Работники образовательных учреждений.

2. Психологи, социальные педагоги и работники социально-психологических центров.

3. Информационно-просветительские программы:

Для учителей – предметников и классных руководителей – проведение тематических педагогических советов и бесед с учителями.

Цель программы: привлечение внимания к проблеме наркозависимости.

Содержание программы – информирование педагогов о существующем в подростковой среде отношении к употреблению наркотиков, путях его формирования и способах его изменений, о способах выявления группы риска и работы с ней, о формах помощи семьям.

Образовательные программы:

Для учителей биологии, валеологии и ОБЖ - обучение формам ведения профилактической работы через учебный предмет.

Цель программы: продемонстрировать возможность ведения профилактики через предмет. Обучить формам ведения такой работы, организовать обмен опытом.

Содержание программы – цикл лекционных, практических и семинарских занятий, содержащих информационный блок, создание «банка идей».

Механизм реализации – программа может быть реализована в рамках плановой работы методических объединений учителей – предметников на базе районных НМЦ и при прохождении учителями курсов повышения квалификации на базе ИПК и ПРО.

Для заместителей директоров по воспитательной работе – обучение правилам организации системы работы по профилактике наркозависимости в учебном заведении.

Содержание программы:

– информационный блок: обзор наркоситуации, изложение принципов построения профилактической работы в системе;

– практический блок: определение ресурсов и возможностей, построение стратегии профилактической работы. Через 2–3 месяца – семинарское занятие и обмен опытом.

Механизм реализации – программа реализуется в рамках системы плановой работы при прохождении курсов повышения квалификации на базе ИПК и ПРО.

Для школьных психологов, социальных педагогов – обучению основам и принципам ведения семейного консультирования, групповой работы с наркозависимыми, особенностям индивидуального сопровождения подростков, склонных к употреблению наркотиков.

Содержание программы:

I этап – проведение тренинга по формированию отношения к проблеме зависимости;

II этап – семинар – практикум по обучению основам практической работы с наркозависимыми и склонными к употреблению наркотиков;

III этап – семинар – практикум по профилактике;

IV этап – начало практической работы и организация обмена опытом.

Программы поддержки для молодежных лидеров.

– проведение конкурса «Дети города – против наркотиков»;

– проведение специальных молодежных акций, дискотек;

– проведение специальных информационных акций в СМИ, в первую очередь на радиостанциях и в молодежных газетах;

– поощрение участников проекта и проведение конкурса среди участников проекта.

Кроме этого, Управление предоставляет возможность преподавателям кафедры участвовать в мероприятиях, посвященных вопросам профилактики и борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Так кафедра приняла участие в телевизионном антинаркотическом проекте «Остановим наркоагрессию», в записи программы цикла передач антинаркотической направленности по теме: «Проблемы и пути решения вопросов профилактики среди подростков и молодежи», организованной ГТРК «Нижний Новгород», (канал «НРТ»)

совместно с УПФО-1 Департамента ФСКН РФ при информационной поддержке Российской газеты и творческого объединения «Территория закона» в рамках общественно-информационной программы «Открытый разговор» (2 июня 2006г.). Также преподаватели участвовали в Интернет-конференции в Приволжском представительстве «Российской газеты» по теме: «Проблемы профилактики наркомании среди подростков и молодёжи» (2 июня 2006 г., доцент М. А. Лыгина). Кафедра ежегодно выделяет представителя для участия в отборочной комиссии по оценке научных и студенческих работ в сфере профилактики наркомании и наркопреступности.

Студенты факультета ежегодно принимают участие во Всероссийской Олимпиаде научных и студенческих работ в сфере профилактики наркомании и наркопреступности, которую проводит Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков (с 2005 года).

Всё это позволило накопить достаточный потенциал для ведения данного рода деятельности с «трудными» подростками и способствовать их социальной адаптации.

О. В. Плешакова

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА

Проблема формирования психологической готовности студентов к будущей деятельности относится к числу наиболее актуальных проблем современной педагогической психологии и психологии труда. Это, пожалуй, одно из наиболее сложных с точки зрения формирования явлений. Тем не менее, от степени психологической готовности к труду, профессиональной деятельности с учетом всех ее сложностей, специфики и, порой, условий, оказывающих негативное влияние на психическое и физическое здоровье, зависит не только степень овладения ею, но и самореализация личности в жизни и деятельности. Из сказанного следует необходимость детального анализа всевозможных факторов, условий, механизмов формирования психологической готовности к деятельности в данном случае социального работника на уровне ранней профессионализации личности. Это позволит разработать комплекс мер в системе профессионального образования для оптимизации данного процесса, а также расширит теоретические представления как о самом феномене «психологическая готовность», так и ее динамике, всевозможных зависимостях и, конечно, причинно-следственных отношениях с различными психологическими, педагогическими и другими процедурами.

Необходимо особенно подчеркнуть и то, что многие выпускники вузов, обладая достаточным багажом знаний, тем не менее, не готовы к реализации профессиональной деятельности, основная причина чего заключается в недостаточной ориентированности на нее, а также тех психологических явлений, которые указывают на психологический «отказ» от данной деятельности.

Анализ научной литературы, излагающей основные концептуальные подходы к рассмотрению сущности психологической готовности к профессиональной деятельности, позволил нам выделить два основных направления: функциональное и личностное.

Функциональное направление исследует готовность к деятельности как особое состояние психики, которое, будучи сформированным, обеспечивает более высокий уровень достижений в соответствующей деятельности (Л. С. Выготский, З. И. Калмыкова, В. В. Кинелев).

В рамках личностного подхода суть понятия «психологическая готовность к профессиональной деятельности» определяется по-разному. Так, Л. А. Моисеенко исходит из того, что психологическая готовность является «интегральным образованием»; А. В. Запорожец, Е. П. Ильин, А. Н. Леонтьев, В. М. Минияров, А. В. Петровский считают ее новообразованием, обеспечивающим возможности непрерывного роста личности в настоящем и будущем, деятельное ее отношение к миру и к себе; М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович – «настроим» личности на выполнение профессиональной деятельности, а также и качеством личности. Но, несмотря на различие подходов, большинство авторов приходят к общему выводу, что психологическая готовность к профессиональной деятельности – это психическое новообразование, состоящее из комплекса разнообразных связанных между собой элементов, отражающих специфику будущей профессиональной деятельности.

Изучение психолого-педагогической литературы позволило детально рассмотреть психологические аспекты содержания профессиональной деятельности социального работника, на основе чего нами было конкретизировано понятие «психологическая готовность студентов к профессиональной деятельности социального работника». Мы определили его как психическое новообразование, характеризующееся концентрацией внутренних сил студента и его направленностью на личностно значимую деятельность, что обеспечивает успешность профессиональной деятельности социального работника, специфика которой заключается в наличии эмоционального настроя, знаний об особенностях, содержании и технологиях социальной работы, а также коммуникативных умений, эмпатических и рефлексивных способностей).

На основе данного определения и анализа современных исследований по этой проблеме мы выделили структурные компоненты психологической

готовности студентов к профессиональной деятельности социального работника и обосновали их содержание.

Существенной для нас является мысль о том, что психологическая готовность к любому виду профессиональной деятельности (в том числе и социального работника) – это, прежде всего, совокупность устойчивых мотивов, относительно независимых от текущих ситуаций (В. Г. Асеев, М. И. Дьяченко, Е. И. Ильин, Л. А. Кандыбович, В. А. Коротков, А. В. Крутецкий, В. С. Мерлин, В. Д. Шадриков). Через мотивы осуществляется взаимодействие личности с окружающей средой и социальными условиями (Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе). Эти положения позволили выделить мотивационный компонент, который включает положительное отношение к профессиональной деятельности, мотивы достижения успеха в ней.

Целенаправленное усвоение знаний и умений, необходимых для профессиональной деятельности социального работника, способствует развитию у студентов субъектности в познавательной деятельности (М. И. Дьяченко, Е. Ю. Райкова, Н. Г. Храмова), осознанному формированию образа своего профессионального будущего (Е. А. Климов, В. А. Коротков). Исследователи отмечают, что важнейшей составляющей и важнейшим регулятором трудовой деятельности является «образ мира» профессионалов (Л. М. Митина, Н. Б. Шмелева, А. В. Юпитов, Р. Сарри, Ш. К. Хиндука). Поэтому мы выделяем ориентационный компонент, содержание которого – образ личности социального работника в сознании студента.

Очевидно, что по роду деятельности социальному работнику для результативного выполнения своих профессиональных обязанностей необходим определенный уровень профессиональных знаний и психологической грамотности. Умение оперировать полученными специальными знаниями во внутреннем плане своего индивидуального сознания дает студентам возможность получать ситуативные и перспективные сведения об объектах и общей социальной среде, возможность предвидеть последствия своего профессионального взаимодействия, планировать свою профессиональную деятельность, формировать индивидуально-личностное представление о картине мира и выработать собственный стиль профессиональной деятельности (Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, Б. И. Додонов, М. И. Дьяченко, В. В. Занков, А. В. Крутецкий, Н. Д. Левитов). Это позволяет выделить операциональный компонент, в содержание которого входят профессиональные знания, навыки самоконтроля в общении, стиль поведения в конфликте, эмпатия.

В связи с тем, что социальному работнику необходимо не только обладать определенными знаниями, навыками и личностными качествами, но и уметь понимать себя и других людей, управлять собой и ситуацией, мы выделяем рефлексивный компонент, содержание которого образуют самооценка профессиональных качеств и анализ восприятия себя другими людьми. Исследовате-

ли отмечают также, что знание себя как личности приводит к пониманию себя как субъекта будущей профессиональной деятельности, к пониманию другого (клиента социальной службы) как объекта профессиональной деятельности социального работника, а это является непременным условием формирования психологической готовности к профессиональной деятельности социального работника (М. В. Демиденко, К. М. Дурай-Новакова, А. П. Зинченко, Е. И. Исаев, Е. А. Климов, И. С. Кон, М. И. Лисина, В. И. Слободчиков).

Выделенные показатели не исчерпывают всего многообразия качественных характеристик психологической готовности студентов к профессиональной деятельности социального работника, но в контексте нашего исследования они являются наиболее значимыми.

Принимая во внимание выделенные нами компоненты психологической готовности студентов к профессиональной деятельности социального работника (мотивационный, ориентационный, операциональный, рефлексивный), мы составили диагностическую карту, в которой определены показатели каждого компонента, их параметры для оценки уровня сформированности психологической готовности, в соответствии с этим подобраны диагностические методики. Изучение отдельных структурных компонентов психологической готовности студентов к профессиональной деятельности социального работника и сведение их в одно целое может дать, с определенной степенью точности, представление об уровне развития данного психического новообразования (таблица 1).

Таблица 1. Показатели уровней психологической готовности студентов к профессиональной деятельности социального работника.

Показатели компонентов	Уровни психологической готовности к профессиональной деятельности социального работника			
	<i>Высокий</i>	<i>Достаточный</i>	<i>Средний</i>	<i>Низкий</i>
Критерии оценки				
<i>Мотивационный компонент</i>				
<i>Потребность в достижении успеха в профессии</i>	<i>Высокий уровень (16-19 баллов)</i>	<i>Выше среднего (14-15 баллов)</i>	<i>Средний уровень (12-13 баллов)</i>	<i>Ниже среднего и низкий уровни (2-11 баллов)</i>
<i>Отношение к профессии</i>	<i>Возвышенно-эмоциональное (31-35 баллов)</i>	<i>Положительное (26-30 баллов)</i>	<i>Скорее отрицательное или безразличное (16-25 баллов)</i>	<i>Отрицательное (0-16 баллов)</i>

Ориентационный компонент				
<i>Сформированность образа социального работника в представлении студента</i>	<i>Четко сформирован (20-25 баллов)</i>	<i>Сформирован не полностью (15-19 баллов)</i>	<i>Отдаленное представление (10-14 баллов)</i>	<i>Не сформирован (0-9 баллов)</i>
Операциональный компонент				
<i>Средний балл по спец. дисциплинам</i>	<i>«5»</i>	<i>«4»</i>	<i>«3»</i>	<i>«3»</i>
<i>Стиль поведения в ситуации конфликта</i>	<i>Сотрудничество</i>	<i>Компромисс</i>	<i>Приспособление</i>	<i>Избегание, соперничество</i>
<i>Уровень самоконтроля в общении</i>	<i>Высокий</i>	<i>Средний</i>	<i>средний</i>	<i>низкий</i>
<i>Форма проявления эмпатии</i>	<i>Сопереживание</i>	<i>Присоединение</i>	<i>Отвержение</i>	<i>Показатели неопределенности</i>
Рефлексивный компонент				
<i>уровень точности социально-перцептивной рефлексии</i>	<i>70 % и выше</i>	<i>51-69 %</i>	<i>31-50 %</i>	<i>30 % и ниже</i>
<i>уровень самооценки профессиональных качеств</i>	<i>Оптимальная</i>	<i>Ниже среднего</i>	<i>Выше среднего</i>	<i>Заниженная, завышенная</i>

Для диагностики уровня психологической готовности студентов к профессиональной деятельности социального работника мы разработали комплексный психодиагностический пакет, включающий следующие методики:

- тест-опросник для измерения потребности в достижениях успеха в профессии;
- методику изучения отношения к профессии (Е. Т. Бурцева);
- методику изучения сформированности у студентов образа социального работника (Е. Т. Бурцева);
- методику вычисления среднего балла по специальным дисциплинам;
- опросник Томаса «Стиль поведения в конфликте»;
- опросник М. Снайдера «Самоконтроль в общении»;
- тест-опросник Меграбяна «Способность к сопереживанию, к эмпатии»;
- методику определения уровня самооценки профессиональных качеств (С. А. Будасси);
- методику выявления уровня сформированности социально-перцептивной рефлексии (К. Е. Данилин).

Изучая уровень сформированности психологической готовности к профессиональной деятельности социального работника, мы провели исследование среди 58 студентов 4 курса факультета социологии и социальной работы Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского в возрасте 20-22 лет.

В ходе исследования были получены следующие данные о психологической готовности студентов к профессиональной деятельности социального работника (см. таблицу 2).

Таблица 2. Показатели уровня сформированности ПГ студентов к профессиональной деятельности социального работника

Уровни ПГ	Высокий	Достаточный	Средний	Низкий
Кол-во студентов	–	10	39	9
Процентное отношение	–	17,2	67,3	15,5

Из таблицы видно, что 15,5 % студентов показали низкий уровень психологической готовности к профессиональной деятельности социального работника, характеризующийся отрицательным отношением к данной деятельности, низким уровнем стремления достигать успеха в ней, несформированным образом социального работника, невысоким качеством знаний в области социальной работы, низкими коммуникативными, рефлексивными, эмпатическими способностями. Средний уровень психологической готовности, для которого характерны безразличное отношение к профессиональной деятельности, средний уровень стремления достигать успеха в ней, наличие отдаленного представления об образе социального работника, средний уровень знаний в области социальной работы, средние коммуникативные, рефлексивные, эмпатические способности, проявили 67,3 % студентов. Достаточный уровень психологической готовности, характеризующийся положительным отношением к профессиональной деятельности и поведенческой активностью в стремлении достигать успеха в ней, сформированным образом социального работника, достаточным уровнем знаний в области социальной работы, развитыми коммуникативными, рефлексивными, эмпатическими способностями, показали 17,2 % студентов.

В целом, результаты исследования свидетельствуют о психологической неготовности студентов к самостоятельной профессиональной деятельности. Поэтому, считаем необходимым внедрение специальной программы по формированию психологической готовности студентов к профессиональной деятельности социального работника, построенной с учетом полученных данных по каждому показателю, так как они фиксируют наличие определённых базисных процессов в познавательной деятельности и обучении студентов.

Библиографический список

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 1. М., 1983.
2. Деркач А. А. Взаимосвязь структурных компонентов состояния психологической готовности студентов к педагогической деятельности // Психолого-педагогические проблемы взаимодействия учителя и учащихся / Под ред. А. А. Бодалева, В. Я. Ляудис. М., 1980.
3. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. – Минск, 1976.
4. Калмыкова З. И. Продуктивное мышление как основа обучаемости. М., 1981.
5. Кинелев В. Образование и цивилизация. – Высшее образование в России, 1996, № 3.
6. Коротков В. А. Профессионально-личностная ориентация педагога-предметника инновационных образовательных институтов. – Проблемы проектирования образования в работах аспирантов ИПИ РАО за 1994 г. М., 1995.
7. Моисеенко Л. А. Психологическая готовность изобретателей к использованию компьютеров // Вопросы психологии. 1993. № 2.
8. Психологический словарь. М., 1997.
9. Райкова Е. Ю. Формирование психологической готовности студентов к консультированию по проблемам родительско-детских отношений. Дисс... канд. псих. наук. – Самара, 2005.
10. Рамон Ш., Сарри Р. Обучение социальной работе: Преемственность и инновации / Пер. с англ. М., 1996.
11. Санжаева Р. Д. Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности: Дисс... докт. психол. наук. Новосибирск, 1997.
12. Слостёнин В. А. Формирование социально активной личности учителя: общая концепция исследований // Формирование социально активной личности учителя. – М., 1986.
13. Слостенин В. А., Подымова Л. С. Педагогика: инновационная деятельность. М., 1997.
14. Фельдштейн Д. И. Психология развития личности в онтогенезе. М., 1989.
15. Храмова Н. Г. Формирование психологической готовности студентов к консультированию по проблемам супружеских отношений // Дисс... канд. псих. наук. Самара, 2003.

Ю. Баженова

(Научный руководитель к. филос.н., доцент Н. Б. Ажнакина)

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ БЕЗ ОПРЕДЕЛЁННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Современное общество представляет собой «лоскутное одеяло» состоящее из целого ряда проблем касающихся всех сфер жизни общества одной

из таких является проблема лиц без определенного места жительства. В последнее время вызывают серьезную озабоченность проблемы, связанные с появлением в России значительного числа лиц БОМЖ, не имеющих постоянных средств к существованию. Обострение проблемы бездомности связано с миграционными процессами, экономической нестабильностью и безработицей в стране. В последние годы к этим причинам добавился и фактор старения населения. В эту категорию граждан, как правило, вливаются:

1. Лица с психической патологией, больные алкоголизмом или наркоманией, жертвы мошенничества с жильем.

2. Бывшие осужденные, лица, уклоняющиеся от исполнения возложенных судом обязанностей или совершившие преступление и вынужденные скрываться.

3. Беженцы, вынужденные переселенцы, незаконно въехавшие в РФ из других стран.

4. Дети, убегающие от родителей, из воспитательных учреждений и домов-интернатов.

Причины бездомности и бродяжничества ранжируются следующим образом:

1. Падение уровня жизни населения и развитие неблагоприятных отношений в семье (50,2 % респондентов).

2. Утрата жилья (11,0 % респондентов).

3. Недостаточно эффективная работа правоохранительных органов, органов социальной защиты населения, службы занятости, миграционной службы и др. с лицами без определенного места жительства (8,6 % респондентов).

4. Увеличение числа лиц, злоупотребляющих алкоголем, наркотиками (8,6 % респондентов).

5. Несовершенство законодательства Российской Федерации (8,2 % респондентов) [1].

Точная статистика лиц без определенного места жительства отсутствует. Исследования разных стран свидетельствуют, что и при сравнительно высоком уровне жизни имеется определенный слой граждан, бегущих от трудностей жизни, от самих себя. Но дело в том, что в нашей стране этот процесс принял уродливые формы, где практически любой человек может попасть в экстремальные условия. Факторов, когда человек становится бомжом, много.

Органы социальной защиты населения в пределах установленных законодательством прав и полномочий осуществляют деятельность по социальной поддержке и социальному обслуживанию граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе лиц без определенного места жительства [4].

Сейчас в Российской Федерации сложились четыре типа социальных учреждений, оказывающих; помощь лицам бомж:

- дома ночного пребывания;
- специальные дома-интернаты для инвалидов и престарелых;
- центры социальной адаптации;
- социальные гостиницы и приюты.

Вместе с тем ситуация остается напряженной:

- сеть учреждений социальной помощи для лиц этой категории недостаточно развита, а специальные стационарные учреждения и отделения переполнены;
- материально-техническая база учреждений социальной помощи характеризуется как слабая. Учреждения располагаются в приспособленных зданиях и помещениях, имеют ограниченный набор служб, недостаточно оснащены мебелью и оборудованием;
- устойчив дефицит кадров для работы с различными категориями лиц без определенного места жительства и занятий;
- криминогенная активность проживающих в специальных домах-интернатах лиц, ранее занимавшихся бродяжничеством и попрошайничеством, остается высокой [3].

Несмотря на усилия отдельных министерств и ведомств, а также ряда общественных организаций, проблема лиц БОМЖ остается одной из самых острых, в рамках которой не решен целый комплекс вопросов. Не определен статус лиц БОМЖ; отсутствует государственная система их «учёта». Представляется необходимым создание и осуществление целевой федеральной программы по организации социальной поддержки и помощи бомжам в России и решение следующих задач:

- организация научных исследований проблем бездомности в России;
- повышение эффективности профилактической работы по предупреждению бродяжничества;
- совершенствование правовой базы;
- предоставление бомжам возможности комплексной социально-психологической и медицинской реабилитации (адаптации) с целью интеграции, их в общество;
- создание материально-технической и финансовой базы для широкой сети социальных учреждений для бездомных;
- подготовка кадров специалистов различного профиля для работы с лицами бомж;
- объединение усилий всех заинтересованных министерств и ведомств, общественных и благотворительных организаций в оказании помощи лицам бомж [2].

Таким образом, для решения проблем лиц бомж необходимо комплексное рассмотрение ситуации в социальном, социально-экономическом, правовом, медицинском и морально-этическом аспектах. Крайне важно привле-

чение к организации помощи лицам бож общественных и благотворительных организаций, внимания широкой общественности к бездомным людям, особенно детям, чтобы само российское общество чувствовало ответственность за интеграцию этих людей в трудовую и духовную жизнь России.

Библиографический список

1. Костюченко Н. Г. О положении лиц без определенного места жительства и работе учреждений социальной помощи // Социальное обслуживание. 2006. № 1. С. 88–97.
2. Бадя Л. Д. Методические рекомендации о деятельности центров реабилитации для лиц без определенного места жительства // Социальное обслуживание. 2007. № 3. С. 84–94.
3. Зайнышева И. Г. Технология социальной работы. М, 2002.
4. Чеха В. А. Лица без определенного места жительства в зеркале статистики // Отечественный журнал социальной работы. 2006. № 3. С. 70–72.

О. Ушакова

(Научный руководитель к. ф. н., доцент Н. Б. Ажнакина)

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ПРОФИЛАКТИКА ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТЫ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Современный термин «беспризорный» достаточно ограничен в применении, и даже если подразумевать под ним и безнадзорных, то все равно мы упустим большие и важные группы детей, терпящих бедствие и нуждающихся в защите. Поэтому в этой статье под термином «беспризорные» мы будем понимать тех детей, кто по той или иной причине оказался в аномальной социальной ситуации, в которой они лишены условий для нормального духовного, психического и физического развития [1].

Проблема беспризорности на сегодняшний день действительно стоит очень остро.

По данным Генеральной прокуратуры РФ сейчас в России насчитывается два миллиона беспризорников. У кого-то из этих детей нет родителей. У других родители потеряли жилье и сами являются бездомными. Многие дети жили в семьях родителей-алкоголиков, подвергались побоям и вынуждены были уйти из дома. Причины детской бездомности могут быть разными, но результат общий - дети вынуждены месяцами и годами жить на вокзалах и в подвалах, не имея нормального питания, не получая образования. Зачастую они попадают в криминальную среду, живут и воспитываются по ее законам.

К социально-экономическим причинам возникновения беспризорности относят факторы, длительно нарушающие трудовой уклад жизни и дефор-

мирующие быт людей. Это экономический кризис, безработица, голод, эпидемии, интенсивные миграционные процессы в связи с военными конфликтами или природными катаклизмами [2].

Социально-психологические причины (они часто выступают как следствие социально-экономических) связаны с кризисом семьи, увеличением разводов, с утерей одного из родителей, опекуном, ухудшением климата в семье, грубым обращением с детьми, физическими наказаниями, а порой и сексуальными домогательствами со стороны взрослых.

Вопросы государственной политики в сфере профилактики и реабилитации детской беспризорности особо актуальны в настоящее время, и надо сказать, что последнее время и последний год были отмечены особым вниманием к этим проблемам.

В последнее время проблема детской беспризорности и беспризорности находится в центре внимания Президента Российской Федерации, законодательных и исполнительных органов государственной власти, известных политических и общественных деятелей страны и средств массовой информации.

На уровне субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления приняты соответствующие нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы организации, выявления и учета детей школьного возраста, не посещающих или систематически пропускающих по неуважительным причинам занятия в образовательных учреждениях, в целях обеспечения получения ими обязательного основного общего образования.

На муниципальном и региональном уровнях в основном сформированы банки данных о детях указанной категории. Детям из малообеспеченных и неблагополучных семей оказывается помощь в приобретении одежды, учебников, решаются вопросы подвоза детей из отдаленных районов в образовательные учреждения. Принимаются меры по возвращению в образовательные интернатные учреждения самовольно ушедших из них воспитанников. Созданы группы для временного пребывания беспризорных детей в общеобразовательных и коррекционных школах-интернатах, образовательных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также в психолого-педагогических и медико-социальных центрах [4].

Органами управления образованием субъектов Российской Федерации на основе анализа ситуации в области беспризорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляется работа по развитию в регионах дифференцированной сети образовательных учреждений для детей с проблемами в развитии, обучении, поведении и социальной адаптации. В частности, развивается сеть специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого и открытого типа.

С 2002 года начали функционировать специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа в Чувашской Республике, Мурманской, Пермской, Читинской областях, Ханты-Мансийском автономном округе, учреждения открытого типа в Кемеровской, Пермской областях.

Заслуживает внимания деятельность в этом направлении города Москвы, где в 2002 году были созданы три специальных учебно-воспитательных учреждения открытого типа, а в текущем году планируется создание еще шести учреждений открытого типа и специальные школы закрытого типа.

Всего в настоящее время в России действует 58 специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа и 20 учреждений открытого типа. Всего в учреждениях закрытого типа обучается около 5 тысяч несовершеннолетних, в учреждениях открытого типа - около 2 тысяч подростков. Так же развивается сеть кадетских образовательных учреждений, школ-интернатов с первоначальной летной подготовкой, обеспечивающих создание основ для подготовки детей и подростков служению Отечеству на гражданском и военном поприще.

Важным направлением профилактики беспризорности и беспризорности детей является взаимодействие органов власти с различными учреждениями и организациями [4].

Так, особый акцент в работе милиции - ликвидация условий и причин, способствующих беспризорности, беспризорности, совершению правонарушений несовершеннолетних. В этой части максимально используются возможности уголовно-процессуального законодательства, в частности, положения статей 151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий) – в 2007 году привлечено к уголовной ответственности свыше 9,5 тыс. организаторов и пособников по преступлениям несовершеннолетних (+16 %), и 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) — привлечено 2,5 тыс. родителей и лиц, их заменяющих (+4,5 %).

К административной ответственности за неисполнение родительских обязанностей в 2007 году привлечено почти 150 тыс. чел., за совершение детьми проступков до достижения возраста административной ответственности — около 90 тыс. родителей или лиц, их заменяющих.

Повысилась результативность индивидуально-профилактической работы с несовершеннолетними, состоящими на учетах в органах внутренних дел.

Позитивно следует оценить работу инспекторов ПДН в учебных учреждениях, во многих школах введены штатные должности сотрудников ПДН, укрепилось в целом их взаимодействие.

Определенные результаты в сфере профилактической деятельности дает работа со средствами массовой информации [2].

В целом, органам государственной власти всех уровней, органам местного самоуправления необходимо признать семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства родителей, приоритетным направлением политики в интересах семьи и детей. Однако, на самом деле, это происходит не так, потому что отсутствует достаточная, адресная социальная помощь семьям, в том числе малообеспеченным, которые взяли детей на воспитание. Для этого необходимо менять механизмы распределения бюджетных средств, предназначенных на содержание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также создавать системы экономических гарантий, органами местного самоуправления и семьям, которые приняли к себе детей [3].

Таким образом, проблема детской беспризорности является одним из ключевых аспектов и важнейшей проблемой современности, которая встает серьезным препятствием на пути осуществления семейной, детской и молодежной политики в РФ.

Библиографический список:

1. Бучина В. Л. Проблема российской беспризорности: толерантность общества. //Социологические исследования, 2005. № 7. С. 23 – 27.
2. Зотов П. Н. Ликвидация детской беспризорности: проблема №1. //Российская газета. 2007. № 2. С. 21 – 25.
3. Щанкина И. П. Проблема детской беспризорности и опыт ее решения в СССР. //СОЦИС. – 2006. - №3. – С. 38 – 42.
4. Юдин Г. П. Профилактика детской беспризорности: опыт России и СССР. // Социально-экономический журнал. 2003. № 8. С. 11–16.

А. С. Дудкин

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

ИДЕИ ФАНКИ-БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Современная наука социальной работы совсем не касается «святая святых» – внутреннего положения дел в социальных службах. Этот обычай отвечает интересам чиновничества от социальной работы. А тем временем многие учреждения социального обслуживания до сих пор остаются образцом формализма и заскорузлости; а сама современная социальная работа как никогда сегодня нуждается в новых идеях. Стремительное развитие общества, прогресс информационных технологий создают постоянно изменяющиеся условия социальной жизни граждан. И несмотря на известную ограниченность возможностей социальной политики государства, ответ на вызовы многочисленных социальных проблем способны дать только социальные службы.

Однако, какие они, наши российские социальные службы? В российской теории социальной работы уделяется чрезвычайно мало внимания той внутренней будничной стороне жизни социальных служб, где как раз в первую очередь необходимо внедрять инновации, подвергать деятельность специалистов коренному реформированию.

Мы привыкли рассматривать учреждение социальной защиты и социального обслуживания как казенное заведение чиновников, как контору.

И так оно рассматривается не только потребителями социальных услуг, но и самими социальными работниками, и, что хуже всего, менеджментом социальной службы. Субъективное отношение людей порождает объективную реальность. А с другой стороны, объективно существующее общественное бытие все время воспроизводит отдельные субъективные реальности, общественное сознание в целом.

Граждане России посещают учреждения социальной защиты по-прежнему в целом заискивающе, по-холопски. В случаях же когда гражданин точно знает свои права, или думает, что он их знает, его общение со специалистами грозит окончиться скандалом. В России социальная служба существует не для потребителей, а потребители для социальной службы. Не документ пишется для человека, а человек выступает как приставка к документу.

Разбить, разорвать этот порочный круг социальной неэффективности можно. Необходима инновационная революция, но даже не в способах и формах оказания социальных услуг, а в способе мышления специалистов и способе построения ими своей работы.

Несколько лет назад вышла в свет переведенная на русский язык книга Кьелла Нордстрема и Йонаса Риддерстрале «Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта». В ней научно-популярно, весьма доступно для неподготовленного читателя объясняется, почему талант и время как факторы успешного предпринимательства играют решающую роль в XXI веке.

В этой статье мы вкратце осветим роль, которую могут сыграть в социальной работе фанки-идеи. Ведь они близки социальной работе прежде всего в том, что последняя сегодня столкнулась с тем же, с чем столкнулись многие компании и корпорации – с организационной и инновационной неэффективностью.

Главная проблема российских учреждений социального обслуживания и органов социальной защиты населения сегодня заключается не только и не столько в материальном обеспечении, финансировании, сколько в формализме, бюрократическом характере работы, в торжестве принципа «галочки» и принципа «как бы чего не вышло».

Перестроив организацию работы внутри подразделений, изменив сам характер отношений людей внутри коллектива можно добиться большого прорыва в эффективности деятельности учреждения, - полагают Нордстрем

и Риддерстрале. Эта мысль не просто декларируется авторами, она иллюстрируется массой примеров, даются практические рекомендации по осуществлению административных реформ. Разумеется, Нордстрем и Риддерстрале в своей книге пишут о бизнесе и извлечении прибыли как конечной цели организации. Однако многие их положения вполне подходят и для социальной работы.

Скандинавы задаются в отношении бизнес-структур вопросами, которыми давно уже пора задаться структурам социальной защиты. Например, сколько компаний замеряют показатель «возврат на знания», «возврат на честность» и «возврат на людей»? Кто в компании отвечает за контроль над этими показателями? Для социальной работы это означает, что никто, к сожалению, пока не берется утверждать, как именно человеческий фактор и квалификация специалистов социальных служб влияет на эффективность социальной помощи.

Авторы книги «Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта» совершенно справедливо отмечают: «чтобы действительно осуществлять преобразования, надо переосмыслить исходные предположения и освободиться от логики прошлого».

И правда, ведь в конечном счете, потребность в свежем воздухе идей, мощной волне инноваций социальной работы испытывают в первую очередь потребители услуг социальных служб. Заскорузлые советские методы, царящие в казенных домах-интернатах и разного рода центрах социального обслуживания оставляют российскую социальную работу, по сути, на том же уровне, что и двадцать лет назад. Количество учреждений социального обслуживания за эти двадцать лет выросло в геометрической прогрессии, инфраструктура многократно усложнилась. И это не может не вызывать восхищения. Однако много ли выиграло общество, умножив вместе с количеством служб и советские методы социальной работы, централизованные способы построения социального обслуживания!?

Авторы «Бизнеса в стиле фанк» задаются вопросом: «Иерархии обычно облегчают нашу жизнь, но становится ли от этого лучше покупателям?» и позже отвечают на него: «Иерархия – это организация, которая повернута лицом к шефу и задницей к покупателю».

Нордстрем и Риддерстрале рассуждают о горизонтальности процессов в фирме XXI века. Следуя их логике, применительно к социальной работе, можно сказать, что в социальной службе все должно двигаться горизонтально. Вертикальная иерархичная логика опирается на простое предположение, что умные сидят наверху, а глупые – внизу. Иерархия делит людей на тех, кто думает, и тех, кто делает. На самом же деле большинство идей и проблем в социальной службе возникают именно по горизонтали – между отделами, направлениями, подразделениями...

Что нужно сделать для того, чтобы достичь нового способа функционирования социальных служб? Необходимо перегруппировать имеющиеся в наличии ключевые ресурсы, превращая социальную службу в спортплощадку для командных игр. Чтобы добиться успеха, нужна корпоративная культура, которая бы объединяла различные виды изысканий, как индивидуальных, так и коллективных, – подсказывают Нордстрем и Риддерстрале.

«Одна из принципиальных проблем связана с тем фактом, что люди привыкли не иметь одной постоянной работы. В фанки-фирме у сотрудников есть много работ. Сегодня женщина, сидящая с вами в одной комнате, – ваш шеф, завтра – вы ее. Наши карьеры начинают напоминать жизнь актеров. Утром вы играете Макбета, а вечером – Терминатора. Естественно, это создает огромные проблемы для тех, кто предпочитает листочек бумаги, на котором написано «Должностная инструкция». Новая реальность рождает у этих людей кошмары, сопоставимые по размаху с ужасами Ингмара Бергмана».

В ходе таких преобразований, главная задача лидера, руководителя учреждения – сделать себя избыточным, – провозглашают идеологи фанки-реформ. Лидеры – это своеобразные повивальные бабки. Они должны заставлять людей отбрасывать традиционный советский образ мышления и приходить к новым подходам в оказании социальных услуг.

Используя аналогию, которую приводят в своей книге скандинавские экономисты, можно сказать, что наши социальные службы похожи на секты. А именно: «все специалисты выглядят одинаково и думают, что они могут остановить время». Относительно таких организаций авторы предупреждают: «Не ожидайте каких-либо инноваций в компаниях, в которых 90 % всех сотрудников одного пола, примерно одного возраста, с одинаковым образованием, одинаково одеты и все играют в гольф». Российские социальные службы именно этим и отличаются. В силу разных обстоятельств большинство социальных работников – замужние женщины средних лет. Задача руководителя учреждения социального обслуживания или органа социальной защиты населения в связи с этим – гибкая кадровая политика. Привлечение на социальную работу людей разного пола, возраста, взглядов и специализаций позволит создать в организации атмосферу творческого поиска, столкновения идей, конструктивной полемики. Это и будет одним из важнейших условий развития социальной работы как таковой.

Разнообразие – ключ к постоянному прогрессивному развитию, к повышению эффективности, и не важно идет ли речь о коммерческой фирме или муниципальной социальной службе.

В главе «Совмещающая гетерогенность и гомогенность» Нордстрем и Риддерстрале приводят афоризм Оскара Уайльда: «Последовательность – это последнее прибежище для людей, лишенных воображения». И отмечают по этому поводу, что сегодня, в современном мире информации, новый

тип организации процветает за счет своей непоследовательности, гетерогенности и внутреннего многообразия. Такая организация «приветствует людей, готовых бросить вызов status quo и отменить существующие нормы и правила».

Авторы приводят свои доказательства в пользу того, почему гетерогенность выгодна. Мы бы выделили среди них одно – главное для социально работы.

« $C=D^2$, где C – изобретательность и D – многообразие. Отсутствие многообразия часто выливается в стадное мышление, приводит к интеллектуальным запорам. Мы все знаем, что думают другие, так какой же смысл с ними разговаривать. С точки зрения инновационности, противоположности притягивают друг друга. Новаторство – результат конструктивного несогласия и конфликтов. Sasorpony Inc. заменит спокойствие творческим беспорядком».

В социальной работе, то есть в такой деятельности, которая имеет дело со всем разнообразием трудных жизненных ситуаций людей, да и вообще их социальной жизнью в целом, формула работы специалистов $C=D^2$ совершенно необходима. Почему в России она остается лишь благостным пожеланием, почему не входит в реальную деятельность организаций изнутри? Ответ на этот вопрос опять-таки можно найти в разбираемой книге. Дело в том, что бюрократия – это необходимый атрибут определенного рода организационной структуры. Если иерархичность и ригидность в структуре сохраняются, то процветает и данное ее свойство, то есть бюрократия.

Чтобы уничтожить бюрократический тип организационной структуры, нужно подбирать не людей под существующие позиции, а работу под людей. Нужно их совокупности коллег создать коллектив, то есть особую где поощряются социальные инновации, должна быть исключительно терпима к ошибкам.

Таким образом, фанк в социальной работе – это провозглашение нового инновационного подхода, соответствующего запросам потребителей услуг и противостоящего бюрократии и заскорузлости.

Социальный фанк – это творческий подход в решении проблем клиентов социальных служб, это постоянный поиск лучших путей. И такой поиск возможен лишь тогда, когда для него имеются налицо все организационно-административные условия. Социальный фанк – это деятельное творчество специалистов, занимающихся трудными жизненными ситуациями граждан. А творчество социальной службы всегда неординарно.

Как пишут скандинавские инноваторы, «даже в самой природе творчества заложен отказ от традиционных подходов, необходимость выхода за рамки традиционных структур. В мире бесконечных совещаний, убивавших всякий творческий настрой, прежние структуры правили миром. Теперь нам

надо быть готовыми к радикальным переменам. Творческий подход требует создания новых структур. Но творчество – это не, повторюем, не, анархия».

Возникает последний вопрос – если фанк-рецепты излечения организационных структур (независимо от того, чем они занимаются) действительно правильные, то почему об их реализации мы слышим так мало, почему на практике все происходит по прежним схемам? Ведь новые технологии и методы управления, существующие уже сегодня, могут принести огромную пользу обществу!

Ответ прост: капитализм, в том числе само государство в рамках доминирующего сегодня капиталистического способа производства, просто не может ими воспользоваться, потому что они подрывают социальное неравенство и ориентированы на потребности человека, а не на прибыль.

Ю. Синельникова

(Научный руководитель – к. филос. н., доцент Л. Я. Плешакова)

ПГПУ им. В. Г. Белинского

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ КЛИЕНТА

Адаптация занимает существенное место в содержании социальной работы. Понимание сущности адаптивных процессов, их механизма – необходимое условие профессионализма социального работника.

Важным компонентом социальной адаптации является адаптационный потенциал человека. Внешние трудности, болезнь, состояние затяжной экстремальности и т. д. снижают адаптационный потенциал человека, и при встрече с ситуацией, угрожающей его жизненным целям может возникнуть дезадаптация. Различные формы асоциальной активности – наркомания, алкоголизм, проституция, психическая напряженность – следствие неудачной социальной адаптации, либо дезадаптации.

В процессе взаимодействия социального работника и клиента используются различные технологии, методы и методики, целью которых является наиболее полное удовлетворение потребностей клиента, его адаптация, восстановление социального статуса. При этом учитывается, что личность адаптируется в основном на групповом опыте, поэтому важно объединять клиентов в группы по какому-либо признаку: инвалиды, пожилые, дети-инвалиды и т. п. Общаясь со своими сверстниками, с людьми, имеющими такие же заболевания, травмы, тот же социальный статус, люди ощущают себя равными среди равных, не чувствуют себя одинокими. Эффективной в этом плане является «клубная» работа. Создание клубов по видам заболевания, по интересам, семейных, спортивных и т. п. помогает создать условия для самореализации клиентов, повышению их социального статуса. В конеч-

ном счете, нахождение в группе облегчает процесс социализации индивида. Иначе говоря, адаптация является необходимым условием социализации.

Выделяют четыре качественных стадии социальной адаптации:

– первая (начальная) стадия, когда адаптирующийся индивид улавливает лишь правила поведения, но система ценностей социума внутренне им не признается;

– вторая стадия (терпимость), когда как социальная среда, так и индивид признают равноценность эталонов поведения в отношении друг друга;

– третья стадия – приспособления, «аккомодации» - связана с взаимными уступками: индивид признает и принимает систему ценностей среды, но и представители этой среды признают некоторые его ценности;

– четвертая стадия – полной адаптации, «ассимиляции», когда индивид отказывается от прежних образцов и ценностей и полностью принимает новые. Полная социальная адаптация человека включает физиологическую, управленческую, экономическую, педагогическую, психологическую и профессиональную адаптацию.

Таким образом, адаптивная личность – это личность, способная оптимально для себя приспособиться к условиям функционирования в изменяющейся среде и в дальнейшем психически, личностно и социально развиваться.

Л. Я. Плешакова, М. Улога

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ

Существование проблемы наркомании зафиксировано и индивидуальным и общественным сознанием. Она активно обсуждается как в повседневной жизни, так и в научных кругах и признана как общественное зло. Однако это признание достаточно абстрактно. Проведенное среди студентов государственных вузов исследование показало, что, осознавая опасность употребления наркотиков, 5,7% хотело бы их попробовать. В массовом сознании по-прежнему «запретный плод – сладок». Поиском путей решения проблемы наркомании и ее последствий занимаются организации и объединения различных уровней от Правительства и Президента страны до отдельно взятой семьи, от силовых структур до медицинских учреждений. Однако знания и действия в данной сфере в малой степени систематизированы. При несомненных успехах в противодействии наркомании проблема в целом усугубляется. Эта ситуация напоминает дракона, у которого на месте отрубленной головы вырастает три новых. Одна из причин низкой эффективности антинаркотических мероприятий – отсутствие ясной теоретической концепции всесторонне и по существу отражающей проблему в ее динамике.

Наркомания как проблема возникает, когда применение наркотических средств выходит за рамки их медицинского использования. Законно наркотические средства могут применяться только по назначению врача при соответствующих медицинских показаниях и в соответствующих дозах. Остальные варианты использования этих препаратов (т. е. их немедицинское употребление) относятся к категории злоупотреблений¹.

Человечество издревле знало наркотики. Их потребляли люди разных культур и вероисповеданий в разных целях: в лечебных – для снятия боли, для восстановления сил, как снотворное; в культовых обрядах – во время религиозных церемоний для изменения и «утончения» сознания, чтобы восприятие и усвоение людьми религиозных канонов было глубоким и безоговорочным; наконец, как одурманивающее средство, приводящее человека в состояние беспричинной радости и восторга, снимающее неприятные ощущения, возникающие от соприкосновения с жестокой действительностью. Позднее это состояние назовут «эйфорией», а на жаргоне наркоманов нашего времени оно получит международное название «кайф».

На протяжении последних 6 тысяч лет, в течение которых наркотики известны человечеству, смысл и масштабы потребления наркотиков изменились более чем значительно. К началу XX века наркомания проникла практически во все государства, захлестнула своим губительным влиянием большинство народов мира. Ее размах превзошел все опасения медиков, да и общественности, осознавшей надвигающуюся опасность. Наркомания приняла характер социального заболевания целых слоев населения и особенно молодежи, стремящихся получить «радостное возбуждение». Пожалуй, именно в это время рождается качественно новое социальное зло – наркотизм² – явление, вбирающее в себя и наркоманию как социальную болезнь, и мощные специализированные тресты, картели и другие организации, обеспечивающие расширенное производство и сбыт наркотиков, совершенствующие технологии их изготовления и вовлечения в эту сферу все новых масс людей, и рост организованной преступности на почве наркомании. В 60-е годы XX века наркобизнес³ приобрел невиданный ранее размах. Сформировалась международная наркомафия, объединяющая наркопроизводителей и наркоторговцев.

1 **Наркотики** – это сильнодействующие природные, а также синтетические вещества, парализующие деятельность центральной нервной системы, вызывающие искусственный сон, иногда – неадекватное поведение и галлюцинации, а при передозировке – потерю сознания и смерть. [1, с. 61]

2 **Наркотизм** – понятие, отражающее незаконный оборот наркотических средств в обществе, развитие наркобизнеса, т. е. расширение производства и сбыта наркотиков, разработку все новых способов затягивания молодежи в наркосферу в качестве потребителей наркотиков и их распространителей, рост преступности, связанной с наркотическими средствами и, как следствие, бурные темпы роста наркомании. [3, с. 366]

3 **Наркобизнес** возникает в Новое время, когда производители и распространители наркотиков стали получать огромные прибыли от их реализации.

Сегодня наркомафия получает доходы, сравнимые, скажем, с национальным доходом всех стран Африки вместе взятых. Достижение целей осуществляется любыми средствами вплоть до насильственного свержения режимов, пытающихся оказать сопротивление незаконному обороту наркотиков, и физического уничтожения всех непокорных, даже в своих рядах. Для этого международная наркомафия обладает огромными, хорошо обученными группировками боевиков и даже армиями. Во многих частях мира наркокурьеры проходят через границы с помощью боевиков, да и сами они зачастую – члены различных бандформирований.

Не сдерживает наркodelьцов и рост общественного протеста против их «деятельности», растущего в разных концах планеты. Они становятся хитрее, изворотливей, изощренней и оперативней.

Производство и распространение наркотиков, став сферой бизнеса, существует по его законам. При 1000-х процентов прибыли не действуют ни нравственные, ни иные законы. Наркodelьцы ради баснословных прибылей готовы на любое преступление. Государства стараются противодействовать этому преступному бизнесу, но безуспешно. Более того, наркodelьцы, используя огромные прибыли, подкупают те структуры, которые призваны с ними бороться, порождая коррупцию как, увы, характерную черту, современной государственной власти.

Таким образом, XX век придал распространению наркомании новый размах. Наркомания превратилась в общечеловеческое бедствие. Проблема приобрела международный, общецивилизационный характер. Следовательно, для противостояния ей требуется приложение общих усилий всех стран мира.

Пока человечество имеет возможность противодействовать лишь отдельным проявлениям проблемы, не имея возможности подобраться к «управляющей верхушке» наркомафии. Человечество может принимать меры по снижению уровня наркомании и наркотизации в обществе, но вряд ли возможно вести речь о полном решении проблемы. Такие меры должны быть направлены, прежде всего, на формирование в общественном сознании четкого представления о последствиях приема наркотиков и вовлечения в незаконные наркоструктуры; на формирование и укрепление непоколебимого стремления вести здоровый и законный образ жизни. В первую очередь это касается детей, подростков и молодежи. Именно на ранних стадиях необходимы диагностика и выявление групп риска и принадлежности к ним учащихся и студентов. На эти категории граждан, прежде всего, должно быть обращено внимание педагогов, психологов и социальных работников. Действия этих специалистов, приведенные в систему, совместно с работой специалистов УФСКН, УФСБ, УВД и др. позволят более эффективно противодействовать наркомании. Должна осуществляться планомерная и непре-

ривная профилактика наркомании, которая охватила бы в итоге как можно более широкие слои населения. Проработанная концепция профилактики (при *особой* заинтересованности государства в решении проблемы) позволит выстроить систему противодействия наркомании и организовать функционирование этой системы.

При выстраивании названной системы особо важным является подбор кадров. Здесь не должно быть равнодушных функционеров. Соответственно, нужны качественные критерии оценки их работы. Рост количества мероприятий, проведенных «для галочки», не решит проблему, а, скорее, усугубит её.

В г. Пензе борьбу с незаконным оборотом наркотиков в основном ведёт Управление Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков по Пензенской области, образованное в 2003 г.

Одним из направлений в сфере профилактики наркомании и наркопреступности является выявление и пресечение фактов незаконной рекламы и пропаганды наркотических средств и психотропных веществ. Однако проводимая предупредительно-разъяснительная работа в СМИ и с руководителями организаций в Пензе имеет очень небольшой положительный эффект. Еженедельно на телеканале ГНТ транслируется развлекательная программа «Comedy club», в которой часто бывают шутки о людях, испытывающих веселье в результате действия наркотиков. Это создает у зрителей иллюзию того, что, например, курение марихуаны вызывает радость, беззаботность и никак не вредит здоровью. Особо сильное воздействие эта передача оказывает на детей и подростков. Еще не осознавая опасности употребления наркотиков, они воспринимают поток информации с телеэкрана достаточно легко, так как она представляется в доступном, непринужденном виде как отдых и веселье. DVD-диски с выпусками «Comedy club» имеются в свободной продаже. Пример этой передачи на телевидении – лишь наиболее яркий, но не единственный.

Как показал, проведенный нами, социологический опрос, респондентов получают информацию о наркотиках и способах их применения из средств массовой информации (78,1%) и кино- и телефильмов (77,1%). Этот факт говорит о содержании передач и фильмов, транслируемых на телевидении и, возможно, о предпочтениях молодежи в выборе программ. СМИ почти не дают образа положительного героя. Больше того, происходит эстетизация зла.

Каждый день по телевидению демонстрируются фильмы и сериалы, показывающие опасную, но «красивую» жизнь преступников. У зрителей подсознательно формируется желание хоть немного пожить такой жизнью. Вспомним расхожую фразу «Увидеть Париж и умереть». Бравым милиционерам, прокурорам и т. п. трудно бороться с преступниками, т. к. их прикры-

вают «оборотни в погонах». Это также рождает пессимистическое представление о перспективах борьбы. Как следствие, активность граждан в решении проблем преступности вообще, и наркомании, в частности, не повышается. А без помощи общественности одними усилиями специалистов никакую социальную проблему не решить.

Еще одна проблема, связанная пропагандой употребления наркотиков – это косвенная пропаганда. Так, существует устоявшееся разделение наркотиков на «легкие» и «тяжелые». Его можно услышать от ведущих новостей, от политиков, чиновников, государственных служащих и т. д. Неосознанно у человека слышавшего про «легкие» и «тяжелые» наркотики создается впечатление, что «тяжелые» наркотики опасны, а «легкие» – нет. Опять же наиболее подверженными такому воздействию оказываются дети и подростки. В подростковой и молодежной среде бытует мнение, что курение марихуаны ничуть не вреднее, а то и менее вредное занятие, чем курение табака.

На телевидении активно ведется реклама энергетических напитков (Например, Burn, Red bull, Jaguar и др.), которые свободно продаются в розничной сети. В то время как в ряде стран Европы (Франция, Дания, Норвегия) они отпускаются только в аптеках по рецепту врача, являясь лекарственным средством. Компоненты всех энергетических напитков известны, но до конца не изучено их действие на организм. Известны случаи смерти в результате употребления энергетиков. Они сильно повышают артериальное давление, оказывая большую нагрузку на сердце и другие органы (особенно при смешивании с алкоголем). Федеральная служба России по контролю за оборотом наркотиков внесла предложение о запрете продажи энергетических напитков. Но это может быть осуществлено только после того, как их вред здоровью будет доказан. [2]

Эти и другие факты говорят о том, что предупредительно-разъяснительная работа с руководителями организаций, средств массовой информации, индивидуальными предпринимателями, иными лицами, осуществляющими деятельность в сфере производства, оборота и реализации книготорговли, рекламы и т. п. оказывается малоэффективной. Действия антинаркотических служб и СМИ рассогласованы.

Важным аспектом профилактики наркомании является проведение во взаимодействии УФСКН с Облспорткомитетом спортивно-массовых и физкультурных мероприятия направленных на профилактику негативных явлений в молодежной среде. В 2007 году проведено 162 таких мероприятия, в которых приняли участие более 50 тысяч человек, из них 46 тысяч детей и подростков. Спортивные праздники поднимают дух подрастающего поколения, приобщают к здоровому образу жизни. Соревновательный аспект спортивных мероприятий привлекает детей и подростков к занятиям физической культурой и спортом, которые во многом дисциплинируют человека

и ограждают его от стремления употреблять и даже пробовать наркотики⁴. По возможности больший круг организаций должен участвовать в организации спортивных праздников, тем более что в Пензенской области в настоящее время создается хорошая спортивная база.

Управлением ФСКН России по Пензенской области проводится широкий комплекс профилактических мероприятий как собственных, так и во взаимодействии с различными ведомствами, структурами и общественными организациями. Однако здесь недостает одного важного аспекта: отсутствует методика оценки эффективности данных мероприятий. Если же разработать такую методику и применять ее, то это позволит сформировать систему мероприятий эффективных с точки зрения профилактики и отсеять ту категорию мероприятий, которые окажутся малоэффективными. Отход от точечных акций позволит не только оптимизировать профилактическую деятельность, но и сэкономить затрачиваемые средства.

Но возникает и другая проблема: согласие между структурами, ведомствами и общественными организациями в области осуществления профилактики. Дело в том, что в настоящее время еще не сформирована единая антинаркотическая структура, которая бы действовала на основании единой концепции. Нет и самой концепции. Источники финансирования субъектов профилактики различны, следовательно, все они могут не придерживаться тех позиций и направлений, которые предлагает УФСН по Пензенской области как основной орган по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Таким образом, единый координирующий орган в сфере профилактики наркомании практически отсутствует. Каждая структура в настоящей ситуации осуществляет ту профилактику, которую чаще сама же и определяет.

Одна из попыток организации межведомственного взаимодействия – это тесное сотрудничество органов исполнительной и законодательной власти в рамках осуществления Программы «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту, профилактики злоупотребления психоактивными веществами в Пензенской области на 2006-2008 годы». Управление ФСКН России по Пензенской области в качестве исполнителя организует конкретные профилактические мероприятия во взаимодействии с Министерством образования и науки, Комитетом по физической культуре и спорту, Министерством культуры, УВД, УФСБ по Пензенской области и другими ведомствами.

Важным направлением межведомственного взаимодействия в сфере профилактики является организация и проведение межведомственных ко-

4 Однако при проведении спортивных мероприятий в их названия не следует добавлять слова «против наркотиков» (например: «бокс против наркотиков»). Это привлекает к проблеме, акцентирует внимание молодежи на наркотиках в то время как спорт должен от них отвлечь. Человек, увлеченный спортом не будет задумываться о том, что у него есть возможность попробовать наркотики, считая употребляющих наркотики людьми не достойными круга его общения и интересов.

миссий по противодействию злоупотребления наркотиков. По инициативе Управления ФСКН и Постановлением Правительства Пензенской области от 11 мая 2006 года № 326 утверждено положение, задачи, функции, полномочия и порядок организации работы МВК при Правительстве Пензенской области.

По инициативе Управления ФСКН России по Пензенской области 5 декабря 2007 года проведено заседание межведомственной комиссии по противодействию злоупотреблению наркотическими средствами, их незаконному обороту, профилактике пьянства, алкоголизма и табакокурения при Правительстве Пензенской области. На заседание МВК были приглашены представители СМИ Пензенской области, представители министерства образования и ВУЗов г. Пензы, представители министерств и ведомств исполнителей целевой региональной программы.

18 октября 2007 года Указом Президента Российской Федерации № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» бал образован Государственный антинаркотический комитет (ГАК). Председателем ГАК по должности является директор Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. Этот орган призван координировать антинаркотическую деятельность в Российской Федерации.

В отличие от МВК при Правительстве Пензенской области по противодействию злоупотреблению наркотическими средствами, их незаконному обороту, профилактике пьянства, алкоголизма и табакокурения, решения которой носят рекомендательный характер, решения антинаркотической комиссии Пензенской области обязательны к исполнению. Новое ведомство позволит проводить единую государственную политику в области противодействия наркомании и выступит действительно как координирующий орган.

Работа, направленная на организацию профилактики наркомании в Пензе и области, видна. УФСН по Пензенской области совместно с различными структурами (в том числе и властными) активно работают в этом направлении. Предлагаются Программы, появилась новая организационная структура по противодействию наркотизации. Остается – действовать. Совместные действия должны опираться на определенную теоретическую концепцию, которая бы формулировала принципы работы, определяла: цели, которые должны быть реальными; средства, распределение которых должно быть адекватным сложившейся ситуации; результаты, которые должны быть достижимы.

Очевидной является необходимость отхода от разрозненных разовых антинаркотических акций в пользу приведенной в систему комплексной профилактики. Причем эта система должна быть скоординирована, начиная

от государственных структур и до муниципалитетов, а также до отдельных коммерческих и некоммерческих и общественных организаций. Данные структуры и организации являются элементами системы профилактики наркомании. Взаимодействие между ними должно осуществляться по принципам четкой субординации и координации. В принятии решений по профилактике безусловно важен коллегиальный совещательный характер. Но при этом должен наличествовать единый координирующий орган, распоряжения которого будут обязательны к исполнению всех субъектов профилактики. Данный орган должен так же контролировать эффективность осуществляемой антинаркотической политики. Именно оценка эффективности применяемой методики профилактики позволит выстроить ее оптимально.

Не стоит забывать, что в налаживании эффективного взаимодействия структурных элементов системы профилактики наркомании важнейшую роль играет единство источника финансирования антинаркотической структуры, также немаловажен и объем финансирования противодействия наркотизации.

Другой аспект системности профилактики наркомании – рассмотрение самой проблемы наркомании в виде системы: выявление компонентов составляющих проблему, групп населения подверженных наркотизации, причин вовлечения отдельных лиц или групп в группы риска. И акцент здесь должен быть сделан на ранней диагностике и выявлении принадлежности отдельных лиц к группам риска и самих групп риска. Поэтому важную роль во всей структуре субъектов профилактики наркомании должны играть педагоги, психологи и социальные работники. Это связано с тем, что ранняя диагностика и профилактика обращена на детей и подростков и должна осуществляться прежде всего в сфере образования и в семье. Ранняя профилактика должна осуществляться в школе, и поэтому учителя, социальные педагоги и психологи должны проходить дополнительное обучение специальным антинаркотическим курсам (возможно разработка таких курсов в ближайшем будущем станет одной из задач Государственного антинаркотического комитета).

Иммунитет против увлечения наркотиками создает функционирование детских организаций (скауты, спортивные и военно-патриотические секции, кружки и клубы по интересам и т. д.). Цель деятельности таких организаций состоит не только в передаче определенных знаний, умений и навыков, но и в отвлечении детей от «улицы». Для достижения этой цели дети должны быть увлечены своим занятием, поэтому в сфере дополнительного образования особенно важно, чтобы в руководстве детских организаций были педагоги, заинтересованные в положительном результате своей деятельности и любящие свою работу. Равнодушные и плохо подготовленные кадры задач не выполняют, а идею могут скомпрометировать.

Еще одна проблема в сфере противостояния наркотизации общества – совершенствование и укрепление правовой базы. Главная задача изменений в этой области – неотвратимость наказания, применение наказания в допустимой форме ко всем без исключения правонарушителям в сфере незаконного оборота наркотиков без скидок на возраст, социальный статус и финансовое положение правонарушителя.

Итак, можно сформулировать следующие теоретические принципы организации профилактики наркомании:

1. признание наркомании злом в любом ее обличии, малого зла здесь нет;

2. понимание международного характера наркобизнеса и необходимости усилий всех государств и международных организаций в противодействии ему;

3. признание проблемы наркомании проблемой национальной и цивилизационной безопасности;

4. отношение к профилактике как к главному средству противодействия наркомании, т. к. она призвана бороться со злом не тогда, когда оно наступило, а не допускать его;

5. комплексный (системный) характер профилактики наркомании, что предполагает:

- перенесение акцента на раннюю диагностику и выявление принадлежности к группам риска и самих групп риска;
- совершенствование и укрепление правовой базы;
- гласность в сфере противодействия наркотизации.

6. совершенствование и укрепление правовой базы, исходящей из принципа неотвратимости наказания.

Переход от теоретических знаний в области проблемы наркомании к конкретным мерам ее профилактики в соответствии с данными теоретическими построениями видится нам наиболее целесообразным и эффективным. Основное здесь – грамотная организация взаимодействия и управления системой профилактики.

Библиографический список

1. Коробкина З. В., Попова В. А. Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2002.

2. Мельникова Л. Злая энергетика коктейлей // НаркоНет. 2007. № 6 (42). С. 29.

3. Наркомания: методические рекомендации по преодолению наркозависимости / Под ред. А. Н. Гаранского. М., 2000.

4. Основы социально-медицинской работы – М., 1998

5. Федеральная целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005-2009 годы» утвержденная постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2005 г. № 561

6. Целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту, профилактики употребления психоактивными веществами в Пензенской области на 2006 - 2008 годы» утвержденная законом Пензенской области от 22 декабря 2005 года № 942-ЗПО.

7. Пояснительная записка к отчету по форме № 1-МВП по основным показателям оперативно-служебной деятельности УФСКН РФ по Пензенской области за 2007 год//данные, полученные в УФСКН по Пензенской области.

8. Указ Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 года № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров».

9. Постановление Губернатора Пензенской области от 2 ноября 2007 года № 420 «Вопросы реализации Указа Президента Российской Федерации «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров».

М. Саратовцева

(Научный руководитель к. филос. н., доцент Л. Я. Плешакова)

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Профессиональная подготовка специалистов и выделение социальной работы в особую сферу деятельности начались с выхода в свет книги Мэри Ричмонд «Социальный диагноз», где она отмечает, что самое важное в социальной работе – поставить социальный диагноз и взять его за основу при выборе метода помощи индивиду или семье. Опыт социальной обобщался и распространялся, возможности её расширялись: появились разные модели и технологии.

Особый интерес представляют гуманистические модели социальной работы. В условиях нестабильности, насилия, фанатизма и т. п., о чём свидетельствуют непрекращающиеся войны, террористические акты, социальные конфликты, под угрозой оказывается сама человеческая жизнь. Поэтому для анализа мы выбираем экзистенциальную модель, как одну из самых гуманных, основанных на признании личности клиента, её самооценности и индивидуальности. В данной модели анализируется поведение клиента, восприятие им окружающего мира, оценка своего социального статуса. Эта модель расценивает человека как «открытый проект», создающего себе свою сущность в актах экзистенциального выбора.

Здесь очень важно убедить клиента в том, что его жизненный (экзистенциальный) опыт – это не события, которые с ним происходят, а то, что он делает с этими событиями, то есть каждое событие и, соответственно, акт выбора, становятся предметом рефлексии, в ходе которой и создается внутренний мир человека, его подлинная сущность, его экзистенция.

Основа экзистенциальной модели – партнёрство, сотрудничество социального работника и клиента. Цель такого взаимодействия – стимулировать собственную активность клиента в решении его проблем и сформировать у него осознание ответственности за тот выбор, который он делает. Главное содержание экзистенциальной модели – экзистенциальная терапия. Методы последней создают своего рода пространство, где происходит встреча человека со своей сущностью. Следствием такого рода встречи является изменение привычной формы способа бытия человека, изменение в сторону большей аутентичности. Большинство экзистенциальных технологий сводятся к телесной терапии. Технология – определённый способ работы социального работника с клиентом. Технологии делятся на индивидуальные работу с клиентами и групповую работу. При этом важно отметить, что речь идет о техниках именно как медиумах встречи терапевта с пациентом, а может быть и не только терапевта с пациентом, поскольку в экзистенциальной терапии мы говорим о больших целостностях, которые нам открываются в экзистенциалах «бытия – вместе» и «бытия – в – мире». Термин «встреча» также требует некоторого прояснения, поскольку в разных психотерапевтических школах этот термин трактуется очень по-разному.

«Встречу» мы понимаем близко к феномену встречи в процессе творчества, описанном Ролло Мэйем в книге «Мужество творить». Особенностью и итогом такого рода встречи является изменение в отношениях «Я – окружающий мир». Данный процесс может сопровождаться ярко выраженным чувством страха у пациента, поскольку чувство его самоотождествлённости в момент встречи оказывается под угрозой. В экзистенциальной модели – это субъект – субъективное взаимодействие.

Обратимся к телесной терапии.

Медард Босс – один из немногих экзистенциалистов, уделяющих телесности человека самое пристальное внимание. Телесность, по его мнению, не ограничивается тем, что под кожей. Она распространена на отношение к миру. Даже когда человек забывает о своем теле, он не перестаёт быть телесным. Все проявления человеческой жизни телесны.

По мнению Карлфрида Дюркхайма, тело – способ, в котором человек является видимым и осязаемым. Этот подход интересен тем, что открывает путь к использованию специальных упражнений, развивающих чувствительность к прозрачности тела. Особое внимание уделяется правильности дыхания и тону (собранныости).

Таким образом, работая с телесностью человека, мы работаем не только с его физическим телом, сколько с человеком как целым. При этом цель терапии – экзистенциальная аутентичность (прозрачность человека по отношению к собственной сущности).

Рисование – метод работы, разработанный Марией Гиппиус, где основной акцент в толковании – насколько способ моего рисования соотносится со способом моего бытия. Второй вариант – свободное рисование. Клиент выполняет рисунок так, как ему хочется. Оба варианта рисования могут быть выполнены как индивидуально, так и в групповой форме. При работе в группе рисование проводится с закрытыми глазами, на широких листах бумаги твердыми восковыми мелками.

Работа с глиной – ещё один, не менее интересный способ работы. Здесь нас интересует корреляция (соотношение) форм и способов работы с материалом, с жизнью клиента вообще.

Ещё один метод работы с телом предлагает К. Дюркхайм. Он осуществляется следующим образом: клиент лежит на полу, на одеяле, либо на невысокой жёсткой кушетке. Ему предлагается расслабиться, но в то же время сохранять чувство осознанности без напряжения. Клиент делится с терапевтом своими переживаниями и ассоциациями. Терапевт должен быть чувствителен, собран, а клиент – учиться слушать и понимать своё тело, как себя самого. Что касается терапевта, то у него в ходе постоянной практики вырабатывается особого рода язык тела.

Подводя итог, отметим, что использование таких технологий требует специальной подготовки социальных работников. Формирование у них эмпатии, собранности, чувствительности, восприятия клиента как целостной личности, признание её уникальности и самоценности.

А это, в свою очередь, предполагает широкую гуманитарную подготовку специалистов, в которой, кроме теоретических курсов, обязательно присутствуют тренинговые занятия, включая работу групп экзистенциального опыта. Чтобы научить чему-то клиента, надо научиться делать это самому.

Г. А. Силантьева, Е. Кондрашева

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ПРОФИЛАКТИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Одним из педагогических компонентов в системе обучения будущих специалистов по социальной работе технологиям социальной профилактики является социально-психологический тренинг, представляющий собой практику социально-психологического и педагогического воздействия, основанную на активных методах групповой работы.

В наиболее общем понимании **социально-психологический тренинг** – это один из методов активного обучения и психолого-педагогического воздействия, осуществляемого в процессе интенсивного группового взаимодей-

тивия и направленного на повышение компетентности в сфере общения, в котором общий принцип активности обучаемого дополняется принципом рефлексии над собственным поведением и поведением других участников группы.

Практика социально-психологического тренинга получила свое применение в подготовке специалистов по социальной работе. Занятия проводились в рамках специализированного курса «Содержание и методика психо-социальной работы». С группами студентов возраста 20-21 год. Тренинговые группы состояли из 15-20 человек, представляли собой гетерогенную аудиторию в плане половой принадлежности и круг интересов, и были однородны по уровню образования и интеллекта. Занятия проводились по 80 минут, раз в неделю, то есть цикл занятий составил около 30 часов.

Структура занятия представляет собой семь последовательных этапов, каждый из которых несет определенную смысловую нагрузку и преследует цель, которые определяются структурой занятия.

Основные этапы:

1. Приветствие.

Обозначается начало занятия, создается особая атмосфера общения между участниками.

2. Начало работы (5-10 минут).

Предоставляется участникам возможность поделиться своими переживаниями, осознать и принять свои чувства.

3. Разминка (5-10 минут).

Основная задача направлена на объединение, сплочение группы, развитие межличностных связей, включение в совместную деятельность. Проводятся более или менее подвижные игры с четко определенными правилами.

4. Работа по теме (30 минут).

Основными задачами ведущего становятся: необходимость дать определенную информацию в доступной форме, предоставить возможность выразить свои чувства, помочь овладеть новыми навыками, основываясь на полученной информации. На данном этапе применяются разнообразные формы активности – игры, рисование, психодрама и др.

5. Разминка (10-15 минут).

Так же направлена на объединение и сплочение группы.

6. Работа по теме (25 минут).

Осуществляется возможность выплеснуть накопившееся напряжение и завершение работы в позитивном состоянии. Используются подвижные или релаксационные игры.

7. Прощание.

Осуществляется эмоциональная поддержка участников группы.

На каждом этапе ставятся определенные тематические задачи и определяется роль ведущего для сопровождения группы.

Для каждого занятия характерна своя тема, в соответствии с которой применяются определенные упражнения. Можно обозначить основные наиболее интересные темы проводимых тренингов:

- «Понятие личности. Структура моей и твоей личности. Понятие границ личности. Развитие личности».

- «Чувства. Сложности идентификации чувств. Выражение чувств. Отделение чувств от поведения».

- «Отношение к себе, самооценка, развитие и личностный рост. Ценность моей и твоей личности».

- «Понятие стресса и проблемно-разрешающее поведение».

- «Понятие группового давления и принятие собственного решения. Навыки выражения и отстаивания собственного мнения, поиск компромиссов, умение противостоять групповому давлению».

По сути, в подготовке специалистов по социальной работе данный подход проведения практических занятий имеет двусторонний характер. Это, с одной стороны, обучение техникам и программам тренинговых занятий и подготовка к проведению таких занятий. Где основными задачами руководителя группового тренинга определяются:

- побуждение членов группы к проявлению отношений, установок поведения, эмоциональных реакций;

- создание в группе условий для полного раскрытия участниками своих проблем и эмоций в атмосфере взаимного принятия, безопасности, поддержки и защиты;

- разработка и поддержание в группе определенных норм, гибкость в выборе директивных и недирективных техник воздействия.

С другой стороны, профилактическая работа, направленная на закрепление проблемно-разрешающего поведения у участников социально-психологического тренинга, и формирование социально зрелой личности будущего специалиста в сфере работы с людьми, попавшими в сложную жизненную ситуацию. Такая сфера требует овладения коммуникативными навыками, определенными социально-психологическими и педагогическими знаниями, способностями анализировать ситуацию, и, что является немаловажным, формирование морально-нравственной личности специалиста по социальной работе.

В тренингах такого рода подразумевается использование своеобразных форм обучения знаниям, умениям и техникам в сфере общения, деятельности, соответственного развития и коррекции.

При проведении занятий методом социально-психологического тренинга в ходе своего развития группа проходит четыре этапа:

1. Создание единого психологического пространства, а также обратной связи.

2. Проведение дискуссий, игр, интервьюирования для создания ситуаций рефлексии.

3. Решение конкретных задач, овладение знаниями, навыками, умениями, а также достижение иных развивающих или коррекционных целей.

4. Релаксационные восстановительные упражнения для снятия психологической напряженности и подведение итогов занятия.

Каждый этап, в свою очередь, предполагает соответствующие фазы:

- определение целей, темы дискуссии, характера проблемы, ориентацию участников занятия,
- круговую дискуссию по обсуждаемой проблеме, сбор информации, суждений, мнений, новых идей, предложений от всех ее участников,
- упорядочение информации и ее обсуждение,
- обоснование альтернатив и совместная их оценка,
- подведение итогов дискуссии, совместное резюмирование,
- сопоставление целей занятия с полученным результатом,
- снятие психологической нагрузки, подведение итогов занятия.

Основная группа целей проводимых тренинговых занятий:

- приобретение и развитие специальных навыков в сфере общения, например умения вести деловую беседу, решать межличностные конфликты,
- углубление опыта анализа ситуации общения, например развития способности адекватно воспринимать себя и других, анализировать ситуации группового взаимодействия,
- развитие и коррекция личности, ее глубинных образований,
- развитие способности гибко реагировать на ситуацию, быстро перестраиваться в различных условиях и разных группах,
- возможность осознать вероятные ошибки во взаимодействии с людьми.

Если определять значение социально-психологического тренинга в подготовке специалиста к взаимодействию с клиентом, то необходимо выделить основные практические цели таких занятий, ориентирующиеся на такие сферы, как:

- самопонимание (когнитивный аспект),
- отношение к себе (эмоциональный аспект),
- саморегуляция (поведенческий аспект).

Когнитивный аспект осуществляется через понимание своей личности, ее особенностей и связей с другими людьми, восприятие себя другими, собственные мотивы, устремления, потребности, установки.

Эмоциональный аспект направлен на получение эмоциональной поддержки со стороны группы, пережить в группе те чувства, которые часто

испытывают в реальной жизни, научиться более точно воспринимать и контролировать собственные эмоции и чувства.

В поведенческой сфере групповая работа должна помочь: увидеть собственные неадекватные поведенческие стереотипы, приобрести навыки свободного общения, развить формы поведения, связанные с сотрудничеством, взаимопомощью, ответственностью и самостоятельностью, закрепить новые формы поведения.

Все методы социально-психологического тренинга ориентируются на широкое использование обучающего эффекта группового взаимодействия, включение в сценарий занятия элемента сотворческого поиска, широкого применения различных методов моделирования.

На практических занятиях в тренинговых группах студентов использовались следующие методы:

- групповые дискуссии,
- метод «мозгового штурма»,
- игровые методы.

1. *Групповая дискуссия* используется в основном в форме анализа конкретных ситуаций и в форме группового самоанализа.

Примеры групповой дискуссии, применяемой в рамках занятий со студентами можно выделить такие:

– задание «Мои особенности и преимущества», где обсуждение осуществляется поначалу в небольших группах, затем среди всех участников обсуждаются проблемы развития и роста. Задание направлено на формирование позитивного отношения к себе и другим.

– обсуждение и проигрывание стилей общения (по В. Сатир) для осознания возможных проблемных способов общения.

– обсуждение проблемы вынесения оценочных мнений.

2. *Мозговой штурм* используется как метод активации группового поиска идей, решения проблемы. Обстановка должна быть непринужденной, участники группы раскованными, никакой критики и тем более самокритики.

Так, задания, включающие метод «мозгового штурма», применяемые на тренинге были:

1) Мозговой штурм «идеальный мужчина и идеальная женщина», направленный на принятие общей идеи по поводу формирования образов идеальных мужчины и женщины и на осознание собственных установок и ожиданий,

2) Мозговой штурм «Зачем люди употребляют психоактивные вещества»,

3) Мозговой штурм на тему «Из чего состоит личность»,

4) «Какие бывают чувства» и обсуждение «плохих» и «хороших»

– осознание чувств, знакомство с диапазоном чувств.

3. *Игровые методы*, включающие:

1) Психотехнические игры, цель которых – снятие психической напряженности, развитие внутренних психических сил. Это игры-релаксации, адаптационные игры, игры на знакомство.

2) Ролевые игры, направленные на проигрывание участниками возможной реальной ситуации для наиболее конструктивного поиска решения в сложной ситуации. Такие как:

- проигрывание стилей общения (по В. Сатир),
- ролевая игра с обсуждением форм общения персонажей с целью осознания и анализа собственных привычных форм общения,
- ролевая игра «Давление». Обсуждение происходящего с человеком в ситуации давления. И последующее осознание своего положения по отношению к групповому давлению.

– Деловые игры, направленные на ролевое воссоздание предметного и социального содержания той или иной деятельности, характерных для нее особенностей взаимодействия, общения и взаимоотношений. Мотивация взаимовосприятия, нормы поведения участников. Деловые игры позволяют достигать дидактических и воспитательных целей.

– деловая игра «Предотвращение употребления психоактивных веществ» с целью осознания собственной роли и ответственности в отношении психоактивных веществ,

– деловая игра «Выработка декларации прав и обязанностей личности». Цель задания – осознание каждым участником себя как полноправной личности, имеющей права и обязанности.

Чтобы определить значение влияния проводимых тренингов в подготовке специалистов по социальной работе, а также эффективность этих занятий и необходимость их использования в дальнейшем, в 2007/2008 учебном году было проведено исследование. Главной целью было определено следующее: выявить значимость тренинговых занятий среди студентов при подготовке их к будущей профессии. А задачи были обозначены следующие:

– выявить насколько эффективным было применение методов групповой работы со студентами,

– какое влияние оказали тренинги на приобретение и развитие специальных навыков в сфере общения, на развитие способности гибко реагировать на ситуацию,

– выяснить профилактическую направленность тренингов.

Для исследования данного вопроса необходимо определить обследуемую совокупность. Выборка исследования должна отражать структуру изучаемого объекта. Было выбрано 30 студентов, прошедших весь цикл тренинговых занятий, составившие выборку. Так как социальные характеристики и социально-демографические признаки, необходимые для проведения иссле-

дования, присущи всей генеральной совокупности, то отбор определенного количества опрашиваемых осуществлялся по психосоциальным признакам. Основным критерием отбора стала заинтересованность респондента в участии в тренинговых занятиях, которая проявлялась в частоте посещений занятий.

При организации проведения исследования была выдвинута гипотеза: проведение тренинговых занятий не оказывает значительного социально-психологического воздействия на всю группу участников, а только на ее меньшую часть заинтересованных в результативности и эффективности данных занятий.

Основным методом такого исследования стало неформализованное интервью среди студентов, принимавших активное участие в проведении тренинговых занятий.

Так, примерный перечень вопросов, задаваемых респондентам, был следующий:

- Как часто вы посещали занятия?
- Что было наиболее интересным:
 - игры,
 - обсуждения,
 - дискуссии,
 - ролевые игры,
 - лекционные моменты,
 - групповой рисунок,
 - релаксационные упражнения,
 - обмен впечатлениями и т. д. ?
- Какая роль для вас наиболее привлекательна была: ведущего или участника?
 - Есть ли занятия, задания наиболее запомнившиеся?
 - Насколько полезными стали для вас занятия?
 - Что изменилось в вашем восприятии других людей и их поведения?
 - Какое воздействие оказали занятия, их результаты для вас?

Было выявлено, что для большинства из опрошенных такие занятия были интересны и увлекательны («Не заметно, как проходила пара») – 83,3 %. Наиболее интересными упражнениями отмечали следующие:

- игры (85 %),
 - дискуссии (60 %),
 - ролевые игры (90 %),
- а полезными:
- задания на «мозговой штурм» (90 %),
 - обсуждения по теме в группе (70 %),

- дискуссии и обсуждения лекции ведущего (29 %),
- проигрывание жизненной ситуации (21 %).

Чаще студентам нравилось быть участниками, но все же отмечали, что позиция ведущего помогает формировать определенные коммуникативные навыки (76,7 %).

Так же респонденты высказывали свое мнение по поводу того, что такие занятия значительно улучшали настроение (93,3 %), и что значительно сплотили группу (86,7 %). На данных тренингах информация, подаваемая ведущим, воспринимается совершенно по-другому, что отметили 56,6 % опрошенных, т. е. осуществляется сочетание с различными видами активности, что позволяет наиболее лучше воспринимать, понимать и осознавать предоставленную, зачастую новую, информацию. Сочетание практической и теоретической сторон способствует формированию и закреплению вновь полученных знаний и навыков. Такими занятиями можно отметить следующие: занятие, направленное на формирование навыков по преодолению проблемных и стрессовых ситуаций и способов решения проблем, личностных сложностей; занятие, рассматривающее понятие насилия и права защищать свои границы, а также развитие умений противостоять групповому давлению.

Так же респонденты высказались, что занятия способствовали развитию рефлексивных умений (46,6 %) и выработки умений анализировать свое поведение и поведение других участников группы (63,3 %), изменили мировосприятие (43,3 %).

Так, результатом исследования стало определение результативности проводимых занятий среди студентов. Было сформировано проблемно-разрешающее поведение и закрепились следующие навыки: приобретены специальные навыки умения вести беседу, в том числе деловую беседу, решать конфликтные ситуации; сформировано умение анализировать ситуацию общения и находить верные пути решения сложной ситуации; закрепились навыки выявления ошибок во взаимодействии с людьми и гибко реагировать на изменения в межличностном взаимодействии; развитие способностей воспринимать собственные мотивы, устремления, потребности и сопоставлять их с реальными возможностями.

Важно отметить, что гипотеза, выдвинутая в начале проведения исследования, в ходе исследования была опровергнута. Так как те значения, которые были выявлены при обработке результатов, показывают, что в результатах и эффективности тренинговых занятий заинтересована большая часть участвующих (70-80 %), и ими были отмечены конкретные результаты, к которым привели данные занятия.

Таким образом, можно говорить о значительном вкладе практических занятий в подготовке специалистов и личностном совершенствовании участников группы.

Важно отметить, что практика применения таких занятий при подготовке специалистов по социальной работе представляет собой, главным образом, профилактический компонент. Тренинги направлены на закрепление среди их участников проблемно-разрешающего поведения. В процессе работы в тренинговых группах участник получает те необходимые знания, а также прорабатывает возможные варианты поведения в стрессовых, сложных и даже экстремальных ситуациях, которые дают возможность наилучшим образом адаптироваться в быстроменяющихся условиях окружающей среды и как можно лучше и быстрее находить необходимый способ преодоления преград на пути достижения цели. Так же у члена группы вырабатывается способность анализировать и прогнозировать лучшие, наиболее верные способы поведения в той или иной ситуации.

В основу проведенных занятий была положена программа, разработанная специалистами Н. А. Сиротой и В. М. Ялтоносским (1). Данная профилактическая программа включает ряд занятий, направленных на одну цель: предотвратить негативные явления – профилактика употребления психоактивных веществ. Программа включает в себя комплекс занятий, которые охватывают все сферы личностного развития:

– Когнитивный компонент, направленный на осознание собственной личности. Это занятия на тему: «Понятие личности. Структура моей и твоей личности. Понятие границ личности», «Чувства. Выражение чувств», «Отношение к себе, самооценка, развитие и личностный рост», «Принятие себя и других как личности».

– Межличностный компонент, направленный на изучение и обсуждение семейных отношений, социально-групповых отношений, отношений со сверстниками, в том числе межполовые отношения. Данные вопросы обсуждались в рамках следующих тем: «Человек как социальное существо. Общение, формирование навыков общения», «Формирование навыков эмпатии, умение принимать и оказывать поддержку», «Самооценка и отношение к другому», «Человек как сексуальное существо. Проблемы межполового общения», «Семья как единый организм. Какой я вижу свою будущую семью».

– Проблемно-разрешающий компонент, включающий формирование навыков по преодолению конфликтных, проблемных и стрессовых ситуаций, умение отстаивать свою позицию, поиск компромиссов. Темы, рассматривающие данные вопросы можно выделить: «Формирование навыков заботы о себе и защиты своего я. Умение говорить нет», «Понятие стресса и проблемно-разрешающее поведение. Формирование навыков оценки проблемной ситуации и принятия решения. Понятие личностных кризисов», «Развитие когнитивной оценки проблемной или стрессовой ситуации», «Преодоление проблемной и стрессовой ситуации».

Таким образом, можно отметить, что профилактика, осуществляемая путем формирования проблемно-разрешающего поведения, наиболее результативной будет при использовании комплексного подхода в реализации программы. Задействовав все компоненты структуры личности и межличностных отношений можно сформировать у человека адекватную оценку сложной ситуации и способствовать наиболее успешному преодолению кризисов и стрессов.

Исходя из проведенного исследования, можно определить, что применение комплексного подхода способствовало достижению необходимой цели, которая ставилась при внедрении программы профилактики в работу со студентами в рамках подготовки к специальности.

Библиографический список

1. Сирота Н. А. , Ялтонский В. М. Программа профилактики употребления наркотиков и других психоактивных веществ для школьников подросткового возраста /ИИЦ наркологии МЗ РФ, Фонд «Система профилактических программ», 2003.

Е. В. Викторова

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

КРИТЕРИИ И УРОВНИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА: ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИРОВАНИЯ

Произведения изобразительного искусства – одно из эффективных средств эмоционально-нравственного развития личности младшего подростка, так как позволяют без морализаторства, посредством эмоционального воздействия художественного образа на личность реципиента, развить возникшее у подростка чувство взрослости в действительную социально-моральную взрослость (Т. В. Драгунова, Д. Б. Эльконин) [1]. Однако эффективность этого средства зависит от способности подростка к эмоционально-нравственному взаимодействию с произведением изобразительного искусства. Педагогам, готовым использовать в учебно-воспитательном процессе произведения живописи как средство эмоционально-нравственного развития подростков, необходимо уметь диагностировать уровень такой способности подростков.

В данной статье предложен комплекс авторских критериально-диагностических методик, разработанных для определения уровня восприятия младшими подростками произведений изобразительного искусства как средства эмоционально-нравственного развития. Методик диагностики уровня восприятия произведения изобразительного искусства как средства

эмоционально-нравственного развития личности как таковых не существует, однако разработаны методики, нацеленные на изучение самых разных аспектов художественного восприятия. Авторская система диагностических методик была разработана на основе теоретического изучения специфики эмоционально-нравственного воздействия произведения изобразительного искусства на личность и с опорой на разнообразные психологические методики диагностики эмоциональных состояний личности, а также педагогические методики определения эмоционального настроения при восприятии живописи Н. Кузнецовой [2], установок эстетического восприятия Е. Торшиловой [3].

В соответствии с данными, полученными в ходе проведенного автором эксперимента, критериями, характеризующими уровень восприятия произведения изобразительного искусства, были определены эмоциональный отклик на художественный образ, целостное восприятие художественного образа, эмпатия как проекция, рефлексия, саморегуляция в эмоциональных проявлениях при восприятии художественного образа.

Целостное восприятие художественного образа означает восприятие художественного произведения в единстве материальных характеристик (размер картины, материал изготовления и т. д.), изобразительных средств (цветовая гамма, композиция и т. д.) и смыслового наполнения (тема, идея). Целостное восприятие можно определить по схватыванию сути художественного произведения, поэтому при целостном восприятии внимание реципиента будет сосредоточено прежде всего на смысловой составляющей произведения. О целостном восприятии речь идти не может, если с первых минут общения с полотном внимание зрителя обращено на размер картины, красивый багет, особенности мазков, о цветовой гамме в отрыве от смысла произведения. Не является восприятие целостным и в том случае, если во всей системе образов реципиент впечатлен только каким-то отдельным из них, например, элементом пейзажа, одним конкретным персонажем, отдельной деталью обстановки и т. д.

Эмоциональный отклик на художественный образ – это прежде всего неравнодушие к изображенному. Эмоциональный отклик при восприятии художественного произведения подразумевает возникновение эмоций и чувств в любом количестве и качестве. Эмоциональный отклик по сути может быть вызван не целостным образом, а какой-то его составляющей, поэтому возникновение эмоционального отклика еще не является свидетельством целостного восприятия художественного образа. Речевым выражением дифференцированности отклика могут быть фразы типа «Вот это шпага!», «А глаза-то какие!», «Какие краски!». Эмоциональный отклик – это первый, но необходимый шаг к такому восприятию, поэтому дифференцированность эмоционального отклика допускается. Допускается здесь и возникновение

обыденных эмоций: от выражения радости и восхищения («Какая прелесть!», «Как здорово!») до сомнения («А так разве бывает?») и негативных эмоций («Как страшно!»). Они – шаг к развитию чувств. Эмпатия как интроекция, т. е. перевес в сторону обыденных эмоций по сравнению с художественными, тоже входит в эмоциональный отклик. Речевым выражением эмпатии как интроекции могут быть фразы: «Герой (поступает, живет, чувствует), как я», «Герой похож на меня...».

Эмпатия как проекция возникает, когда художественные эмоции преобладают над обыденными, сливаясь с ними в единое целое, и рождается глубокое чувство сопереживания образу. Акценты расставляются не на том, что поступки и чувства героя похожи на поступки и чувства зрителя, а на том, что зритель в каких-то своих чувствах и поступках похож на героя. Речевым выражением эмпатии как интроекции можно считать такие фразы: «Я в чем-то похож на героя», «Я чувствую то же, что и он», «На его месте я почувствовал бы то же самое». Эмпатия как проекция подразумевает превращение обыденных эмоций в художественные, в «умные» (Л. С. Выготский) [4], а значит прямого заражения эмоциями персонажа не будет: реципиент способен отличать свои чувства от чувств героев, способен, отдаваясь эмоциям, осознавать их искусственный характер. Поэтому эмпатия не предполагает эмоциональной экспрессии, например, слез при восприятии драматического произведения.

Нравственная рефлексия при восприятии художественного образа – это размышление о себе на основе сопоставления себя с художественным образом. Свидетельством нравственной рефлексии являются не рассуждения о том, как и почему поступил герой, а рассуждения о том, как реципиент поступил бы на месте героя, что почувствовал бы на его месте. Безусловно, рефлексия подразумевает эмпатию как проекцию. Речевое выражение рефлексии может быть самым разнообразным: «Я похож (не похож) на героя...», «Я тоже поступаю (думаю, живу), как он», «На его месте я поступил бы так же», «Я бы поступил иначе», «Смог бы я так поступить?», «А что бы сделал в этой ситуации я?», «Если такое произойдет со мной, как поступить?», «У меня такой же (другой) характер» и т. д.

Саморегуляция в эмоциональных проявлениях при восприятии художественного образа не возможна без эмпатии как проекции и рефлексии. Саморегуляция подразумевает, что возникло сопереживание образу, но осознается искусственный характер возникших эмоций, реципиент понимает, что он защищен от причин возникновения эмоций у героя. Чувство защищенности дает возможность спокойно ввериться возникшим чувствам потому, что их в любой момент можно остановить. Саморегуляция эмоциональных проявлений подразумевает осознание управляемости собственных эмоций и способность пользоваться этой управляемостью. Способность к саморе-

гуляции чувств может быть оценена по следующим параметрам: 1. Чувства нахлынули, но их удалось (не удалось) сдержать; 2. Чувства нахлынули, и их не захотелось сдерживать. Способность к саморегуляции возрастает при повторном восприятии художественного образа.

Критерии эмоционально-нравственного развития средствами изобразительного искусства взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, поэтому использование анкет и тестов, направленных на их выявление, представляет собой систему: лишь при одновременном использовании они дают наиболее полный и верный результат. Анкетирование и тестирование должно сопровождаться беседой и включенным наблюдением за произвольными и непроизвольными действиями реципиентов (данные фиксируются в протоколе). Необходимость одновременного использования всех указанных методов обусловлена и тем, что диагностика способности к целостному восприятию художественного образа, к рефлексии и саморегуляции эмоций возможна только в процессе восприятия конкретного произведения изобразительного искусства.

Опишем каждую составляющую диагностики более подробно. Для определения **эмоционального отклика** на произведения изобразительного искусства была разработана анкета. Вопросы анкеты были составлены с опорой на опросник Г. и С. Айзенк, выявляющий многообразие, сменяемость и подвижность эмоций, и опросник Г. и С. Айзенк, нацеленный на изучение темперамента подростков [5]. Вопросы анкеты направлены на определение эмоционального отклика на произведения живописи в целом, на конкретные жанры живописи, на цветовую гамму полотен. Открытые вопросы анкеты позволили получить развернутые ответы подростков.

Анкета

1. Тебе нравится смотреть на произведения живописи?
2. Меняется ли твое настроение в зависимости от того, что изображено на картине?
3. Меняется ли твое настроение в зависимости от того, в какой цветовой гамме выполнена картина?
4. Бывает ли так, что, когда ты смотришь на картину, твои мысли уносятся куда-то вдалеку и ты мечтаешь?
5. Бывает ли так, что тебе вдруг становится грустно, когда ты смотришь на картину?
6. Случается ли, что ты не можешь сосредоточиться, когда смотришь на картину?
7. Бывает ли, что ты испытываешь волнение, глядя на картину?
8. Тебе нравятся портреты? Чем?

9. Почему, когда мы смотрим на портрет, мы обращаем внимание прежде всего на глаза персонажа?
10. Тебе нравятся картины с изображением животных? Почему?
11. Картину с каким изображением и в какой цветовой гамме ты поместил бы у себя в комнате? Почему?
12. Картину с каким изображением и в какой цветовой гамме ты не поместил бы у себя в комнате? Почему?
13. Представь – ты художник. Какие картины ты бы рисовал? Почему?

Ключ

Ответ «да» на вопросы №1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10 оценивается 2 баллами, ответ «не знаю», «не всегда» и т. п. или отсутствие ответа – 1 баллом, ответ «нет» – 0 баллов. Ответ «нет» на вопрос № 6 оценивается 2 баллами, ответ «не знаю», «не всегда» и т. п. или отсутствие ответа – 1 баллом, ответ «да» – 0 баллов. Наличие ответов-рассуждений на вопросы № 9, 11, 12, 13 оценивается 2 баллами, ответ «не знаю», «не всегда» и т. п. или отсутствие ответа – 1 баллом.

От 19 до 26 баллов – ярко выраженный эмоциональный отклик на произведения изобразительного искусства. От 7 до 18 – эмоциональный отклик на произведения изобразительного искусства характеризуется избирательностью, ситуативностью, зависит от факторов восприятия. От 0 до 6 – слабо выраженный эмоциональный отклик на произведения искусства.

Ответы-рассуждения на вопросы №9, 11, 12, 13 анализируются как продукты деятельности подростков.

Для определения способности к **эмпатии** в процессе восприятия произведения изобразительного искусства был разработан тест с опорой на методику определения эмпатических способностей личности (В. В. Бойко), но с учетом возраста респондентов, а также специфики возникновения эстетической эмпатии [5]. Тест нацелен на выявление эмпатии как таковой и способности к проявлению эмпатии как проекции. Определение способности к эмоциональному отклику и эмпатии в процессе художественного восприятия возможно как с использованием произведения живописи, так и без него. Выявление целостности восприятия, рефлексии и регуляции эмоций не возможно вне восприятия произведения искусства. Поэтому предложенные методики предполагают работу с картиной (репродукцией).

Тест

Согласен ли ты с высказыванием...

1. Главное в картинах – это изображение чувств и переживаний, а не событий
2. Нельзя понять персонажа картины, не поставив себя на его место
3. Мне нравится изучать выражения лиц на портретах
4. Я переживаю чувства героев как свои
5. Когда кто-то на картине изображен смеющимся, мне тоже хочется смеяться
6. Когда кто-то на картине изображен плачущим, мне тоже хочется плакать
7. Есть картины, на которых люди (животные) изображены так, что их понимаешь без слов
8. Мне легко удастся копировать выражения лиц персонажей
9. Глядя на картину, хочется заговорить с персонажем, расспросить его обо всем
10. Самые трогательные картины – это картины с изображением животных
11. Когда я смотрю на картину с изображением животного, я легко могу представить себя в виде этого животного, ощутить его повадки

Ключ

Ответ «да» на вопросы №1, 4, 5, 6, 10 оценивается в 2 балла, «не знаю», «не всегда» и т. п. или отсутствие ответа – 1 балл, «нет» – 0 баллов. Ответ «да» на вопросы № 2, 3, 7, 8, 9, 11 оценивается 4 баллами, «не знаю», «не всегда» и т. п. – 2 баллами, «нет» – 0 баллов. Вопросы № 2, 3, 7, 8, 9, 11 выявляют эмпатию как проекцию.

От 24 до 34 баллов – высокий уровень эстетической эмпатии. От 11 до 23 – эстетическая эмпатия носит неустойчивый, избирательный, ситуативный характер, зависит от факторов художественного восприятия, а также от жанровой и стилистической специфики произведения изобразительного искусства. От 0 до 10 – низкий уровень эстетической эмпатии.

Для выявления способности подростков к **целостному художественному восприятию** на основе теоретического анализа сущности художественного образа и проблемы его целостного восприятия разработана анкета, вопросы которой призваны выявить то, на чем сосредоточено внимание подростков, чем вызван (или не вызван) интерес к полотну, эмоциональный отклик. Вопросы анкеты сформулированы общо – без упоминания слагаемых художественного образа (материальные характеристики, изобразительные средства, смысловое наполнение), чтобы не спровоцировать восприятие художественного произведения по частям. Открытые вопросы анкеты позволяют получить развернутые ответы.

Анкета

1. О чем ты подумал, как только увидел эту картину?
2. Что почувствовал, как только увидел эту картину?
3. Как ты думаешь, почему художник создал это произведение?
4. Что, по твоему мнению, в этом произведении самое главное?
5. Если бы у тебя была такая возможность, что бы ты изменил в этом произведении?
6. Закрой глаза. Что тебе представляется?
7. Если бы ты захотел рассказать об этом произведении, с чего бы ты начал свой рассказ?
8. Представь: поздно вечером, ложась спать, ты вдруг вспомнил это произведение. Что именно тебе вспомнится?

Ключ

В целом ответы на вопросы анкеты анализируются как продукты деятельности подростков.

Количественные показатели оцениваются в соответствии с тем, на чем сосредоточено внимание (и, следовательно, рассуждения) подростков. Рассуждения об идейной направленности произведения, о смысле изображенного, об общем настроении полотна без необоснованных отвлечений на отдельные образы, детали в каждом вопросе, кроме вопроса № 5, оцениваются 2 баллами.

Ответ «не знаю» или отсутствие ответа на все вопросы, кроме вопроса № 5, оцениваются 1 баллом.

Ответы, обнаруживающие интерес реципиента к отдельным образам полотна, к его деталям, материальным характеристикам, а также ответы, не относящиеся к воспринимаемому произведению, оцениваются 0 баллов во всех вопросах, кроме вопроса № 5.

Отрицательный ответ на вопрос № 5 оценивается 2 баллами, положительный ответ с рассуждениями, отражающими понимание смысла художественного образа, – 1 баллом, положительный ответ без обоснования – 0 баллов.

От 12 до 16 баллов – художественный образ воспринят в его целостности.

От 6 до 11 баллов – смысл художественного произведения понятен подростку и вызвал эмоциональный отклик, но целостное восприятие не достигнуто из-за отсутствия сосредоточенности внимания или излишней акцентуации отдельных образов.

От 0 до 5 баллов – интерес вызван отдельными составляющими художественного образа или совсем отсутствует.

Для диагностики **нравственной рефлексии** в процессе художественного восприятия использована методика «Незаконченные предложения», доработанная с опорой на анкеты для изучения личностно-нравственных качеств школьников Р. А. Базаровой [6]. Незаконченные предложения составлены таким образом, чтобы выявить способность подростков задумываться и рассуждать о своих мыслях, поведении, задумываться и рассуждать о своих чувствах, а также выявить устойчивость (или ситуативность) склонности к нравственной рефлексии в процессе художественного восприятия.

Методика «Незаконченные предложения» (по картине, репродукции)

1. Глядя на эту картину (репродукцию), размышляешь о...
2. Этой картиной художник хотел сказать...
3. Глядя на эту картину, я думаю о себе...
4. Глядя на эту картину, я подумал, что хотел бы изменить в своем характере...
5. Если бы я смотрел на эту картину в одиночестве, я почувствовал бы...
6. Глядя на эту картину, думаешь, что жизнь...
7. Картина наталкивает на мысль о том, что самое важное для меня – это...
8. Если бы природа могла говорить, то она... (по пейзажу, натюр-морту)
9. Если бы мне удалось поговорить с персонажем картины, то я... (по портретному, анималистическому, бытовому, батальному жанрам)
10. Когда я буду вспоминать эту картину, я буду чувствовать (размышлять)...

Ключ

В целом ответы на вопросы анкеты анализируются как продукты деятельности подростков. Вопросы №1, 2, 6, 8 выявляют устойчивость склонности к нравственной рефлексии в процессе художественного восприятия. Вопросы №3, 4, 7 выявляют способность рефлексировать свои мысли и поступки, вопросы № 5, 9 – способность рефлексировать свои чувства в процессе художественного восприятия.

Количественные показатели оцениваются в соответствии с характером ответов подростков. Ответы, носящие характер размышлений и оценочных суждений об идейном содержании картины, о замысле художника, а также о проблемах, имеющих отношение к тематике полотна, но выходящие за его пределы, и при этом спроецированные на внутренний мир реципиента, оцениваются 3 баллами. Аналогичные ответы, но не спроецированные на

внутренний мир реципиента, а также ответы без рассуждений оцениваются 2 баллами. Ответ «не знаю» или отсутствие ответа оцениваются 1 баллом. Отрицательные ответы типа «ничего», «ни о чем» и т. п. оцениваются 0 баллов.

От 20 до 27 баллов – можно говорить об устойчивой нравственной рефлексии в процессе художественного восприятия.

От 10 до 19 баллов – нравственная рефлексия носит неустойчивый (ситуативный) характер или же рефлексиируются только поступки, мысли и чувства персонажа, но рефлексии поступков, мыслей и чувств реципиента не возникает.

От 0 до 9 баллов – нравственная рефлексия не возникает (или не обнаружена) в процессе художественного восприятия.

Для определения способности к **регуляции эмоций в процессе художественного восприятия** разработан тест. Тест составлен на основании результатов поискового эксперимента: высказываний и рассуждений реципиентов. Вопросы теста выявляют степень осознания реципиентом возникших эмоций, способность регулировать эти эмоции, готовность и желание ввериться возникшим эмоциям. Для ответа предложены 10 эмоциональных состояний (чувств): 6 из них могут быть использованы при восприятии любого жанра живописи, 4 варианта дифференцируются в зависимости от жанра. Эмоции (чувства), предложенные в тесте, отобраны на основе результатов поискового эксперимента: выбраны наиболее часто встречающиеся чувства, описанные респондентами. Реципиенты могут воспользоваться предложенными вариантами или указать свой вариант.

Тест (по картине, репродукции)

Ответьте на вопросы, используя предложенные ниже наименования чувств или указывая свои варианты (при необходимости):

1. Какие чувства при созерцании картины ты хотел сдержать, но не смог?

2. Какие и не думал сдерживать?

3. Какие ты сдержал, когда они нахлынули?

По всем жанрам

1. Чувство неизвестного, необычного

2. Радость, восторженность

3. Увлеченность увиденным

По портретному, бытовому, батальному жанрам

1. Гордость от того, что в чем-то лучше персонажа

2. Сожаление от того, что в чем-то хуже персонажа

3. Волнение от желания стать похожим на героев

4. Сопереживание героям

По пейзажу

1. Гордость от того, что живешь на земле, где есть такие виды природы
2. Сожаление от того, что сейчас не то время года, что изобразил художник
3. Наслаждение красотой пейзажа
4. Чувство, что природа живая, у нее есть душа

По всем жанрам

1. Облегчение от того, что изображенное происходит не с тобой
2. Тревога от того, что ты мог бы оказаться в изображенной ситуации
3. Недовольство тем, что картина заставила задуматься о неприятном

Ключ

Положительный ответ на каждый вопрос оценивается 1 баллом и свидетельствует об осознании реципиентом возникших эмоций.

Исходя из описанных критериев, мы выделили **три уровня** эмоционально-нравственного развития личности средствами изобразительного искусства: низкий, средний и высокий. При описании критериев на каждом уровне мы предполагали, что у реципиентов уже есть опыт общения с произведениями изобразительного искусства в начальной школе, поэтому они осознают условность художественного образа.

Низкий уровень эмоционально-нравственного развития характеризуется неспособностью воспринимать художественный образ в целостности, устойчивым или ситуативным (при восприятии разных жанров) акцентированием внимания на отдельных деталях произведения и образа; дифференцированным, ситуативным эмоциональным откликом или же его отсутствием; проявлением эмпатии как интроекции или же ее полным отсутствием; отсутствием рефлексии и саморегуляции в эмоциональных проявлениях. Это свидетельствует о слабых проявлениях самопознания и самооценки в процессе художественного восприятия или их отсутствии.

Для **среднего уровня** эмоционально-нравственного развития характерны ситуативная способность к восприятию целостного художественного образа в случаях с одними жанрами и устойчивая способность – с другими; устойчивый эмоциональный отклик; ситуативное проявление эмпатии как проекции и рефлексии при восприятии одних жанров и устойчивое – при восприятии других; невысокая способность к саморегуляции в эмоциональных проявлениях. При таком художественном восприятии можно говорить о фрагментарности и неустойчивости самопознания на фоне выраженного стремления к удовлетворению потребности в самооценке, ее ситуативно сильных проявлениях.

На **высоком уровне** эмоционально-нравственного развития реципиент проявляет устойчивый эмоциональный отклик на художественный образ; действия эмпатии и рефлексии также носят устойчивый характер; реципиент способен при восприятии художественных произведений любых жанров регулировать свои эмоции и чувства. Восприятие художественного образа на этом уровне свидетельствует о глубоком влиянии произведения искусства на нравственное сознание и нравственные чувства реципиента, о возрастающей потребности реципиента в общении с произведением искусства как потребности в самопознании, самооценке и самосовершенствовании.

Предложенный комплекс критериально-диагностических методик может быть использован учителем для выявления исходного уровня художественного восприятия младших подростков с целью определения стратегии использования живописных произведений в учебно-воспитательном процессе и для диагностирования уже достигнутых результатов в эмоционально-нравственном развитии подростков средствами изобразительного искусства.

Библиографический список

1. Эльконин Д. Б. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков. М., 1967.
2. Кузнецова Н. Развитие художественного восприятия в системе «школа – вуз – музей» // Искусство в школе. 2007. № 2. С. 28 – 29.
3. Торшилова Е. Тестирование эстетического развития // Искусство в школе. 2007. № 2. – С. 32 – 35.
4. Выготский Л. С. Психология искусства. – Ростов-на-Дону, 1998.
5. Бойко В. В. Энергия эмоций. 2-е изд. СПб., 2004.
6. Базарова Р. А. О системе воспитательной работы классного руководителя. Методические рекомендации. Пенза, 1992.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Состояние здоровья человека зависит от множества факторов и условий, которые находятся в сложном взаимодействии друг с другом. При этом их значение неравноценно: они могут влиять на здоровье положительно или отрицательно, могут быть постоянными или меняющимися, некоторые из них влияют сильнее, другие слабее, а третьи – в какой-то период времени могут оказаться относительно в нейтральном взаимодействии со здоровьем.

В современной научной литературе можно встретить множество попыток классифицировать факторы, оказывающие влияние на здоровье человека. Например, эксперты Всемирной организации здравоохранения установили, что здоровье человека на 50–52 % зависит от образа жизни, на 20–22 % – от наследственности, на 18–20 % – от состояния окружающей среды, на 7–12 % – от системы здравоохранения.

Представляет интерес, разработанная современным российским исследователем Д. Б. Раднаевой, схема воздействия социальных факторов на формирование здоровья человека, в которой факторы здоровья классифицированы по уровню воздействия [16]. Социолог выделила глобальные факторы общепланетарного уровня, факторы общегосударственного (регионального) уровня, факторы семейного уровня и индивидуальные факторы, воздействующие на здоровье человека.

Однако, по нашему мнению, данную классификацию необходимо дополнить социокультурными факторами, которые регулируют отношение человека к здоровью. Среди них, нельзя не выделить такой фактор как физическая активность – привычный двигательный режим, от особенностей которого в значительной степени зависят уровень и гармоничность физического развития, функциональное состояние организма и по особенностям которого можно судить о морально-волевых и ценностно-мотивационных качествах личности. Большинство ученых Н. М. Амосов, И. А. Аршавская, В. К. Бальсевич, И. М. Быховская, Н. Н. Визитей, Л. И. Лубышева, В. И. Столяров, А. Г. Щедрина и др. считают главным источником формирования здоровья человека систематическую физическую активность в течение всей жизни.

Значение физической культуры как формы организованной двигательной активности в формировании здоровья человека состоит в том, что ее средства позволяют развивать не только физические качества, двигательные навыки, но, прежде всего, формируют у человека грамотное отношение к

себе, своему телу, содействуют воспитанию моральных и волевых качеств личности, потребности в укреплении здоровья. Чрезмерное смещение акцентов при формировании физической культуры на двигательный компонент (физическое развитие, физическую подготовленность и т. п.) в ущерб интеллектуальному и социально-психологическому – одна из главных причин того, что физическая культура далеко не всегда представляется насущной потребностью каждого человека. В этом случае наблюдается разрыв ее связей с общей культурой человека, ее духовным началом, что значительно снижает ее потенциальные возможности.

Другим не менее важным социокультурным фактором является образование, определяющее здоровье, отношение к нему и самосохранительное поведение. Многие исследования подтверждают связь между образовательным уровнем и здоровьем. Например, по результатам проведенных исследований представители с высоким уровнем образования в 2 раза вероятнее удовлетворены жизнью, чем люди с низким уровнем образования [9]. Наиболее выраженная зависимость здоровья и образования наблюдается в возрастной группе 40 лет и старше. Безусловно, образование дает возможность выбора лучших, безопасных условий труда, позволяет активно относиться к жизненным ситуациям, более успешно управлять здоровьем.

Образование родителей является важным условием, определяющим здоровье детей в первые годы их жизни. Установлена достаточно высокая корреляционная связь между уровнем образования родителей и заболеваемостью ребенка в семье. У родителей с высоким уровнем образования, как правило, намного реже проблем с собственным здоровьем и здоровьем детей. Они отличаются не только эрудицией в вопросах укрепления и сохранения здоровья, организации здоровой жизнедеятельности, но и уверенностью в овладении практическими действиями по оздоровлению ребенка и повышению своего физического состояния. А низкий уровень образования оказывает наиболее неблагоприятное влияние на физическое развитие детей [2].

На практике часто остается без внимания процесс формирования мотивационно-ценностного отношения к здоровью, культуры самосохранения и ответственности за собственное здоровье и здоровье близких, приобщения к общечеловеческим ценностям.

Немецкий социолог Карл Манхейм метко замечает: «... люди часто терпят в жизни неудачу, потому что их никогда не учили тому, как приспособить добродетели, усвоенные ими в семье, к условиям большого общества. Образование, необходимое для семейной жизни в окружении ближайших соседей, отличается от образования, необходимого для того, чтобы быть здоровым гражданином общества» [11].

Отношение людей к своему здоровью – это подлинно социокультурный феномен, который как считает В. М. Димов, «представляет собой систему

индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующими или, наоборот, угрожающими здоровью людей, а также определенную оценку индивидом физического и психического состояния» [8].

Отношение к здоровью проявляется в действиях, суждениях и переживаниях людей относительно факторов, влияющих на физическое и душевное благополучие. Исследования свидетельствуют, что существует, как минимум, три типа отношений к своему здоровью: самосохранительное, равнодушное и саморазрушительное. Они порождают соответствующие типы поведения, связанные в своих проявлениях со здоровым и разрушительным образом жизни.

Реформа системы здравоохранения, перенос ответственности за состояние здоровья с государства на самих граждан сопровождается изменением в жизненных стратегиях людей. Трансформации подверглось и самосохранительное поведение населения, результатом которого является тот или иной уровень состояния здоровья и продолжительность жизни. На поведение человека в отношении к своему здоровью влияют, прежде всего, особенности российской культуры в области отношения к здоровью, в частности культуры самосохранения. Это проявляется в различиях самосохранительного поведения: наличие или отсутствие вредных привычек, разный уровень информированности и грамотности относительно рисков в сфере здоровья, ценность здоровья и степень активности для его поддержания.

Результаты проведенных эмпирических исследований в различных городах России выявили, что у людей, живущих в разных климатогеографических поясах, имеющих различные культурно-исторические традиции и уровни физического развития, обнаружено отсутствие осознания ценности здоровья, социальных установок и необходимых знаний по его укреплению и сохранению. К сожалению, россиянин не привык заботиться о своем здоровье [23]. Проблема его самосохранительного поведения отражается, прежде всего, в различии между декларируемыми во время опросов нормами поведения в отношении здоровья и реальным поведением. Свидетельством чего является существование наряду с самосохранительным поведением его антипода – саморазрушительного поведения индивида, содержание которого характеризуется нежеланием считаться с нормами здорового образа жизни, питания, режима работы и отдыха, оздоровительными рекомендациями валеологии, предписаниями медицины, санитарии и гигиены. Данное поведение характерно, как правило, для молодых групп людей и выражается в преднамеренных поисках рискованных и опасных для жизни ситуаций.

Молодежь, как показывают жизненные наблюдения, обычно не задумывается о своем здоровье, о факторах, укрепляющих или разрушающих его. Она вообще редко ценит здоровье, ее биологический инстинкт самосохранения еще не обогащен знаниями, опытом и размышлениями о здоровье. Ведь

когда есть здоровье, то его не замечаешь, а когда понимаешь, что оно уже потеряно, начинаешь лихорадочно искать способы продления жизни.

Изменения культуры отношения к здоровью у населения проявляются в том, что одни, под влиянием западных норм деловой жизни, где здоровье рассматривается как качественная характеристика любого профессионала, несут большие расходы на поддержание здоровья, правильное и качественное питание, занятия спортом, полноценный отдых. Забота о здоровье стала элементом имиджа преуспевающих, серьезных деловых людей. Для других, не имеющих материальных и психологических ресурсов, характерно деградиционное поведение, в том числе по отношению к здоровью. Вместе с тем ценность здоровья в нормативных представлениях повысилась, но не стала фактом сознания, осталась пока на уровне моды. Причины различного отношения индивида к здоровью коренятся, видимо, в противоречивой природе и сущности человека, что обуславливает и противоречивость его потребностей, которые характеризуются пассивно-активным характером.

Результаты ряда исследований свидетельствуют, что у населения в оценке здоровья преобладают мотивы, связанные с реакцией поведения на непосредственно переживаемые факторы жизни, вне связи с дальнейшими жизненными перспективами. Зафиксирована несформированность сознательного, самодетерминирующего поведения по отношению к здоровью как базовой ценности, предопределяющей возможности (успешность) жизненного пути человека. Отчетливо проявившееся осознание неудовлетворенности имеющимся потенциалом здоровья как жизненным ресурсом практически у всех социальных групп населения не сопровождается формированием и реализацией особой культуры поведения, ориентированной на повышение, укрепление и сохранение потенциала здоровья.

Это связано, по мнению Э. А. Фомина и Н. М. Федоровой, с тем, что в устанавливающихся отношениях рыночного типа не очень заметно проявляются механизмы и индикаторы того, как в действительности здоровье может конвертироваться в другие виды капитала. Хорошее здоровье пока еще не демонстрирует со всей очевидностью своей роли в достижении его носителями экономического процветания. Как, впрочем, и слабое здоровье еще не воспринимается населением в качестве серьезного препятствия, затрудняющего достижение жизненного успеха. Но, в какой мере здоровье оказывается тем фактором, который способствует или препятствует достижению материального благополучия, сказать трудно [19]. По данным исследований, в среднем, состояние здоровья является причиной различных жизненных ограничений у 3–5 % детей, у 9–12 % подростков, у 18–20 % взрослого населения [12].

Мы полагаем, что поведение человека, направленное на сохранение и укрепление здоровья, имеет большее значение, чем характер действующих на него факторов. Нельзя не согласиться с мнением американского психоло-

га Абрахама Маслоу, что «жизнь есть искусство поистине самое важное и, в то же время, самое трудное из всех практикуемых человечеством искусств, в котором человек – и творец, и предмет своего искусства, и скульптор, и мрамор, и врач, и пациент» [13]. А путь к здоровью представляет собой обретение искусства жизни.

В отличие от российского образования на Западе в общественное сознание усилено внедряется мысль о виновности самого индивида в своем нездоровье. Хотя есть и противоположное мнение, подтвержденное практическими расчетами и данными статистики о связи заболеваемости и смертности с уровнем благосостояния нации, величиной дохода и национального продукта на душу населения, с долей средств на здравоохранение в структуре государственного бюджета.

Состояние здоровья населения во многом определяется социально-экономическим развитием общества. Снижение его уровня отражается на качестве жизни широких масс населения, которое определяется уровнем дохода и созданием таких условий, которые вызывают у человека уверенность в своем положении. В последние годы отмечается явно выраженное социальное расслоение населения по материальному состоянию. Уровень дохода, определяет различия в жизненных стандартах – количестве и качестве потребляемых товаров и услуг. От этого, в свою очередь, зависит калорийность, разнообразие и сбалансированность питания, защитные и санитарно-гигиенические свойства используемой одежды и обуви, удобство и комфорт микросреды обитания. Различия в экономическом положении формируют неодинаковые возможности адаптации людей к природной и социальной среде, способности справляться с физическими и эмоциональными нагрузками. Социально-экономическое неравенство ограничивает возможности использования оперативных и эффективных мер и способов в борьбе с возникающими отклонениями в здоровье. Высокий уровень текущих доходов является важным фактором контроля над индивидуальным здоровьем, профилактического наблюдения и предупреждения заболеваний, выявления возникших отклонений здоровья.

Ряд современных исследователей выявили связь социально-экономического статуса со здоровьем населения России [12; 17; 22]. Автор статьи разделяет точку зрения В. С. Тапилиной о том, что социально-экономические различия – это значимые факторы неравенства в здоровье, и это неравенство имеет социальный характер и социальную природу, будучи связано со стратификацией общества.

Результаты проведенных исследований показывают, что в условиях ухудшения экономического положения страны начинается массовая эксплуатация здоровья как средства достижения жизненных благ. Расслоение населения по уровню доходов вызвало неравенство в условиях поддержания

здоровья. Услуги физкультурно-оздоровительных центров (сауна, солярий, массажный кабинет, тренажерный зал и др.), направленные на восстановление «резервов здоровья», стали доступны только обеспеченным слоям населения. А люди с низкими доходами вынуждены еще больше эксплуатировать свое здоровье.

Показатели материального положения выступают важной детерминантой таких характеристик здоровья, как смертность всего населения, младенческая смертность и заболеваемость. Установлено, что более высокому социальному статусу соответствуют более низкие уровни смертности, в том числе младенческой, показатели которой признаются в качестве наиболее чувствительного индикатора благосостояния общества в целом. Зависимость уровня смертности от размеров дохода, вероятность более короткой жизни формируется в результате длительного негативного воздействия материальных лишений и связанных с ними эмоциональных реакций. Установлено, что хронические стрессы, связанные с неудовлетворенностью занимаемым социально-экономическим положением, приводят к изменению нейроэндокринного и психологического функционирования организма и увеличивают риск развития заболеваний. Уже общепризнанно, что длительное состояние страха, неуверенности, низкая самооценка, социальная изоляция, невозможность принимать решения и контролировать ситуацию на работе и дома оказывают серьезное влияние на здоровье: вызывают депрессию, повышают предрасположенность к инфекционным заболеваниям, диабету, высокому уровню холестерина в крови, сердечно-сосудистым заболеваниям. Низкое социально-экономическое положение воздействует на здоровье непосредственно через депривацию и материальные лишения и через субъективное восприятие людьми своего «неравного» положения в обществе и связанные с этим оценки, отношения, переживания [17, с. 126].

Когда речь идет о величине доходов и заболеваемости, связь является отражением поведения человека в условиях возникновения «срывов» в функционировании организма. Естественно, что достаточно обеспеченные люди обладают большими материальными возможностями получить необходимые медицинские услуги и с большей заинтересованностью следить за своим здоровьем и беречь его. Отмечено, что среди них распространенность посещений медицинских учреждений с профилактическими целями значительно выше по сравнению с малоимущими. Чем выше экономический статус, тем меньше количество отклонений от здоровья (тем лучше здоровье), меньше доля лиц со значительной и стойкой утратой здоровья.

К сожалению, в России примерно половина населения страны не имеет достаточных денежных средств, чтобы поддерживать и сохранять здоровье на надлежащем уровне. Естественно, та часть населения, которая имеет низкий социально-экономический статус, не удовлетворена наличным уровнем

дохода. Вряд ли кто сегодня может признаться, что вполне удовлетворен уровнем материального благополучия своей семьи. Наряду с этим, вызывает интерес удивительный факт, что степень неудовлетворенности доходом семьи растет по мере роста его уровня. Определено, что чем больше величина дохода, тем выше его желаемый уровень и тем более разрыв между имеющимся и желаемым. Это, к сожалению, часто приводит к тому, что наличные жизненные условия семьи оцениваются как неблагоприятные для рождения очередного ребенка, для полного удовлетворения потребностей семьи в детях. Большой доход в этом случае ориентирует человека на более сильные и значимые внесемейные ценности личного успеха и преуспевания. Этот социологический фактор свидетельствует о том, что в будущем наличные жизненные условия семьи будут оцениваться как все менее благоприятные для увеличения ее детности. А это значит, что реальная убыль населения будет гораздо больше, чем существующий сегодня прогноз [14, с. 99].

Социальное расслоение сказывается также на процессах роста и развития детей, формирования здоровья с раннего возраста. Установлено, что уже с первого года жизни состояние детей в семьях, отличающихся по социальному статусу, имеет явно выраженные особенности: достаточно более низкий уровень здоровья имеют дети из семей с низким социально-экономическим статусом. Как правило, дети, воспитывающиеся в бедных семьях и относящиеся к ниже среднему и низкому социальному слою, имеют наихудшие показатели здоровья и меньше материальные возможности для его поддержания и лечения возникающих болезней [12, с. 49]. Отмечено, что темпы роста и физического развития, ускорение или торможение возрастных процессов, связаны с социальным статусом семьи, где воспитывается ребенок, возможности которой либо позволяют развиваться полностью, либо подавляют реализацию генетических задатков.

Таким образом, социально-экономический фактор имеет определяющее значение в формировании здоровья и качества жизни будущего населения страны, реализации этим контингентом социальных и биологических функций, предопределяющих жизнь и здоровье будущих поколений. Поэтому первоочередной задачей социальной политики в этой области должна стать борьба, по крайней мере, за ограничение влияния бедности и неравенства в распределении доходов на здоровье населения. Проблемы борьбы с бедностью, дефицитом денежных средств на воспроизводство и поддержание здоровья в России следует решить по нескольким направлениям. Одно из них – приближение структуры и стоимости прожиточного минимума к величине, реально обеспечивающей нормальный уровень сохранения здоровья и увеличения продолжительности жизни. Борьба с негативным влиянием низкого уровня жизни на здоровье населения должна вестись не только с помощью социальных трансфертов, но и за счет адекватной оплаты труда,

повышения экономической активности самого населения и сбалансированного увеличения доходов за счет различных источников.

Социально-демографические факторы – это характеристики естественного движения населения, демографическая структура населения, структура заболеваемости и смертности населения. Численность постоянного населения России, по данным Всероссийской переписи населения 2002 года, составляет 145,2 млн. человек. По сравнению с предыдущей переписью 1989 года численность россиян сократилась на 1,84 млн. человек, или на 1,3 %. На начало 2007 года численность населения России составляла уже 142,2 млн. человек. Уменьшение населения происходит в основном из-за естественной убыли, которая суммарно за 1989-2007 гг. составила 10,4 млн. человек.

Общая динамика смертности населения страны характеризуется сверхсмертностью людей трудоспособного возраста, среди которых 80 % составляют мужчины. Уровень смертности среди мужчин в 4 раза выше, чем среди женщин. Велика смертность трудоспособных мужчин на селе от заболеваний органов дыхания (1,3 раза выше, чем в городе) и насильственных причин (в 1,2 раза). В 2002 году число умерших трудоспособного возраста достигло 679,2 тыс. человек, а их доля в общем числе умерших всех возрастов повысилась до 29 %.

Возросло влияние на смертность таких факторов, как распространение алкоголизма, курения, дорожно-транспортные происшествия, криминализация общества, рост преступности и насильственных деяний в отношении личности. Число умерших увеличивается не только от хронических, но и от социально обусловленных заболеваний. Например, за 4 года (1999-2002 гг.) смертность от туберкулеза повысилась более чем на 40 %.

По расчетам Госкомстата России, физическая убыль населения страны будет продолжаться, а старение общества будет усиливаться. Ежегодно доля лиц моложе трудоспособного возраста сокращается. Если в 1989 году в общей структуре населения численность детей в возрасте от 0 до 15 лет составила 24,4 %, в 1995 году – 23,0 %, в 2005 году – 16,1 %, то в 2007 году – уже 14,7 %. Численность населения в пожилом возрасте к 2016 году превысит численность детей и подростков на 12,8 млн. человек или на 62 %, что значительно ускорит процесс старения нации [20].

Следует отметить, что международные нормы признают население страны «старым», если доля граждан в возрасте 65 лет и старше превышает 7 %. Население России можно считать таковым уже с конца 60-х гг. двадцатого столетия. В настоящее время этот уровень в России составляет 14,1 %. По прогнозам, Госкомстата РФ в 2010 году число работающих и неработающих сравняется. Экономические последствия «старения» населения окажут отрицательное влияние на воспроизводство, формирование и использование трудовых ресурсов, увеличат расходы на содержание нетрудоспособного населения, то есть пожилых и детей.

В настоящее время в России число родившихся снизилось до 1,2 млн. человек в год. Коэффициент суммарной рождаемости к началу XXI века в Российской Федерации составляет 1,17 рождений в среднем на одну женщину при уровне необходимом, хотя бы для простого воспроизводства населения, в 2,15 [10]. Снижение рождаемости обусловлено не какими-то привходящими обстоятельствами, а исторически длительным и имеющим глобальный характер процессом ослабления потребности в детях, вызванным изменением роли и места семьи и отцовства [4, с. 17]. Самым ярким проявлением этого процесса стала необходимость жесткого внутрисемейного регулирования деторождения, как адекватная реакция населения на воздействие экономической конъюнктуры, откладывание рождения первого ребенка молодыми супругами и повышение среднего возраста матери при рождении детей (в 2007 году – 26 лет, в 1995 году – 24,7 года). На этом фоне произошло заметное омоложение возраста начала сексуальной жизни, распространение добрачных сожительств без намерения иметь детей и не оформленных юридически браков, существенное увеличение внебрачной рождаемости. Только за 1995–2007 гг. доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, среди всех родившихся в целом по стране повысилась в 1,5 раза и достигла почти 30 %.

Сочетание низкой рождаемости и высокой смертности, наблюдающееся сегодня в России, является по-своему уникальным и не имеющим аналогов в современном мире. Стране наносится социально-экономический ущерб, связанный с потерей потенциального производителя. Происходит недополучение валового внутреннего продукта. В этом случае мы говорим о качественной оценке составляющей человеческого капитала – качестве здоровья населения.

Резкое падение жизненного уровня большей части российских граждан за годы реформ, нестабильность в обществе, снижение уровня социально-гарантированной медицинской помощи, нарастающая безработица, повышение психических и эмоциональных нагрузок, связанных с кардинальным реформированием всех сторон жизни общества, отразились на показателях здоровья населения России. За период 1990–2005 гг. уровень общей заболеваемости, по данным обращаемости населения в лечебно-профилактические учреждения, увеличился на 36,5 %: с 1069,8 до 1459,7 на 1000 населения. Рост показателей заболеваемости наблюдался среди всех возрастных групп и по всем классам заболеваний. При этом основную долю составляют социально обусловленные заболевания (сердечно-сосудистые заболевания, новообразования, туберкулез, СПИД, алкоголизм, наркомания и др.).

Наиболее уязвимой частью общества оказались дети, подростки и молодежь. По итогам Всероссийской диспансеризации детей 2002 года [осмотрено 30 млн. 400 тыс. детей (94,6 %)] только 32,1 % детей признаны здоровыми, 51,7 % имеют функциональные отклонения или факторы риска заболеваний, 16,2 % – хронические заболевания. В структуре заболеваемости детей и под-

ростков первое место занимают болезни костно-мышечной системы, второе – болезни органов пищеварения, третье – болезни эндокринной системы и нарушения обмена веществ, причем у детей в возрасте до 15 лет преобладают болезни органов пищеварения, а в возрасте 15–17 лет – болезни костно-мышечной системы.

Особую проблему представляет состояние детей, подвергшихся радиационному воздействию в результате аварии на Чернобыльской АЭС. По состоянию на начало 2002 года их общая численность в возрасте 0-14 лет в России составляла, по информации МЧС России, 92,2 тыс. человек, в том числе 3,4 тыс. детей, эвакуированных из зон отчуждения и отселения и проживающих в 66 субъектах Российской Федерации; 58,4 тыс. детей, проживающих на территориях с плотностью загрязнения почв цезием-137 свыше 5 Ки/км² (Брянская, Калужская, Орловская и Тульская области); 30,5 тыс. детей, родившихся от одного или обоих родителей – ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС, независимо от места проживания (эвакуированные или проживающие на загрязненных радионуклидами территориях).

По итогам диспансеризации нормальное физическое развитие имеют 91,8 % детей. Выявлена зависимость физического развития детей от их возраста. Удельный вес детей с дефицитом массы тела увеличивается с 3 % в возрасте до 1 года до 4,7 % в возрасте до 18 лет, причем в возрасте 16-17 лет удельный вес мальчиков с дефицитом массы тела больше (12,07 %), чем девочек (7,12 %).

Низкий уровень физической подготовленности и высокая степень заболеваемости, характерные для современной молодежи, выступают основной причиной уклонения от воинской службы. Около 50 % призывников не выполняют предусмотренных нормативов, а 20 % признаются негодными к службе в Армии по состоянию здоровья. Заболеваемость призывников за последние годы увеличилась на 9 %, возврат из армии по состоянию здоровья – на 30 %.

Увеличивается число учащихся и студентов, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе. В 2002 году их количество превысило 1 млн., что на 24 % больше, чем в 1995 году. По прогнозам ряда исследований число студентов отнесенных к специальной медицинской группе может достигнуть 50 % от общего количества [1,7,15].

В нашей стране хронический дефицит двигательной активности среди школьников составляет 50-80 %, и в дальнейшем прослеживается тенденция к увеличению степени гипокинезии, в частности, при продолжении обучения в вузе, особенно с прекращением на старших курсах учебных занятий по физической культуре.

Одним из основных показателей здоровья нации и важнейшей государственной проблемой социальной сферы является инвалидность. В последние годы в России наблюдается рост числа лиц, ставших инвалидами. Только за

последнее десятилетие уровень инвалидности увеличился на 67,8 %. На 1 января 2007 года общая численность инвалидов в РФ составила 13 млн. 14 тыс. человек. Увеличение в составе населения доли лиц с ограниченными возможностями соответственно негативно отражается на состоянии воспроизводства населения в стране и процессе развития ресурсов для труда.

Зеркальным отражением состояния здоровья и уровня смертности является показатель средней ожидаемой продолжительности жизни (СОПЖ). За 1999–2004 гг. этот показатель для российских мужчин сократился почти на 3 года и ныне не превышает 58,5 года, что на 1,5 года меньше возраста их выхода на пенсию. Продолжительность жизни женщин за указанный период уменьшилась на 1 год и не превышает 71,9 года (максимальные значения данного показателя имели место в 1986–1987 гг.: у мужчин – 64,9 года, у женщин – 74,6 года). При этом отмечается разрыв показателя СОПЖ для мужчин и женщин: в 2004 году он составил 13,4 года. Если к 2010 году ситуация не изменится, то Россия будет «страной вдов».

Следует отметить, что продолжительность жизни является важным критерием, характеризующим состояние здоровья населения, генофонда и качества его жизни. Этот показатель входит составной частью в индекс развития человеческого потенциала, наряду с уровнем образованности и обеспеченности материальными ресурсами и благами. По мнению ряда авторов, стремительное снижение продолжительности жизни в нашей стране беспрецедентно для мирного времени [6,18]. По этому показателю Россия в настоящее время занимает 135 место в мире.

Социально-экологические факторы развития здоровья отражают состояние природной среды, в которой родился и живет человек, а также количественные оценки внешней среды с учетом сравнительного вклада и значимости различных источников воздействия на живой организм [5]. К факторам внешней среды относят природно-климатические условия, загрязнения воздуха, воды, почвы, резкие смены атмосферных явлений, а также гелиокосмические, магнитные и другие излучения.

Исследователи отмечают, что социально-экологическая напряженность в обществе отражается на здоровье населения, прежде всего, на детях, подростках и молодежи. По данным медико-социологических исследований, большинство болезней (до 90 %) напрямую зависят от состояния экологии в регионе и возникают вследствие неблагоприятной экологической обстановки, отрицательных мутагенных воздействий на организм родителей, которые передаются затем детям [21]. Как показывает практика, социальные и экологические факторы взаимодействуют между собой, определяя состояние здоровья человека.

Уровень развития здравоохранения, а также форма существования медицинской помощи населению оказывают воздействие на характер и дина-

мику процессов здоровья в регионах и на местах. Хотя уровень развития здравоохранения влияет на здоровье населения лишь на 10–15 %, он является весьма важным при регулировке распространения эпидемий, профилактике разного рода заболеваний. Основными показателями развития здравоохранения можно считать эффективность профилактических мероприятий, качество, доступность и своевременность медицинской помощи.

Факторы системы образования составляют, прежде всего, условия пребывания индивида в образовательном учреждении (в школе, лицее, колледже, вузе). Современная система образования формирует ряд факторов риска, воздействия которых в достаточной мере изучены отечественными исследователями. Первейшим из этих факторов является чрезмерная учебная нагрузка с ее неотрывным статическим напряжением по удержанию рабочей позы в течение 4–6 часов. Высокая учебная нагрузка, заложенная в учебном плане, плюс подготовка домашнего задания обуславливают дефицит времени на освоение объема знаний, который обучающиеся вынуждены компенсировать за счет сокращения отдыха и укорочения ночного сна [3]. Обращают на себя внимание и такие факторы риска для здоровья обучающихся, как сменность занятий и 5-дневная рабочая неделя. Другими важными факторами, определяющими здоровье обучающейся молодежи, являются санитарно-гигиенические условия, организация медицинской помощи и организация питания в образовательном учреждении.

Факторы семейного уровня определяются, прежде всего, качеством жизни семьи наряду с ценностными ориентациями семьи и ее социально-демографическим характером. Особенность факторов этого уровня состоит в том, что они, испытывая на себе влияние факторов всех других уровней, являются определяющими в формировании здоровья человека. Факторы этого уровня концентрируют в себе весь комплекс взаимосвязанных социальных факторов здоровья человека, и поэтому, являются наиболее интересными для изучения.

Индивидуальные факторы – это индивидуальные особенности человека: генетические и психологические факторы. Генетические факторы включают в себя состояние здоровья кровных родственников человека по определенным признакам. Установлено, что наличие определенных заболеваний у родителей, бабушек и дедушек может привести к врожденной предрасположенности к определенным заболеваниям у ребенка. Фактор наследственности во многом индивидуален, у каждого индивида проявляются свои особенности. Однако в последнее время, в связи с расширением воздействия на организм человека широкого спектра антропогенных факторов среды и накопления в ней большого количества различных мутагенов и канцерогенов, неблагоприятное воздействие стало с большей вероятностью сказываться на ныне живущих людей, но и на их потомство.

Психологические факторы – это социально-психологические особенности развития личности, которые оказывают значительное влияние на формирование здоровья человека. Психологические факторы отражают состояние взаимоотношений человека в семье и в обществе, уровень адаптации поведения человека к нормам, принятым в среде его общения и обществе в целом.

Таким образом, представленную в данной статье концепцию воздействия социальных факторов на формирование здоровья человека можно отобразить в виде следующей схемы (рис. 1). При этом необходимо заметить, что характеристики каждого уровня, кроме индивидуальных факторов, детерминированы показателями верхнего уровня как напрямую, так и опосредованно через промежуточные факторы.

Рис. 1. Схема воздействия социальных факторов на здоровье человека.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что здоровье человека детерминируется комплексом условий и факторов, знание которых необходимо для эффективного решения вопроса предупреждения социального риска и охраны здоровья различных категорий населения. Однако решающим среди них является позиция самого человека, его отношение к собственному здоровью и продолжительности жизни.

Следовательно, возникает необходимость в целенаправленном поиске факторов, опираясь на которые, можно поддерживать состояние здоровья и трудоспособность человека на высоком уровне.

Библиографический список

1. Акчурин Б. Г. Дialeктика духовного и телесного начал в свете нового понимания физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2002. № 6. С. 57-60.
2. Антонов А. И. Микросоциология семьи. М., 1998. С. 313-316.
3. Антонова Л. Т. , Сердюковская Г. Н. О проблеме оценки состояния здоровья детей и подростков в гигиенических исследованиях // Гигиена и санитария. 1996. № 2. С. 22-27.
4. Борисов В. А. Депопуляция в России: причины и следствия, пути преодоления // Демографические проблемы и семейная политика: региональные проблемы: Материалы научно-практической конференции. Липецк, 1999.
5. Буштуева К. А., Слученко И. С. Методы и критерии оценки состояния здоровья населения в связи с загрязнением окружающей среды. М., 1979.
6. Герасименко Н. Ф. Кризис здоровья и здравоохранения как угроза национальной безопасности страны // Аналитический вестник / Федеральное собрание РФ. Государственная дума. М., 1997.
7. Григорьев В. И. Кризис физической культуры студентов и пути его преодоления // Теория и практика физической культуры. 2004. № 2. С. 54-61.
8. Димов В. М. Здоровье как социальная проблема // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6. С. 179.
9. Дмитриева Е. В. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 51-56.
10. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года.
11. Майнхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
12. Максимова Т. М. Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения. М., 2000. С. 49.
13. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. М., 1999. С. 34–50.
14. Медков В. М. Демография: Учебник. М., 2003.
15. Носкова С. А. Физическая культура и социализация студента // Теория и практика физической культуры. 2003. № 6. С. 13–16.
16. Раднаева Д. Б. Социальные факторы здоровья: теория и методология изучения: Методическое пособие. Новосибирск: НГТУ, 1997.
17. Тапилина В. С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 126-135.
18. Федосеев В. Н. Потребитель на отечественном рынке общественного здоровья // Маркетинг в России и за рубежом. 2002. № 1. С. 85–90.
19. Фомин Э. А. , Федоров Н. М. Стратегии в отношении здоровья // Социологические исследования. 1999. №11. С. 40.
20. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Мамедов Р. А., Староверова И. Н. Социальный потенциал молодежи – тенденции изменения: анализ результатов социологического исследования «Социальное развитие молодежи». М., 1999.

21. Шевалдина Е. И. Социально-экологические факторы здоровья детей // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 92–97.

22. Юркевич А. С. Влияние социально-экономических факторов на здоровье населения как условие формирования трудового потенциала России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 1999. 22 с.

23. Ядов В. А. Социология быта, здоровья и образа жизни населения. С. 477-483.

Л. И. Найденова, И. Ю.Савчихина, В. М. Салюкова
Пензенская государственная технологическая академия

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ НА ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗЕ

В современном мире возникает проблема прогнозирования успешной профессиональной деятельности выпускников вуза в зависимости от развития таких важных качеств, которые помогут молодым специалистам адаптироваться в различных сферах профессиональной деятельности. Так как в настоящее время к специалистам будут предъявляться новые требования в профессиональном и личностном плане, то уже в начале обучения целесообразно определить: кто из студентов может добиться успеха в избранной, а кто — в какой-либо другой сфере деятельности.

За последние годы существенно изменились требования к специалистам со стороны работодателей. Если раньше были востребованы узко специализированные умения и навыки, то сегодня необходимы более широкие знания, умения, позволяющие продолжить образование, освоить новые виды профессиональной деятельности. В наше время от специалистов с высшим образованием требуются не только специальные навыки, но и такие качества, как расторопность, усидчивость, исполнительность, широкий кругозор, умение быстро выполнять свою работу.

От сотрудника требуется не знание университетской программы, а нестандартный подход к проблематике и наличие развитых профессиональных качеств, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Сегодня наиболее значительными в профессиональной деятельности молодого специалиста являются настойчивость и целеустремленность, способность к непрерывному обучению и повышению собственного образовательного уровня. Обладая такими качествами, можно постоянно добиваться новых высот, тем более при наличии современной корпоративной и трудовой культуры, которая создает все условия для продвижения по карьерной лестнице энергичных, инициативных и трудолюбивых людей. Кроме того, большое значение имеют коммуникативные навыки, способность работать в команде, преданность общему делу и фирме. Главным критерием при

приеме на службу молодого специалиста становится обучаемость, то есть умение и желание учиться, напрямую связанное с отсутствием жестких стереотипных установок. Наличие опыта работы у выпускника вуза сейчас не является существенным преимуществом при трудоустройстве.

Сегодня необходимые для нанимателей качества кандидатов распределяются следующим образом: работодатели ценят прежде всего корпоративность (умение играть в команде), затем — креативность (способность человека воспринимать новое, быстро отсеивать ненужное, генерировать идеи), — профессиональные навыки (умение выполнять конкретную работу) и, наконец, полученные знания, которые могут быстро устареть и нуждаются в постоянном обновлении.

Поэтому особую актуальность приобретает качественная профессиональная подготовка компетентных выпускников учреждений высшего профессионального образования. Высокий уровень профессиональной компетентности является решающим фактором социальной защищенности и профессионального развития работников, а его достижение - главной задачей учреждений профессионального образования. Поэтому так необходимо выявлять и исследовать психологические профессионально важные качества (ППВК) студентов.

Профессионально важные качества – это востребованные профессиональной деятельностью психологические свойства, качества и способности специалиста (ответственность, способность принятия решения, корпоративность, самостоятельность).

Профессионально важные знания, умения и навыки составляют компетентность специалиста, в которой выделяются следующие компоненты: социальная, правовая, экономическая, экологическая, обще-профессиональная, специальная, творческая.

Профессионально важные качества выпускников, которые наиболее актуальны для работодателей, определяются в форме профессиограммы. Профессиограмма уточняет и структурирует перечень требований, предъявляемых к будущему специалисту. Содержание профессиограммы раскрывается во взаимосвязанных блоках.

- трудограмма (описание труда в профессии);
- психограмма (описание человека в профессии);
- социограмма (описание личности в профессии).

В частности, профессиограмма определяет те качества, которыми должен обладать выпускник:

- умение адаптироваться в меняющихся жизненных и производственных ситуациях,
- самостоятельное приобретение необходимых знаний,
- самостоятельное и критическое мышление,

— умение видеть возникающие в реальности противоречия и проблемы и искать пути их рационального преодоления, используя современные технологии.

При этом он должен быть коммуникабельным, контактным в различных социальных группах.

На основе данных перечней были обобщены соответствующие блоки профессиограмм специальностей ММ и ТП.

Профессиограмма специальности ММ может включать такие блоки.

Трудограмма.

Выполняемые функции: исследование и прогнозирование показателей и критериев экономического развития предприятия, отрасли, региона.

Характер труда: умственный, творческий.

Психограмма. Требования к развитию познавательных процессов (свойства внимания, памяти, абстрактного мышления). Для успешной профессиональной деятельности специалисту данного профиля необходимы: высокая концентрация внимания, устойчивость внимания, большой объем внимания, развитая словесно-логическая память, память на числа, абстрактное мышление.

Необходимые характеристики темперамента. С работой аналитического характера, требующей тщательного изучения, детального запоминания обычно лучше справляются личности, более склонные к флегматическому и меланхолическому типам темперамента.

Мотивация профессиональной деятельности. Ведущими мотивами выбора данной профессиональной деятельности могут быть стремление к реализации своих творческих способностей, к определенному социальному статусу, который дает трудоустройство по полученной специальности.

Социограмма.

Для успешной профессиональной деятельности могут быть необходимы: качества личности, проявляемые в общении; психологическая совместимость; умение работать в команде.

Профессиограмма специальности ТП может включать следующие блоки:

Трудограмма.

Выполняемые функции: конструирование оборудования для пищевой промышленности.

Содержание труда: умственный, творческий.

Психограмма.

Требования к развитию познавательных процессов (свойства внимания, памяти, мышления). Для успешной профессиональной деятельности необходимы: концентрация, объем и переключение внимания; память на схемы, последовательность (словесно-логическая) и на внешние признаки (наглядно-образная); память на числа; развитое образное и наглядно-действенное мышление.

Необходимые характеристики темперамента. Поскольку данный вид деятельности связан не только с разработкой, но и с внедрением оборудования в производственный процесс, то можно предположить, что не существует однозначной зависимости между успешной деятельностью специалистов данного профиля и типом темперамента. С разработкой и конструированием лучше могут справиться личности, близкие к флегматическому и меланхолическому типам, а с внедрением, испытанием, запуском в серийное производство – личности, более склонные к холерическому и сангвиническому типам.

Мотивация профессиональной деятельности. Ведущими мотивами могут быть стремление получить профессию, которая обеспечит устойчивое материальное положение и достаточно высокий статус в обществе благодаря востребованности специалистов данного профиля на рынке труда.

Социограмма.

Для успешной профессиональной деятельности нужны: качества личности, проявляемые в общении; психологическая совместимость; компромисс и сотрудничество как предпочитаемые стратегии поведения в конфликтной ситуации.

На основании таких профиограмм была разработана гипотеза, подобраны соответствующие методики и проведены исследования ППВК в двух группах студентов ПГТА, представляющие названные выше специальности.

Цель исследования: изучение влияния психологических профессионально важных качеств (ППВК) на познавательную деятельность у студентов второго курса Пензенской Государственной Технологической Академии.

Задачи исследования:

- 1) Определение набора профессионально важных качеств.
- 2) Исследование уровня развития ППВК у студентов
- 3) Определение типологии ППВК по профилям выбранной специальности.

Субъект исследования: студенты второго курса Пензенской государственной технологической академии, обучающиеся по специальностям «Технология продуктов общественного питания» (15 человек) и «Математические методы в экономике» (22 человека).

Объекты исследования: уровни развития ППВК, необходимые для активной познавательной деятельности в процессе подготовки по избранной специальности.

Гипотеза исследования:

В набор ППВК студентов входят:

- избирательность внимания;
- оперативная память;
- логическое мышление;
- свойства типа темперамента.

Гипотеза исследования:

Существует зависимость между уровнем развития ППВК студентов и успешностью их обучения. Это проявляется в процессе изучения предметов, входящих в учебный план подготовки по данной специальности.

В качестве методик исследования были выбраны:

- методика «Оперативная память»,
 - методика «Память на числа»
 - методика Мюнстерберга для определения избирательности внимания,
 - методика «закономерности числового ряда» для оценки логического аспекта мышления,
 - методика определения типа темперамента (по Айзенку).
- Результаты исследований представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Результаты исследования ППВК у студентов гр. 06ММ

№	Ф.И.О.	Избирательность внимания	Оперативная память	Логическое мышление		Тип темперамента
				№1	№2	
1	М. Х.	92 %	73 %	88 %	88 %	Э=6, Н=17, Л=3, мел.
2	О. Р.	69 %	100 %	88 %	88 %	Э=11, Н=20, Л=3, мел.
3	П. С.	81 %	100 %	88 %	88 %	Э=19, Н=15, Л=2, хол.
4	Н. К.	77 %	55 %	88 %	88 %	Э=18, Н=12, Л=4, хол. санг.
5	Т. К.	69 %	55 %	88 %	88 %	Э=18, Н=11, Л=3, санг.
6	А. К.	58 %	68 %	88 %	88 %	Э=18, Н=16, Л=2, хол.
7	А. Р.	85 %	55 %	88 %	88 %	Э=16, Н=16, Л=2, хол.
8	Д. Г.	73 %	98 %	88 %	88 %	Э=13, Н=5, Л=0, санг.
9	И. С.	62 %	98 %	82 %	82 %	Э=13, Н=9, Л=3, санг.
10	М. Г.	81 %	85 %	88 %	88 %	Э=9, Н=14, Л=6, мел.
11	О. К.	92 %	75 %	88 %	88 %	Э=11, Н=16, Л=2, мел.
12	Е. П.	92 %	70 %	82 %	82 %	Э=16, Н=15, Л=3, хол.

13	О. П.	96 %	98 %	82 %	82 %	Э=9, Н=17, Л=2, хол.
14	М. Г.	96 %	93 %	82 %	82 %	Э=15, Н=15, Л=3, хол.
15	И. П.	96 %	88 %	82 %	82 %	Э=17, Н=14, Л=3, хол.
16	В.С. .	92 %	78 %	88 %	88 %	Э=9, Н=18, Л=2, мел.
17	И. С.	62 %	75 %	88 %	82 %	Э=16, Н=14, Л=0, хол.
18	М. К.	81 %	93 %	82 %	82 %	Э=12, Н=17, Л=4, мел. -хол.
19	Е. Р.	96 %	83 %	82 %	82 %	Э=15, Н=5, Л=1, санг.
20	А. Д.	73 %	75 %	88 %	88 %	Э=15, Н=13, Л=3, хол.
21	Ю. К.	96 %	73 %	88 %	88 %	Э=10, Н=9, Л=2, флег.
22	В. К.	77 %	83 %	88 %	88 %	Э=15, Н=12, Л=0, хол. -санг.
Среднее значение		82 %	81 %	86 %	86 %	Э=13,3, Н=13,6, Л=2,4; С – 18 %; Х - 41 %; Ф – 4,5%; М -23 %; М – Х – 4,5 %; Х-С – 9 %;

Гипотеза исследования подтверждается в отношении необходимых качеств, связанных с познавательными процессами. Тип темперамента оказывается неоднозначный, распределение опрошенных студентов по типу темперамента достаточно разнообразное. В данной группе была введена рейтинговая система оценки качества учебных достижений учащихся, введенная в ПГТА в 2007 г. Данная система использовалась в процессе преподавания предмета «Психология и педагогика» для исследуемых групп. Это позволило сопоставить результаты исследования с результатами успеваемости по предмету «Психология и педагогика». Не прослеживается определенной зависимости или корреляции между показателями успеваемости по данному предмету и определенным типом темперамент. Это значит, что вы-

сокий рейтинг имел место у студентов и холерического, и флегматического темперамента, а низкий – у студентов и сангвинического, и меланхолического. Возможно, при этом определяющую роль играла мотивация учебной деятельности и даже профессиональное самоопределение по отношению к будущей специальности.

Можно заметить, что студенты, у которых выше показатель избирательности внимания, проявляют более низкие показатели оперативной памяти. И наоборот, более высокие показатели избирательности внимания сочетаются с более низкими показателями оперативной памяти. Возможно, в дальнейшем это окажет влияние на успешность их профессиональной деятельности и на их профессиональную адаптацию к своей трудовой деятельности после окончания вуза.

Показатели, характерные для технической специальности, отличаются несколько более низкими значениями, по сравнению с первой группой. Это еще можно объяснить тем, что в первую группу обычно поступают школьники, набравшие наиболее высокие баллы по результатам ЕГЭ на основе хорошей школьной подготовки, и имеющие математические способности. Здесь наблюдается та же корреляция показателей оперативной памяти и избирательности внимания, и так же не прослеживается сколько-нибудь значительной зависимости между типом темперамента и результатами учебной деятельности в процессе изучения предмета «Психология и педагогика».

Можно порекомендовать вузам проведение аналогичных исследований ППВК, например, в ходе изучения гуманитарных дисциплин, чтобы определить возможности профессионального определения студентов вуза.

Таблица 2. Результаты исследования ППВК у студентов гр. 06ТП2

Ф. И. О	Избирательность внимания	Оперативная память	Тип темперамента	
1. Т. А.	70 %	8 %	10	Э=14,Н=11,Л=2 Сангвинический
2. С. Б.	70 %	98 %	3	Э=12,Н=8,Л=4 Флегмат. -сангв.
3. М. Г.	66 %	95 %	11	Э=13,Н=13,Л=6 Холерический,
4. Е. Г.	93 %	88 %	10	Э=16,Н=17,Л=1 Холерический
5. Ю. Е.	80 %	98 %	6	Э=12,Н=9,Л=2 Флегмат. - сангв.
6. О. И.	66 %	90 %	10	Э=16,Н=21,Л=3 Холерический
7. Л. К.	88 %	100 %	8	Э=16,Н=19,Л=1 Холерический

8. О. К.	66 %	98 %	8	Э=10,Н=20,Л=2 Флегматический
9. К. О.	66 %	93 %	6	Э=17,Н=16,Л=1 Холерический
10. Д. П.	85 %	95 %	8	
11. Р. П.	65 %	75 %	7	Э=9,Н=8,Л=3 Флегматический
12. П. С.	70 %	90 %		Э=12,Н=7,Л=5 Флегматический
13. Н. Ф.	77 %	85 %		Э=16,Н=17,Л=2 Холерический
14. Е. Щ.	80 %	78 %	8	Э=18,Н=15,Л=4 Холерический

Е. С. Данилина

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье 24 Закона РФ «Об образовании» сказано, что «высшее профессиональное образование имеет целью подготовку и переподготовку специалистов соответствующего уровня, удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования на базе среднего (полного) общего, среднего профессионального образования» [1]. Это означает, что становление профессионала должно происходить с учетом потребности как общества, так и конкретной личности. Поэтому в рамках вуза профессиональное самоопределение студентов должно быть одной из важнейших задач воспитательной деятельности. Конечно, это касается также начального и среднего профессионального образования, и даже послевузовского и дополнительного профессионального образования. Однако в рамках данной статьи автор хотел бы ограничиться исследованием данной проблемы на уровне высшего профессионального образования на примере конкретного педагогического вуза – Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.

Отметим, что профессиональное самоопределение является многозначным понятием, поэтому целесообразно обозначить его содержание в рамках данной конкретной статьи. Мы понимаем под профессиональным самоопределением процесс становления личности как профессионала, включающий в себя сам факт выбора профессии, осмысление и оценку студентом этого выбора и перспективы трудоустройства по специальности. Немаловажным для изучения данной проблемы представляются факторы, способствующие профессиональному самоопределению студентов и, прежде всего, профориентационная работа, проводимая в вузе.

Профессиональное самоопределение студентов педагогического вуза имеет некоторые особенности не только по причине специфики самой профессии, но и из-за низкого статуса профессии учителя в современном российском обществе. Как влияет данный фактор на профессиональное самоопределение студентов педагогического вуза, можно понять, обратившись к результатам конкретного социологического исследования.

В июне 2007 года Социологической лабораторией Факультета социологии и социальной работы ПГПУ им. В. Г. Белинского было проведено исследование на тему «Воспитательная деятельность ПГПУ им. В. Г. Белинского», в рамках которого изучалась постановка профориентационной работы вуза.

В анкетировании приняло участие 796 студентов всех факультетов вуза, в том числе, 26,3 % юношей и 73,7 % девушек; 208 первокурсников, 184 студента второго курса, 187 студентов третьего курса, 181 студент четвертого курса и 36 пятикурсников.

Самые распространенные причины того или иного профессионального выбора – интерес к специальности (63,6 % от общего числа опрошенных) и желание получить диплом о высшем образовании (63,6 % от общего числа опрошенных). Данный вопрос позволил выделить существенные различия в ответах студентов разных факультетов. Так, большинство респондентов факультета иностранных языков (74,3 %) выбрали специальность только из-за интереса к ней. На других же факультетах большинством респондентов выбор был сделан ради получения диплома. Такое положение выявлено на факультетах психологии (57,3 %), социологии и социальной работы (78,7 %), начального и специального образования (81 %) и естественно-географическом (80,4 %). На факультетах русского языка и литературы, экономики, менеджмента и информатики, физико-математическом, физической культуры, историческом большинство респондентов примерно в одинаковой степени отмечали в качестве причины профессионального выбора и интерес к специальности, и желание получить документ о высшем образовании. Отметим также, что 23 % респондентов (от общего количества опрошенных в вузе) выбрали профессию под давлением родителей и родственников, что свидетельствует о незрелости, инфантильности почти пятой части опрошенных студентов. Впрочем, 59 % респондентов при возможности повторно сделать свой профессиональный выбор, поступили точно так же – выбрали ту же специальность и в том же вузе.

Оценивая свои перспективы трудоустройства, лишь 30 % респондентов думают, что смогут устроиться по полученной в вузе специальности, тогда как более половины полагают, что не смогут трудоустроиться по полученной специальности (51 %). Такое положение характерно почти для всех факультетов, кроме юридического, где 58,1 % респондентов считают, что трудоустроятся по специальности, и лишь 24,3 % склоняются к варианту трудоустройства не по специальности.

Основными источниками получения информации о своей специальности для 35,7 % студентов являются друзья и родственники, для 36,8 % – средства массовой информации, а вовсе не учебный предмет «Введение в специальность» или органы государственной власти и т. д.

Следует обратить внимание на то, что многие респонденты (56 %) хотели бы получить дополнительное образование. 37 % из них заявили, что это им не помешает, 19 % – это просто необходимо, и лишь 12 % в нем не нуждаются. Таким образом, студенты, даже в большинстве случаев удовлетворенные выбором вуза и специальности, стремятся получить дополнительное высшее образование, т. е. фактически новую профессию. Это, в общем-то, подтверждает одну из современных реалий – когда в целом вполне сложившемуся специалисту, в том числе учителю, для того, чтобы успешно конкурировать на рынке требуется постоянно пополнять свои знания для дальнейшего профессионального роста или даже смены профессии.

Самыми популярными профессиями, которые дополнительно хотели бы получить студенты – переводчик (или просто получение знания иностранного языка как дополнение к основной профессии), программист, психолог, экономист, юрист. Это свидетельствует о достаточно устойчивом спросе на профессии юриста и экономиста даже в условиях переизбытка данных специалистов на региональном рынке труда. Наличие большого числа желающих получить дополнительное образование в виде иностранного языка также подтверждает современную тенденцию, указанную выше. В условиях экономической интеграции знание иностранного языка, безусловно, расширяет возможности на рынке труда, в частности, создает условия для работы в иностранной кампании или даже за рубежом.

Профессия программиста, по сравнению с другими пользующимися популярностью среди студентов, сравнительно молода, но уже весьма востребована на рынке труда (региональном в том числе) и относительно хорошо оплачиваема. Возможно, главным образом, по последней причине, а также в силу творческого, инновационного характера, она и вошла в число профессий, которыми в наибольшей степени студенты хотели бы овладеть.

Примечательно, что среди желаемых профессий встречались также и те, которые можно отнести к категории «рабочих», т. е. не предполагающих наличие высшего образования – сварщик (ФМФ), фармацевт (ФССР, ЕГФ), визажист (ФРЯЛ, ФП), парикмахер (ФРЯЛ, ФП), повар (ФП), автомеханик (ФП). Желание овладеть этими профессиями можно объяснить их востребованностью на рынке труда и более высокой заработной платой, по сравнению с окладом учителя. Но таких студентов все-таки — единицы, тогда как желающих дополнительно приобрести престижные профессии юриста, экономиста, программиста, значительно больше.

Важнейший элемент воспитательной работы в вузе - кураторство. В исследовании студентам предлагалось оценить роль кураторов в профориентационной работе. Лишь 15,3 % респондентов отметили, что к обязанностям кураторов должно относиться проведение профориентационной работы, а значит и участие в профессиональном самоопределении студентов во время обучения в вузе. В то же время 54 % респондентов ответили, что кураторы вообще не участвуют в проведении профориентационной работы.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о довольно пассивной и пессимистичной позиции студентов в ориентации на приобретенную в вузе профессию. С одной стороны, большинство респондентов (59 %) удовлетворены своим профессиональным выбором, и при возможности сделать его повторно, выбрали ту же специальность и в том же вузе. С другой стороны примерно половина студентов (51 %) убеждена в том, что, скорее всего не сможет устроиться по полученной в вузе специальности. Более того, как уже отмечалось, свыше половины студентов (56 %) хотели бы получить второе высшее образование, а следовательно новую профессию.

Чем же тогда удовлетворены студенты, поступив в данный вуз и на данную специальность? Возможно – отношениями в группе, новыми знакомыми, студенческой жизнью и т. д. , в общем, самим фактом поступления в вуз. Но категорически утверждать, что студенты удовлетворены именно своим профессиональным выбором, на наш взгляд, нельзя, поскольку последний подразумевает также и четкое представление перспективы своей профессиональной деятельности.

Подобная пассивность профессионального самоопределения студентов, конечно же, обусловлены множеством объективных причин, в том числе сегодняшней непрестижностью профессии учителя (отсюда и частое нежелание работать по специальности). И здесь важнейшая роль принадлежит профориентационной деятельности вуза, предполагающей не просто представление информации об учительской профессии, обучение ей и определенную помощь при трудоустройстве, но и активную пропаганду её ценности, общественной значимости. Ведь престижность той или иной профессии порой определяется не столько материальными факторами (высокая заработная плата, востребованность на рынке труда и т. д.), сколько духовными – значимостью той или иной профессии как для общества в целом, так и для конкретной личности. И поверив в важность своей профессии для общества, государства, личности, студенты сами сделают первый шаг к повышению статуса профессии педагога, поскольку, как известно, уважают того, кто сам себя уважает.

Библиографический список

1. Официальный портал Министерства образования и науки РФ. <http://www.ed.gov.ru>

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ежегодно до 70% абитуриентов, поступающих на первый курс различных вузов страны, имеют те или иные отклонения в состоянии здоровья, причем за время обучения в вузе у студентов происходит дальнейшее ухудшение здоровья.

О социальной значимости данной проблемы свидетельствует тот факт, что снижение показателей здоровья студенческой молодежи отрицательно отразится на состоянии здоровья в последующие периоды жизни. Нетрудно предположить, что ждет в недалеком будущем страну, в которой в активный трудоспособный возраст вступает одно большое поколение за другим.

Необходима разработка и реализация системной стратегии, направленной на улучшение здоровья и качества жизни молодежи. Очень важно работать с источником проблемы – отсутствием культурных социальных предпосылок сохранения здоровья. Именно поэтому важно проанализировать отношение молодежи к здоровому образу жизни, сформированность этого понятия среди молодежи, осознание необходимости улучшения своего здоровья. Для решения этих задач в 2006/2007 году на кафедре социологии и социальной работы ПГПУ было проведено социологическое исследование, в котором приняло участие 895 студентов вузов г. Пензы (ПГУ, ПГПУ, ПГСХА, ПГУАС, ПГТА).

Свое состояние здоровья оценили как хорошее 61,1 % опрошенных (547 человек), как удовлетворительное – 34,7 % (311 человек), и как плохое – 4,2 % (37 человек). Среди наиболее распространенных заболеваний респонденты отметили: простудные заболевания, заболевания глаз, заболевания органов пищеварения. 45,1 % (278 человек) не отметили у себя наличие каких-либо заболеваний. Из всех опрошенных желание улучшить свое состояние здоровья отметило 739 человек (82,6 %). Студенты считают, что для этого необходимо, избегать стрессы - так ответили 366 человек (49,5 %), хорошо и рационально питаться – 349 (47,2 %), больше отдыхать – 347 (46,9 %), заняться физической культурой – 279 (37,8 %), отказаться от вредных привычек – 167 (22,6 %), своевременно обращаться к врачу – 134 (18,1 %), ежегодно проходить профосмотры – 75 (10,1 %).

В ходе исследования, выявлены следующие факторы, по мнению студентов, отрицательно влияющие в период обучения на здоровье: психоэмоциональные нагрузки во время сессии – 566 человек (63,2 %); большая учебная нагрузка – 383 (42,8 %); отсутствие горячего питания в учебное время – 249 (27,8 %); нерационально составленное расписание – 225 (25,1 %); низкая организация физкультурно-оздоровительных мероприятий в вузе – 138 (15,4

%) ; неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние в учебных корпусах – 96 (10,7 %); низкое медицинское обслуживание – 96 (10,7 %); плохое освещение аудиторий – 79 (8,8 %).

В состав понятия “здоровый образ жизни” опрошенные студенты включили следующие компоненты: отказ от вредных привычек – 570 (63,7 %); систематические занятия физическими упражнениями – 545 (60,9 %); соблюдение режима питания – 490 (54,7 %); соблюдение режима дня – 379 (42,3 %); своевременное лечение заболеваний – 255 (28,5 %); соблюдение гигиенических правил – 233 (26 %); закаливание – 222 (24,8 %); организованный досуг – 168 (18,8 %). Не обнадеживают также цифры, что в основной группе по физической культуре занимается только 63 % опрошенных студентов (это 564 человек), в специальной – 17 % (154 чел.), в подготовительной и освобождено от занятий по 10 % студентов. Среди видов оздоровительной физической культуры во внеурочное время студенты отдают предпочтение лыжным прогулкам – 428 (72,8 %); оздоровительному бегу, ходьбе и плаванию – по 250 человек (42,5 %); подвижным и спортивным играм – 221 (37,3 %); катанию на коньках – 172 (29,3 %); туристическим походам – 149 (25,3 %); аэробике, атлетической гимнастике по 18 % это чуть более 100 человек; шейпинг – 88 респондентов (14,9 %); восточные единоборства – 55 человек (9,4 %).

По мнению студентов, заниматься оздоровительной физической культурой мешает отсутствие свободного времени – 425 (47,5 %) и неумение его организовать – 124 (13,9 %); отсутствие желания – 377 (42,1 %); высокая оплата физкультурно-оздоровительных услуг – 232; неудобный график работы спортивных сооружений – 84 (9,4 %); настораживает то, что одним из факторов выбрали «не позволяет здоровье» – 56 человек (6,3 %). Интересно, что активно занимаются спортом только 163 студента (18,2 %), остальные предпочитают в качестве проведения досуга слушать музыку, смотреть телевизор, общаться с друзьями, посещать дискотеки, ночные клубы, бары. Анализ результатов исследования показал, что 588 человек занимаются оздоровительной физической культурой во внеурочное время, посещают бассейны, стадионы, спортивные секции.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о неадекватном отношении студентов к собственному здоровью, хотя среди иерархии ценностей здоровье стоит на втором месте, его выбрали 574 респондента (64,1 %). Полученные данные свидетельствуют о необходимости улучшения состояния здоровья студентов, более того – 82,6 % всех опрошенных выразили эту мысль.

Большинство опрошенных студентов (69,9 %) поддержало предложение в качестве меры улучшения здоровья создание в вузе комплексного Центра здоровья, где студентам будет оказана квалифицированная помощь различных специалистов в области здоровья. Работа Центра может охватывать предоставление горячего сбалансированного питания, организацию физической

деятельности, психологическую разгрузку, деятельность по реабилитации студентов с различными заболеваниями, а также профилактическую работу по сохранению и укреплению здоровья. Работа со студентами должна начинаться с оценки состояния здоровья, анализа медицинских карт и выявления предрасположенностей к различным группам заболеваний. В данном Центре Здоровья можно провести профилактические беседы на темы: «Особенности питания в студенческой среде», «Заболевания, передающиеся половым путем», «Развлечения и отдых студентов», «Образ жизни современного студента» и другие. После прослушивания лекций можно организовать обсуждения по интересующим моментам, разъяснения вопросов. Рационально создать на базе Центра Здоровья зал лечебной физкультуры, тренажерный зал, бассейн, где каждый желающий может укрепить свое здоровье, повысить работоспособность, улучшить настроение.

Таким образом, Центр здоровья будет призван улучшить состояние здоровья студентов, формировать ценностные установки в отношении здоровья, информировать и предупреждать о возможных рисках возникновения заболеваний, создавать условия и возможности совершенствования физической культуры, внедрять здоровый образ жизни как неотъемлемый компонент общей культуры будущего специалиста и, что самое важное, прививать культуру ответственного отношения к своему здоровью.

А. В. Балашова

*МОУ ДОД «Дворец детского (юношеского) творчества»
г. Пенза*

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГА К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

Выделяют две категории семей социального риска:

- семьи, актуально нуждающиеся в социальной защите и поддержке в силу объективно сложившейся трудной жизненной ситуации, препятствующей их функционированию и развитию (семья с ребенком-инвалидом, многодетная семья, неполная семья, семья вынужденных переселенцев, малообеспеченная семья, семья с асоциальным поведением ее членов и т. д.)
- семьи, превентивно нуждающиеся в социальной защите и поддержке в связи с опасностью возникновения трудноразрешимых проблем (молодая семья, семья, ожидающая рождения ребенка, семья с новорожденным, семья, не способная создать полноценные условия для развития и воспитания детей и т. д.)

Остановимся на основных аспектах детей разных социальных групп преимущественно первой категории семей социального риска, выделим среди них следующие категории.

Дети из многодетных семей. Такие дети имеют общую специфическую социальную проблему: чаще всего они демонстрируют заниженную самооценку, для них характерны слабое здоровье, снижение социального возраста старших сиблингов, что может негативно сказаться на их дальнейшей судьбе.

Дети из неполных семей. Зачастую такие дети становятся участниками и свидетелями событий психотравмирующего характера (ссоры родителей, развод, смерть или гибель родителей, проживание с отчимом (мачехой)), что негативно сказывается на процессе социализации ребенка. У детей высок риск возникновения пограничных нервно-психических расстройств вследствие переживаемых психических травм, что в дальнейшем может развить у ребенка заниженную самооценку, обиду, угнетенность, чувство собственной неполноценности. Неполная семья не имеет целостной гармоничной системы отношений между ее членами.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. Проблемы детей данной группы носят социальный, медицинский, психологический и педагогический характер. Причиной проблем социального характера является социальный статус ребенка-сироты в детском доме или интернате учреждения – он «ничей» ребенок. У воспитанников интернатных учреждений формируется иждивенчество, для них характерен низкий индекс самостоятельности. Среди проблем медицинского характера следует отметить повышенный риск заболеваемости. Для большинства детей характерны отставание в уровне физического, психического и интеллектуального развития. Проблемы психического характера чаще определяются ранней депривацией неформального общения со взрослыми. Это становится причиной замкнутости, эмоциональной холодности, агрессивности, повышенной уязвимости. Проблемы педагогического характера возникают вследствие социально-педагогической запущенности детей, наряду с психологическими проявлениями выявляется и общее психическое недоразвитие, что затрудняет процесс обучения. Нарушение адаптации детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей приводят к дисгармонизации отношений личности с социальной средой. Это проявляется низкой социализацией воспитанников детских домов, инфантилизмом, школьной дезадаптацией (зачастую девиантным поведением и его формами проявления: алкоголизм, наркомания, проституция, преступность), отставанием в уровне физического, психического и интеллектуального развития.

Дети семей беженцев и вынужденных переселенцев. Дети данной социальной группы испытывают проблемы разнообразного характера: бытовые, материальные, психолого-педагогические, что приводит к различным формам психосоциальной и педагогической дезадаптации. Многие дети семей мигрантов демонстрируют удовлетворительное отношение к учебе, слабую инициативу, отклонения личностного развития (заниженная самооценка, повышенная тревожность и т. п.).

Безнадзорные дети. Главным последствие безнадзорности детей является социальная дезадаптация личности ребенка. Безнадзорные дети имеют большой риск стать жертвами преступлений, насилия, употребляют наркотики, алкоголь, ведут аморальный образ жизни и т. п. Дети и подростки из дезадаптированных семей являются источником формирования и пополнения «уличных» несовершеннолетних правонарушений. Для большинства безнадзорных и беспризорных детей характерна социально-психологическая депривация, сопровождающаяся деформацией социального и психологического развития личности ребенка.

Дети с ограниченными возможностями здоровья. В нашей работе дети с ограниченными возможностями здоровья представляют наибольший интерес, т. к. ребята принадлежат к разным социальным группам, которые указаны выше.

Одной из самых острых социальных проблем современной России является высокий уровень заболеваемости детей и неуклонный рост детской инвалидности. В настоящее время у каждого 7-ого из 10 новорожденных выявляются различные нарушения здоровья, не более 3–10 % детей (в зависимости от возраста) можно признать здоровыми. В Пензенской области в 2007г. зарегистрировано 4756 детей-инвалидов в возрасте до 17 лет. По статистическим данным в г. Пенза проживает более 1500 семей, воспитывающих таких ребят. Ежегодно 200 юных горожан впервые получают статус «ребенок-инвалид».

Для детей инвалидность означает существенное ограничение жизнедеятельности, способствует социальной дезадаптации, которая обусловлена нарушениями в развитии, затруднениями в самообслуживании, общении, обучении, профессиональной ориентации в будущем. С точки зрения педагогики, дети с ограниченными возможностями являются детьми «с особыми образовательными потребностями», для обучения которых необходимо создание специальных условий, специальной образовательной среды.

Проблема изучения воспитательных возможностей среды с целью активизации позитивных и нейтрализации негативных воздействий до недавнего времени оставалась недостаточно исследованной. Передовой опыт показывает, что эффективность формирования личности, ее социальной адаптации во многом зависит именно от умения организовать педагогический процесс на основе хорошего знания и полного использования педагогических возможностей среды, интеграции всех ее воспитательных сил и активизации педагогического потенциала ее самых разнообразных компонентов.

Именно такой воспитательной средой для многих родителей стал клуб «Равновесие» Дворца детского (юношеского) творчества. Клуб был создан в 2001 году и объединил семьи, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья. Цель работы клуба: социальная адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья посредством включения в коллективно-творческую деятельность.

Данный клуб уникален тем, что в впервые в Пензе педагоги ДД(Ю)Т в своей деятельности стали применять оздоровительную верховую езду (иппотерапию) для комплексной реабилитации детей–инвалидов. В клубе создана атмосфера доверия, доброжелательности, принятия ребенка с пониманием специфики его трудностей и проблем развития.

С момента открытия, клуб посещало 20 детей. Сегодня в «Равновесии» занимается более 60 детей-инвалидов с различными диагнозами заболевания (ДЦП, синдром Дауна, аутизм и др.) в возрасте от 3 до 18 лет, 50 % детей занимаются в клубе более пяти лет. С каждым годом направления клуба и численность воспитанников увеличиваются: оздоровительная верховая езда, развивающие игры (2001–2003 гг., [35]), музыкальные занятия, рисование, коррекционные занятия (2003–2005 гг., [49]), зоотерапия, логопедические занятия, гимнастика, информатика (2005–2008 гг., [63]).

В клубе «Равновесие» родители с помощью педагогов выбирают образовательный маршрут для своего ребенка. Выбор оптимальной стратегии обучения и развития осуществляется на основе психолого-педагогической диагностики. Педагоги разрабатывают «Карту индивидуально-образовательного маршрута», где выстроен план проведения коррекционно-развивающих занятий для конкретного воспитанника.

Занятия в клубе проходят в присутствии родителей. Сначала родители просто наблюдают, но постепенно втягиваются в работу и в итоге лепят из теста и мастерят поделки, поют вместе с детьми, обучаются верховой езде.

Поездки на конно-спортивную базу отдыха «Никоново», где проходят театрализованные праздники: «В гостях у племени индейцев», «У цыганского костра», «Зарница», катание на лошадях, общение у костра, походы, семейные вечера отдыха, сценарные игры, театрализованные мини-спектакли, стали традицией клуба. Психолого-педагогическая диагностика семей воспитанников показывает, что досуговая деятельность клуба способствует психологическому оздоровлению, развитию коммуникативных способностей, социальной адаптации воспитанников, что, в свою очередь, укрепляет контакты родителей и детей, способствует появлению устойчивой мотивации к творческой деятельности.

Занятия в клубе выявили большую потребность родителей в психологической поддержке, взаимном общении и совместном обсуждении проблем детей-инвалидов. Педагоги клуба не только проводят совместные занятия, но и дают практические советы по методам самостоятельного обучения ребенка в домашних условиях. Совместная деятельность сплотила родителей, и опыт каждой семьи помог другим семьям найти ответы на свои вопросы.

В «Равновесии» не только педагоги помогают родителям, но и родители принимают активное участие в жизни клуба. Среди основных дел клуба – участие в городском конкурсе социально-значимых проектов отцов сре-

ди общеобразовательных учреждений. Фролов Сергей Викторович, папа ребенка клуба «Равновесие», принял участие в данном конкурсе и занял 1 место с проектом «Маленькая модель большого мира». Кратко изложим суть проекта.

Цель проекта: Оборудование моторной комнаты для проведения коррекционных занятий для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Проект решает проблемы:

- общефизического оздоровления детей и подростков;
- создания условий для умственного и физического развития ребенка;
- организации совместной деятельности детей и родителей;
- интеграции детей-инвалидов в образовательную среду;
- формирования у детей с ОВЗ навыков самостоятельного поведения.

ния.

Обоснование необходимости проекта

Каждый ребенок имеет право на особую заботу и помощь государства. И это понятно. Но есть дети, физическое и умственное состояние которых обуславливает необходимость повышенного к ним внимания. Это дети с ограниченными возможностями здоровья.

Создание благоприятных условий для эффективной организации занятий по развитию моторной, познавательной, сенсорной сферы ребенка - это реальный путь адаптации людей с ограниченными возможностями ко многим процессам в отдельных сферах жизни. Такие условия помогут в преодолении возникновений «тяжелого психологического фона», наложенных отпечатков на душевную жизнь, возникновений благоприятной почвы для различных форм дезадаптации.

Особое внимание хотелось бы обратить на развитие мелкой и общей моторики. На данный момент в клубе «Равновесие» для проведения занятий существует специальная аудитория (60 кв. м.), она оборудована несколькими тренажерами и небольшим комплектом мягких модулей. В результате социального проекта «Право на радость», реализованного совместно с воспитанниками социально-педагогического клуба «Лидер», силами детей и родителей были изготовлены тренажеры для развития мелкой моторики и оказана помощь в приобретении развивающих игр.

Мы считаем, что для более эффективной организации занятий необходимо оснастить моторную комнату следующим оборудованием: разнообразными мягкими модулями, сухим бассейном, детскими спортивными наборами (маты складные, тоннель-лабиринт, дорожка со следочками «шагайка», мячи, шведская стенка, детский велотренажер и др.). В дальнейшем, моторную комнату в своей работе могут использовать и педагоги клуба различных направлений, и родители для самостоятельных занятий с детьми.

Для эффективного отслеживания изменений в физическом и умственном развитии ребенка желательно проводить видеосъемки занятий - это позволит провести сравнительный анализ работы за определенный промежуток времени. Приобретение видеокамеры, фотоаппарата и воспроизводящей видеоаппаратуры поможет в решении этой задачи.

Предполагаемые результаты проекта:

- развитие мотивации к выполнению физических упражнений;
- стимулирование развития коммуникативных навыков посредством групповых форм работы;
- укрепление микроклимата в семье, благодаря совместным занятиям детей и родителей;
- развитие интеллекта и эмоционально-волевой сферы за счет успешного развития моторики.

Таким образом, работу центров дополнительного образования детей необходимо организовывать с учетом разных социальных групп детей, для того чтобы в дальнейшем решить вопросы с адаптацией и выбором направлений деятельности.

Ю. А. Сильнова

*МОУ Классическая гимназия № 1
им. В. Г. Белинского, г. Пенза*

ВАРИАТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗВИВАЮЩИХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В период ранней стадии социализации основным институтом является школа. Задача педагога – отобрать методы обучения, способствующие этому.

Мысль о приоритетности развития личности в процессе обучения была заложена еще во времена Сократа, который как и его современники утверждал, что на первом месте должно стоять не «многознание», а развитие. Он провозглашал мысль о том, что «способ преподавания не должен быть насильственным... потому что ни одну науку свободный человек не должен изучать как раб»[3]. В силу этого им был предложен путь приведения к познанию истины через вопросы и ответы, который позднее назвали «сократовским методом» (или «эвристическим», «сократической беседой», «сократической иронией»). В последующем, вплоть до наших дней, общая идея «сократического метода» в той или иной мере использовалась в «методе наводящих вопросов», в проблемном обучении и других подходах с установкой на активизацию познавательной деятельности. Позднее отечественный педагог В. П. Вахтеров, ставящий в центр педагогики идею развития, объявил доминирующим эвристический метод. Если бы эвристический метод

преобладал в школе, считает он, то способность людей делать открытия, их творческие проявления в тысячу раз превосходили бы то, что наблюдается на практике [1].

Наиболее глубоко и разносторонне проблема развития учащихся представлена в работах отечественных педагогов Д. П. Писарева, К. Д. Ушинского, которые, говоря о развитии личности в процессе обучения, сосредотачивали внимание на «исследовательском методе» проб и ошибок, помогающем искать и находить правильное решение.

В современной школе существуют вариативные курсы начального образования, которые используют разнообразные методы, направленные на развитие личности ребенка, в том числе и вышеперечисленные методы, направленные на развитие личности ребенка. Данные курсы оформлены в концептуальных установках авторских программ, представлены также в вариантах учебников и учебно-методических пособиях для начальной школы. Вариативность можно рассматривать как методологическое основание конструирования курсов современного образования в связи с потребностями общества, что является следствием демократических преобразований и реформирования нашей школы.

С дидактических позиций в ракурсе развивающего обучения, вариативность можно рассматривать как дифференцированный подход в обучении, создающий комфортность ученика и обеспечивающий эффективность достижения целей обучения для разных групп учащихся, детей с разным темпом обучения, индивидуальными особенностями. Вариативность как свойство методической системы мы понимаем также как разнообразие методических приемов и средств обучения применительно к учебному предмету, которые обеспечивают многогранность психической (не только познавательной) деятельности младших школьников в процессе познания. Данная направленность соотносится и с содержанием, и с организацией процесса обучения, реализует задачу умственного, волевого развития учащихся, обогащает опыт эмоционально – ценностного отношения к миру, обеспечивает формирование личностных качеств учащихся.

Во всех разрабатываемых курсах приоритетной становится задача развития личности ученика, тем самым успешно решается задача социализации. Но наиболее адаптированной в этом смысле, на наш взгляд, являются программы развивающего обучения Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова и Л. В. Занкова. Ведущими методами данных программ являются: частично – поисковый и исследовательский.

Сущность частично – поискового (эвристического) метода обучения выражается в следующих его характерных признаках:

– знания учащимся не предлагаются в «готовом» виде, их нужно добывать самостоятельно;

– учитель организует не сообщение или изложение знаний, а поиск новых знаний с помощью разнообразных средств;

– учащиеся под руководством учителя самостоятельно рассуждают, решают возникающие познавательные задачи, создают и разрешают проблемные ситуации, анализируют, сравнивают, обобщают, делают выводы и т. д., в результате чего у них формируются осознанные прочные знания.

Метод получил название частично – поискового потому, что учащиеся не всегда могут самостоятельно решить ту или иную учебную проблему до конца. Поэтому учебная деятельность развивается по схеме: учитель – учащиеся – учитель – учащиеся и т. д. Часть знаний сообщает учитель, часть учащиеся добывают самостоятельно, отвечая на поставленные вопросы или разрешая проблемные задания. Одной из модификаций данного метода является эвристическая беседа.

Сущность исследовательского метода обучения сводится к следующему:

- учитель вместе с учащимися формулирует проблему, разрешению которой посвящается отрезок учебного времени;

- знания учащимся не сообщаются; учащиеся самостоятельно добывают их в процессе разрешения (исследования) проблемы, сравнения различных вариантов получаемых ответов; средства для достижения результата также определяют сами учащиеся;

- деятельность учителя сводится к оперативному управлению процессом решения проблемных задач;

- учебный процесс характеризуется высокой интенсивностью, учение сопровождается повышенным интересом, полученные знания отличаются глубиной, прочностью, действенностью.

Исследовательский метод обучения предусматривает получение знаний в процессе творческой деятельности, которая, в свою очередь, выступает продуктом усвоения социального опыта.

Ценность данных методов заключается в том, что они определяются как самостоятельные, имеющие существенные признаки, отличающие их от других методов. Именно данные методы позволяют формировать у ребенка теоретическое мышление, которое является, по Д. Б. Эльконину – В. В. Давыдову, главным «рычагом» развития ребенка. В этом случае под развитием понимается «не только рост, но и процесс, при котором количественные условия и изменения переходят в качественные и приводят к скачкообразно проявляющимся новообразованиям» [2]. Л. С. Выготский отмечал, что процессы развития не совпадают с процессами обучения... процессы развития идут вслед за процессами обучения, создающего зоны ближайшего развития.

Конструктивно ясно, что ребенка 6 лет нужно учить иначе, чем ребенка 11 лет. Л. С. Выготский теоретически рассмотрел проблему возраста и

обнаружил, что каждый возраст характеризуется особенной социальной ситуацией развития, которую он понял как отношение между ребёнком и его средой. Социальная ситуация развития определяет формы и пути приобретения ребенком новых свойств своей личности, которые он берет из среды, являющейся источником всех его приобретений.

Для каждого возраста характерно свое системное строение сознания ребенка. Развитие каких-то психических процессов находится на центральной линии, а других – на периферических линиях. Одни выходят на центральную линию и перестраивают «под себя» все другие. Так, например, если мышление дошкольника в значительной степени определялось развитием его памяти, то у младшего школьника сама память становится «мыслящей», так как мышление выходит на центральную линию развития и преобразует все остальные функции. Возникшие в психике ребенка новообразования (продукт возрастного развития) приходят в противоречие с социальной ситуацией возраста, она становится оковами, тормозящими дальнейшее развитие. Противоречие разрешается преобразованием старой социальной ситуации и установлением нового отношения между ребенком и средой. Эта перестройка социальной ситуации развития составляет основное содержание возрастных кризисов.

А. Н. Леонтьев развил идею Л. С. Выготского о понятии ведущей деятельности. Именно в активной мотивированной деятельности самого ребенка происходит формирование его личности. Причем это формирование происходит прежде всего под влиянием той деятельности, которая на данном этапе онтогенеза является ведущей, т. е. деятельности, развитие которой обуславливает главнейшие изменения в психических процессах и психологических особенностях личности ребенка на определенной стадии его развития. Отношение ребенка и среды (социальная ситуация) реализуется в разных видах совместной деятельности, однако для каждого возраста только один вид совместной деятельности является ведущим. Ведущая деятельность характеризуется тремя признаками:

- в форме этой деятельности и внутри нее рождаются и выделяются новые и особенные виды деятельности;
- в этой деятельности образуются или перестраиваются психические процессы;
- от этой деятельности ближайшим образом зависят основные возрастные изменения личности ребенка.

По всей видимости, ведущая деятельность может быть задана для одного возраста по-разному, и тогда возможно получать разные, существующие в одно время в одном и том же обществе параллельно, культурно определенные возраста (ср. подросток из рабочей семьи и из дворянской семьи конца 19 века).

Д. Б. Эльконин, опираясь на идеи Л. С. Выготского и В. В. Давыдова, разработал оригинальную теорию возрастной периодизации, то есть сумел положить в основу разбиения жизни на отдельные возрастные периоды представления о социальной ситуации развития и ведущей деятельности. Он показал, что реальными образующими единого отношения «ребенок – общество» являются отношения «ребенок – общественный взрослый» (разный на разных этапах возрастного развития) и «ребенок – общественный предмет».

Теория учебной деятельности является основой психолого-педагогического проекта младшего школьного возраста в системе РО.

Анализ и конструирование ведущей деятельности младшего школьного возраста (учебной) опирается на следующие положения:

1) учение как особенный вид деятельности имеет целью самоизменение, развитие действующего субъекта;

2) потребность в самоизменении реализуется в решении учебных задач, при котором происходит усвоение общих способов действий с предметами и основ понятий нового знания (а не разрозненных определений, фактов, формул);

3) решение учебных задач осуществляется специфическими учебными действиями;

4) учебная деятельность требует особенной формы ее осуществления – учебного сотрудничества детей и взрослых в форме дискуссий, побуждающих ее участников к пониманию и координации разных точек зрения, к обоснованию и проверке своих гипотез и выводов. Ценность гипотезы заключается в возможности получения либо, одного либо нескольких выводов. И наоборот, один вывод может быть результатом нескольких гипотез, что позволяет учебную деятельность представить в виде следующих действий:

- принятие от учителя или самостоятельная постановка учебной задачи;
- преобразование условий задачи с целью обнаружения всеобщего отношения изучаемого объекта;
- моделирование выделенного отношения в предметной, графической и буквенной формах;
- преобразование модели отношения для изучения его свойств «в чистом виде»;
- построение системы частных задач, решаемых общим способом;
- контроль за выполнением предыдущих действий;
- оценка усвоения общего способа как результата решения данной учебной задачи.

Понятие учебной задачи – ключевое понятие теории учебной деятельности. В. В. Давыдов пишет, что деятельностью теории учения можно считать лишь такую, которая опирается на понятия «действие» и «задача». Действие предполагает преобразование субъектом того или иного объекта.

Задача включает в себя цель, представленную в конкретных условиях своего достижения.

Чтобы задача была учебной, цель должна быть учебной. Ученик должен хотеть научить-СЯ (научить себя) что-либо делать: понимать, действовать, мыслить определенным образом, видеть определенным образом. Другими словами, он должен открыть для себя и освоить новый способ действия, понимания, мышления.

Постановка учебной задачи возможна в тот момент, когда при решении конкретно-практической задачи вдруг обнаруживается неумение, неспособность решить какую-то из них.

Именно возможна, а не обязательна. Кто-то из детей скажет: «У меня не получается, ну и не буду я этим заниматься». Другой просто не заметит несоответствия своих привычных действий новым изменившимся условиям. Точно так же не заметит он и ошибочности получившегося у него результата.

Третий не сразу поймет, что именно здесь не так, но, чуя, что что-то надо менять, будет наугад пробовать и ошибаться. Четвертый сможет осознать, что он столкнулся с неизведанным, и будет осмысленно искать новый способ действия. Дойдя до границы своих возможностей, исчерпав все доступные средства, он попробует определить, что именно у него не получается, чего он не знает о новой ситуации, какими конкретно умениями не владеет. Про него можно сказать, что он решает задачу учебную: он переступает границу известного, делает один шаг в поисках неизвестного: доопределяет задачу, сужает зону, неопределенности, уточняет недостающие данные. На этом шаге и происходит самостоятельная постановка учебной задачи – формулируется гипотеза или вопрос о содержании неизвестного.

Если ученикам удалось открыть для себя новый способ действия и понять меру его общности (когда он годится, а когда нет), то они не только справились со своей практической проблемой, с той загвоздкой, с той загвоздкой, которая им не давалась. Они освоили новый способ действия, стали способнее, они изменили себя. В этом – главный результат решения учебной задачи.

Задача проектировщика курса – произвести логико-психологическую реконструкцию предмета, чтобы обнаружить в нем основания для учебной задачи. Задача учителя – организовать детские действия, чтобы обеспечить постановку перед детьми учебной задачи.

Таким образом, ядром развивающего обучения в системе Д. Б. Элькнина – В. В. Давыдова является теория учебной деятельности. Она, в свою очередь, опирается на четыре области психологии: деятельностный подход, теорию понятийного мышления, теорию возраста, взаимодействие ребенка и взрослого.

Деятельностный подход предполагает, в свою очередь, особую активность ученика, выражающуюся в умении учиться, учить себя. Достигается

эта цель за счет методов развивающего обучения: эвристического или частично – поискового и исследовательского или метода проб и ошибок. Именно такой подход формирует развитую личность, с высоким уровнем рефлексии, а значит умением выстраивать стойкие взаимоотношения в обществе.

С нашей точки зрения, активность ученика напрямую связана с социальной активностью, так как общение возможно только в социуме, познание предметов, людей, отношений, закономерностей, а также апробирование своих знаний также возможно лишь при восприятии и в соотношении себя и социума. Таким образом, успешное развитие личности зависит от умения личности взаимодействовать в социуме, т. е. от уровня ее адаптивных способностей. В свою очередь, уровень адаптивности зависит от интенсивности взаимодействия личности и от уровня развития таких личностных качеств как активность, инициативность, общительность, тактичность, целеустремленность, организованность, самостоятельность, креативность, конформность и многих других.

Таким образом, на наш взгляд, вовремя и грамотно анализировать свои действия личности помогает продуктивная рефлексия, которая возможна только в том случае, если человек уверен в себе, знает, чего хочет добиться в жизни, комфортно ощущает себя в социальных ситуациях и разных социальных ролях. Для становления этой способности личности необходимо постоянно решать новые для нее задачи в неординарных условиях, ситуациях. В действительности таких ситуаций недостаточно для быстрого развития адаптивных способностей, следовательно, необходимы специальные условия. Именно такие условия и создает педагог, работающий по системе РО, подбирая методы с учетом возрастных особенностей детей и адаптируя их к разным социальным группам.

Библиографический список

1. Вахтеров В. П. Избранные педагогические сочинения. М., 1987: с. 154.
2. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М., 1989: с. 108.
3. Хрестоматия по истории педагогики. В 2 тт. Т. 1. М., 1938: с. 36.

С. В. Сухов

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СПОРТА

Под функциями спорта понимают объективно присущие ему свойства воздействовать на человека и человеческие отношения, удовлетворять и развивать определенные потребности личности и общества.

Функции спорта можно условно подразделить на специфические (свойственные только ему как особому явлению действительности) и общие. К первым относят соревновательно-эталонную и эвристически-достиженческую

функции. Ко вторым в настоящее время причисляют функции, имеющие социально-общественное значение, такие, как функция личностно-направленного воспитания, обучения и развития; оздоровительно-рекреативная функция; эмоционально-зрелищная функция; функция социальной интеграции и социализации личности; коммуникативная функция и экономическая функция.

Соревновательно-эталонная функция. Основу специфики спорта составляет собственно соревновательная деятельность, суть которой заключается в максимальном выявлении, унифицированном сравнении и объективной оценке определенных человеческих возможностей в процессе состязаний, ориентированных на победу или достижение высокого в личном плане спортивного результата или места в соревновании.

Фиксируемые в спорте рекорды и достижения, выполнение классификационных норм приобретают широкое признание и служат своеобразным показателем индивидуальных и общечеловеческих возможностей. В отличие от технических эталонов «спортивный эталон» исторически не остается неизменным, а все время прогрессирует, стимулируя тем самым мобилизацию усилий спортсмена на самосовершенствование. Эталонная функция наиболее ярко выражена в спорте высших достижений, однако в той или иной мере она свойственна и спорту в целом, в том числе массовому общедоступному через систему специально организованных соревнований. [1]

Эвристически-достиженческая функция. Для спорта характерна творческая поисковая деятельность, сопряженная с познанием человеком своих возможностей, наряду с изысканием эффективных способов максимальной реализации и их увеличения. Эта функция наиболее полно выражена в спорте высших достижений, так как на пути к ним необходимо постоянно совершенствовать систему подготовки, искать новые средства, методы тренировки, новые образцы сложнейших элементов техники и тактических решений ведения спортивной борьбы. [1]

Необходимо совершенствовать способности к полной мобилизации своих возможностей в соревнованиях и наиболее эффективно их использовать на разных этапах многолетней подготовки, чтобы подниматься все время на новый уровень мастерства. Подобно гигантской творческой лаборатории спорт прототипирует таким образом пути к высотам человеческих достижений. Подтверждением этому могут служить слова лауреата Нобелевской премии Арчибалда Хилла о том, что наибольшее количество сконцентрированных физиологических данных содержится не в книгах по физиологии, а в мировых спортивных рекордах.

К социально-общественным прежде всего относят функцию личностно-направленного воспитания, обучения и развития. Спорт представляет большие возможности не только для физического и спортивного совершенствования, но и для нравственного, эстетического, интеллектуального и трудового воспитания. Притягательная сила спорта, высокие требования к

проявлению физических и психических сил представляют широкие возможности для личностно-направленного воспитания духовных черт и качеств человека. Существенно, однако, что конечный результат в достижении воспитательных целей зависит не только и не столько от самого спорта, сколько от социальной направленности всей системы воспитания и развития. Таким образом, воспитательные возможности спорта реализуются не сами по себе, а посредством системы воспитательно-направленных отношений, складывающихся в сфере спорта.

Так как спорт включен в социально-педагогическую систему, он является также действенным средством физического воспитания, а благодаря занятиям профессионально-прикладными видами спорта становится важнейшим компонентом в трудовой и военной деятельности. [1]

Оздоровительно-рекреативная функция проявляется в положительном влиянии спорта на состояние и функциональные возможности организма человека. Особенно это ярко выражено в детском и юношеском спорте, где благотворное влияние занятий спортом на развивающийся и формирующийся организм неопределимо. Именно в этом возрасте закладываются основы здоровья, прививаются навыки систематических занятий физическими упражнениями, формируются привычки личной и общественной гигиены. Спорт одновременно является и источником положительных эмоций, он нивелирует психическое состояние детей, позволяет снимать умственную усталость, дает познать «мышечную радость». Особенно велика его роль в деле ликвидации отрицательных явлений гиподинамии у детей. [2]

Большая роль отводится спорту и в работе со взрослым населением. Он является средством оздоровления, защиты от неблагоприятных последствий научно-технического прогресса с характерным для него резким уменьшением двигательной активности в трудовой деятельности и в быту. Спорт является одной из популярнейших форм организации здорового досуга, отдыха и развлечений. Особенно это ярко проявляется в массовом спорте, где не ставится цели достижения высоких спортивных результатов.

Эмоционально-зрелищная функция раскрывается в том, что спорт (многие его виды) несет в себе эстетические свойства, проявляющиеся в гармонии физических и духовных качеств человека, граничит с искусством. Особенно в этом плане привлекательны сложно координированные виды спорта, такие, как спортивная и художественная гимнастика, фигурное катание, прыжки в воду и др. Красота человеческого тела, технически сложные и отточенные движения, праздничное настроение – все это привлекает истинных поклонников спорта. Популярность спорта как зрелища характеризуется эмоциональностью и остротой восприятия, затрагивающего личные и коллективные интересы множества людей, а также универсальностью «языка спорта», понятного практически каждому.

Почти для всех спорт интересен как эмоционально насыщенное зрелище. Современные технические средства коммуникаций, особенно телевидение, способствовали тому, что аудитория спортивных зрелищ, как никогда прежде, расширилась, а это увеличило влияние спорта на эмоциональный мир человечества. [1]

Без болельщиков спорт перестал бы быть сколько-нибудь общезначимым социальным явлением. Сопереживая с теми, кто соревнуется на спортивной арене, болельщики отождествляют себя с кем-либо из них, как бы сами участвуют в спортивных баталиях, борьбе характеров, разрешении спортивных конфликтов на эмоционально-образном уровне, находят яркие примеры для подражания и поводы утвердиться в своей жизненной позиции.

Функция социальной интеграции и социализации личности. Спорт является одним из мощных факторов вовлечения людей в общественную жизнь, общения к ней и формирования у занимающихся опыта социальных отношений. На этом основана его важная роль в процессе социализации личности. [1]

Специфические спортивные отношения (межличностные, межгрупповые, межколлективные) так или иначе вовлекаются в систему социальных отношений, выходящих за рамки спорта. Совокупность этих отношений составляет основу влияния спорта на личность, усвоения ее социального опыта как в сфере спорта, так и в более широком масштабе.

Спортивное движение как массовое социальное течение приобрело немалое значение и в качестве одного из факторов социальной интеграции, т. е. сближения людей и объединения их в группы, организации, союзы, клубы на основе общности интересов и деятельности по их удовлетворению. Популярность спорта, естественная оценка спортивных успехов с престижными интересами народа, нации, государства делают его удобным каналом для воздействия на массовое сознание. В современном мире этот канал используется и в коммерческих целях. [3]

Коммуникативная функция. Гуманизация общества в настоящий период развития человечества делает спорт фактором разветвления международных связей, взаимопонимания и культурного сотрудничества народов, упрочения мира на земле.

Спорт давно уже занял одно из ведущих мест в международном общении. [2]

Неудивительно, что международные спортивные связи выросли в современную эпоху до глобальных размеров, а такие формы спортивного движения, как «Спорт для всех» и олимпийское движение, стали широчайшими интернациональными течениями современности. Следует отметить, что в настоящее время Международный олимпийский комитет объединяет около 200 национальных олимпийских комитетов.

Экономическая функция. Спорт имеет большое экономическое значение, выражающееся в том, что средства, вложенные в развитие спорта, сторицей окупа-

ются прежде всего в повышении уровня здоровья населения, повышении общей работоспособности, продлении жизни человека. Развитие науки о спорте, материально-технической базы, подготовка кадров – все это способствует развитию детского и юношеского спорта, массового спорта и спорта высших достижений. [2]

Экономическое значение имеют также финансовые средства, получаемые от спортивных зрелищ, эксплуатации спортивных сооружений. Однако это малая толика того, что вкладывают государство и общественные организации в развитие спорта. Основная ценность нашего общества – это здоровье. И в этом аспекте роль спорта неопределима.

До сих пор речь шла о спортивной практике, но спорт представляет собой еще и систему репрезентаций и ценностей, снабжающую наше общество определенным видением мира и определенными способами поведения. Хотим мы этого или нет, но спорт сегодня превратился в неотъемлемую часть самых разных сегментов социальной жизни индивидов. Современная культура оказывает беспрецедентное давление на людей, принуждая их быть или, по крайней мере, выглядеть спортивными. Если верить социологическим опросам, огромное число людей занимаются спортом; эти цифры, вне всякого сомнения завышенные, свидетельствуют о том, как высоко оценивают в обществе эти занятия и их престижность. Спорт, обычная тема мужских разговоров, выполняет так называемую фактическую функцию, облегчая установление контактов в кафе, в гостях, на работе. В ходе предвыборной компании на местном уровне всеобщее согласие легче всего достигается при обсуждении спортивных проблем; доверие электората завоевывают, поставив командам новое снаряжение или строя новые стадионы. Была даже высказана мысль, что «всеми нашими ежедневными поступками управляет религия спорта», что «деньги, и те подчиняются спорту». [1]

В таком случае оправданно будет задаться вопросом, в чем источник этой поразительной символической мощи спорта, его способности превращаться в метафору любых отношений между людьми? Чем объясняется столь высокая оценка всех предметов, которые хоть как-то связаны со спортом? Быть может, существует некая глубинная общность между основными ценностями спорта и ценностями современных демократических обществ на последней стадии их развития? По этой причине особенно интересно проследить, каким образом спорт, возникший в Англии, распространился практически по всей планете. В развитых индустриальных обществах все большее число людей занимаются спортом, ставя знак равенства между спортивным человеком и человеком активным, молодым, энергичным: спорт поистине превращается в стиль жизни. Именно поэтому он может приносить пользу различным социальным группам, помогая им обретать собственную культурную идентичность и, одновременно, становясь для них знаком социального отличия. Высшая форма социального признания спорта и физической

культуры заключается в том, что сегодня многочисленные учебные и научно-исследовательские заведения делают их предметом изучения. И этот научный подход зачастую обогащает и обновляет содержание СМИ, которые, со своей стороны, распространяют идеи ученых и популяризируют их. Одним словом, «спортивная культура» чувствует себя как нельзя лучше в наше время, когда «Культура с большой буквы» переходит «от избирательности к эклектизму»; новая ситуация идет ей на пользу. [3]

Если современный спорт пронизывает всю культуру в целом, то различные формы спортивной деятельности образуют отдельные «мотивы» этого «сюжета». Так, традиционные формы состязаний могут заменяться в нашем обществе «мягким» соперничеством, которое подчиняется более свободным правилам и опосредуется языком и соответствующими материальными приспособлениями. В самом деле, взглянув на верхние ступени французской социальной лестницы, на людей с престижными дипломами, нетрудно заметить, что те виды спорта, которыми занимаются они, требуют приобретения специального снаряжения (теннисных ракеток, лыж, серфинговых досок и т. п.) или сложных механизмов (парусных яхт, планеров, гоночных автомобилей) и, кроме того, технических навыков, а все это предполагает изначальную социальную сегрегацию.

Человеку, занимающемуся «машинными» видами спорта, нужны не мускульные «усилия», не демонстрация физической мощи (не говоря уже о грубом насилии), но исключительно обладание индивидуальной «техникой» (в обоих значениях слова, и в смысле «техничности» жестов, и в смысле владения техническими орудиями). Сама включенность тела в спортивное действие здесь делается совсем иной. В других социальных группах на смену коллективным видам спорта, предполагающим ожесточенное и строго регламентированное противоборство, приходит спорт разнообразных «приключений», где индивид совершенно свободен в выборе своей стратегии и единственным условием является добровольное и осознанное преодоление им всевозможных опасностей. [2]

Таким образом, сегодня спорт не сводится к тому единственному определению, на каком настаивают традиционные спортивные федерации. Оттого-то социальная дефиниция спорта и стала в наши дни предметом социальной борьбы. Идут споры о том, что относить и что не относить к спорту (чем затыжные прыжки с парашютом хуже регби, а спелеология, фехтования на саблях, чем моторные яхты уступают яхтам парусным и т. д.), а также о том, что значит заниматься спортом «правильно», «по-настоящему».

Именно эти вопросы и определяют содержание дискуссий о социальном распределении и символическом позиционировании разных видов спортивной деятельности, неизменно приобретающих знаковый характер. В самом деле, уже было показано, что виды спорта образуют систему, соответствующую «пространству социальных позиций» (Пьер Бурдьё). Так что для каждого отрезка времени можно установить соответствие между определенными

видами спорта и определенными социальными группами. Эти любопытные соответствия, подтверждаемые статистическими данными, заметны даже в том случае, если смотреть на спорт глазами обывателя (лишнее доказательство того, что характер спортивной деятельности человека и вправду превратился в «индикатор» его социального положения). Иначе говоря, можно установить для каждой страны социально структурированную «систему видов спорта», а это в свою очередь дает дополнительные основания для концепции воспроизводства телесных габитусов. [1].

Библиографический список

1. Поцьелло К. Спорт как общий общественный факт. – Париж, 2004.
2. Симонт П. Социально-культурный подход к социологическим аспектам профессионального спорта. – Франция, 1998.
3. Элиас Н. Спорт и досуг в процессе воспитания. – Оксфорд, 1986.

Л. В. Гуляева

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Использование телевидения в качестве средства распространения политических идей и образов среди широких масс населения в начале 60-х годов XX века в США стало важнейшим этапом в развитии коммуникации и предоставило принципиально новые возможности влияния на общественное мнение политикам и специалистам в области политического консультирования.

Особенностью телевидения, являющегося аудиовизуальным средством, является то, что его влияние, как на сознательную, так и на бессознательную сферу личности, существенно превосходит эффект, оказываемый на аудиторию другими каналами распространения информации (радио, газетами, уличной рекламой и даже Интернет).

Какие же характеристики делают телевидение привлекательным для потребителя информации? Во-первых, это так называемый «парасоциальный эффект», который заключается в том, что «телезритель воспринимает увиденное на экране как исключительно достоверную информацию, его ощущения почти приравниваются к ощущениям участника происходящего на экране» [5, С. 211].

Во-вторых, высокая убеждающая способность телевидения объясняется самой спецификой телевизионных передач, порождающей иллюзию общения между зрителем и комментатором. В-третьих, телевидение обладает еще одним интересным свойством, отмеченным американским социологом М. Маклюэном. Он назвал телевидение «прохладным каналом», в отличие от газет и радио — «горячих каналов». Основное различие между ними состоит в том, что «горячие каналы» содержат значительное количество информации, кото-

рая оставляет получателю мало возможности для соучастия, домысливания. «Прохладный канал» в силу своей недосказанности предполагает значительную степень участия аудитории в процессе восприятия сообщений [6, С. 73]. Наконец, телевизионная аудитория обладает рядом специфических качеств — с одной стороны, она «в значительной степени социально нераздельна по сравнению с газетной и особенно с журнальной читательской аудиторией», с другой стороны, телезритель перед телевизором не чувствует себя одиноким. Он «ощущает себя членом того сообщества, которое в данный момент смотрит ту же программу» и реагирует на сообщение в большей степени как составная часть этого сообщества, а не просто как отдельный индивид [3, С. 29].

Следствием коммуникативных особенностей телевидения стал тот факт, что политическая реклама на телевидении является наиболее эффективным и оперативным методом воздействия на избирателей. К числу важнейших преимуществ телевизионной рекламы можно отнести, во-первых, одновременное визуальное и звуковое воздействие, способствующее вовлечению зрителя в события на экране, во-вторых, высокую скорость передачи информации, которая позволяет точно определить момент получения обращения, в-третьих, возможность избирательно воздействовать на определенные типы аудиторий, а также охват максимального числа людей, связанный с доступностью и сравнительной демократичностью этого источника информации.

Одной из наиболее значимых особенностей влияния телевидения на массовое сознание является и тот факт, что трансляция аудитории содержания каких-либо политических программ, концепций или теорий с помощью телевидения достаточно затруднена. Телевидение использует другие приёмы: сильную эмоциональную окрашенность сообщений, доверительность, иллюзию личных контактов, нередко показ насилия и очень часто – драматизацию событий. В такой ситуации любая политическая мысль передается кратко, с использованием символов и ассоциаций.

Восприятие зрителями любого телесюжета происходит в следующем порядке:

1. как выстроен кадр (композиция кадра);
2. как выглядит человек в кадре;
3. как он себя ведет;
4. как говорит;
5. что говорит.

Таким образом, окружающая обстановка, внешний вид политика, стиль поведения, манеры, эмоциональное состояние привлекают значительно больше внимания зрителей, чем собственно содержание его выступления. Эта особенность активно используется политиками и журналистами при проведении теледебатов, организации интервью, а также в процессе создания политической рекламы. [4, С. 74].

Нужно отметить, что реклама на телевидении имеет и определенные недостатки, к числу которых можно отнести кратковременность и эпизодичность получения информации, высокую стоимость изготовления и времени трансляции роликов (особенно с применением специальных компьютерных или постановочных или выездных средств), недостаточную избирательность (если требуется охватить очень узкую аудиторию, то телеэфир неэффективен), кроме того, длительность показа сюжета ограничена, поэтому контакт зрителя с рекламным роликом непродолжителен. В современном телевизионном эфире сильна рекламная конкуренция, а это, в свою очередь, приводит к ситуации, когда необходимость выделиться на общем фоне делает неизбежным для рекламодателя многократное повторение, значительно увеличивающее рекламный бюджет.

В ходе проводимых исследований ученые пришли к выводу, что для достижения максимальной эффективности телевизионная политическая реклама должна соответствовать определенным требованиям.

Первый из них – это краткость. Только 5-7 % населения в состоянии полностью просмотреть политический телесюжет, если его длительность превышает 10 минут; около четверти телезрителей смотрят их фрагментарно, переключаясь на другие телеканалы, и почти 70 % вообще игнорируют такие видеосюжеты.

Вторым важнейшим условием является сравнительная простота и доступность информации, которая содержится в телевизионных рекламных клипах. Ориентируясь на разные возрастные, профессиональные, образовательные аудитории, создатели рекламы считают наилучшим для восприятия изложение в краткой, образной форме, не перегружая сообщение сложными для восприятия понятиями, поскольку лучше воспринимается то, что не требует значительных интеллектуальных усилий [7, С. 177].

По мнению специалистов, политик, выступающий на телевидении, заинтересован в так называемой валоризации (коммуникативный прием, основанный на искусственном завышении значимости собственного мнения). Для достижения такого эффекта необходимо создать у аудитории впечатление, что информационная ценность сообщения политика достаточно велика и в ходе его просмотра зрители получили сведения, затрагивающие интересующие их вопросы. Этому способствуют цельность, уместность и содержательность телевизионного выступления, так как в ходе эффективной коммуникации у зрителя возникает ощущение, что ему оказывается ценное доверие и он чувствует себя участником происходящего процесса.

Телеаудитория отличается массовостью, но она может иметь большие различия в зависимости от времени суток, дней недели и характера телепрограммы, что дает рекламодателю возможность подать свою рекламу в то время, когда назначенные целевые аудитории находятся у экранов. В результате социологических исследований получены данные, что многочисленные зрители национального телевидения России - это семьи со средним доходом и образованием не

выше средне-специального. Однако это усредненные данные по телевизионной аудитории в целом, в зависимости от региона они могут изменяться [3, С. 31].

Политическая реклама на телевидении представлена главным образом роликами, видеоклипами, видеофильмами, рекламными телепередачами.

Наиболее распространенной формой является рекламный ролик, представляющий собой визуально-звуковой сюжет продолжительностью от 15–20 секунд до 2-3 минут. Основной задачей блиц-ролика (15–20 секунд) является напоминание зрителю о предмете рекламы. Ключевой информацией развернутого ролика (более 30 секунд) является слоган или ударная фраза, призванная мобилизовать зрителей. Особым видом рекламной коммуникации является рекламный сериал, представляющий собой несколько логически или эмоционально связанных между собой роликов.

Ролики различаются между собой по используемым способам воздействия и аргументации, художественным и техническим средствам. Учитывая эти особенности, можно выделить, например, такие приемы, как демонстрация (в политической рекламе – кандидат за решением проблем, в окружении избирателей, в сравнении с конкурентами) и свидетельства (знаменитостей, представителей культуры, науки, простых людей).

По форме подачи информации ролик часто отождествляют с рекламным спотом, однако между ними существуют определенные стилистические различия. Рекламный спот можно определить как разновидность ролика, предполагающую игровое или постановочное решение, другими словами, основанную на драматизации событий. Т. Э. Гринберг отмечает, что основными отличительными характеристиками спота, как и любого сценического действия, является наличие героев и законченного сюжета или серии сюжетов.

Американские исследователи выделили основные виды спотов, использующихся в политических кампаниях США. В их числе можно назвать такие типы как:

1) «Говорящие головы» — ролики, нацеленные на разъяснение предвыборных обещаний и на создание впечатления, что кандидат способен их выполнить;

2) Агрессивный – ролики, указывающие на недостатки противников;

3) Интервью «случайного прохожего» – ролики, демонстрирующие поддержку кандидата простыми избирателями;

4) «Рекомендательные» – ролики, в которых в поддержку кандидата выступают известные и уважаемые в сфере политики, культуры, спорта люди;

5) «Беспристрастный репортер» — в таких роликах зрителям предлагают различные факты и суждения о политике (или его оппоненте) и предоставляют им право самим делать выводы [8, С. 121–122].

Одной из распространенных форм политической коммуникации на телевидении являются теледебаты. Они предполагают участие двух или более

сторон, способствуя выявлению различий, а также определению сходства в программах претендентов на выборную должность в ходе дискуссии. Прямое столкновение соперников во время телевизионных дебатов позволяет телезрителям сравнивать взгляды участников предвыборной борьбы и составить о них более полное представление, учитывая их индивидуальные особенности и мнение по наиболее актуальным вопросам.

В настоящее время существует две основные модели проведения политических дебатов. Американская модель ориентирована на развлекательный характер освещения предвыборной борьбы, отражающей тенденцию сближения в избирательных процессах политики и шоу-бизнеса. Выборы в Великобритании и Германии демонстрируют переход к американской модели освещения предвыборных событий. Традиционная европейская модель тяготеет к спокойным, нейтральным, предельно корректным дискуссиям между претендентами. Подобного подхода к освещению избирательной кампании придерживаются Франция и Италия [6, С. 154].

Одной из важнейших проблем в ходе изучения особенностей влияния телевизионной коммуникации на массовое сознание является ее значительный манипулятивный потенциал. Так, У. Липпман, Ж. Бодрийяр придерживаются мнения, что телевидение имеет почти неограниченные возможности по созданию «псевдокартины» мира и являются важнейшим инструментом влияния на массовое сознание. Манипулятивный потенциал телевидения и других видов СМИ кроется в том, что большая часть мира находится за пределами непосредственного восприятия и прямого контакта современного человека. Другими словами, человек не в состоянии осуществить верификацию всех сведений, получаемых с помощью телевидения и вынужден многое воспринимать «на веру». Следствием этого становится ситуация, когда «наполняя» нужным содержанием сообщения, передаваемые СМИ, можно транслировать обществу не только знания об окружающей действительности, но и целенаправленно формировать эмоциональные и поведенческие стереотипы, установки [4, С. 184].

На личностном уровне к числу основных психологических механизмов, способствующих повышению восприимчивости зрителя к содержанию политической рекламы можно отнести конформизм, потребность в идентификации себя с большой группой, пониженный уровень критического мышления, преобладание иррациональных элементов (архетипических, мифологических) в процессе познания политической реальности.

Однако помимо субъективных существует и ряд объективных факторов, повышающих манипулятивный потенциал телевидения. В первую очередь это связано с самой спецификой подачи телевизионной информации. Достаточно часто в телесюжетах (особенно рекламного характера) используются такие приемы, как дробление и мозаичность подачи сообщений. Французский социолог А. Моль в своих работах рассматривал влияния СМИ на сознание и культуру в целом и при-

шел к выводу, что в результате такого влияния формируется мозаичное сознание, характеризующееся тем, что знание, в результате такого способа воздействия на массовое сознание, складывается из разрозненных, логически не связанных обрывков информации. Этой точки зрения придерживался и М. Маклюэн, отмечавший, что сама технология телевизионного изображения является предпосылкой формирования мозаичной культуры, фрагментарного сознания.

Манипулятивный потенциал телевидения состоит в возможности создания дополнительного «смыслового шума», существенно затрудняющего ориентацию в информационном потоке и вынуждающего ориентироваться на оценки комментаторов. Снижение критичности осуществляется за счет комбинированного воздействия аудиального и визуального каналов. Причиной этого является научно установленная особенность восприятия аудиовизуальной информации. Способность индивида контролировать сообщение снижается в результате использования нескольких каналов воздействия, следствием этого становится увеличение предрасположенности к манипулятивному воздействию. «Текст, читаемый диктором, воспринимается как очевидная истина, если дается на фоне видеоряда – образов, снятых «на месте событий». Критическое осмысление резко затрудняется, даже если видеоряд не имеет никакой связи с текстом» [2, С. 314].

Важной особенностью телевизионной политической рекламы является активное обращение к сфере эмоций и бессознательных реакций человека (в частности, оперирование имиджами, яркими образами вместо обсуждения конкретных политических программ, анализа их достоинств и недостатков). Такая особенность телевизионной коммуникации приводит к тому, что вместо рационально-логических построений субъект воздействия оперирует набором ярких клише и метафор, вызывающих и закрепляющих определенные ассоциации за конкретными объектами.

Однако, несмотря на значительные возможности телевидения оказывать скрытое воздействие на массовое сознание и поведение избирателей, эти возможности далеко не безграничны. Можно выделить несколько факторов, ограничивающих такое влияние.

Первое ограничение манипулятивного влияния телевидения связано со внутренними противоречиями самого информационного поля, порождаемого СМИ. Современные потоки информации состоят из множества противоречащих, нередко взаимоисключающих друг друга сообщений и материалов. Так, плюрализм информационного пространства и свобода выбора информационных источников способствует уменьшению зависимости политического поведения от воздействия телевидения.

Второе ограничение влияния политической рекламы на потенциальных избирателей лежит в сфере индивидуального восприятия личностью информации. Отечественным ученым-психотерапевтом А. М. Свядощем было до-

казано, что информационное воздействие способно вызвать у современного человека дистрессовое или даже невротическое состояние. Для того чтобы уберечься от информационного стресса, человек неосознанно включает ряд психологических барьеров, которые позволяют ему избежать информационных перегрузок. Такими барьерами могут быть избирательное внимание и восприятие. В случае избирательного внимания человек отбирает только те сообщения, которые соответствуют его личным интересам, и отбрасывает несоответствующие. Избирательное восприятие является следствием стремления избежать когнитивного диссонанса: люди стараются избегать лишней логического соответствия и противоречивой информации, а отбирают лишь ту, которая соответствует их представлениям [5, С. 171].

Еще одним существенным барьером на пути манипуляционных воздействий является тот факт, что существуют индивидуальные психологические процессы, затрудняющие воздействие на мотивационную структуру личности: ригидность мышления, когнитивный консерватизм, устойчивость социальных стереотипов.

В заключении можно отметить, что несмотря на широкое распространение и использование в современной телевизионной политической рекламе технологий манипулятивного воздействия на массовое сознание с целью формирования или изменения определенных социальных установок в отношении каких-либо политических лидеров, партий, тем не менее, существуют определенные ограничения, касающиеся восприятия данной информации потенциальными избирателями. Эти ограничения представляют собой своеобразные «фильтры», затрудняющие осуществление прямого манипулятивного влияния. Их действие связано, с одной стороны, с особенностями полицентричной коммуникативной среды современного российского общества, с другой стороны, оно касается индивидуальных особенностей восприятия политической информации на личностном уровне.

Библиографический список

1. Гринберг Т. Э. Политические технологии: ПР и реклама. – М., 2005.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 1981.
3. Назаров М. М. Медиа и власть в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1–2.
4. Павлова Е. Д. Средства массовой информации – инструмент скрытого воздействия на сознание: социально-философский анализ. М., 2007.
5. Ситников А. П., Огарь И. В., Бахвалова Н. С. Политический консалтинг. – М., 2004.
6. Феофанов О. А. Реклама: новые технологии в России. – СПб., 2001.
7. Шарков И. Ф. Политический консалтинг, Москва, 2005.
8. Щербатых Ю. В. Психология выборов. – М., 2005.
9. Darrell M. West Air Wars: Television Advertising in Election Campaigns. 2nd ed. Congressional Quarterly Inc. Washington, D. C.

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Проводимая в России с 2002 года пенсионная реформа, основной целью которой являлось повышение уровня пенсионного обеспечения населения, позволила в определенной мере достигнуть этой цели и обеспечить некоторую положительную динамику в этом направлении.

За шесть лет реформ средние размеры трудовых пенсий увеличились в номинальном выражении в 2,3 раза, а в реальном в 1,4 раза (Рис. 1).

Социальные пенсии выросли соответственно в 3,6 и в 1,8 раза при инфляции в 1,69 раза.

Возросло соотношение среднего размера трудовой пенсии с прожиточным минимумом пенсионера до 106 процентов в 2007 году, по трудовым пенсиям по старости до 113 % (Рис.1).

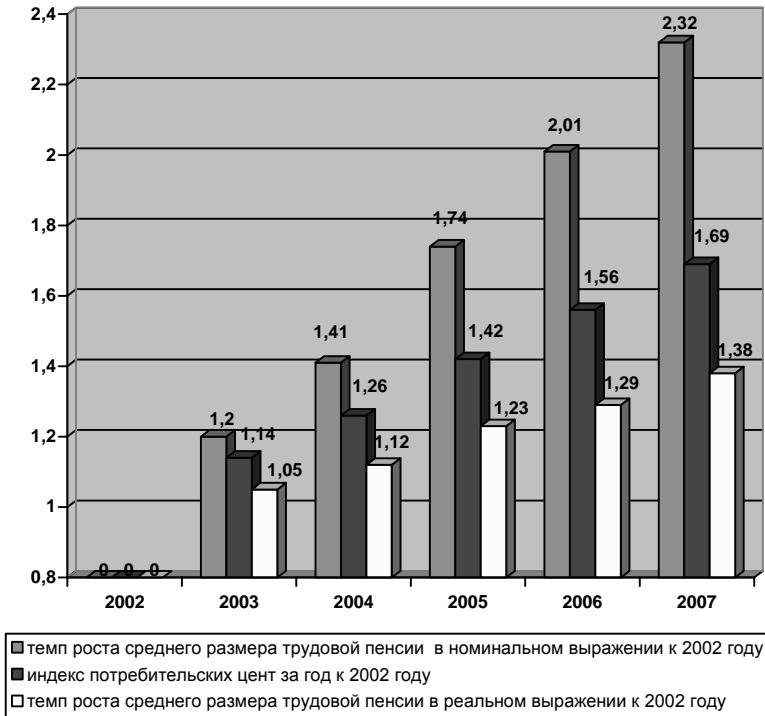

Рис. 1. Темпы роста среднего размера трудовой пенсии и индекс потребительских цен к 2002 году

В то же время в пенсионной системе сохраняются серьезные проблемы, а повышение уровня жизни пенсионеров и финансовой устойчивости системы достигаются не за счет эффективной работы страховой пенсионной системы, а за счет финансовой помощи федерального бюджета, что все больше приводит страховую пенсионную систему в систему государственного пенсионного обеспечения.

Анализ и классификация пенсионных проблем приводится в работах некоторых ученых. Наиболее полно их приводит А. К. Соловьев ^а.

По его классификации выделяется три группы проблем: первая группа проблем – это проблемы, решение которых предусматривалось, но не было достигнуто в процессе реформ. Вторая группа проблем, те которые не предусматривались реформой и третья – это вновь возникшие в процессе реформы проблемы.

Вместе с тем, представляется необходимым выполнить классификацию проблем и в зависимости от их функциональной направленности.

Первая группа – это проблемы пенсионных прав граждан, которые влияют на уровень пенсионного обеспечения.

Вторая группа – это проблемы финансовой стабильности пенсионной системы, от которой зависит финансирование трудовых пенсий.

В первую группу можно выделить следующие проблемы:

- значительное снижение коэффициента замещения трудовой пенсии;
- падение реального уровня жизни пенсионеров (в первую очередь трудовых);
- неравные пенсионные права у различных категорий застрахованных лиц, из-за высокой и необоснованной дифференциации тарифов;
- нереальная, необоснованно заниженная стоимость страхового года;
- отсутствие нормативного объема уплаченных в течение года страховых взносов для формирования пенсионных прав с данным коэффициентом замещения;
- наличие просроченной задолженности по уплате страховых платежей;
- разные ставки тарифов страховых взносов для застрахованных лиц различных категорий;
- отсутствие паритетной уплаты страховых взносов работодателями и работниками;
- отсутствие добровольной уплаты дополнительных взносов на обязательное пенсионное страхование лицами, за которых обязательные взносы уплачиваются в размерах недостаточных для формирования их пенсионных прав;
- не обоснованная научно и не подтвержденная статистически продолжительность периода получения трудовой пенсии;
- недостаточный размер базовой части трудовой пенсии, который является государственным пособием по старости.

Ко второй группе проблем можно отнести:

- наличие дефицита бюджета ПФР и увеличение финансовой зависимости ПФР от федерального бюджета;
- сохранение в системе обязательного пенсионного страхования досрочных пенсий;
- сохранение в страховой пенсионной системе нестраховых периодов;
- наличие задолженности по ЕСН и страховым пенсионным взносам;
- отсутствие нормативного объема уплаченных в течение года страховых взносов для выполнения солидарных обязательств системы;
- необоснованный размер стоимости страхового года;
- наличие завышенных пенсионных прав у отдельных категорий застрахованных лиц из-за установленного минимального страхового стажа равного 5 годам;
- научно и статистически необоснованная продолжительность периода получения трудовой пенсии;
- отсутствие финансового источника для индексации расчетного пенсионного капитала;
- индексация трудовых пенсий без актуарного обоснования и оценивания финансовых ресурсов системы в будущих периодах;
- выплата «серых» зарплат.

Приведенная классификация не является конечной. Ряд проблем можно отнести одновременно и к первой и ко второй группе. Например, просроченная задолженность по страховым взносам относится и к первой и ко второй группе, так как входит в доходную часть бюджета ПФР и в тоже время влияет на объем пенсионных прав застрахованного лица.

Точно также введение обоснованной расчетной стоимости страхового года повышает уровень пенсионных прав застрахованных лиц и одновременно увеличивает доходную часть пенсионной системы, предназначенной для финансирования текущих пенсий.

По мнению автора проблемы в пенсионном обеспечении можно классифицировать следующим образом:

- 1 – проблемы старой (до 2002 года) пенсионной системы;
 - 2 – проблемы, которые предполагалось решить в ходе пенсионной реформы 2002 года;
 - 3 – проблемы, которые решены в ходе реализации реформы;
 - 4 – проблемы, которые не удалось решить в ходе реформы;
 - 5 – новые проблемы, обусловленные реализацией пенсионной реформы.
- На начало реформы основными проблемами пенсионного обеспечения были:
- а) финансовая неустойчивость ПФР;
 - б) снижение уровня пенсионного обеспечения;
 - в) отсутствие реального пенсионного страхования;
 - г) несоответствие размера пенсий трудовому вкладу;

- д) отсутствие стимулов к пенсионному страхованию;
- е) ограничение пенсионных прав отдельных групп граждан при увеличении пенсионных прав других групп;
- ж) финансирование досрочных пенсий за счет обязательной пенсионной системы;

з) отсутствие актуарных прогнозов в пенсионном обеспечении.

Не выполнялись основные принципы пенсионного страхования:

- эквивалентность страховых взносов в обязательную пенсионную систему и пенсионных выплат;

- обязательность пенсионного страхования и уплата страховых платежей в ПФР;

- автономность, независимость бюджета ПФР от бюджетов всех уровней.

Современное состояние пенсионного обеспечения в РФ показывает, что ряд проблем оказались не решенными и до настоящего времени. Это:

- усиление зависимости ПФР от федерального бюджета и независимость выполнения ПФР в полной мере своих функций;

- снижение коэффициента замещения за последние шесть лет с 33,5 процентов до 27,2 процентов по РФ;

- сокращение большого количества пенсионеров, получающих пенсии в размере ниже прожиточного уровня;

- досрочные пенсии не выведены из системы обязательного пенсионного страхования и не преобразованы в профессиональные пенсионные системы;

- остались проблемы нестраховых периодов, часть из которых решены абсолютно неэффективно;

- остались ущемленными в пенсионных правах наиболее квалифицированные и образованные группы граждан из-за действующих ограничений закона № 113-ФЗ (коэффициент соотношения заработных плат не выше 1,2, стажевый коэффициент не выше 0,75, средняя заработная плата по РФ за IV квартал 2001 года 1671 руб.);

- актуарные модели развития пенсионной системы не используются для анализа и принятия решений, затрагивающих пенсионное обеспечение;

- пенсионная система, основанная на страховых принципах, администрируется по налоговым правилам и механизмам.

Кроме отмеченных проблем реализация пенсионной реформы выявила и целый ряд новых проблем:

- установленный минимальный страховой стаж (5 лет) завышает обязательства государства по выплате базовой части трудовой пенсии;

- установленный минимальный размер фиксированного платежа в ПФР для индивидуальных предпринимателей, адвокатов, нотариусов и некоторых других категорий граждан приводит к установлению пенсии значительно ниже прожиточного уровня;

- занижена стоимость страхового года;
- не определен финансовый источник для индексации расчетного пенсионного капитала в период трудовой деятельности;
- не определен финансовый источник для индексации расчетного пенсионного капитала в период трудовой деятельности;
- снижение уровня трудовых пенсий у женщин в сравнении с мужчинами (из-за различного пенсионного возраста);
- поляризация уровня пенсионного обеспечения в зависимости от региона проживания пенсионера;
- разделение пенсионеров на пенсионеров прошлых периодов (с ограничением пенсионных прав) и будущих пенсионеров (без ограничений пенсионных прав);
- отставание темпов роста трудовых пенсий от темпов роста заработной платы по стране;
- не получило развитие дополнительное пенсионное страхование (личное и корпоративное) на основе негосударственных пенсионных фондов (НПФ);
- низкая эффективность накопительного компонента обязательного пенсионного страхования;
- загрузка ПФР функциями, не имеющими отношения к пенсионному обеспечению;
- отсутствие решения по просроченной задолженности страхователей-банкротов.

Одной из основных проблем пенсионного обеспечения является ежегодное снижение коэффициента замещения пенсией заработной платы, которое ухудшает материальное положение пенсионеров. Причиной такого положения, все большего с каждым годом отрыва трудовых пенсий от средней заработной платы является наряду с проблемами первичной оценки пенсионных прав (занижение пенсионных прав из-за ограничения по закону № 113-ФЗ и других причин), более низкий уровень индексации пенсий в сравнении с ростом заработной платы.

Средняя заработная плата в России с 2002 по 2007 год выросла на 307,7%, а пенсии увеличились за счет индексации только на 251,8 % (Таблица 1).

Таблица 1
Рост заработной платы, пенсий и уровень инфляции в РФ
за 2002 – 2007 года

	Средний размер з/платы в РФ (руб.)	Увеличение з/платы, %	Средний размер пенсии в РФ (руб.)	Процент индексации пенсий	Уровень инфляции
2002	4360,3		1462,3		115,1
2003	5498,5	126,1	1747,3	119,5	112
2004	6739,5	122,6	2026,2	116	111,7

2005	8554,9	126,9	2588,1	125,3	110,9
2006	10634	124,3	2841,51	112	109
2007	13418	126,2	3682,2	129,6	111,9

Из таблицы видно, что ежегодно темпы роста заработной платы в стране стабильно превышают темп роста пенсий. Исключением является только один год (2007), года рост пенсий составил 129,6 % при росте заработной платы в 126,2 %.

В то же время темпы роста пенсий превышают ежегодный рост инфляции. Поэтому закономерно, что в настоящее время размер средней пенсии превышает размер прожиточного минимума, и существенно отстает от роста заработной платы.

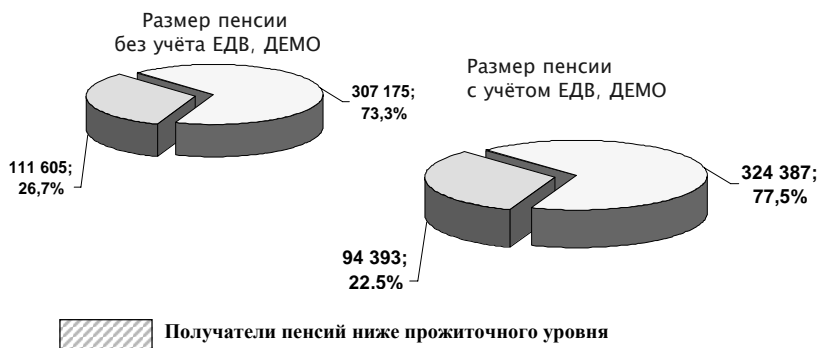
В то же время индексация трудовой пенсии на уровне роста заработной платы в РФ позволила бы повысить уровень пенсионного обеспечения.

Выполненные расчеты по Пензенской области показывают, что индексация пенсий в соответствии с темпами роста заработной платы дает увеличение размера пенсии почти на 30 % в 2008 году, в 2009 на 25%, 2010 – 20% (Таблица 2).

Индексация трудовых пенсий по темпам роста заработной платы позволила бы уменьшить число пенсионеров, получающих пенсию ниже прожиточного уровня.

А сегодня только в Пензенской области на 01.01.2008 года 26,7 % от числа всех пенсионеров получают пенсию ниже прожиточного уровня (Рис.2).

Всего ПЕНСИОНЕРОВ 416 099 чел.

ВЕЛИЧИНА ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА ПЕНСИОНЕРА 3 063 РУБ.

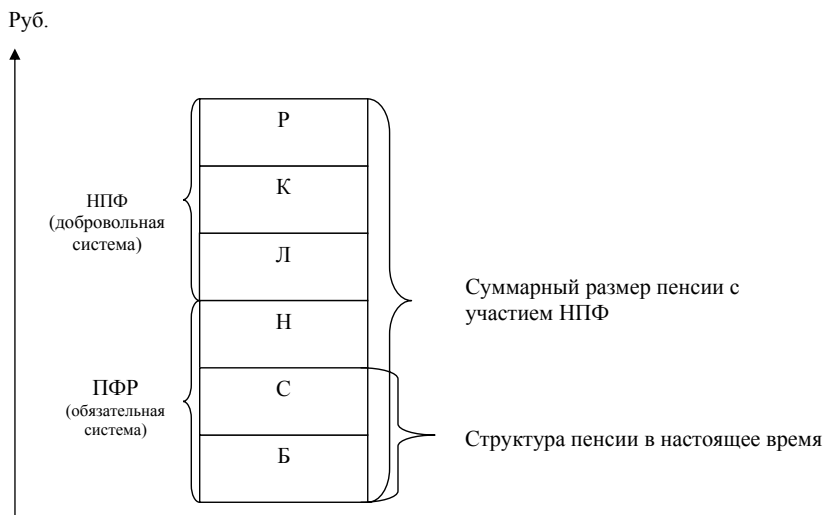
Рис.2 Численность пенсионеров Пензенской области, получающих пенсию ниже прожиточного минимума пенсионера на 01.01.2008 г.

Таблица 2. Расчет увеличения пенсии при ее индексации по темпам роста заработной платы

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Численность получателей трудовой пенсии, тыс.чел.									
среднегодовая	408,033	405,207	403,783	401,735	395,531	388,497	388,245	386,817	386,014
З/плата, руб.	2501,1	3474,4	3911,1	5206,8	6344	8587,7	8623,7	9784,1	10980,5
Темп роста з/платы, %		138,9	112,6	133,1	121,8	135,4	100,4	113,5	112,2
Расчет									
Средний размер пенсии*, руб.	1300,12	1805,87	2033,41	2706,47	3296,48	4463,44	4481,3	5086,27	5706,8
Базовая часть пенсии, руб.	532,13	739,13	832,26	1107,74	1349,23	1826,86	1834,17	2081,78	2335,76
Страховая часть пенсии, руб.	767,99	1066,74	1201,15	1598,73	1947,25	2636,58	2647,13	3004,49	3371,04
Расходы на базовую часть, млн.руб.	2605,5	3594,0	4032,6	5340,2	6403,9	8516,8	8545,3	9663,2	10819,6
Расходы на страховую часть, млн.руб.	3760,4	5187,0	5820,0	7707,2	9242,4	12291,6	12332,8	13946,3	15615,2
Факт									
Средний размер пенсии*, руб.	1300,12	1530,89	1772,73	2224,48	2513,92	3038,15	3463,96	4066,46	4754,28
Базовая часть пенсии, руб.	532,13	612,73	677,76	1001,48	1105,82	1396,55	1573,58	1900,5	2288,78
Страховая часть пенсии, руб.	767,99	918,16	1094,97	1223	1408,1	1641,6	1890,38	2165,96	2465,5
Расходы на базовую часть, млн.руб.	2605,5	2979,4	3284,0	4828,0	5248,6	6510,7	7331,2	8821,7	10602,0
Расходы на страховую часть, млн.руб.	3760,4	4464,5	5305,6	5895,9	6683,4	7653,1	8807,2	10054,0	11420,6
Разница									
Увеличение среднего размера пенсии, руб.	0	274,98	260,68	481,99	782,56	1425,29	1017,34	1019,81	952,52
Увеличение среднего размера пенсии, %	0	18,0	14,7	21,7	31,1	46,9	29,4	25,1	20,0
Увеличение расходов на базовую часть, млн.руб.	0	614,6	748,6	512,2	1155,3	2006,1	1214,1	841,5	217,6
Увеличение расходов на страховую часть, млн.руб.	0	722,5	514,4	1811,3	2559	4638,5	3525,6	3892,3	4194,6
Увеличение расходов на базовую и страховую часть, млн.руб.	0	1337,1	1263	2323,5	3714,3	6644,6	4739,7	4733,8	4412,2

Более того, в РФ статистика не учитывает количество таких пенсионеров ни в целом по РФ, ни в субъектах страны, в то время как их число уменьшается медленно.

Не получил достаточного развития негосударственный сектор пенсионного страхования, который, как предполагалось, повысит уровень пенсионного обеспечения дополнительно к обязательному пенсионному страхованию (Рис.3).

- Б – базовая часть трудовой пенсии
- С – страховая часть трудовой пенсии
- Н – накопительная часть трудовой пенсии
- Л – личная добровольная негосударственная пенсия
- К – корпоративная негосударственная пенсия
- Р – региональная негосударственная пенсия

Рис.3 Структура пенсии с участием НПФ

Подводя итоги изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Проводимая в РФ пенсионная реформа решила некоторые проблемы, что позволило повысить уровень пенсионного обеспечения в стране.
2. Однако целый ряд проблем не решен до настоящего времени, что привело к снижению коэффициента замещения пенсией утраченного заработка, наличие значительного количества пенсионеров, получающих пенсию ниже прожиточного уровня.
3. Не получил достаточного развития негосударственный сектор пенсионного обеспечения как по количеству участников, так и по эффективности работы.

4. Не решена проблема финансовой стабильности пенсионной системы, в результате чего усиливается влияние федерального бюджета на пенсионное обеспечение.

5. Не решена проблема активного участия людей в формировании своей будущей пенсии, заблаговременной заботе о своей старости.

6. Действующая пенсионная система в РФ нуждается в такой корректировке, которая бы обеспечила решение вышеперечисленных проблем.

Библиографический список

1. Соловьев А. К. Актуарное обоснование вариантов развития пенсионной системы // Пенсия. 2007. № 5. С. 33–32.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Е. Б. Рашковский

*Институт мировой экономики
и международных отношений РАН
г. Москва*

СОВРЕМЕННОЕ И БИБЛЕЙСКОЕ В НАСЛЕДИИ ВЛ. СОЛОВЬЁВА, ИЛИ О ДУХОВНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ СОЛОВЬЁВСКОГО «ЛИБЕРАЛИЗМА»

Каждая развитая национальная культура тем и *развита*, тем и *национальна*, что несет в себе не только огромную культурно-историческую память, но и огромную прапамять и умеет абсорбировать (т. е. у-сваивать, о-сваивать – делать *своими*) достижения иных эпох, ареалов, народов, цивилизаций.

Это суждение может быть сполна отнесено к истории отечественной философской мысли и к изучению одной из ее едва ли не ключевых фигур – Владимира Сергеевича Соловьёва (1853–1900).

В предреволюционные и революционные годы о Соловьёве говорили подчас даже слишком много и – по большей части – в связи с апокалиптическими страхами тогдашней русской интеллигенции, хотя проблематикой мировых катастроф соловьёвское наследие далеко не исчерпывается. В советскую эпоху о нем вообще молчали: в лучшем случае – лишь удостаивая его дежурной антирелигиозной и антиидеалистической ругани или же помяная его в связи с генезисом поэзии русских символистов. В эпоху Перестройки соловьёвские цитаты стали частью тогдашней свободолобивой фразеологии. А в постсоветские годы, когда возобладал «державный» и отчасти постмодернистский дискурс, расхожий интерес к Соловьёву сошел почти что на нет, однако соловьёвские исследования, соловьёвские интересы ушли в глубину российской интеллектуальной и духовной культуры. И это – не случайно.

Как сказал мне в сентябре далекого 1968 года пригласивший меня к себе о. Александр Мень, работа над наследием Соловьёва есть «работа на века». Работа, значение которой мы и сами едва ли в состоянии уяснить. Примерно два года спустя, 30 июля 1970 г., когда группа тогда еще молодых московских интеллектуалов собралась на квартире будущего протоиерея Михаила Аксенова-Меерсона на панихиду и на семинар по случаю семидесятилетия со дня кончины философа⁵, о. Александр конкретизировал эту мысль так. По его словам – насколько я их запомнил – начатая Соловьёвым работа по

5 Некоторые данные об этом вечере см.: Аксенов-Меерсон М. Соловьёв и наши дни // Соловьёв С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1977. – С. IX-X. Имена участников этой встречи я раскрывать не стану: «иных уж нет, а те далече», а кто-то здравствует и поныне. Но почти все известны...

осознанному взаимному соотносению традиционной церковно-религиозной культуры, с одной стороны, и достижений светского интеллектуализма – с другой – есть работа нелегкая, но всегда, для каждого времени насыщенная и требующая усилий многих поколений.

Попробуем же разобраться в этой неслучайной актуальности русского философа «на века».

1.

*А кстати: как объяснить по теории Данилевского,
что наша с Вами общая чисто-русская (ибо поповская)
национальная культура не мешает Вам быть китайцем,
а мне – евреем?
Из письма Н. Н. Страхову
от 23. 08. 1890⁶*

Я хотел бы говорить о вещах общеизвестных, почти что банальных, однако – в своем особом дискурсе, в своей особой тематизации. Но это меня едва ли страшит. Ибо основная задача религиозно-философской мысли – не столько во введении новых фактов, новых теоретических знаков и суждений⁷, сколько в обосновании тех новых *смыслов*, которые рождаются на пересечении глубоких, «соборных» традиций человеческого духа и уникального опыта каждого из нас.

Есть одна важная герменевтическая трудность в работе с текстами Соловьева: написанные отточенным и прозрачным языком, он читаются, что называется, «с листа», однако их внутренние мировоззренческие и философские смыслы улавливаются и понимаются с трудом. В философской историографии много пишется о том, сколь трудно разбираться исследователю во многообразии соловьевских «масок». Соловьев одновременно и церковно верующий человек – и продолжатель традиции философского критицизма⁸; политический легитимист – и либерал; эстет – и правозащитник; верный почитатель духовного и культурного наследия Европы и России и – одновременно – незаурядный теоретик-востоковед⁹; мыслитель, еще во времена господства на Руси славянофильских, народнических и толстовских воззрений

6 Соловьев В. С. Письма. Т. 1. Под ред. Э. Л. Радлова. – СПб.: Обществ. Польза, 1908. С. 60.

7 Вспомним ироническую характеристику афинских приверженцев античных философских традиций, уже изрядно порастративших к середине I в. н. э. свой творческий потенциал: «...ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить и слушать что-нибудь новое» (Деян 17:21). Здесь и далее библейские цитаты приводятся в Синодальном переводе.

8 См.: Рашковский Е. Б. Осознанная свобода: материалы к истории мысли и культуры XVIII – XX столетий. – М.: Новый хронограф, 2005. С. 114-136.

9 На эту сторону творчества Соловьева обращено внимание в трудах М. А. Батунского, А. В. Журавского, А. И. Кобзева, В. Э. Молодякова, Л. Р. Полонской, а также и пишущего эти строки.

обосновывавший ценность городской культуры (не в ущерб крестьянскому большинству российского населения, но ради его сближения с условиями и императивами современной жизни), и – идеолог социального государства и осознанной экологической политики... И. наконец – Соловьев-пародист и шутник, мастер иной раз беспощадного интеллектуального розыгрыша. Ибо что есть шутка, как не специфическая и незаменимая форма существования нашей мысли, которая испытывает самое себя, доводя свои же собственные диспозиции до абсурда?

Но всё это – один и тот же Соловьев во всем многообразии общероссийских (равно как и его собственных) исторических и житейских перипетий, во всём ситуационном многообразии его идеологических ролей: академический ученый, просветитель, политический и церковный публицист, молитвенник, общественный деятель либеральной ориентации, литературный критик и – last, but not least – оригинальный и толком еще не оцененный поэт. Подлинная же поэзия открывает людям те горизонты и спонтанные возможности мысли и слова, которые не могут быть ни заменены, ни восполнены иными областями интеллектуального творчества.

Следовательно, должна быть какая-то особая сердцевина соловьевского мышления и делания, какой-то общий контекст, воссоединяющий в себе все, казалось бы, распадающиеся в нашем сознании и в нашем стремлении к дисциплинарному дроблению мысли «лики» и «личины» русского философа...

Когда иные исследователи говорят о единстве «религиозной философии» (или «русской религиозной философии»), они частенько упускают из виду то обстоятельство, что глубокая библейская сердцевина христианского философского мышления и насыщенность философского (или квази-философского) дискурса религиозными словесами и образами – вещи совершенно разные и несхожие. Что же касается Соловьева, – то налицо глубинная библейская основа его философского мышления: от юношеских трудов до трудов предсмертных. Напомню читателю: в письме в редакцию газеты «Новое время» от 23. 11. 1899 (т. е. за восемь месяцев до смерти) философ указывает в числе текущих своих работ «библейскую философию с переводом и толкованием Библии»¹⁰. Еврейские и греческие тексты Библии он читал без словаря и прекрасно знал рецепции библейских текстов и идей и в православном богослужении, и в европейской философской традиции.

Хельмут Даам (Dahm), немецкий исследователь творчества Соловьева, справедливо выявил тот библейский нерв, которым определяется это нерасторжимое сращение моментов консерватизма и вольнолюбия, «библейского» и «современного» в творчестве русского философа: само человеческое существование, глубоко тяготеющее к трансцендентному миру, не в силах

¹⁰ Соловьев В. С. Письма. Т. 3. Под ред. Э. Л. Радлова. – СПб.: Обществ. польза, 1911. С. 185.

смириться с уродствами и аномалиями наличной жизни¹¹. Добавлю от себя – не в силах смириться, из каких бы «консервативных» или «модернистских» источников эти аномалии не проистекали.

Что же касается этой странной диалектики внутреннего соотношения и упорядочения тенденций смирения и протеста в интеллектуально-духовном человеческом опыте, – то одно из важных рассуждений на сей счет содержится в по-своему гениальной, хотя и с современной точки зрения экстравагантной книге Соловьева – в первом томе (второй так и не увидел свет) «Истории и будущего теократии»¹².

По словам философа, страх (точнее, страх личной потери Царства Божия¹³) отчасти является необходимой стороной выстраивающегося в истории человеческого духа¹⁴; однако через восполняющую и преодолевающую страх веру приходит «упование на взаимность Божию»¹⁵, а через эту «взаимность» – и настоящую любовь, помогающую человеку стать свободным и нравственным существом во Христе¹⁶. А подлинным соприкосновением с Царством Божиим уже определяется и подлинное – непринужденное, благодатно-свободное – призвание человека¹⁷.

Так или иначе, мы нащупываем один из важнейших библейских нервов соловьевского мышления – проблему страха и непринужденности, иными словами – рабства и свободы в человеческом существовании. Однако, чтобы не быть голословными, предпримем краткий библеистический экскурс на сей предмет.

Собственно, библейских тем у Соловьева – великое множество. На сей раз ограничусь лишь одной из них.

2.

*Я раб греха. Но силой новой
Вчера весь дух во мне взыграл,
А предо мною куст терновый
Огнем горел и не сгорал.*

Вл. Соловьев. Неопалимая купина (04. 09. 1891)

11 См.: Даам Х. Свет естественного разума в мышлении Вл. Соловьева // Вопросы философии. М., 1992. № 8. С. 137.

12 Nota bene. Соловьёвское понятие теократии означает не господство религиозных институций над обществом, но доминирование божественной правды в общественных отношениях. И если искать какое-то подобие соловьевскому концепту теократии в XX веке, то таковым мне представляется понятие «дхармарадж», разработанная Махатмой Ганди.

13 О специфике трактовки представления о Царстве Божием у Соловьева будет сказано ниже.

14 См.: Соловьев В. С. История и будущее теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни) <1886-1887> // Собр. Соч. Изд. 2. Т. 4. – СПб.: Просвещение, б. г. С. 592.

15 Там же. С. 593. Это – как раз то самое, что позднее Мартин Бубер обозначил понятием диалога.

16 См. там же. С. 593-594.

17 См. там же. С. 594-596.

Говоря чисто формально, Христианская Церковь существует на Земле без малого две тысячи лет. Однако наша христианская история непреложно включает в себя (именно как неотъемлемую предысторию) еще почти две тысячи лет предшествующей истории еврейского народа; из этих двух тысячелетий почти полтора центрированы и организованы древнееврейской – по-научному говоря – этноконфессией, а говоря на языке христианского богословия – Ветхозаветной Церковью.

С точки зрения нынешней, нашей, европейской, – Израиль – самый древний из народов Старого Света – самый древний не в смысле био-этно-лингвистической преемственности, но в том смысле, что его *непрерывная и осознанная в своей непрерывности история* (вкупе со множеством духовных и культурных традиций) длится со времен надлома династии Рамсесидов в Древнем Египте вплоть до нынешних дней. Причем длится – вопреки всем усилиям древних завоевательных империй, крестоносцев, нацистов или, скажем, нынешних арабских или иранских или каких-нибудь иных национал-патриотов – пресечь эту историю. Длится вплоть до сегодняшнего дня и не поддается «пресечению».

Так выглядит эта история на весьма краткосрочный, европейский манер.

Но вот с точки зрения серьезной исторической науки, всё это выглядит не совсем так. И даже отчасти – совсем не так. Палеонтологически древний или, по словам Тойнби, исторически «окаменевший» (became fossil) Израиль – один из относительно молодых народов Древнего Востока, утвердивший и начавший свой осознанный исторический путь весьма поздно – лишь где-то во второй половине второго тысячелетия до РХ, а уж путь *отчетливо осознанный* – только в середине первого тысячелетия до РХ (вавилонское «спецпереселение», эдикт Кира о праве иудеев вернуться на родину и отстроить свою столицу от 538 г. до РХ и последовавший за этим эдиктом «первый сионизм»). На протяжении своей истории Древний Израиль вобрал в себя множество расовых, лингвистических и духовных компонентов истории древнего человечества – от берберов на Западе до персов на Востоке, от скифов на Севере до эфиопов на Юге.

Далее, на протяжении древней своей истории Израиль (а через него и мы, христиане, как наследники древнеизраильского принципа *этического монотеизма*) вобрал в себя огромнейшие, религиозно-культурные, социальные и интеллектуальные – не побоюсь даже сказать научные¹⁸ – пласты

18 Речь идет о традициях древней ближневосточной грамотности и педагогики (См.: Дандамаев М. А. Вавилонские писцы. – М.: Наука-ГРВЛ, 1983), об опыте астрономических наблюдений и календарных выкладок (См.: Быт / Бе-решит 1:14; термин «*моадим*» может быть переведен одновременно и как «размеренные времена» и как «праздники»), об опыте управленческой техники и архивного дела, об опыте фортификационных и гидравлических работ, и – наконец – об основополагающих принципах и понятиях историографии.

достижений огромнейших и разнообразных человеческих массивов и географических пространств.

3.

Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия.

Первый шаг к положительной эстетике <1894>¹⁹

Основу социо-экономической жизни развитых обществ Древнего Востока историки называют «восточной деспотией»²⁰; этот же самый грандиозный социально-исторический феномен можно было бы условно определить как *государственное рабство*, – хотя, разумеется, в разных регионах система «государственного рабства» осуществлялась с разной степенью последовательности или непоследовательности, с разной степенью «крутости» или же – напротив – патерналистских послаблений.

Становление системы государственного рабства (причем с немалой остротой именно социо-экономического видения) отражено на страницах египетских, то бишь Иосифовых, разделах книги Бытия и в начальных главах книги Исхода (Шмот). Что же касается чисто внешней, сугубо социальной канвы этой последней книги, – то в основе ее лежит описание бунта разноплеменных государственных рабов, заметную часть которых составляли домоисеявы, т. е. не вполне оформившиеся в народ и не вполне сознавшие себя, израильтяне.

Я не случайно обмолвился выше словосочетанием, которым обязан современнику Соловьева, немецкому философу Герману Когену (H. Cohen, 1842-1918): «этический монотеизм» Ветхого Завета.

По сути дела, именно это словосочетание проливает особый свет на историческое новаторство древнеизраильской, библейской мысли по отношению к породившему ее древневосточному человеческому контексту.

¹⁹ Соловьев В. С. Соч. в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 552 (примечание).

²⁰ Попытку современной - и притом весьма смягченной – трактовки этого феномена, опирающуюся, в частности, и на круг мировых и отечественных, но также и собственных библейских исследований см.: Рашковский Е. Б. «Азиатский способ производства»: историографическая макропроблема // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. – М.: РГГУ; Археографическая комиссия РАН, 2002. С. 403-405; Рашковский Е. Б. Шифрограмма истории: к востоковедному прочтению ветхозаветных текстов // Глерию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 209-223.

Исторически, Ветхозаветная Церковь выросла из почти безнадежно-го, из почти обреченного и, скорее всего, весьма буйного бунта египетских государственных рабов. Но вот новый народ, безусловно возведший свою генеалогию к Трем Патриархам²¹, сложившийся из разноплеменных отверженных, беглецов и бунтарей, был, строго говоря, создан и оформлен тем Откровением, в основу которого легли две столь трудно дающиеся обыденному сознанию, но столь насыщенные для всей последующей универсальной истории идеи. А современное определение этих идей, – казалось бы, столь понятных и привычных, но, по существу, гносеологически столь сложных – можно было бы представить в виде двух взаимодополняющих положений:

1) безусловное смысловое единство вселенской жизни в едином Божественном контексте;

2) уникальная и глубоко личная нравственная связь каждого человека с этим единством.

Эта связь – как раз то самое, что наш соотечественник и почти что современник – Вл. Соловьев – определил как «положительное» или «Божественное всеединство». Последнее же, на мой взгляд, как раз и есть современная философская идиома Царства Божия²².

4.

В незримой глубине сознания мирового

Источник истины живет, несокрушен...

Вл. Соловьев. Ночь на рождество (24. 12. 1894)

Память об освобождении из рабства, памятование свободы – центральная «мистерия» древнего и последующего иудаизма. Не случайно словосочетание «*зман херутену*» (время нашей свободы, празднование нашей свободы) принадлежит к числу ключевых понятий Пасхальной Агады; по всей видимости, оно произносилось и на Тайной Вечере.

Во всяком случае, отблеск этой ветхозаветной «мистерии» разрыва с социальным и этническим рабством лег и на центральную Мистерию христианства – на пришествие в мир Иисуса Мессии и на Его – через Крест и Воскресение – победу над всечеловеческим рабством смерти и греху. Во всяком случае, тема параллелизма ветхозаветного Исхода из фараонова рабства и Воскресного исхода из рабства греху и смерти – одна из настоячивых тем православного богослужения Страстной и Светлой седмиц.

Для человека, умеющего исторически мыслить, важно понять, что Ветхий Завет, хотя и существенно смягчает, но не отменяет рабство *de jure*: тогдашняя человеческая история – как история социальности, производительных сил и

²¹ Можно даже говорить и о характерной библейской числовой прогрессии (3+1), если вспомнить и условного четвертого Патриарха – Иосифа.

²² См. : Рашковский Е. Б. Владимир Соловьев: христианская ревизия «схластики» позитивизма // Вестник Тверского гос. университета. 2007. № 3 (31).

правовых понятий – еще не была готова к такому повороту событий. Однако – именно умея мыслить исторически – важно понять, что Ветхий Завет подвел некую медленную, объективно рассчитанную на тысячелетия «бомбу» под исторически и социально неизбежный в те архаические времена институт рабства – как государственного, так и частновладельческого.

Действительно, само таинство Исхода израильтян из Египта, из «дома рабства» (*бейт авадим*)²³ как бы обличает рабство – причем обличает из поколения в поколение²⁴ – как некий не вполне достойный человека как «образа и подобия» Божия²⁵ институт.

Упомяну лишь некоторые из моментов регуляции статуса раба по Синайскому законодательству²⁶.

– Хозяин обязан гарантировать рабу Шаббат, т. е. Субботний покой²⁷. При чем последний – если исходить из всего комплекса ветхозаветных текстов – не просто биологически и психологически потребный человеку отдых, но и некий акт соучастия в полноте Божественной жизни и Божественного созерцания.

– Раб-израильтянин не может томиться в рабстве у соплеменника более 7 лет, а хозяин обязан предоставить ему некоторый минимум гарантий достойной жизни при выходе на свободу.

– Раб-иноплеменник таковой привилегии лишен, но он в праве по вере присоединиться сам и присоединить своих детей к израильтянскому народу и тем самым приобрести статус израильтянина. Исторически, этот институт рабов-прозелитов был одной из форм демографической подпитки еврейского народа.

– Рабы священника-*коэна*, наряду с ним самим и его семьей (в отличие от всех прочих свободных израильтян, включая и живущую в некоэнской семье дочь священника), могли разделять с ним его священную трапезу²⁸. Так что священнический раб, вместе со своим хозяином, отнесен к сфере «святынь» (*кдошим*) и, следовательно, превознесен над реалиями обычной жизни и облечен более высоким ритуальным статусом, нежели большинство свободных израильтян.

– Еще одно из Синайских предписаний по части института рабства, до сих пор выглядящее упреком и нынешнему миру, и множеству граждан нынешней России: похищение и насильственное порабощение людей запреще-

23 Исх / Шмот 13:3, 14.
«И чтобы ты рассказывал сыну твоему и сыну сына твоего, что Я сделал в Египте...» - Исх / Шмот 10:2.

25 Быт / Бэ-реши 1:26.

26 Систематизацию этой проблемы см. в изданиях: Ринекер Ф. и Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. – Paderborn: Christliche Verlagsbuchhandlung, 1999. С. 813-815; прот. А. Мень. Библиологический словарь. Т. 3. – М.: Фонд им. А. Мень, 2002. С. 13-14.

27 Четвертая заповедь Моисеева Декалога. – Исх / Шмот 20:10.

28 См.: Лев / Ва-йикра 22:11-13.

но под страхом смертной казни²⁹. Речь, разумеется, о похищении и порабощении соплеменников. Но разве тот, кто небрежет свободой соплеменника, – способен ли он помыслить о человеческой свободе вообще?

Nota bene. Ветхозаветный дискурс, в конечном счете, отрицает принцип рабствования израильтянина у земного хозяина. Сама этимология слова «Израиль», возможно, содержит в себе намек, что израильтянин может быть лишь рабом, или – точнее – служителем (корневая основа: *син-реш*) Божиим. Но это уже не земное, но сверхземное, священное, Мессианское служение³⁰. Мессия, от века избранный от Израиля, – Раб и Служитель Господень (*звед Адонаи*)³¹.

5.

*Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...*

Вл. Соловьев. Панмонголизм (01. 10. 1894)

Особая и очень важная именно для современного человека ветхозаветная тема – прямо или косвенно содержащаяся во всём ветхозаветном комплексе тема осуждения государственного рабства (т. е. *рабства для всех*); ее можно обнаружить не только в исторических нарративах Ветхого Завета, но и в «хохмическом» комплексе, т. е. в комплексе книг Премудрости, прежде всего в книге Притчей Соломоновых. Прямые или косвенные обвинения пагубности человеческой несдержанности и спеси, жадности и шальных богатств, разврата и сибаритства, интриг и дворцовых переворотов (этой «нормальной» черты деспотических обществ), взяточничества и служебных злоупотреблений, произвола и неправосудия – всё это неотъемлемая часть той библейской и – шире – древней ближневосточной «политологии», которая призвана была сдерживать размах архаического *рабства для всех*³². Действительно, одна из неявных, но самых настойчивых тем Книги Притчей такова: абсолютная, необузданная власть и связанные с нею кумовство, самодурство, разложение, циническое угнетение бедных и слабых – весь этот

29 См.: Исх / Шмот 21:16; Втор / Дварим 24:7.

30 См.: Лев / Ва-йикра 25:42. Парадоксальное отражение этой коллизии свободы и рабства в священной ветхозаветной юриспруденции нашло свое отражение в юриспруденции средневековой католической Европы: евреи, при всей приниженности их положения, не могли быть рабами, но могли быть «собственностью» пап и королей, т. е. – по тогдашним понятиям – прямых «полпредов» Божественной власти на Земле.

31 См., напр.: Ис 53:11

32 Этот аспект библейского политического мышления я пытался отразить в своем переводе Притчей и в предисловии и комментариях к нему. – См.: Книга Притчей Соломоновых (в помощь изучающему Священное Писание). – Пер. с древнеевр., предисл. и комм. Е. Б. Рашковского. – М.: Об-во друзей Св. Писания, 1999.

круговорот отношений казенного рабства – закономерная предпосылка гибели династий, царств, народов.

Но ведь это и есть одна из основных – и притом во многом созвучных реальностям современной жизни – тем соловьевской «апокалиптики»: от библейских поэтических реминисценций до «Трех разговоров», завершаемых «Краткой повестью об антихристе».

Как указывает польский библиист, священник Л. Р. Стаховяк, комплекс ветхозаветных духовно-нравственных понятий в Новом Завете сохраняется, – однако по-новому контекстуализуется в единой идее *свершившегося Искупления*³³.

Как отразилась вся эта ветхозаветная проблематика в Новом Завете?

Господь Иисус Христос, принимая на себя добровольное страдание (по церковно-славянски – *грядый на вольную страсть*)³⁴ ради вселенского спасения, отождествляет себя уже не с патриархальным ближневосточным, но с безусловным античным рабом – т. е. с категорией самых приниженных и обездоленных людей на Земле. Вспомним указание на принятый Им «образ раба» (μορφή δουλου)³⁵. Но прежде всего вспомним описание Страстей с рабским унижением декапитацией и смертью крестной.

Проблемы же декапитации мы должны коснуться особо.

Смысл этого римского института (истязание приговоренного к смертной казни гражданина уже *после* вынесения ему приговора!) заключался в следующем. Тело римского гражданина неприкосновенно, однако – коль скоро ему вынесен смертный приговор – он приравнивается к рабу. Глумление над телом приговоренного в канун казни удостоверяло его рабский статус.

Остается лишь догадываться, для чего эта садическая процедура предсмертного бичевания была применена Понтием Пилатом к Учителю и Пророку из Галилеи, ни сном ни духом не связанного с системою римского гражданства. По всей видимости, Пилат хотел показать ненавистным ему иудеям, во что ставит римская власть статус Того, Кто почитался частью народа Мессией и, стало быть, Царем и посему – вольной или невольной угрозой самодержавным прерогативам кесаря Тиберия над народом Израиля. Отсюда – и издевательская табличка на Кресте – «Царь Иудейский». Т. е., по существу, еврейский самозванец, покусившийся на кесарево величество.

Наиболее развернутая в Новозаветном каноне детализация проблематики рабства (не отменяющая эту же проблематику в Ветхом Завете, но по-новому контекстуализующая ее) дается в корпусе Павловых посланий³⁶. Дейс-

33 См.: Stachowiak L. R., ks. Biblijne ujęcie węzłowuch zagadnień moralnych // Studia theological varsaviensia. 1968. Rok 6. № 1. S. 21-26.

34 Таковы слова из отпуста православных богослужений первых трех дней Страстной седмицы.

35 Фил 2:7.

36 Вновь отсылаю читателя к соответствующим страницам словаря Ф. Ринкера и Г. Майлера, а также прот. А. Меня.

твительно, рабство как таковое в Павловом корпусе не отменяется и даже не осуждается, но – *предельно релятивизируется*. Эллин, иудей, варвар, скиф, свободный, раб – всё это условные эмпирические определения (или, как говорят ныне – этикетки, labels) человека: они почти что теряют значение в контексте подлинной мессианской социальности, подлинного священного гражданства, имя коему – Христова Церковь.

Беглый раб Онисим возвращается по доброй воле к своему господину Филлимон³⁷ уже не просто как раб с повинной, но – как брат по вере, да к тому же и ободренный и благословенный самим первоверховным Апостолом.

6.

*И, с каждым годом прибавляя ходу,
Река времен несется всё быстрее...*

Вл. Соловьев. Павта рei (12. 11. 1806)

Античное рабство – в отличие от полупатриархального ближневосточного – безжалостный и юридически последовательный социальный институт – оказалось, повторяю, духовно релятивизированным проповедью христианства и, следовательно, нравственно подорванным.

Последующие социально-исторические и этно-демографические процессы в Римской Ойкумене (прежде всего – в Западной ее части) довершили этот процесс³⁸.

Эпоха позднего Средневековья, первоначального капиталистического накопления и колониализма в Европе знала страшные и позорные рецидивы частновладельческого и казенного рабства на Ближнем Востоке и на перифериях Европейской цивилизации³⁹: связанные с системами византийской и османской работорговли невольничьи рынки в геноузском Крыму; невольничьи рынки в африканских торговых анклавах и в Новом Свете; горное, плантационное и галерное рабство в Южной и Северной Америке, а также особая – наша, доморошенная – разновидность рабства, т. е. та форма государственного и частновладельческого крепостничества, которая сложилась в середине XVII столетия при слиянии институтов домашнего рабства, кабального холопства и крепостной зависимости земледельца. Нечто подобное можно было бы сказать и о фактически полурабском состоянии «пеонажа» в Латинской Америке.

Конец обеих – собственно-рабской и крепостнической – форм рабства, подведенный размахом капиталистической индустриализации и эмансипационных движений позапрошлого века, был позорен.

37 См. соответствующее Павлово послание.

38 См. : Гуревич А. Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. – М.: Высшая школа, 1970.

39 Nota bene. Восточная Европа и Кавказский регион не в меньшей мере, чем Африка, были полем массовой «коммерческой» охоты на людей. Реликты этого явления, к сожалению, существуют и поныне.

А в прошлом веке наблюдалась вспышка государственного, «лагерного» рабства, которое на относительно короткое время восторжествовало в двух «социалистических» режимах Европы – советском⁴⁰ и нацистском. Конец обеих неорабовладельческих и неоимперских систем был также темен.

Кто знает, что еще ждет христианскую, или, точнее, квазихристианскую, часть человечества в будущем: какие накаты деспотизма, насилия, внутреннего одичания, технологических и идеологических манипуляций? – Но, как мне думается, Библия, перерастающая историческую конкретику своего текстуального становления, была и остается в истории *основным кодовым текстом свободы*. Не просто негативной свободы от внешнего людского произвола, но – воистину – нашей небесной свободы, «свободы славы детей Божиих»⁴¹. Нашей свободы от порабощения не только другими людьми или безличными институтами, но и от порабощения самими собой.

Так что библейская динамика свободы есть движение от «свободы от» - т. е. от негативной свободы от глумления и рабства – к свободе положительной, к «свободе ради», к *свободе быть* – к свободе нашего интеллектуального и духовного возрастания в Божественной среде, т. е. в среде глубинной внутренней жизни, неразрывно связанной со всем подлинным богатством духовных, культурных и общественных форм человеческой коммуникаций. Иными словами – в среде внутреннего достоинства человека перед Богом, Вселенной, другими людьми и самим собой⁴².

Ибо – в конечном счете – обращенный к каждому из нас вопрос – где ты, Адам?⁴³ – есть непреложный вопрос о достоинстве и свободе человека.

7.

Книгу мою французскую⁴⁴ не одобряют с двух сторон: либералы за клерикализм, а клерикалы за либерализм.

*Из письма канонику Франё Рачкому
(СПб. , 09 / 21. 12. 1889)⁴⁵.*

А что же Соловьев?

Говорить о библейских основаниях его мировоззрения и творчества можно до бесконечности и притом – в самых разнообразных тематизациях.

40 Временное возрождение российского крепостничества в образе коллективизационной системы – особый вопрос. – См.: В. Г. Растянников. Власть и крестьянин в России. 30-е – начало 50-х годов XX столетия. (Очерк по политэкономии «раннего социализма») // Глерию Широкову... С. 224–249.

41 Римл 8:21.

42 См.: P. Teilhard de Chardin. Le Milieu Divin. Essai de la vie interieure. – P.: Seuil, 1957.

43 См.: Быт / Бе-решит 3:9.

44 Философ имеет в виду написанную им в оригинале по-французски, одобренную хорватским епископом Юраем Штроссмайером и первоначально изданную в Париже книгу «Россия и Вселенская Церковь».

45 Соловьев В. С. Письма... Т. 1. С. 179.

Лично для меня – вслед за рассмотренной выше проблемой библейской трактовки свободы и рабства как неотъемлемой части соловьевского религиозно-философского background'a – наиболее актуальной представляется влияние на русского мыслителя и на его представления о рабстве и свободе человека библейского дискурса Премудрости (*Хохма*). Но это – дело уже будущих разысканий и трудов (е. б. ж.!)⁴⁶.

Мне думается, что изложенное выше помогает уяснить библейские предпосылки одной из важнейших интенций философского творчества Соловьева. Суть же этой интенции – в обосновании права человека на свою неповторимую индивидуальность, коль скоро в последней заложен некоторый вектор добра, в обосновании содержательной неповторимости истории (при всей боли ее монотонных повторов) и – шире – в обосновании внутреннего богатства Вселенной и самого Бытия. Вселенная и Бытие имеют некий «добрый смысл»⁴⁷, высказанный еще на первых страницах книги Бытия⁴⁸, но требующий быть заново понятым и пережитым в каждом поколении, в каждом новом сочетании исторических обстоятельств, когда ставится под вопрос всё многообразие «живых связей» вселенской и индивидуальной жизни⁴⁹. Или – по уникальной терминологии Соловьева – заново «оправданным»⁵⁰. И это – едва ли не основная, хотя и по-разному акцентируемая, тема соловьевского философствования: от «Кризиса западной философии» до «Трех разговоров».

В этих самых общих, но столь насущных религиозно-философских позициях – предпосылка отталкивания Соловьева от тех «идолов и идеалов», которые пытались свести судьбы России к абстрактным постулатам позитивистского или марксистского дискурсов, или к не менее абстрактным постулатам «народных устоев», или же к поверхностному комбинированию и тех и других версий «народности» и «прогресса». Истинный прогресс возможен лишь тогда, когда люди и общество осознанно принимают на себя всю сложность и своеобразие своих проблем и предпосылок: об этом повествует одно из кратких и проницательных соловьевских эссе – «Тайна прогресса»⁵¹.

Обобщая весь комплекс соловьевских трудов, прежде всего трудов середины 80-х – конца 90-х годов, можно было бы сказать, что истинный прогресс любого из обществ определяется, по мысли философа, действием трех

46 «Если буду жив» - постоянная формула в записях Л. Н. Толстого.

47 Предисловие к первому изданию «Оправдания добра» (Соч. в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. С. 92).

48 Если вспомнить библейский оригинал – мир сотворенный – «прекрасен» (*вэ-хинэ-тов мэод*) – Быт /Бэ-решит 1:31.

49 См. : Левин Ю. И. Инвариантные структуры в философском тексте: Вл. Соловьев // Серебряный век в России. Избранные страницы. – М.: Радикс, 1993. С. 41.

50 Анализ специфики соловьевской категории «оправдания» см. в моей книге «Осознанная свобода...».

51 Соловьев В. С. Соч. в двух томах. Т. 2. – М.: Правда, 1989. С. 619-621.

несводимых и взаимосвязанных (причем взаимосвязанных не только в общественной жизни, но и во внутреннем опыте личности) факторов:

– глубины и внутренней одухотворенности действия религиозных институтов,

– сильной, развитой и правоупорядоченной государственности,

– развитого гражданского общества, опирающегося на принципы свободы и самостоятельности граждан⁵².

Последнее – не просто теоретический постулат, и не только плод размышлений на библейские темы, но и часть жизненной практики философа: протесты против смертной казни, активное участие в помощи голодающим крестьянам, жертвам армянских погромов и «недостаточным» студентам, обоснование идей этнического и конфессионального равноправия, постоянная критика антисемитизма...

Временами этот трехфакторный комплекс мог приобретать у Соловьева сколь угодно экстравагантные формы, но его смысловая сердцевина (внутренняя нерасторжимая связь автономных сфер духовной культуры, правопорядка и общественной свободы) оставалась, по существу, неизменной⁵³. А вопиющая взаимная несоотнесенность в истории России или же тоталитарные передержки в трактовке этих принципов в идеологиях его времени вызывали у философа особые опасения за будущие судьбы родной страны.

Еще в 1884 году, на страницах консервативной аксаковской «Руси» философ высказал опасения по части этой несоотнесенности:

– в стране имеется богатая духовными традициями Церковь – но без глубокой внутренней связи с духовно-нравственным опытом большинства обыкновенных людей⁵⁴,

– в стране имеется сильная и легитимная государственная власть – но без развитого гражданского общества;

– в стране имеется благочестивый народ – но без необходимого в современную эпоху развитого и дифференцированного городского общежития⁵⁵.

52 Подробнее об этом см.: Рашковский Е. Б. Владимир Соловьев и гражданское общество // Соловьевский сборник. – М.: Феноменология – Герменевтика, 2001. С. 398-408.

53 Этой стороне мысли и творчества Соловьева посвящены труды кн. Е. Н. Трубецкого, А. С. Ященко, Анджея Валицкого, М. Г. Галахтина, В. Г. Графского, Е. А. Прибытковой, Э. Ю. Соловьева, Ф. В. Цанн-кай-си и др.

54 На исходе жизни, на страницах «Оправдания добра» (ч. 3, гл. 19, главака V), Соловьев отстаивал тот же тезис: за характерным для официальной российской церковности культом *предания* стоит воистину недооценка Личности Того, Кто был *предан* (См.: Соловьев В. С. Соч. в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. С. 496); иными словами – «традиционная правильность понятия о Христе сохраняется, но присутствия Самого Христа и Духа Его – не чувствуется» (там же)

55 См.: Соловьев В. С. Еврейство и христианский вопрос <1884> // Соч. в двух томах. Т. 1. – М.: Правда, 1989. с. 249.

И как следствие таковой фундаментальной несоотнесенности – Россия оказывается в мире «одинокой» и «бессильной»⁵⁶. Что, в сущности, и подтвердилось последующим и не избытым поныне трагизмом отечественных судеб.

* * *

Сказанное выше, по всей видимости, проливает некоторый свет на глубокий либеральный этос великого философа. Но этос особый, отличный от расхожего мировоззренческого либерализма тех времен⁵⁷. Чтобы понять характер либеральных интенций мысли и деятельности Соловьева, стоит вспомнить не только (и, может быть, даже не столько) о позитивистском либеральном дискурсе позапрошлого века, сколько об английском слове *liberality*: благорасположенность к людям и к миру, душевная щедрость. И уж если искать место библейски мыслящего Соловьева в общей либеральной традиции, то, пожалуй, его место – в кругу тех мыслителей, для которых принципы индивидуальной и общественной свободы коренились не только в нетривиальности социальных и правовых решений и выборов текущего дня, но прежде всего в глубине мировых духовных традиций, в осмысленной глубине нашей духовно-исторической памяти: таковы были лорд Актон, Бенедетто Кроче, Карл Ясперс, свящ. Юзеф Тишнер, а среди наших соотечественников – поздний Николай Бердяев, Георгий Федотов, прот. Александр Мень, Сергей Аверинцев, иерей Георгий Чистяков...

Так что своеобразный соловьевский либерализм – производное его «библейской философии»⁵⁸, однако соотнесенной с интеллектуальным богатством европейской и отечественной культуры – от восточной и западной патристики до Гегеля и Достоевского. Ситуационно и экзистенциально одинокий Соловьев встраивается в мощный типологический ряд внутренне одиноких, но сродных ему мыслителей.

Экзистенциальное одиночество, столь четко акцентированное древней библейской словесностью – одиночество, запечатленное на страницах Псалтири или книги Иова, одиночество, отмеченное с предельной остротой в сценах Гефсиманского борения или Распятия, исторически оказывается залогом непрерывного интеллектуально-духовного собеседования с неисчислимым множеством людей в будущих поколениях...

А что же касается «либерализма», а точнее – проблемы свободы в условиях человеческого общежития эпохи модерна или постмодерна, то общественная свобода едва ли возможна как при слепоте к жизненным новациям, так и

56 Там же.

57 Многозначности отношений философа с либеральными кругами его времени см. труды Е. Н. Трубецкого, С. М. Соловьева-младшего, Н. В. Котрелева, Б. М. Межуева, Френсес Низеркотт (Nethercott) и др.

58 Еще раз отошлю читателя к цитированному выше письму в редакцию «Нового времени» от 23. 11. 1899. См. сноску /6/.

при слепоте к тысячелетним наработкам человеческого духа; внутренняя же свобода – в конечном счете – не дана нам в отрыве и от разума, и от веры.

Пожалуй, одна из коренных недоработок соловьевского либерализма – недооценка важности моментов самоорганизации именно в недрах гражданского общества. Самоорганизации, осознающей важность своего институционально оформленного и договорного (т. е. конституционного) закрепления.

Но эта недооценка представляется прежде всего данью тогдашней институциональной незрелости страны и доселе не избытому патерналистскому характеру нашего менталитета...

Разумеется, ни в одной из конкретных экзистенций идеальный баланс трех начал – чувства истории, разума и духовности – невозможен. Однако человеческие экзистенции – не только и даже не столько «монадные», сколько коммуникативны, со-общительны. И в этом смысле – не теряя своей личной уникальности – «соборны».

И вот к этому-то кругу идей и подводят нас попытки интенсивного прочтения «библейской философии» Вл. Соловьева.

А. В. Очкина

ПГПУ им. В. Г. Белинского

МАРКСИСТСКИЙ ПОДХОД К ГЕНДЕРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ФЕМИНИЗМА

Прежде всего необходимо пояснить, насколько допустимо говорить именно о гендерной составляющей в классическом марксизме. Не вводя понятия гендера и не формулируя прямо идеи социального оформления пола, классики марксизма, тем не менее, обсуждали вопросы взаимоотношения полов и гендерной дискриминации в рамках концепции материалистического понимания истории и капиталистической эксплуатации

Взаимоотношения полов и, в частности, дискриминация женщин, в марксизме объясняются на основе исторического исследования эволюции домашнего хозяйства и общественного производства. Появление частной собственности и превращение общественного домашнего хозяйства, в частное, замкнутое пространство, в котором в силу определенных причин были заняты преимущественно женщины, привело к исключению их из общественного производства, к дискриминации репродуктивного труда и, как следствие – к дискриминации женщин. Замена материнского права (наследование имени и рода по женской линии) отцовским правом сопровождалось исключением женщин из политической, экономической и социальной сфер. (См.: 1, 8)

Таково в общих чертах марксистское объяснение истории формирования неравенства полов. С этой точки зрения анализируется и буржуазный брак как «узаконенная проституция», союз, основанный на сословных и имущественных соображениях. Энгельс подчеркивает, что только в пролетарских семьях брак приобретает свою истинно человеческую форму союза мужчины и женщины, основанном только на их чувствах друг к другу. В этой форме брак перестает быть моногамией, т. е. моногамия как социальный институт утрачивает свои функции, прежде всего, обеспечения сохранения и передачи по наследству собственности. Кроме того, капитализм нуждается в женском труде, и вовлечение женщин в общественное производство радикально меняет ее статус в семье, лишает мужчину роли единственного кормильца и дает женщинам возможность экономической независимости.

При этом К. Маркс и Ф. Энгельс говорили о жестокости эксплуатации женщин на капиталистической фабрике. Они писали о том, как труд на капиталистической фабрике лишает женщин возможности материнства, возможности выполнять свои обязанности по воспитанию детей, лишает их здоровья и собственно человеческой сущности. (См.: 6, 9). Вроде бы можно обвинить марксизм в противоречии. С одной стороны, Ф. Энгельс говорит о том, что возвращение женщин в общественное производство освободит их и положит конец дискриминации по признаку пола. С другой стороны, он же, как и К. Маркс пишут о недопустимой тяжести фабричного труда женщин и его трагических последствиях для семьи и детей, к которым приводит уход женщин из дома на производство. Весьма скептически классики марксизма относились и к идее особого женского движения, и к буржуазному феминизму в целом. Маркс писал весьма иронически о том, что буржуазные женские движения борются за права женщин быть эксплуатируемыми наравне с мужчинами.

Противоречие это, однако, кажущееся. Речь в классическом марксизме идет не просто о вовлечении женщин в общественное производство, а и о превращении домашнего труда в общественный труд, соответственно признанный и ценимый в обществе. О том же пишет и Ленин, например, в работе «Великий почин». Справедливое общество, подчеркивал он, невозможно без освобождения женщин от домашнего рабства. Ленин также не принимал идею особого женского движения как идею борьбы против эмоционально-сексуальной власти мужчин и за равноправие полов в сексуальной сфере. Известны его слова в письме к Инессе Арманд, где он критикует ее идею «свободной любви»: «Дело не в том, что Вы *субъективно* «хотите понимать» под этим, дело в *объективной логике* классовых отношений в делах любви» (3). Ф. Энгельс подчеркивал, что движение за права женщин не есть «особое женское движение», оно представляет собой «...женскую сторону рабочего движения...». Вопрос об освобождении женщин, таким образом,

для классиков марксизма был неотделим от вопроса об освобождении труда вообще. (11).

Казалось бы, марксистский подход к гендерным отношениям, к проблеме дискриминации по признаку пола отрицает саму возможность феминизма как особой теории и особого движения. Идеолог феминистской теории «двойных систем» Х. Хартман утверждала, что категории марксизма бесполо, как и сам капитал. Она утверждала, что марксизм не объясняет механизмов подчинения женщин именно мужчинам вне и внутри семьи. Теория «двойных систем» исходит из существования двойного подчинения женщин – власти мужчин и власти капитала.

Упреки эти, однако, несправедливы. Нельзя утверждать, что марксистская теория оперирует только классовыми, экономическими категориями. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс писал: «Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является *отношение мужчины к женщине*. ... В этом отношении *проявляется в чувственном виде, в виде наглядного факта* то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о степени общей культуры человека...

Отношение мужчины к женщине есть *естественнейшее* отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, в какой мере *естественное* поведение человека стало *человеческим*, или в какой мере *человеческая* сущность стала для него *естественной* сущностью, в какой мере его *человеческая природа* стала для него *природой*. Из характера этого отношения явствует также, в какой мере *потребность* человека стала *человеческой* потребностью, т. е. в какой мере другой человек в качестве человека стал для него потребностью, в какой в какой мере сам он, в своем индивидуальнейшем бытии является вместе с тем общественным существом» (5).

Такая постановка вопроса делает излишней саму идею противостояния полов и призывает искать источники неравенства и дискриминаций в социальной реальности, в социальном оформлении пола. Именно в социальном освоении биологии, во всех подробностях ценностных, культурных, идеологических характеристик, а не в простой экономической предопределенности подчинения одного пола другому. Речь идет не только об уровне развития производительных сил, о характере производственных отношений, в рамках которых развиваются все социальные отношения, в том числе и между мужчинами и женщинами. В отношении полов главным становится уровень развития человека, развития его родовой сущности, степень усвоения им общей человеческой культуры с ее гуманистическим пафосом, в том числе идеей свободы личности.

Сводить марксистский гендерный подход к экономической эксплуатации женщин, так же несправедливо и неверно, как сводить материалистическое понимание истории к экономическому детерминизму. Неудача «брака марксизма и феминизма» отчасти и объясняется тем, что положения об экономической эксплуатации при капитализме несколько механически соединяются с идеями феминизма. В марксистской же постановке вопроса, повторяю, женские права не противопоставлялись мужским, не выделялись из контекста человеческого права и свободного личностного развития. Классики марксизма видели ограниченности и противоречия буржуазного женского активизма, невозможность предоставлением формальных прав или «примирением полов» разрешить противоречия, таящиеся в системе общественных отношений. Это и заставляло их критиковать буржуазное женское движение. Главное же в методологии марксизма в отношении прав человека на свободу – рассмотрение возможности осуществления этого права в определенных социально-экономических условиях, которые объективно формируют ту или иную *индивидуальную* способность освоения свободы, преодоления отчуждения своей природы противостоящими ей формами социальной организации. Именно в этой идее марксизма мы видим преимущество методологических возможностей анализа гендерных отношений и развития феминизма как теории и идеологии социального движения.

Под методологическими возможностями теории мы понимаем ее способность за видимостью явлений вскрывать сущность исторического бытия людей и на этой основе относительно непротиворечиво объяснить те или иные аспекты социальных процессов и социального поведения. Продуктивность той или иной методологии связана с тем, насколько она может освоить противоречия социального бытия и, соответственно, социального поведения, какими объяснительными возможностями она обладает не только в рамках определенных, заданных часто искусственно ограничений, не только для периода стабильности, но и в более широком диапазоне, для переломных, кризисных моментов. С методологическими возможностями теории связан и ее прогностический потенциал. Объяснительные возможности теории определяются тем, *что и как* она берет за основу развития всего многообразия общественных отношений и тем, как она понимает механизм формирования мотивации субъекта социального действия. В свою очередь понимание механизма индивидуальной мотивации связано не только (и не столько) с набором причин, ее определяющих, речь идет о самой природе индивидуальной мотивации и характере ее взаимосвязи с объективными условиями.

Методологические возможности феминизма разного толка, следует подчеркнуть еще раз, зависят от того, *что* кладется в основу различия, точнее, противоречия между полами в обществе, какая роль отводится экономике, культуре, биологии, как понимается механизм формирования гендера в

конкретных объективных условиях и участия гендерных особенностей в формировании социальных отношений и поведения. С этой точки зрения, на наш взгляд, именно марксистское социальное учение в целом наиболее отвечает потребностям адекватной реальности феминистской теории. Мы постараемся показать, что феминизм в принципе не противостоит марксизму, что классики марксизма отрицали не феминизм вообще, а лишь его либерально-буржуазные формы.

Феминизм мы рассматриваем, прежде всего, как социологическую парадигму, предполагающую включение в социологическую теорию представления об индивидах как о мужчинах и женщинах. Такой подход заставляет отказываться от абстрактного понимания индивида в социологической теории, под которым явно или неявно подразумевается мужчина. Это включение необходимо для анализа общества, как на макро, так и на микроуровне. В феминистской парадигме можно сделать более обоснованный шаг к операционализации понятий и явлений для эмпирического и социологического исследования гендерных укладов, принципов распределения власти и влияния в обществе не только в классовом, но и в гендерном разрезе. Включение пола как причины особенного социального опыта и статуса дает ключ к более детальному и глубокому пониманию социальных процессов, социального поведения и социальной структуры общества. Это связано с тем, что биологический пол является базовым, неотъемлемым признаком личности. Первое разделение труда – разделение труда между мужчиной и женщиной в производстве детей. Это разделение труда ложится в основу ранних социальных отношений, половые отношения уже на заре человеческой истории приобретают характер социальных, становятся гендерными отношениями. В таком понимании феминизм как социологическая теория сохраняет свою актуальность, хотя и нуждается в методологическом обновлении, более адекватном освоении тех радикальных изменений во взаимоотношениях полов, демографическом поведении, социальных стандартов и социального поведения, которые произошли в течение 20 века.

Итак, мы понимаем феминистскую теорию в общем смысле как парадигму социального поведения индивидов как мужчин и женщин. Методологическая ценность феминистской парадигмы, незаметная (но отнюдь не малозначимая) на социетальном и макросоциальном уровне, усиливается на мезо-и-микроуровне социологического анализа. Трудовое и электоральное, как и репродуктивное и потребительское поведение, трансформации демографической, трудовой, политической и т. п. культуры – эти исследования в социологии уже невозможны без той или иной гендерной парадигмы, развившейся из того или иного направления феминистской теории.

Но на этом уровне феминизм выступает уже не только как парадигма, а как социологическая теория среднего уровня, на основе которой развились,

собственно, гендерные исследования. По-прежнему сосредотачиваясь на неравенстве, многочисленные феминистские концепции по-разному объясняют эти различия, выстраивая модели социальных взаимоотношений, модели распределения власти и влияния. Либеральный, марксистский, радикальный феминизм, теория двойных систем и т. д. и т. п. с разных точек зрения трактуют содержание и причины угнетения женщин в обществе. Различные интерпретации получает и роль мужчин в системе угнетения и дискриминации женщин.

Подчеркнем, что гендерные исследования сосредоточиваются на взаимоотношении между полами, тогда как феминизм объектом делает одну из граней этих отношений – неравенство полов и дискриминацию женщин. В то же время феминизм выступает как предтеча и, часто, как методология гендерных исследований. Феминистские и гендерные исследования, таким образом, тесно взаимосвязаны, но не тождественны. В гендерных исследованиях феминизм непременно присутствует, как минимум, в качестве общей социологической парадигмы, заставляющей понимать человека не как абстрактного индивида, а как человека определенного пола, включать в характеристику его личности биологию и репродуктивный, сексуальный статус. На микроуровне феминистская парадигма становится необходимой для исследования формирования мотиваций субъектов социального действия в различных сферах общественной жизни, особенно в сфере частной, семейной жизни. Анализ демографических процессов современного общества также не может быть полон без выявления особенностей гендерных мотиваций демографического поведения.

Методологические возможности гендерных исследований связаны с концепцией гендера как центрального понятия, с подходом к определению его содержания и путей формирования в обществе. Отталкиваясь от того или иного понимания гендера, исследователь выстраивает свою концепцию взаимоотношений полов в обществе, модели гендерных укладов и структуры, стереотипов и особенностей поведения.

Феминистские исследования рассматривают взаимоотношения полов с точки зрения распределения прав, причин и последствий половой дискриминации. Ключевым моментом разработки методологии феминистской теории и феминистского исследования является концепция источника неравенства и, по сути – концепция источника власти в обществе. Отталкиваясь от такой ключевой идеи, исследователи и восстанавливают логику взаимосвязи биологического пола и социального статуса индивида, его социально-экономических, социально-политических и социально-психологических характеристик. От того, насколько адекватно реальной ситуации восстановлена эта логика, насколько обоснованы неизбежные модельные упрощения и учтены все принципиальные моменты, зависит объяснительная возможность кон-

цепции и, следовательно, достоверность выводов исследования. Проще говоря, адекватное указание на источник гендерной власти позволит выявить подлинные причины и характеристики гендерной дискриминации, а также может указать путь к ее преодолению.

Что бы мы ни положили в основу различий между мужчинами и женщинами в обществе, мы в социологической теории и, тем более, в социологическом исследовании не можем отрицать существования этих различий ни как индивидуальных, ни как социальных, позволяющих говорить об объективном различии интересов, форм и мотивов социального поведения. Таким образом, феминизм можно рассматривать как социологическую парадигму, конкретизирующую понятие индивида ровно настолько, насколько это необходимо для обоснованного перехода от абстрактного теоретизирования или анализа общества вообще к исследованию реальных общественных отношений и процессов во всей их полноте.

Большинство феминистских теорий основаны на противопоставлении полов, на поиске разнообразных дискриминаций и социальных искажений гендерных отношений или в биологии, в самой сущности пола или в культурных конструкциях, культурных репрезентациях пола. Так или иначе, в большинстве феминистских теорий противопоставление идет либо по линии: мужчины – женщины, – где первые являются угнетателями, а вторые угнетенными, либо по линии: патриархат – современное общество. Патриархат понимается как идеология и практика подчиненного положения женщин в семье и обществе, как вообще система мужского господства. Дискриминация женщин, таким образом, связывается с сохранением патриархальных представлений. Особенно ярко эта идея выражена в либеральном феминизме и в его разновидности – культурном феминизме. Однако эти теории имеют весьма ограниченные методологические, объяснительные возможности потому, что не позволяют полностью и непротиворечиво определить причины, источник неравенства, изначальный толчок, который позволил (или заставил) мужчинам угнетать женщин или обществу сформировать именно такие представления о правах и обязанностях полов, воспроизводить их и поддерживать. Попытки объяснения через биологию или культурные стереотипы приводят либо к фаталистическим признаниям психоанализа, что «анатомия – это судьба», либо к полному отрицанию любого различия по полу, т. е. , по сути, к войне женщин против своего пола или – в интерпретации радикального феминизма – к войне полов.

Симона де Бовуар в своей книге «Второй пол» критикует психоаналитический феминизм за абсолютизацию психологии, которая принимается как данность, в отрыве от социальной практики, от социокультурного значения психофизиологических явлений. В то же время она говорит о том, что женщина поработана полом больше, чем мужчина. В отличие от мужчины

женщина как личность противостоит своей биологии, находится в противоречии с собой как представительницей рода. В таком же ключе она анализирует мужскую и женскую сексуальность, социальные стереотипы сексуального и матримониального поведения. Женщина, говорит Симона де Бовуар, приговорена к воспроизводству, повторению, она Природой лишена возможности творчества, созидания, и этим она однажды и навсегда проигрывает мужчине в Истории.

Отрицая возможности исторического материализма объяснить неравенство полов, С. Де Бовуар лишает себя возможности проанализировать развитие этого противоречия Биологии и Истории адекватно конкретной социальной реальности, она уходит в частности, увлекается теми же психологизмами, за которые упрекает последователей З. Фрейда. Концепция де Бовуар является весьма продуктивной для понимания гендерных противоречий на индивидуальном уровне, для понимания включения пола в те или иные типы и модели поведения в качестве структурного элемента мотивации, но имеет ряд ограниченностей, как мы покажем ниже, на уровне макросоциальном.

Порабощение женщины родом становится у де Бовуар непреложным и неотменяемым фактом истории, который предопределяет отношения полов. При этом она явно преувеличивает гармонию биологического развития мужчины. Мужчины свободнее и гармоничнее в своей сексуальности, говорит она, социальные правила сексуального и репродуктивного поведения, вообще социальный порядок приспособлен под мужскую природу. Здесь мы можем привести два возражения. Первое. Мужчины не свободны от страха и слабости, на индивидуальном уровне они должны преодолевать свою биологию так же, как и женщины, хотя в других ситуациях и формах. Хорошо это выражено в известной фразе маршала Анри Тюренна, которую он обращал к себе перед сражением: «Ты дрожишь, скелет? Ты дрожал бы еще больше, если бы знал, куда я тебя поведу». Сходная мысль выражена А. Ф. Лосевым, когда он на вопрос о том, как ему удастся сохранять бодрость духа в весьма почтенном возрасте, сказал: «Мой мозг запугал мой организм». В этих случаях нельзя, вероятно, говорить о борьбе личности с полом, родом, зато можно говорить о противостоянии личности и смерти, интеллекта и инстинкта, человеческой воли и животного страха. Если возможно такое противостояние, почему невозможно человеческое (и человеческое) снятие противоречия между репродуктивной и интеллектуальной функцией?

По-разному может быть оформлена социально-экономически и та самая креативная, созидательная функция мужчины, о которой говорится в книге «Второй пол». Так, в первом томе «Капитала» К. Маркс, а еще раньше Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии, говорили о невыносимой тяжести и нечеловеческих условиях труда на капиталистической

фабрике, о том, что люди в своем истинно человеческом проявлении, в труде (в созидательной, творческой функции) выступают как животные, задавленные монотонной и тяжелой работой, отчужденным, противостоящим им, принудительным трудом. И только в животных своих проявлениях – в еде, сне, сексуальных удовольствиях они обретают свободу, возвращаются в человеческое состояние (6; 9).

Второе возражение связано с тем, что в рассуждениях такого рода происходит неизбежная подмена понятий. Говоря о «мужских правилах», «мужских привилегиях», «мужском господстве», сторонники различных вариантов культурного и биологического феминизма глобализируют понятие «мужчина», говорят о мужчине вообще, противостоящем женщине вообще. Но «правила игры» в обществе связаны с расстановкой социальных сил, с содержанием и противоречием реальных социальных интересов. Доминирующая роль в таком обществе, поэтому, принадлежит не мужчине вообще, а представителям определенного класса. Эта идея по-своему обыгрывается в черном феминизме, где утверждается, что доминирующая роль принадлежит белым богатым мужчинам. Черные феминистки говорят о своеобразной иерархии дискриминации в обществе, о своей солидарности с черными мужчинами в борьбе против расизма и о своей борьбе с ними против половой дискриминации и угнетения.

История человека неразрывно связана с преодолением им его биологии, которое происходит как социальное освоение биологических возможностей. Взаимоотношение полов строится в рамках исторически складывающейся модели такого преодоления. Освоение биологии (в том числе и репродуктивных способностей, сексуального поведения) в силу исторических причин шло по мужскому образцу. Однако во взаимоотношении полов в человеческой истории никогда не сталкивались только «чистые» биологии, а всегда – социальные формы биологии. Эмансипация женщин затрагивала вначале внешние, правовые и политические формы такого освоения. Формальное равенство не только не устранило дискриминацию полностью, оно вызвало к жизни новые, иногда более жесткие и даже жестокие формы дискриминации и эксплуатации женщин. В том числе и различные формы самодискриминации, тоску женщин по патриархату, вину за свою чувственность, воспринимаемую как распущенность и ощущение себя «приговоренной к семье». Умножаются так же модели «бунта против пола», освоение женщинами исконно мужских профессий и форм поведения, развитие и легализация гомосексуальных связей, разрушающих традиционные образы и отношения полов.

Мы можем отметить диалектические переходы гендерных противоречий от индивидуальной драмы к тем или иным формам социального поведения, родившимся из стремления эти драмы разрешить и обратно. Во-

зобновляемость социальных противоречий, связанных с полом, заставляет исследователей часто понимать пол и неравенство полов как нечто данное, неизменное. Отсюда постмодернистский феминизм, занимающийся поисками образов женственности и мужественности, отсюда живучесть психосоциальных теорий и различных теорий противостояния полов, которые рассматривали «анатомию как судьбу».

Сексуальная и контрацептивная революции позволили сделать решительный шаг к полному подчинению человеческой биологии его социальной сущности. Однако возникла новая иерархическая система противоречий. Противоречия производственной и семейной ролей женщин, профессиональных, карьерных амбиций и сохраняющегося зависимого положения на брачном рынке и в интимной сфере, моногамии и свободной сексуальности и т. д. . Репродуктивный труд частично стал сферой общественного производства. Уход за больными, пожилыми и инвалидами, уход за детьми, бытовые услуги превращаются в виды оплаченного труда. Но этим гендерная дискриминация не преодолевается полностью. Во-первых, в этих отраслях, преимущественно феминизированных, сохраняется относительно низкая заработная плата, престиж этой деятельности в рыночном обществе так же относительно невысок. Во-вторых, остается локализация домашнего хозяйства, в котором заняты в основном женщины, домашнее рабство становится мягче, но по-прежнему служит препятствием для полной реализации женщиной своих человеческих, творческих потенций. Возникает даже своего рода двойная дискриминация. Занятая профессиональной деятельностью в сферах здравоохранения, образования, социальной работы, требующих относительно высокой квалификации и полной эмоциональной отдачи, женщина не может оправдать свою занятость и загруженность работой материально, так как получает относительно низкую заработную плату. Она несет груз «двойной занятости» – на производстве и в домашнем хозяйстве, дополняемый часто бременем женской нереализованности.

Выявляются и более сложные внутренние противоречия. Получая равные с мужчинами социальные и политические права, женщина не всегда может их реализовать из-за своих социально-психологических особенностей. Агрессивные правила игры мужского мира заставляют женщин или смиряться с ролью «вечно второй» или мучительно перекраивать свою личность. Однако ни в коем случае нельзя утверждать, что эта агрессивность «мужского мира», ориентация на прибыль во что бы то ни стало и жесткую конкуренцию адекватна социально-психологическим потребностям, интеллектуальным и эмоциональным запросам всех мужчин, мужчины вообще. Распространение мужских движений на Западе, сверхсмертность мужчин у нас по причинам, явно связанным со стрессом и неудовлетворенностью жизненными условиями, показывают, что эти правила вообще с трудом пе-

реносятся человеком. У мужчин есть преимущества, в том числе и биологические, но проблема дискриминации по половому признаку не сводится к их доминированию и никак не объясняется им. Именно здесь, на наш взгляд, кроются методологические возможности марксистского подхода к анализу гендерных противоречий: анализировать не противостояние биологий, а противостояний социальностей, различных исторических форм реализации человеком своей человеческой природы, в которую органически включена и его биологическая природа.

«Порабощение родом», таким образом, нужно понимать как общественные стереотипы, ценности, требований к себе мужчин и женщин, которые они формулируют исходя из социального образа пола. Так появляется «вина перед обществом» незамужних и бесплодных женщин, о которой говорят некоторые исследователи. Это связано с тем, что один из способов социального освоения биологии – оформление репродуктивной роли женщины как ее предназначения и способа самореализации. Эта идея всячески эксплуатируется в социальной рекламе, посвященной демографической политике. Однако и мужчины несвободны от «проклятия рода», которое проявляется, правда, несколько иначе. Общество снисходительно к отцовской небрежности и сексуальной распущенности мужчины, но требовательно к его успешности, оно навязывает ему роль победителя. То, что мужчина переживает как противостояние общественных норм и личных запросов, требований конкуренции и моральных правил, переживает как противостояние общества и личности, женщина может переживать в более болезненном виде, как раздвоенность самой личности, как противостояние своего тела и своей души. Различная форма противоречия и разлада не отменяет, однако, его единого источника – социальной реальности, той или иной формы социально-экономических и политических отношений.

Существование такого рода индивидуальных противостояний делает феминизм необходимой теорией и идеологией, в рамках которой могут выработываться рецепты снятия этих противоречий. Но опять-таки здесь требуется анализ реальных социально-классовых отношений, чтобы не прийти либо к сепаратизму радикального феминизма (к «отказу спать с врагом»), либо к формальным либеральным рецептам: квоты в парламенте, квоты для управленческого персонала, борьба против сексуальных домогательств на рабочем месте и т. д. Вспоминаю «наивное» восклицание записной российской феминистки Марии Арбатовой, которая сетовала на то, что среди российских олигархов, де, нет женщин, вот, мол, она – дискриминация! А почему вообще должны быть олигархи, и выиграет ли Россия и ее народ, если среди олигархов и сверхбогатых россиян появятся женщины? Среди миллиардеров как в мире, так и в России, кстати, есть и женщины. Но делает

ли это социальные отношения вообще, и гендерные отношения в частности, более гармоничными и справедливыми?

Есть, однако, социологический факт, который, на первый взгляд, не так просто освоить в рамках марксистского гендерного подхода. Анализируя этот факт нельзя уже отмахнуться от индивидуальных и половых противостояний, сосредоточившись только на социально-классовых противоречиях. Действительно, практика феминизма и эмансипированное поведение женщин нередко сталкивается с сопротивлением мужчин именно как представителей биологического пола, а не определенного класса. И все же этот факт укладывается в марксистскую концепцию, если не упрощать учение Маркса, не принимать за аутентичный марксизм грубый, экономический детерминизм. Социально-экономические отношения, процессы и противоречия не существуют вне деятельности отдельных людей, вне их индивидуальных решений и действий. А отдельные люди всегда представители определенного пола и половая самоидентификация органически включена в их мотивацию. Но мы уже говорили, что биологические качества человека, в том числе и половые потребности, в процессе исторического развития социально осваиваются, принимают определенную социально-историческую форму. Но такое освоение нельзя понимать как застывшую, отлившуюся раз и навсегда, созданную на века в неизменном виде вторую природу, отменяющую биологию человека, с этим вряд ли кто будет спорить. Биологический компонент никогда не уходит (и это здорово!) из характеристики человеческой индивидуальности и даже личности. Биологическое чувство пола никогда не может исчезнуть из структуры человеческой мотивации, но, подчеркнем еще раз, биологический компонент в индивиде и обществе приобретает социально-историческую форму и, разумеется, определенные исторические границы. Эти исторические границы, да еще преломленные в индивидуальном сознании, отливаются в форме стереотипов и иллюзий, которые в свою очередь могут служить содержанием мотивации в сфере гендерных отношений. Современные исторические границы таковы, что сохраняется эксплуатация человека человеком как субстанция общества. И в этих исторических условиях масса мужчин всех классов поддерживает идею ограничения социальных возможностей женщин и их эксплуатации, в том числе и сексуальной, потому что это отвечает не просто их биологическим, но и их социально-экономическим и социально-психологическим потребностям и интересам. Это дает преимущество в конкуренции за рабочие места, власть, облегчает и удешевляет удовлетворение биологических потребностей, тешит эгоизм и самолюбие даже «неудачников» и т. п.

Освобождение женщины от патриархального гнета не означает освобождения вообще. Можно попасть во власть государства, эксплуатирующего твою производительную и репродуктивную функции. Цели и формы

эксплуатации могут меняться, но человек остается средством. При этом индивидуальное поведение также не освобождается от противоречий, человек сам может воспринимать себя как средство, так же, как и другого человека принимать как средство для удовлетворения своих потребностей. То есть, по Марксу, поведение человека, в том числе его естественное поведение (отношение к индивиду другого пола), не сразу становится для него подлинно человеческим поведением.

В своем социальном развитии человек постепенно проходит путь к себе самому как человеку (родовому человеку, как истинно общественному существу согласно определению К. Маркса), постепенно завоевывает право реализовывать свои человеческие, сущностные силы. Появляется творческий труд и сознательное родительство, не обусловленное социально-экономически, даже не востребованное так жестко культурно, традиционно. Именно через творческий, сознательный труд, труд ради реализации своих сущностных сил, через союз по любви, через сознательное родительство лежит путь преодоления противоречия между природой биологической и природой человеческой, между отчужденным социальным миром и миром подлинно человеческих отношений. Насколько трудно и противоречиво протекают эти процессы, настолько же сложно и преодолеваются противоречия между полами. Гармония в гендерных отношениях связана с тем, насколько человек от восприятия себя как средства способен перейти к восприятию себя как цели, как на индивидуальном, так и на социальном уровне. В капиталистическом обществе остается *внешняя* по отношению к человеку цель общественного производства – прибыль. Поэтому снятие противоречий между полами на одном этапе развития, порождает новый виток противоречий, в том числе и на индивидуальном уровне. Именно поэтому феминизм сохраняет свою актуальность на трех уровнях анализа и социального творчества.

Во-первых, отношение к женщине в обществе выступает как мера человечности этого общества, как утверждали Ш. Фурье, К. Маркс, Ф. Энгельс. (10). Таким образом, феминизм можно рассматривать как стратегическую теоретическую перспективу, как теорию, которая привлекает внимание к социокультурным диспропорциям, заставляет подвергать сомнениям «правила игры», подходящие значительной части человечества – женщинам. Во-вторых, феминистская теория, включая все продуктивные наработки исследований взаимоотношения полов, становится своеобразной тактической инструкцией, вроде лакмусовой бумажки для экспертизы социальных отношений и социальных проектов с точки зрения их соответствия идее равенства полов, социальной справедливости. Кроме того, в-третьих, необходимо сохранить все продуктивные феминистские наработки для развития социальных технологий, социальной терапии для женщин, позволяющих им

освоить на индивидуальном уровне противоречия природного и социального, освоить свои права адекватно потребностям своей личности.

Идея равноправия для женщин зародилась как продолжение идеи естественного права человека, центральной идеи Просвещения, со всеми противоречиями и ограниченностями этой идеи. Олимпия де Гуж в своей «Декларации прав женщины и гражданки» заявила, что если женщина имеет право взойти на эшафот, она имеет право взойти и на трибуну. Развитие идей феминизма первоначально шло по пути уравнивания прав женщин и мужчин в экономической, социальной и политической сфере. Достижение таких прав, конечно, не сняло множества проблем дискриминации по признаку пола, и феминистская теория вынуждена была искать подходы к объяснению этих явлений. Тем не менее, завоевание женщинами политических, экономических и социальных прав изменили содержание проблемы дискриминации, радикально преобразило современное общество.

Социально-экономические преобразования, которые привели к эмансипации женщин, их участию в общественном производстве, оказались необратимыми. Женщины получают образование, получают профессию, приобретают карьерные амбиции, пользуются сексуальной свободой. Тем не менее, общество (и мужчины как представители пола, не только класса или социальной группы) готово использовать профессиональные знания и навыки женщин, но не всегда полностью готово признать ее равные права с мужчинами во всех сферах. С трудом принимает общество женщин-руководителей, сами женщины не всегда принимают правила конкуренции и карьерного роста «мужского» (рыночного, на самом деле) общества. Даже в самых «продвинутых» обществах статус женщины по-прежнему связывается не только с ее профессиональным и интеллектуальным, но и ее семейным статусом. Существовала и существует гендерная дискриминация на уровне стереотипов в трудовой и профессиональной сферах. Говоря о России, мы должны отметить, что в сфере семейных и интимных отношений также сложилось крайне невыгодное для женщин сочетание весьма раскованных, современных форм и правил поведения и традиционных стереотипов о разделении ролей и ответственности. Иначе говоря, мужчины готовы признать материально независимых и сексуально раскованных женщин, но оказываются не полностью готовы к соответствующему изменению собственного поведения в семье и интимных отношениях.

Феминистская теория, таким образом, сохраняет свою актуальность. Марксистская методология позволяет адекватно соединить наработки гендерных исследований и идеи материалистического понимания исторического развития человека. На основе анализа социально-экономических противоречий современного общества, на основе идеи родового человека, высказанной в марксизме, возможно обновление феминистской теории для того,

чтобы она смогла стать адекватной современным потребностям женщин и всего общества. Феминистское движение должно развиваться не как отдельное движение женщин за какие-то особые права, не как движение против мужчин во имя абстрактно понимаемой свободы, а как органическая часть социального движения за полноценную социальную политику и социальные преобразования. Специфические женские движения неизбежно ограничены в своей социальной эффективности. Политической силы они как локальные социальные движения иметь не могут, поскольку не могут выдвинуть внятной и целостной политической программы. Все формальные права у женщин уже есть. Социальные проекты, ориентированные на обеспечение реальных прав женщин, осуществимы только в рамках масштабных социальных преобразований. Частные инициативы здесь оборачиваются карикатурой на саму концепцию равенства полов, дискредитируют феминизм как идею и проект.

Таким образом, путь к прогрессивному союзу марксизма и феминизма, о котором говорила Х. Хартман, лежит не через механическое соединение формальной идеи прав женщин с социально-экономической концепцией марксизма. Этот союз возможен через включение феминистской трактовки человека не как абстрактного индивида, а как мужчины и женщины, в концепцию родового, сущностного человека и свободного, подлинно человеческого, творческого труда в понимании марксизма, через исследование проблемы дискриминации по признаку пола в контексте теории классового противостояния и теории эксплуатации. Этот прогрессивный союз необходим и феминизму, и марксизму. Феминизм получит возможность адекватно освоить противоречия и противостояния полов, понять их как форму социальных противоречий, выработать продуктивные исследовательские подходы к изменению гендерных отношений. На этой основе могут быть найдены наиболее адекватные и эффективные стратегия и тактика феминистского движения. Марксизм же получит возможность развиваться в методологию конкретных форм социальных отношений на всех уровнях анализа.

Библиографический список

1. Архив Маркса и Энгельса / Под ред. М. Б. Митина / Т. IX, ОГАС – М., 1941.
2. Бовуар С., Второй пол. Т. 1 и 2. СПб., 1997.
3. Ленин В. И. – И. Ф. Арманд от 17 янв. 1915 // Полн. собр. соч., Т. 49, С. 52.
4. Маркс К. «Критика Готской программы» // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., Т. 19. С. 19.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., Т. 42. С. 115 – 116.
6. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф., соч., 2-е изд., Т. 23, С. 406 – 413.
7. Тартаковская И. Н. Гендерная социология М., 2005.

8. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд. Т. 21. С. 25 – 85.
9. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд. Т. 2.
10. Энгельс Ф. Анти-Дюринг: Отдел III Социализм // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд. Т. 20, С. 270 – 271.
11. Энгельс Ф. – Августу Бебелю от 29 сент. – 1 окт. 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд. Т. 38, С. 141.
12. Hartman H. The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union // Capital and Class. 1979. № 8.

Б. Б. Поляков

ПГПУ им. В.Г. Белинского

НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С начала 1990-х годов российское общество вступило в этап кризиса идентичности. Отечественные ученые даже стали определять российское общество как «общество риска», т. е. такое общество, в котором очень велик потенциал неопределенности в развитии (1). Символ «общества риска» хорошо понятен в рамках афоризма бывшего российского премьера: «Хотели как лучше, получилось – как всегда».

Осмысление опасности «общества риска» еще в 90-е годы прошлого века породили к жизни попытку разработки русской (российской) национальной идеи. Однако до настоящего времени эти попытки осязаемых позитивных результатов не дали. Как представляется, главная причина этого заключается в том, что концепция русской национальной идеи строится на абстрактно понимаемых гуманистических общенациональных интересах, развиваемых вне связи с реальными социально-экономическими механизмами их реализации. В условиях фрагментированности социальной структуры российского общества этот абстрактный гуманизм попахивает утопизмом.

Для того, чтобы понять общество, в котором мы живем, по мнению автора, необходимо реанимировать в рамках социологии проблему научности мировоззрения. Думается, лишь в контексте этой проблемы можно сформулировать реалистичные принципы научного анализа общества.

Но возможна ли социология научного мировоззрения? Вопрос вполне правомерен. Сама история разработки этой проблемы заставляет в этом сомневаться.

40-50 лет назад не было в тогдашнем советском общественном сознании более актуальной темы, чем проблема научного мировоззрения и условий его формирования. Но прошло каких-то 20–30 лет, и эта проблема сошла с научной «сцены». После 1991 г. она тихо исчезла из номенклатуры научных исследований, предварительно приобретя ярлык псевдонаучной проблемы.

Псевдонаучность данной проблемы кажется настолько очевидной, что ее, на первый взгляд, можно доказать без труда. Еще советские исследователи доказали, что, Будучи духовно-практическим отношением человека к миру, мировоззрение отражает социально-классовые интересы и, тем самым, теснейшим образом связано с идеологией и политикой. Без преувеличения можно сказать, что оно является острейшим идейно-политическим оружием, своего рода «духовно-нравственной броней», делающей людей, верящих в определенные социальные идеалы, неуязвимыми для «ударов идейного противника», невосприимчивыми к «тлетворному влиянию чуждых идей». Эта сверхценность мировоззрения порождает партийно-пристрастное отношение к данному явлению, когда одни политические силы признают наличие научного мировоззрения, другие же, наоборот, отрицают возможность его существования на том основании, что мировоззрение – явление ценностного сознания, принципиально несовместимого с научностью.

Сегодня стало общим местом связывать научное мировоззрение с тоталитарной общественной системой, где подавляется всякое инакомыслие и мировоззрение господствующей политической элиты преподносится обществу в качестве единственно верной системы взглядов на мир. В демократическом же обществе, основанном на принципах рыночной конкуренции, политического и идейного плюрализма, «единственно верное научное мировоззрение» – это нонсенс, социально вредный миф. Оно никак не согласуется ни с социальной структурой общества, базирующейся на признании справедливости социального неравенства, ни с многопартийностью, ни с идеей деидеологизации государства, которому конституционно запрещено придерживаться какой бы то ни было идеологической ориентации.

Поскольку научное мировоззрение – это не просто система взглядов человека на мир, но и способ адекватного осмысления окружающей человека природной и социальной реальности, постольку нельзя не учитывать и возможной критики научного мировоззрения с позиций истории науки. Последняя свидетельствует, что со времени своего институционального оформления в науке сменилось три способа научной рациональности – классический, неклассический и постнеклассический (2). Как представляется, разговор о научном мировоззрении допустим лишь в контексте принципов детерминизма и линейности развития общества. А это значит, что проблема научного мировоззрения может быть признана актуальной только в рамках классического идеала научности. В неклассической модели научной рациональности научное мировоззрение уступает свое место «равноправным» системам социальных ценностей. Мировоззрение здесь еще признается, (достаточно вспомнить М. Вебера и его упоминание о социологии мировоззрений), но всякая его претензия на научность отвергается. Что же касается постнеклассики, то для нее проблема мировоззрения вообще неактуальна.

«Постмодернисты, – пишет С. И. Левикова, – отвергают все системы объяснения мира, которые «человек традиционно применял для осмысления своего положения в мире». Вместо них постмодернистский «фрагментарный опыт»... продуцирует прерывистые, эклектичные «повествования». Поэтому в постмодернистской парадигме и нет категорий истины и идеала. Если все предшествующие теории боролись с инакомыслием, с иной точкой зрения на мир, мотивируя эту борьбу стремлением привести мир к идеалу, то постмодернизм предполагает, что «иное» находится здесь и сейчас, что оно «встроено в меня». Постмодернистское высказывание, будучи одним из множества равноценных, не стремится к «правоте», поскольку достижение с ее помощью истины приведет к подавлению иных точек зрения, которые необходимо будет признать неправыми» (3).

Автор в полной мере отдал дань этим аргументам. И все же, в конечном итоге, пришел к выводу, что они, мягко говоря, несвободны от недостатков, так как не в полной мере учитывают природу научного мировоззрения. Оставив пока в стороне вопрос о научности, отметим, что специфика мировоззрения во многом заключается в его дуалистичности. С одной стороны, мировоззрение – это обобщенный взгляд человека на мир, определенная система идей, взглядов, убеждений. С другой же стороны, это – способ мышления, своего рода методология осознания человеком окружающей его природной и социальной реальности.

Оба эти аспекта мировоззрения – две стороны одной «медали». Они не могут существовать в отрыве друг от друга. Более того, они находятся в диалектической взаимодействии друг с другом.

Специфика мировоззрения обуславливает ситуацию, когда в отношении научного мировоззрения можно без труда сформулировать аргументы как против, так и за. В связи со сказанным возникает вопрос: «Если научное мировоззрение – нонсенс, то что при этом отрицается: возможность существования объективно-истинной системы взглядов на мир или возможность адекватного обстоятельствам осмысления человеком окружающей его реальности?» Если отрицается первое, то закономерно придется отрицать и возможность существования самой науки. Ведь независимо от того, в какой системе координат существует наука, она не может отрицать возможности научного, адекватного осмысления изучаемой реальности.

Столь же сомнительна правомерность отрицания научности мировоззрения и с партийно-политической точки зрения. Хорошо известно, что беспартийного социального знания не существует. Оно всегда кому-то нужно, полезно, всегда выражает чьи-то социальные интересы. Пожалуй, самый яркий пример тому, концепция деидеологизации общества, которую пытались реализовать в России в 1990-е гг. постперестроечные демократы. Под флагом деидеологизации по существу была предпринята попытка навязать россий-

скому обществу радикально-либеральную систему ценностей. Именно ее дискредитация в глазах россиян породила к жизни деятельность российских ученых по разработке русской (российской) национальной идеи. Что это как не очередной вариант научной идеологии или научного мировоззрения, без которого общество не может достичь хотя бы минимального социального согласия и сформулировать долгосрочные цели социально-экономического, политического и культурного развития, столь необходимые обществу, осуществляющему модель догоняющей модернизации.

Отождествление научного мировоззрения с мифом или системой мифов и на этой основе отказ научному мировоззрению в праве на существование возможно и, на первый взгляд совершенно правомерно. Ведь история человечества знает множество примеров выдвижения самых разных социальных идеалов. Однако ни один из них так и не был реализован. Более того, попытки их последовательной реализации, например, в СССР имели обратный результат – вместо общества свободы, равенства, братства была создана кровавая тоталитарная система.

Однако, современные исследования показывают, что миф – это не иллюзии и заблуждения, а такие идеи, взгляды, суждения, которые представляются настолько очевидными, что не нуждаются в обосновании и принимаются на веру. А это значит, что научное мировоззрение и миф – это не диаметрально противоположные явления. Научное мировоззрение, как представляется, по своей природе мифологично. Но это еще не повод отказывать ему в праве на адекватное осмысление реальности. Причина заключается в том, что мировоззрение – это продукт не теоретического, а духовно-практического осмысления мира. Последнее предполагает, что мировоззрение для социального субъекта является не целью, а средством удовлетворения его потребностей. Такая смена «акцентов» позволяет утверждать, что научное мировоззрение представляет собой не систему абсолютных универсальных вечных истин, а некую мифологически сформулированную систему жизненных приоритетов, указывающая социальному субъекту перспективы его развития.

Таким образом, осознание научного мировоззрения в системе координат «pro et contra» контрпродуктивно. Научное мировоззрение – феномен идеологического сознания, в рамках которого отрицание его есть не что иное, как своеобразная форма его признания. Дело в том, что идеологическое сознание – это так называемое «ложное сознание», т. е. такое сознание, которое ставит изучение объекта «с ног на голову». Здесь объект анализируется не сам по себе, а с точки зрения его духовно-практической значимости для субъекта.

История знает множество примеров, когда одни и те же социальные субъекты вследствие изменения своего социального статуса меняли свое отношение к миру. Применительно к научному мировоззрению можно при-

вести по меньшей мере три примера кардинального изменения мировоззренческой позиции.

Первый пример дала западноевропейская буржуазия. Во второй половине 19 века глубокий кризис феодализма, несовместимость коренных интересов этого класса с интересами абсолютной монархии, превратили мирных буржуа в революционную силу, под руководством которой был совершен ряд успешных буржуазных революций, коренным образом изменивших мир. Но к середине 19 века, добившись доминирующих позиций во всех сферах общественной жизни, буржуазия утратила свою революционность и превратилась в консервативную социальную силу, ориентированную уже на идеал социальной стабильности, а не на идеал социальных изменений. Следствием изменения характера социальных интересов стало и изменение мировоззренческих ориентаций. Не случайно именно в 30–40-е гг. 19 века в западноевропейском общественном сознании усилиями И. Г. Гердера и ряда других ученых начала изучаться проблема политической культуры – этого консервативного аналога научного мировоззрения (4).

Второй раз нечто подобное повторилось в 70–80-е гг. 20 века в СССР. Коммунистическая номенклатура за годы советской власти утратила «революционный запал большевиков-ленинцев». Но так называемая «верность традициям» заставляла их клясться в верности «марксистско-ленинскому мировоззрению». Кроме того, реанимация проблемы научного мировоззрения была, как представляется, следствием «хрущевской оттепели». После развенчания культа личности Сталина и отказа от репрессивных методов управления обществом, советская система столкнулась с отсутствием эффективных социально-экономических методов мотивации трудовой и общественной активности граждан, что в условиях исторического соревнования с капитализмом было чревато поражением. Осознание этой опасности побудило тогдашнее партийно-политическое руководство СССР сформулировать социальный заказ советским обществоведам на разработку проблемы формирования научного мировоззрения у советских людей. По существу научное мировоззрение становилось последним «бастионом социализма», своеобразной «идейной прививкой» против влияния буржуазной идеологии.

В то же время, начиная с 1970 г., в советской философско-социологической литературе параллельно с проблемой формирования научного мировоззрения начали усиленно разрабатывать проблему формирования политической культуры советских людей. Читая работы тех лет, нельзя не заметить, что определения мировоззрения и политической культуры были очень схожими, если вообще не идентичными друг другу (5). Эта идентичность указывала на родственность этих понятий, различающихся не столько теоретическим содержанием, сколько политической ориентированностью.

Третий пример кардинальной смены мировоззренческих позиций социальной элиты можно было наблюдать в период 1980-1990-х гг. Начав перестройку и демократизацию советского общества под лозунгом улучшения социализма, демократическая элита после смены политического режима в 1991 г. отказалась от марксистского взгляда на мир и начала внедрять в социальную жизнь радикально либеральную систему социальных ценностей, опять подняв на щит проблему политической культуры.

Указанные примеры заставляют не согласиться с тем, что научное мировоззрение может существовать только в рамках классической модели научной рациональности, а для всех остальных идеальных типов научности научное мировоззрение неактуально.

Действительно, нельзя не признать, что существование абстрактно-теоретического взгляда на мир возможно лишь в контексте классического идеала научности. Но это не касается мировоззрения как духовно-практического взгляда на мир. Оно пронизывает собой все модели научной рациональности, ибо ни одна методология, ни один способ теоретического социального мышления не существует независимо от своего социального значения.

Взгляд на мировоззрение как на духовно-практическое отношение человека к миру кардинально меняет понимание научности мировоззрения. В советской философско-социологической литературе научное мировоззрение трактовалось как особый способ осознания реальности, для которого характерно проникновение мышления в сущность вещей и явлений, выявление законов развития природы и общества. Это абстрактно-теоретическое рациональное мышление противопоставлялось обыденному (поверхностному) мировоззрению, мировоззрению ненаучному (узко эгоистическому самосознанию так называемых «реакционных классов») и донаучному (мифологическому и религиозному) мировоззрению.

Переход от гносеологического к онтологическому уровню анализа заставляет признать, что научное мировоззрение – это уже не способ осмысления реальности, а его социальная форма. Последняя зависит не столько от того, какую методологию изберет субъект осмысления, и от того, в какой мере он будет последователен в ее применении, сколько от характера общественной системы.

Беда советских исследователей проблемы научного мировоззрения состояла в том, что они были вынуждены изучать ее в совершенно особых условиях. Парадокс заключался в том, что научное мировоззрение возникает как революционная формулировка альтернативы существующей социальной системе, оказавшейся в состоянии глубокого кризиса. Что же касается теоретической рефлексии проблемы научного мировоззрения в советской философско-социологической литературе 1970-1980-х годов, то она имела целью консервацию существующего на тот момент социального порядка.

Думается, именно практически-политическая причина сохранения власти коммунистической номенклатуры породила к жизни так называемую «марксистско-ленинскую концепцию научного мировоззрения», которая в действительности не имела ничего общего с революционным учением Маркса и Ленина.

Эта несовместимость догматического и революционного марксизма ярче всего проявилась в логико-гносеологическом подходе к анализу проблемы научного мировоззрения. Мировоззрение в советской философской литературе определялось через чужеродное для марксизма натурфилософское понятие «мир» или «мир в целом», в результате чего возник эффект полисемантизма в трактовке содержания мировоззрения(6). Но, теряя в содержательном аспекте, советские исследователи приобретали нужное им качество. Понятие «мир» создавало иллюзию, что советская социальная система по своей природе стабильна. Нестабильность же привносится в нее конкретными людьми, которые не понимают законов ее развития, мыслят и действуют узко эгоистически, в ущерб интересам общества в целом. Отсюда совершенно логично напрашивалась мысль о необходимости развертывания идейно-воспитательной работы в массах с целью выработки у них научного мировоззрения. Последнее в этой концепции отождествлялось либо с марксистско-ленинской философией, либо с марксизмом-ленинизмом как идеологией, либо с общественным самосознанием. Но какой бы вариант трактовки не избирался, научное мировоззрение всегда представлялось в качестве теоретического общественного сознания, которое вольно или невольно противопоставлялось обыденному сознанию людей, которое могло приближаться к научному мировоззрению, но не могло слиться с ним, так как жизненная практика отдельных индивидов по определению уже общественной практики.

Подобная трактовка научного мировоззрения не имела ничего общего с революционной, онтологической по своему характеру марксистской методологией. Согласно марксистской философско-социологической традиции, идеальное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Иными словами, в сознании нет ничего, чего бы ни было в общественном бытии. Это практически означает, что мировоззрение как явление сознания имеет право на существование только в том случае, если оно отражает определенное общественное отношение. По мнению автора, таким общественным отношением является противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Это противоречие имеет не только экономическое содержание. Оно является и внутренним противоречием самого человека, противоречием человека и мира. Согласно этому противоречию, человек не просто биологическое, но и социальное существо, которое может существовать в мире, только преобразовывая его

при помощи производственной деятельности. На определенном этапе развития производственных отношений возникает противоречие между ними и производительными силами, которое разрешается, по Марксу, с помощью социальной революции. Духовно-практическим механизмом коренных социальных изменений, как представляется, и является мировоззрение.

По мнению автора, из этого положения вытекает целый ряд принципиально важных выводов:

– мировоззрение представляет собой не просто состояние сознания социального субъекта (7), которое может утратить актуальность при изменении социальных обстоятельств, но объективно необходимая функция социальной системы, без которой общество не может существовать и развиваться;

– научное мировоззрение – это не какой-то рациональный абстрактно-теоретический взгляд на мир, позволяющий понять мир таким, каким он является на самом деле, а духовно-практический способ осознания степени соответствия возможностей социальной системы создать широкие возможности реализации коренных интересов социального субъекта и, тем самым, обеспечить благоприятные условия его существования и развития. В рамках этого определения научность мировоззрения представляет собой не что иное, как адекватность осознания соотношения общественных и частных интересов, учитывающая характер происходящих социальных изменений;

– научное мировоззрение – это реальное социальное самосознание субъекта, которое функционирует в рамках конкретного типа и уровня развития культуры.

Исходя из выше изложенного, можно утверждать, во-первых, что проблема мировоззрения – это вечно актуальная социальная проблема. И любые попытки ее замалчивания или отрицания, в основе которых лежат интересы властной элиты, могут быть чреваты негативными социальными последствиями – ростом радикализма, экстремизма и т.п., дестабилизирующих социальную систему. Для властей предрержащих проблема научного мировоззрения должна представлять серьезный интерес, ибо она является «лакмусовой бумажкой», позволяющей отслеживать процессы изменений в социальном мышлении граждан. И, как представляется, было бы неправильно подменять изучение проблемы мировоззрения анализом ценностных ориентаций различных слоев населения. Дело в том, что ценностные ориентации указывают на содержание взглядов социального субъекта, которые могут меняться в зависимости от социальных и культурных изменений, тогда как мировоззрение фиксирует устойчивый способ осмысления социальной реальности в зависимости от положения субъекта в социальной структуре общества.

Во-вторых, проблема научного мировоззрения является крайне актуальной для общества проблемой. Как свидетельствует история, научное

мировоззрение призвано гармонизировать социальные интересы различных социальных групп с интересами общественного развития и на этой основе обеспечить реальную социальную стабильность. Парадокс заключается в том, что в условиях так называемой «социальной гармонии» научное мировоззрение как бы отсутствует. Но это отсутствие обманчиво. Нарушение баланса социальных интересов сразу же выводит мировоззрение «на поверхность», делает его эмпирически наблюдаемым через поведение людей.

В третьих, исходя из выше сказанного, можно утверждать, что претензия на то, что марксистское мировоззрение – это единственное научное мировоззрение является несостоятельным. В свое время в советской философско-социологической литературе фигурировали две формы научного мировоззрения – естественнонаучное и общественно-научное (8). При этом считалось, что первое занимается осмыслением природного мира, а второе – мира социального.

По мнению автора, такая постановка вопроса не имеет ничего общего с реальностью. Научное мировоззрение – это всегда социальное самосознание, социальный смысл, который социальный субъект вкладывает в процессы общественных изменений. Что же касается естественнонаучного мировоззрения, то оно является первой культурной формой, в рамках которой буржуазия осознала свои классовые интересы.

Несомненно, что мировоззрение как духовно-практический способ осознания мира, возникло в незапамятные времена как отражение особого, двойственного места человека в мире. С одной стороны, человек как биологическое существо – часть природы, нуждающееся в адаптации к природному миру. С другой стороны, как социальное существо человек может жить и развиваться только путем преобразования природы и приспособления ее к удовлетворению своих потребностей. «Найти золотую середину» и стало задачей мировоззрения.

Однако в традиционном обществе мировоззрение не могло быть научным по определению. Неразвитость производительных сил и общественного разделения труда, социальная и культурная локальность и т.д. объективно требовали наличие внеэкономического, в том числе духовного принуждения. А это обуславливало тот факт, что мировоззрение традиционного общества носило донаучный характер и в разные исторические эпохи выступало то в роли фетишистского, то мифологического, то религиозного мировоззрения.

Возникновение научного мировоззрения, как представляется, было связано с переходом от традиционного к индустриальному обществу. Еще советские исследователи связывали появление понятия «мировоззрения» с кантовской критикой практического разума (9). Ее появление отражало тот факт, что капиталистический общественно-экономический уклад занял доминирующие позиции и привел к кардинальному изменению отношения

человека к природе. Последняя из «храма» превратилась в мастерскую. Для того, чтобы взять богатства природы нужна была наука, нужно было знание законов природы, нужен был свободный работник и предприниматель. И нужно было обоснование необходимости ликвидации монархии.

Усилиями мыслителей эпохи Просвещения (Вольтер, Дидро, Ж. Ж. Руссо и др.) было сформулировано так называемое естественнонаучное мировоззрение. Его квинтэссенцией явилась идея общественного договора, согласно которой государство возникло в результате передачи членами общества части своих естественных прав правителям. И если эти права ущемляются монархом, то граждане имеют право его свергнуть.

К середине XIX века индустриальное общество в своем развитии достигло новых горизонтов. Оно вступило в фазу развитого общества, когда все внутренние противоречия социальной системы сформировались и проявились. В этих условиях апелляция к «законам природы» была уже излишней. Поэтому марксизм принял форму общественно-научного мировоззрения.

За сменой типов научного мировоззрения кроется не только изменение уровня развития общества и характера социальных проблем. По мнению автора, изменение типа научного мировоззрения во многом связано и со сменой его носителя. Для естественнонаучного мировоззрения субъектом-носителем мировоззрения выступало общество в целом, а, вернее, все третье сословие, коренные интересы которого не совпадали с интересами монархии. Общественно-научное мировоззрение формировалось и функционировало уже в условиях внутреннего раскола индустриального общества и вполне закономерно, что здесь субъектом-носителем мировоззрения являлся общественный класс.

Рассуждая подобным образом, представляется правомерным предположить, что научное мировоззрение в развитом индустриальном обществе не утрачивает своей роли, а просто приобретает нового субъекта-носителя. Если следовать логике М.Вебера, то социальная стратификация здесь переходит с межклассового на внутриклассовый уровень. И это обстоятельство объясняет, почему на первый план выходят уже не идеи, взгляды, а социальные ценности и ценностные ориентации. Просто в рамках класса отдельные его социальные страты в силу специфики своего социального положения могут понимать одни и те же классовые идеи по-разному.

Наконец, с позиций данной логики представляется вполне оправданным предположение, что при переходе от индустриальной к постиндустриальной фазе развития общества научное мировоззрение в очередной раз меняет своего носителя. Им, на наш взгляд, становится отдельная личность.

Автор хорошо осознает, что с точки зрения традиционного подхода научное мировоззрение – это мировоззрение общества в целом и, на первый взгляд, совершенно неправомерно экстраполировать научное мировоззре-

ние на личность. На это можно возразить, что еще К. Маркс подчеркивал мысль о том, что экономически господствующий класс всегда пытается выдать систему своих интересов за интересы общества в целом (10). Почему этого не могут сделать отдельные социальные слои и отдельная личность? Ведь каждый из них смотрит на мир со своей «социальной колокольни». Не они для мира, а мир для них – вот квинтэссенция их духовно-практического отношения к миру.

Таким образом, в качестве промежуточного вывода необходимо отметить, что, по нашему мнению, по мере развертывания процесса общественного развития, роль научного мировоззрения не только не уменьшается, но, наоборот, возрастает. Это связано с тем, что происходит постоянное усложнение социальной системы, она становится все более свободной и менее стабильной, а система социальных взаимодействий приобретает все менее предсказуемый и более хаотический характер.

Могут возразить: для обеспечения социальной стабильности в условиях все возрастающей социальной свободы общество нуждается в развитой политической культуре граждан, а не в научном мировоззрении. Отчасти с такой постановкой вопроса нельзя не согласиться при одном уточнении, что это – консервативно-политическая точка зрения. История знает много примеров (и русские большевики, наверно, самый яркий тому пример), когда взявшие власть революционеры превращались в консерваторов, целью которых становилось удержание, сохранение ее в своих руках. Именно в условиях роста влияния оппозиционных власти социальных и политических сил и «поднималась на щит идея политической культуры».

Безусловно, политическая культура – это важный регулятор социальной жизни. Но по своей природе – это всегда самоограничитель социальной свободы, действие которого возможно лишь до тех пор, пока он не начинает мешать развитию социального субъекта. Сегодня даже в средствах массовой информации встречается критика тех или иных действий представителей власти, которые затрагивают интересы тех или иных личностей или социальных групп. До тех пор, пока эти действия не затрагивают их коренных интересов, она признается более или менее справедливой и ведется в цивилизованной, культурной форме. Однако, когда «Рубикон перейден», эта критика становится жесткой и бескомпромиссной. Последнее означает, что интересы развития важнее культуры. Не случайно, в условиях острых социальных кризисов отжившие стандарты политического взаимодействия зачастую отбрасываются, и начинает действовать правило, что все важные политические вопросы, в конечном итоге, решаются только силой.

Думается, было бы неверно представлять научное мировоззрение в качестве явления сознания, кардинально противостоящего политической культуре. На уровне сознания и поведения отдельного социального субъекта

екта они представляют собой «две стороны одной медали», находящиеся в диалектическом взаимодействии. До тех пор, пока уровень развития общественной системы гарантирует паритет общественных и частных интересов, приоритетным механизмом осмысления социальной реальности выступает политическая культура. Когда же этот паритет нарушается, и социальные субъекты осознают это нарушение, в действие вступает «механизм» научного мировоззрения, цель которого осознать причины нарушения баланса общественных и частных интересов, сформулировать их в идеологической форме и мотивировать граждан к действиям по устранению социальных препятствий, мешающих процессу поступательного развития общества.

Таким образом, научное мировоззрение представляет собой социальный механизм, обеспечивающий саморазвитие и, тем самым, социальную стабильность общественной системы. Но у этого механизма, помимо чисто социального, есть и другой аспект – технологический, отвечающий на вопрос как этот «механизм» работает.

Необходимость «технологического» анализа проблемы научного мировоззрения обусловлено тем, что данное явление представляет собой не просто духовно-практическое, но и субъективно осознанное отношение человека к миру. Это осознание происходит на разных уровнях как обыденного, так и теоретического сознания. Именно традиция связывать научность с теоретическим уровнем анализа привела в советской философско-социологической литературе к отождествлению научного мировоззрения либо с научной идеологией, либо с научной (диалектико-материалистической) философией, либо с научной методологией осмысления социальной реальности.

Узкие рамки данной статьи не позволяют автору подробно рассмотреть соотношение указанных выше явлений. Отметим лишь, что, по мнению автора, научное мировоззрение несводимо ни к одному из них. Более того, на наш взгляд, понятие «научное мировоззрение» имеет право на существование только в том случае, когда оно отражает свой собственный уровень, а точнее, аспект осознания социальной реальности.

Как представляется специфика научного мировоззрения состоит в том, что оно есть не что иное как субъективный социальный смысл, который личность вкладывает в понимание тех или иных явлений и процессов социальной жизни. Этот смысл проявляется с тем, каким способом обобщаются социальные факты и каким образом они интерпретируются.

Будучи опредмеченным в процессе теоретической деятельности, мировоззрение личности может воплощаться в самой разнообразной форме. Если речь идет о логико-рационалистическом мышлении, то оно воплощается в философской концепции. Если же речь идет о социальном мышлении, то оно воплощается в социальную идеологию. При этом важно подчеркнуть, что ни в том, ни в другом случае научное мировоззрение не отождествляется с

содержательной стороной философских или идеологических концепций, а с их социальным смыслом, с тем, в какой мере они способны понять и сформулировать коренные интересы субъекта.

Автор считает необходимым особо подчеркнуть личностную ориентированность научного мировоззрения, так как философия или идеология, как опредмеченные формы мышления, существуют автономно от отдельной личности в рамках подсистемы культуры общества. Они отражают некие всеобщие моменты способа осмысления реальности и абстрагируются от каких-то текущих, представляющихся теоретикам несущественными, социальных изменений. Такая абстрактная теоретичность, как правило, играет с ними «злую шутку», когда конкретные индивиду, живущие в конкретных условиях, мыслящие конкретными понятиями и образами зачастую плохо понимают и, соответственно, принимают абстрактно-теоретические модели рационально-теоретического и социального мышления.

В советской философско-социологической литературе формирование научного мировоззрения рассматривалось исключительно в педагогическом плане, как процесс усвоения личностью общественно-научных знаний. С высоты сегодняшнего уровня развития науки подобный подход является упрощенческим.

На самом деле процесс формирования личности носит социальный характер. Он не отрицает возможности педагогического идеологического воздействия на личность. Но последняя является не пассивным объектом, а активным субъектом выработки мировоззрения. В ходе сравнения, сопоставления различных систем взглядов индивид, тем самым, осуществляет со-мышление, результатом которого является реальный субъективный социальный смысл. Парадокс заключается в том, что зачастую этот смысл не совпадает с положениями научной теории, а подчас и противоречит им.

Как уже отмечалось выше, советские обществоведы, исходя из партийно-политических установок, причину такого несовпадения видели в узости индивидуального социального опыта отдельных индивидов. На наш взгляд, причина такого несовпадения кроется совершенно в другом, а именно: в различии векторов взгляда на мир.

В отличие от мировоззрения, рассматривающего мир с позиций интересов личности, философия и идеология, как формы общественного сознания, анализируют объективные коренные интересы социальных субъектов с позиций перспектив общественного развития. Тем самым, эти интересы встраиваются в структуру социальной системы и как бы подчиняют себе интересы отдельной личности. Разумеется, индивида, который живет, а не служит идее, такое «ограничение свободы» вряд ли может устроить.

Кроме того, идеология и философия, какими бы научными они ни были, всегда представляют «односторонний взгляд на мир», поскольку, во-первых,

рассматривают его с позиций интересов лишь одного класса, а, во-вторых, не могут вырваться за пределы наличного уровня развития науки, культуры и философии. Результатом этом является односторонний, искаженный, «ложный» взгляд на мир.

В отличие от «неповоротливой», рассчитанной на целую историческую эпоху системы философских или идеологических взглядов, мировоззрение очень мобильно. Оно моментально схватывает и осмысливает все происходящие вокруг личности изменения. Более того, это осмысление усиливается эмоциональным восприятием действительности.

«Качество осмысления» социальной реальности, в конечном счете, зависит не от характера используемой методологии, а от уровня развития социальной системы. Последняя задает координаты для осознания личностью социальной реальности, «формирует» круг социальных проблем, вокруг которых личность осуществляет умственную и нравственную «работу». Что же касается уровня мировоззренческого осознания социальной реальности, то он, по мнению автора, зависит от двух основных факторов – от степени адаптированности личности к социальной системе, т. е. от уровня ее социализации и от уровня развитости политической культуры личности, от способности, готовности и желания самостоятельно анализировать социальные проблемы.

Учет двухстороннего характера взаимодействия общества и личности позволяет приблизиться к решению вопроса о критериях определения уровня мировоззренческого осмысления социальной реальности. Не претендуя на формулирование «истины в последней инстанции», автор хотел бы высказать несколько соображений по этому вопросу.

Прежде всего, необходимо коснуться вопроса о соотношении научного и обыденного мировоззрения. Это связано с тем, что, определяя мировоззрение как субъективный социальный смысл, автор как бы заранее относит его к уровню обыденного самосознания.

Хотелось бы подчеркнуть, что дихотомия научного и обыденного существует лишь на уровне логико-гносеологического познания. На уровне же онтологического познания социальной реальности противостояние научного и обыденного мировоззрения весьма относительно и условно. Ведь в реальной действительности обыденное самосознание всегда содержит в себе элементы научности. И чем дальше идет процесс усложнения социальной системы, тем больший объем научных знаний включается в структуру обыденного сознания.

Кроме того, на уровень научности мировоззрения личности влияет и степень активности ее жизненной позиции. В частности он проявляется в уровне ее познавательной активности и уровне включенности в деятельность социальных институтов.

Критерий определения уровня научности мировоззренческого осмысления социальной реальности можно обнаружить, с одной стороны, в концепции идеальных типов социального действия М. Вебера, а с другой стороны – в деятельностном подходе к осмыслению социальной реальности, сформулированном К. Марксом. Их синтез, как представляется, может помочь в формулировании как критерия, так и набора уровней мировоззренческого осознания мира.

Как известно, М. Вебер определял свои идеальные типы социального действия через характеристику целей и средств деятельности. При этом он считал, что степень осознанности целей в решающей степени зависит от адекватности избранных для их реализации средств (11).

Такой подход к осмыслению социальной реальности, как представляется, правомерен только при допущении, что «интерес эпохи» носит устойчивый характер. Применительно к социокультурному подходу такая постановка вопроса вполне допустима. Но с социальной точки зрения общество столь же нестабильная система, как и личность.

Именно нестабильность взаимодействия общества и личности заставляет обратиться к разработанной в марксизме идее противоречий.

Согласно марксизму, между целями и средствами человеческой деятельности существует не только взаимосвязь, единство, но и противоречие. Это противоречие между идеальным и материальным, между распредмеченным и опредмеченным. Как представляется, способ преодоления личностью этого противоречия указывает на характер ее отношения как к целям деятельности, так и к ее результату. По мнению автора, это отношение может быть творческим и репродуктивным.

Наряду с указанными качественными показателями уровня активности личности можно выделить и количественные критерии. Автор определяет их как активность и пассивность деятельности.

Соотнеся эти две группы показателей друг с другом, можно сформулировать четыре уровня активности личности – активно-творческий, пассивно-творческий, активно-репродуктивный и пассивно-репродуктивный. Поскольку осмысление социальной реальности – это тоже разновидность деятельности (мыслительная деятельность), постольку указанные четыре группы активности можно, по мнению автора, рассматривать как систему уровней мировоззренческого осознания мира. В качестве научного мировоззрения в этой системе выступает активно-творческий уровень осмысления социальной реальности. На степень его распространения в обществе и должны быть направлены конкретно-социологические исследования.

В заключение хотелось бы отметить, что успех социологического исследования научности мировоззрения субъекта зависит не только от выверенности социологического инструментария, но и от адекватности определения

характера современной исторической эпохи, адекватности осмысления связи ее с предшествующими формами социальной жизни. Но анализ этой проблемы выходит за рамки этой статьи.

Библиографический список

1. Зубок Ю. Общество риска – молодежная составляющая социальной интеграции // Безопасность Евразии. Журнал высокий гуманитарных технологий, 2001, № 1.
2. Теория и жизненный мир человека / Отв. ред. В. Г. Федотова. М., 1995.
3. Левикова С. И. Молодежная субкультура. М., 2004. С. 244–245.
4. Крапивенский С. Э. Парадоксы социальных революций. Воронеж, 1992.
5. Иовчук М. Т., Коган Л. Н. Советская социалистическая культура: исторический опыт и современные проблемы. М., 1979.
6. Кедров Б. М. По поводу одной трактовки предмета марксистско-ленинской философии. // Вопросы философии, 1979, № 10.
7. Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968. С. 209.
8. См.: Бальсис А. Б. Мировоззрение в жизни общества и человека. Вильнюс, 1981; Овчинников В. С. Мировоззрение как явление духовной жизни общества. Л., 1978; Федосеев П. Н. Мировоззрение, философия, наука. М., 1979 и др.
9. Ашманис М. Г. Мировоззрение и условия его формирования. Рига, 1977. С. 16.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 47.
11. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

А. Г. Мясников

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ «ДОНОС» ВЫПОЛНЕНИЕМ БЕЗУСЛОВНОГО ДОЛГА ПРАВДИВОСТИ?

Российский исторический опыт последних трех столетий показывает трагическую сложность реализации безусловного долга правдивости. Ярким примером этого может служить социально-политический феномен «доносительства». Практика доносительства ещё свежа в памяти многих наших современников, а в сознание обществоведов она врезалась глубокой печатью.

Наступает время серьёзного осмысления этого феномена, чтобы понять: а правы ли были многие советские люди, которые в своих заявлениях, письмах, заметках и сигналах информировали власть о нарушениях общественной морали, о недостатках на производстве и в управлении, о преступлениях, совершаемых в быту и на государственных предприятиях? Какая обязанность и какое право стояло за ними? Даже несмотря на разные мотивы доносительства, не оправдывает ли их безусловный долг правдивости?

Итак, вдумаясь в классическую фразу осведомителя:

– Считаю своим долгом сообщить...

Действительно, обязанность доносить, свидетельствовать о каких-либо нарушениях закона и беспорядках была установлена в России в петровскую эпоху. В 1711 году был введён государственный институт фискалов для того, чтобы блюсти государственные интересы. А воинский Артикул того времени трактовал недонесение как нарушение присяги государю: «И ежели что вражеское и предосудительное против персоны Его царского величества или его войск, такоже его государства, людей или интересу государственно-го что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лучшей моей совести и сколько мне известно будет извещать и ничего не утаивать» (1).

Государственный служащий, получавший жалование, был обязан доносить. *Доносить* – значит тайно сообщать представителю власти, начальнику о чьей-либо противоправной (опасной для государства) деятельности, не затрагивающей личные интересы доносчика. Если противоправные поступки других людей затрагивали личные интересы человека, то он должен *жаловаться* властям. *Жалоба* предполагает открытость, публичность, а главное должна выражать личное неудовольствие, страдание человека от чьего-либо произвола, насилия.

Для наглядной иллюстрации различий между понятиями «донос» и «жалоба» в дореволюционной России мы приводим следующую схему. См.:

Форма проявления	Открытая (публичная) 1	Тайная 2
Мотивы	Личные (частные) интересы 3	Государственные (общественные) интересы 4
Вид обращения	Жалоба (1-3)	Донос (2-4)
	Стукачество (1-4; 2-3)	

Уже при царе Алексее Михайловиче за смешение доноса с жалобой, т. е. за смешение государственных интересов с личными, полагалось суровое наказание: «А которые... учнут за собою сказывать государево дело или слово, а после того они же учнут говорить, что за ними государевого слова или дела нет, а сказывали они за собою государево слово или дело, избывая от кого побои, или пьяным обычаем: и их за то бить кнутом...» (Соборное уложение 1649 г., гл. 2, ст. 14).

Это наказание было необходимо, чтобы исключить мотивы мщения, ненависти, зависти или иной личной заинтересованности из системы доносительства и не использовать карательную силу государства для решения этих частных дел.

«Истинный христианин» и «верный слуга своему Государю» без всякого сомнения должен был доносить. Нравственно-религиозная обязанность правдивости сливалась с политической активностью, направленной на защиту государственных интересов. Доносчик должен был быть беспристрастным, объективным наблюдателем, правдивым информатором, который нес ответственность за достоверность сообщения. Таким образом, правовая система царской России стремилась четко разграничить понятия «доноса» и «жалобы», чтобы воспрепятствовать стиранию границы между личными и государственными интересами.

Идеология Советской России была направлена на стирание этой границы, ибо сфера частной жизни советского человека подвергалась обобществлению и превращалась в элемент общественного механизма. Поэтому власть предлагала единую политическую мотивацию для писем и заявлений трудящихся; суть которой в том, что сознательный гражданин стремится помочь государству в искоренении недостатков. Формирование единой монолитной мотивации, обязательной для каждого советского человека становится важнейшим условием конструирования нового типа личности – беззаветно преданной идеалам партии и коммунизма.

Отсюда честность и открытость многих советских людей подчас не знает границ: «душа на распахку», «я за все в ответе», «берегу общественное как свое». Личные интересы получают страшный ярлык – «эгоистических», «мелко-буржуазных». Вместе с тем многие советские люди понимали, что требуемое государством доносительство можно использовать в личных целях, даже под страхом наказания за заведомо ложный донос. Так, в тридцатые годы прошлого века пошел поток ложных доносов, с помощью которых решались личные вопросы: устранялись вышестоящие начальники, неприятные соседи, или те лица, которые просто вызывали зависть. Поэтому честный (бесплатный) донос оказывался во многих случаях хитроумным средством достижения личных целей с помощью машины государственных репрессий.

Советское государство пыталось замаскировать донос-разоблачение под видом «заявлений», «сообщений», «рапортов», «сигналов» и других наименований, чтобы не вызывать у честных граждан неприятных ассоциаций, связанных с платными осведомителями бывшей царской охранки.

«Я – идейный борец со Злом, а не какой-нибудь платный осведомитель!» – таков девиз честного советского стукача.

Не случайно, что в советском общественном сознании появилось понятие «стукач», которое по своей *тайной форме проявления* тождественно доносчику, но при этом имеет смешанную, неопределенную мотивацию: то ли по бескорыстному желанию устранить общественные недостатки и содействовать быстрейшему наступлению светлого будущего, то ли из-за корыст-

ных побуждений. Государству это было не важно, главное, чтобы в той или иной общественной группе был свой информатор-«стукачок».

Для того, чтобы замаскировать систему массовых доносов-жалоб, государству приходилось активизировать публичную сферу информирования и разоблачений. «Письма в газеты», «публичные заявления», «заметки-разоблачения» были предназначены приучить советских людей к абсолютной правдивости, открытости, к публично-исповедальной манере мышления.

У советского человека не могло быть тайн от партии и правительства, ему нечего прятать, он не стыдится сказать то, что думает от имени всего народа. При этом правдивость относится только к «своим»–«нашим». А так как всем было известно, что страна находилась во вражеском окружении, и тайные враги могли быть повсюду, то наш осведомитель-критик должен быть всегда «на чеку», должен выискивать вражеские элементы, обладая «классовым чутьем». Ведь враг «выступает замаскировано, прикидываясь «другом» советской власти...» (2.).

Советское классовое сознание как типичное авторитарное сознание делало весь мир на «наших» и «не наших, т. е. врагов», тем самым ограничивало мышление только одним ракурсом – идеологическим горизонтом неодолимого движения к светлому будущему, который определялся партийной элитой. Следует также учитывать, что в советское время система массового доносительства позволяла компенсировать слабость правовой системы. С помощью доносов-сообщений можно было влиять на партийных и государственных чиновников. Это был инструмент ограничения бюрократического произвола. Сейчас многие пожилые люди сожалеют, что не могут пожаловаться в горком или обком на своих ближайших начальников. Они не решаются идти судебным путем и публично доказывать нарушение своих прав.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в название статьи, мы отвечаем: «донос» как тайное обвинительное сообщение власти, будь он анонимный или авторский, *не будет выражением безусловного долга правдивости*. Его известная формулировка принадлежит великому философу Иммануилу Канту: «это – священная, безусловно повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума: во всех показаниях быть *правдивым* (честным)» («in allen Erklärungen wahrhaft (ehrlich) zu sein»). Опираясь на эту кантовскую формулу можно утверждать, что долг правдивости требует открытого личного свидетельства, которое может быть представлено в суде.

«Донос» – это форма псевдо-правдивости, которая выгодна прежде всего деспотической власти, и разрушительна для гражданского общества, т. к. порождает взаимное недоверие и замкнутость граждан.

Донос следует четко отличать от «жалобы» – личного заявления о нарушении собственных прав и свобод.

Если же разоблачительная информация затрагивает общественные интересы, включая государственную безопасность, то такое сообщение будет *свидетельским показанием*, на которое каждый гражданин имеет право, и более того, обязан дать в случае привлечения к судебному разбирательству. В этом случае быть свидетелем, значит лично подтверждать, доказывать в суде те факты и события, которые видел, знаешь сам. Эти свидетельства нуждаются в дополнительной проверке, ибо они могут оказаться и добросовестным заблуждением, и заведомо ложной информацией. Стать свидетелем, значит говорить только правду и ничего кроме правды. Ложь и умолчание не допустимы для свидетеля. Поэтому найти «свидетеля» очень не просто.

Итак, подводя итог нашему рассуждению, хочется обратить внимание на тот факт, что правительство Москвы недавно приняло закон о платном информировании, согласно которому жители столицы могут сообщать в органы местной власти информацию о всех нарушениях общественного порядка и тем более преступлениях, и за это им будет гарантировано вознаграждение. Платное доносительство должно компенсировать слабость правоохранительной системы, и постепенно приучать граждан к тому, что за ними постоянно могут следить при совершении правонарушений. Одними камерами наблюдения не обойтись, нужны живые глаза и уши.

Платный доносчик может быть спокоен до тех пор, пока власть утаивает информацию о нем. В России это правило пока строго соблюдается, а в Германии, Польше и странах Прибалтики спецслужбы уже начали раскрывать имена бывших осведомителей.

Если же потенциальный «доносчик» решиться стать «свидетелем», тогда на его стороне не только право, но и общечеловеческая мораль.

Библиографический список

1. См. : Орлова Г. А. Русский донос: историческая поэтика политической коммуникации // Режим доступа / http://www.iriss.ru/grantee_display?id=000100000207
2. См.: Киммерлинг А. “Право на донос” в позднесталинскую эпоху // Режим доступа / <http://www.hro.org/editions/hrperm/7.htm>
3. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 259; а также См.: Мясников А. Г. Право на ложь: от Канта до современности: 2 изд. с доб. и испр. – М.: РФО, Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та, 2006.

А. С. Попов

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ: ЗНАКОМСТВО С КЛАССИКОМ

15 апреля 2008 года исполнилось 150 лет со дня рождения одного из основоположников социологии Эмиля Дюркгейма (Émile Durkheim, 1858-

1917). Это хороший повод обратиться к теоретическому наследию классика мировой социологии, основу которого составляют такие фундаментальные труды, как «О разделении общественного труда» (1893), «Правила социологического метода» (1895), «Самоубийство: социологический этюд» (1897), «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии» (1912). Вместе с тем начать знакомство с его творчеством можно со статьи «Социология и социальные науки» («Sociologie et sciences sociales»), опубликованной почти сто лет тому назад в сборнике «Метод в науках» («De la Methode dans les sciences. Paris, Alkan, 1909, pp. 259-285»). Несмотря на сравнительно небольшой объем, она дает достаточно полное представление о видении ученым целей и задач социологии, её предмета, структуры и метода. Статья была опубликована в тот период, когда он, уже став широко известным, преподавал в знаменитой Сорбонне и редактировал «Социологический ежегодник» («L'Année sociologique»), сотрудники составили французскую социологическую школу. Заметим, что всего спустя два года она в переводе П. С. Юшкевича была опубликована в сборнике «Метод в науках. СПб., 1911», что свидетельствует о большом интересе в России как к самой социологии, так и к творчеству Дюркгейма [2; 4].

Статья носит обзорный характер и включает три раздела: «I. Исторический очерк; II. Разделы социологии: частные социальные науки; III. Социологический метод». Ученый начинает её с краткого очерка происхождения социологии, полагая, что это лучший способ объяснить сущность, предмет и метод науки, находящейся в процессе становления. Признавая роль Огюста Конта в этом процессе, он, тем не менее, отмечает, что теоретизирование по поводу политических и социальных явлений началось задолго до него, а именно с «Республики» Платона и «Политики» Аристотеля, а также трактатов Кампанеллы, Гоббса, Руссо. В тоже время, по меткому замечанию ученого, их работы отличались от собственно социологических исследований тем, что не описывали и объясняли общества в реальности, а стремились показать, какими они должны быть.

Становление социологии Дюркгейм связывает с торжеством научных представлений о законах, которым подчинена вся природа, в том числе и общества. Он утверждает, что социология как наука могла появиться только вследствие понимания того, что общества подчинены законам, которые необходимо вытекают из их природы. Ученый признает, что одним из первых к такому выводу пришел Шарль Луи Монтескье, который в своём произведении «О духе законов» (1748) применил определение естественнонаучных законов к социальным явлениям. Он отдает должное также Жану Антуану Кондорсе, который в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (1795) предпринял попытку определить суть и направленность общественного прогресса.

Вместе с тем Дюркгейм отмечает, что концепция новой социальной науки оформилась лишь в начале XIX века сначала у Анри Сен-Симона, окончательно утвердившись в «Курсе позитивной философии» его ученика Огюста Конта. Заслугу Конта он видит в том, что тот первым предпринял попытку создать социологию, теоретически установив и попытавшись практически реализовать два основополагающих принципа новой науки. Во-первых, Конт сумел доказать, что социология близка естественным наукам, поскольку она также как и они изучает причинно обусловленные факты, связанные принципом детерминизма. Дюркгейм, как и Конт убежден, что социология «исходит из предположения, что в социальных явлениях нет ничего случайного и произвольного», поскольку «социальный мир как и весь природный мир подвержен действию закона всеобщего детерминизма» [3; 273].

Во-вторых, по мнению Дюркгейма, Конту удалось выделить собственный предмет социологии – социальную жизнь людей, поскольку религиозные, политические, юридические, моральные, экономические институты не могут существовать без общества. Отстаивая право социологии на автономию, ученый вступает в полемику со своим давним оппонентом – профессором Колледж де Франс Габриэлем Тардом, подвергая критике его тезис о том, что социология совершенно неотличима от психологии.

Дюркгейм справедливо замечает, что Конт создал социологию как метафизическую систему. В то же время, несмотря на это, сама его идея новой науки об обществе оказалась чрезвычайно плодотворной и пережила своего автора. Она была подхвачена Гербертом Спенсером в его «Основаниях социологии», а затем появилась масса ученых, которые занялись социологическими исследованиями в различных странах, особенно во Франции. Социология как наука, по мнению Дюркгейма вполне состоялась. Он точно формулирует её задачу, поскольку как истинный позитивист убежден в том, что социолог должен относиться к общественным явлениям также же, как представители точных наук – физики, химики или биологи относятся к физическим, химическим и биологическим явлениям. В соответствии с этим задача социолога, исследующего общества «чтобы знать и понимать их», по мнению ученого, «состоит исключительно в том, чтобы четко определить исследуемые им факты, открыть законы, согласно которым они существуют...» [3; 265].

Второй раздел статьи Дюркгейм посвящает структуре социологии как единой науки, включающей в свой состав, по его выражению, «*corpus*», множество частных наук. Ученый замечает, что уже Конт почувствовал необходимость разделения социологии на две части - социальную статику и динамику. Статика согласно Конту изучает общества в состоянии покоя, выявляя законы их равновесия, стремясь определить, в чем состоит солидарность

и связь составляющих общества индивидов и групп. Динамика, напротив, рассматривает общества в движении, пытаясь выявить законы их эволюции. Дюркгейм отмечает, что объект статики обозначен Контом не очень ясно, тогда как все внимание уделено динамике. При этом единственная цель его социальной динамики состоит в том, чтобы описать закон, управляющий ходом эволюции, – знаменитый закон трех состояний, согласно которому человечество последовательно проходит через теологическую, метафизическую и позитивную эпохи.

Дюркгейм критически относится к такому сведению социологии к единственной проблеме, поскольку, по его мнению, по самой своей природе позитивные науки никогда не могут быть завершены, ибо реальности, которые они изучают, слишком сложны, чтобы когда-нибудь оказаться изученными исчерпывающим образом. Отсюда следует вывод о том, что социология содержит в себе разные науки, которые соответствуют различным сторонам социальной жизни, а значит, в действительности существует столько отраслей социологии и, следовательно, частных социальных наук, сколько существует разновидностей социальных фактов, классификацию которых он считает несколько преждевременной.

В своих рассуждениях о предмете социологии Дюркгейм в духе позитивизма прибегает к аналогии с науками о природе, отмечая, что в биологии анатомия (морфология) анализирует структуру живых существ, состав их тканей, органов, тогда как физиология изучает функции этих тканей и органов. Используя эту аналогию, ученый предлагает в социологии выделить социальную морфологию, исследующую анатомию общества, имеющую своим объектом его материальную форму, и социальную физиологию, которая изучает проявления жизненных сил обществ.

В первом случае в поле зрения социолога оказываются такие важные факторы социальной жизни, как размеры и конфигурация территории, состав и плотность населения и т. д., иными словами субстрат коллективной жизни, тогда как во втором – сама коллективная жизнь.

Социальная физиология, по мнению ученого, сама по себе весьма сложна и включает множество частных наук, так как социальные явления физиологического порядка очень разнообразны и изменчивы. В доказательство он ссылается на религиозные верования, обряды и институты, исследование которых, составляет объект социологии религии. Моральные идеи и нравы представляют собой объект социологии морали, юридические институты изучаются юридической социологией, экономические институты образуют предмет экономической социологии.

Предвидя замечания коллег о том, что социология претендует на уже занятые другими науками области научного знания, Дюркгейм отмечал те преимущества, которые приобретает, например, политическая экономия,

став отраслью социологии, поскольку изменяются и её дух, и применяемые ею методы.

Выделяя в социологии частные науки, Дюркгейм не отказывается от мысли о необходимости синтетической науки, изучающей общие законы, частными формами которых являются разнообразные законы, установленные специальными науками. В этом, по его мнению, заключается объект общей социологии, который он сравнивает с объектом общей биологии, состоящем в обнаружении наиболее общих свойств и законов жизни. Исходя из этого, Дюркгейм предлагает следующую структуру социологии:

Социальная морфология, а именно, исследование народонаселения, его объема, плотности, размещения на территории, географической основы жизни народов в ее связях с социальной организацией.

Социальная физиология, включающая социологию религии, социологию морали, юридическую социологию, экономическую социологию, лингвистическую социологию, эстетическую социологию.

Общая социология как философская часть науки, изучающая общие законы.

Третий раздел статьи Дюркгейм посвящает характеристике основных принципов социологического метода, в понимании которых он демонстрирует свою приверженность историко-социологическому синтезу. Перечисляя главные проблемы социологии, которые, по его мнению, заключаются в исследовании того «как сформировался политический, юридический, нравственный, экономический, религиозный институт, верование и т. д.; какие причины их породили; каким полезным целям они соответствуют», он подчеркивает, что для их изучения «единственным инструментом, которым располагает социолог, является сравнительная история» [3; 279].

Откуда такая приверженность истории? Дюркгейм утверждает, чтобы научно описать тот или иной социальный институт недостаточно рассматривать его в завершенной современной форме. Необходим аналитический инструмент для того, чтобы проанализировать как постепенно, фрагмент за фрагментом формировался институт, для чего следует проследить его возникновение во времени, то есть в историческом развитии. Ученый убежден, что роль этого инструмента играет история. Он утверждает, что «только история дает возможность объяснять. В самом деле, объяснить институт — значит дать представление о различных элементах, из которых он состоит, показать их причины и предназначение. Но как обнаружить эти причины, если не перенестись в то время, когда они были действующими, т. е. когда они породили факты, которые мы стремимся понять?» [3; 280-281]. Именно таким образом социологические проблемы, по мнению Дюркгейма, выстраиваются на различных этапах прошлого, и именно при условии такого их соотношения с различными историческими средами, в которых они

родились, можно решить эти проблемы. Вывод ученого таков: «Социология, стало быть, в значительной мере представляет собой определенным образом понимаемую историю» [3; 281].

Сравнивая научный поиск историка и социолога, Дюркгейм отмечает, что первый изучает социальные факты, рассматривая их специфичность для определенного народа и определенной эпохи, чтобы выявить и охарактеризовать собственный, индивидуальный облик каждого общества и даже каждого из периодов жизни одного и того же общества. Социолог же, согласно Дюркгейму, занят исключительно открытием общих связей, законов, обнаруживаемых в различных обществах. Он не может ограничиваться рассмотрением одного народа и, тем более, одной эпохи, поскольку должен сравнивать общества одного и того же типа, а также различных типов.

На основании этих рассуждений Дюркгейм приходит к важному методологическому выводу о том, что «сравнительный метод поэтому является инструментом преимущественно социологического метода». Более того, он совершенно убежден в перспективности самых тесных взаимоотношений социологии и истории, утверждая, что «настанет день, когда историческое мышление и социологическое мышление будут различаться лишь оттенками» [3; 282]. Вместе с тем, ученый не отрицает необходимости сближения и сотрудничества социологии с другими науками, в частности, со статистикой, подчеркивая близость социологического и статистического методов.

Дюркгейм делает еще одно важное замечание методологического характера, заявляя о необходимости преодоления обыденного сознания, которое в силу своей «очевидности» может вредить объективному исследованию. Он утверждает: «Но к какой бы специальной технике ни прибегал социолог, он никогда не должен терять из виду одно правило: прежде чем приступить к исследованию определенной категории социальных явлений, ему нужно избавиться от тех понятий, которые у него сложились о них в течение жизни» [3; 283–284]. По мнению Дюркгейма, социолог должен действовать так же как физик, химик или физиолог, а именно, приступая к исследованию социальных фактов, он должен полностью отказаться от всего того, что, как ему кажется, он о них знает.

Завершает свою статью Дюркгейм утверждением, наглядно раскрывающим суть его социологического метода: «Социология не должна быть иллюстрацией устоявшихся и очевидных истин, которые к тому же обманчивы; она должна работать над открытиями, которые иногда даже будут вступать в противоречие с общепринятыми представлениями. Мы ничего еще не знаем о социальных явлениях, среди которых живем; различным социальным наукам предстоит постепенно познакомить нас с ними» [3; 285].

В целом оценивая значение социологии, Дюркгейм, разделяя взгляды Конта, утверждает, что открывая законы социальной реальности, она созда-

ет возможность управлять исторической эволюцией, так как отвращает от необдуманных и бесплодных начинаний, не учитывающих привычки, традиции, психический склад людей различных обществ.

Таким образом, данная статья создает достаточно полное представление о взглядах Дюркгейма на историю, предмет, строение и методы социологии. Перед нами предстает позитивист, сторонник объективных методов социологического исследования, классик социологии, вклад которого в развитие социологической мысли огромен. Возможно, с позиций современной социологической теории отдельные положения Дюркгейма выглядят несколько упрощенно, но это не умаляет значения его творчества для становления социологии как науки и учебной дисциплины. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением авторитетных ученых Питера Бергера и Бриджит Бергер о том, что «работа, проделанная Дюркгеймом и его школой, останется одним из величайших свершений в истории этой дисциплины» [1; 55]. Эти слова сегодня в год 150-летия со дня рождения Эмиля Дюркгейма звучат как знак признания его выдающихся заслуг.

Библиографический список

1. Бергер П., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М., 2004.
2. Гофман А. Б. Эмиль Дюркгейм в России: Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М., 2001.
3. Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М., 1995.

Т. И. Лаврёнова

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА

Понятие «успех» сегодня необычайно популярно. Родители хотят, чтобы их дети были успешными, государственные деятели хотят, чтобы успешной была их политическая деятельность, предприниматели хотят успешного бизнеса, а недавно даже появилась Ассоциация успешных семей. Видимо, это нормально, когда люди стремятся к успеху, как состоянию, ассоциируемому с достижением определенных жизненных позиций, означающих реализацию самых больших ожиданий и надежд.

Однако для России с ее вечной «созерцательностью» это не традиционное явление. Оно пришло к нам вместе с другими атрибутами западной жизни и западного сознания и очень быстро стало ценностной установкой миллионов людей: не сидеть и не ждать «милостей» от судьбы, а начинать как можно раньше бороться «за место под солнцем». Мы живем теперь в

эпоху всеобщей погони за успехом, да и само слово «успех» тесно связано с глаголом «успеть». Сама семантика понятия задает вполне осязаемое напряжение – успеть, не опоздать, догнать и перегнать, не потерять время.

В начале 90-х гг. общество энергично освобождалось от советской идеологии. Причем, одни искренне полагали, что без идеологии вообще можно обойтись, а другие были уверены, что новая, либеральная идеология – это лучшее из возможного. Но из истории хорошо известно, что демократия, как впрочем, и любое другое государственное устройство, не всегда приносит только благо. Индивид, получив большую свободу, не всегда понимает, что с ней делать. Для неразвитого сознания с ограниченными культурными запросами стимулирование материальных потребностей (через новые возросшие возможности) оказывается губительным. Мы сейчас на собственном опыте постигаем, как точно поняли в свое время противоречивость общественного развития Н. А. Бердяев, Г. Г. Федотов, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн [1–4].

Общество вступило в состояние, когда, по Н.А. Бердяеву, «просвещенный разум» сметает духовные препятствия для пользования и наслаждения «жизнью» [1; 166-169]. В. Ф. Эрн выделял в европейской истории два потока с тех пор, как «произошел отрыв от мистического сознания средневековья и от Природы как Сущего». Один, более глубокий, основной и подземный, питаясь великими традициями прошлого, продолжает без перерывов линию вселенской культуры. Эрн относит сюда искусство, мистику, «все гениальное в мысли, слове и деле». Второй поток, хотя и имеет некоторые истоки в далеком прошлом, по-настоящему оформляется в Новое время. «Это не культура уже, а цивилизация». В. Ф. Эрн называет цивилизацию «изнанкой культуры». «Цивилизация есть овеществленный рационализм. То, что делает с мозгами рационализм как философская система, то с натуральным строем жизни и с людьми, в нем живущими, проделывает любой продукт машинно-бездушного производства. В каждом человеке, как бы ни был он глубок, цивилизация мнет инстинктивную мудрость Природы...». Как черту времени, В. Ф. Эрн подчеркивает, что два потока – культура и цивилизация – текут в разные стороны [4; 283-285]. Эти мысли актуальны сегодня не менее, чем тогда, когда они возникли, а может быть, даже более.

Простое социологическое наблюдение позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенным критерием жизненного успеха сегодня является максимальная реализация материальных потребностей. Различия определяются «стартовыми возможностями» – на разных этажах социальной пирамиды масштабы желаемого не могут быть одинаковыми, но успех одинаково связывается с осуществлением мечты о полном и окончательном обретении известного набора материальных благ (собственное жилье, мебель, машины, одежда, предметы повседневного обихода, пользование услугами – образование, лечение и поддержание здоровья, отдых, развлечения

и т. п.). В этом не было бы ничего дурного, если бы во всех случаях эти устремления связывались с необходимостью много и добросовестно трудиться, прикладывая свои знания, талант, творчество для достижения поставленных целей. Однако, не может не тревожить такое явление, когда достижение обеспеченной и «красивой» жизни никак не связывается с подобными установками.

Праздность как ценность – одна из самых серьезных проблем общественного сознания сегодня. В основе ее лежит желание обладать материальными благами, не прикладывая больших усилий. С экрана нам постоянно предлагают расслабиться, отдохнуть, заняться своей внешностью, своим телом, что-то съесть, потом похудеть и т.п. Позволим себе фантазию: на экране вдруг появляются призывы работать, честно трудиться, а потом – заняться самоанализом, воздерживаться от дурных мыслей и поступков, сдерживать свои плотские желания, заняться духовным самосовершенствованием. Кто-то просто удивился бы, кто-то решил бы, что видит кошмарный сон. Нормально это могли бы воспринять лишь те, для кого обладание материальными благами не является однозначным эквивалентом жизненного успеха.

Игнорировать материальные потребности невозможно, доказывать их первичность – банально. Неожиданно уместными выглядят давно знакомые строчки: «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д. ...» [5]. Речь идет не о том, что материальные блага изменны, а о том, что, приобретая их, человек (если он человек) должен стремиться к чему-то более важному. Однако, у многих наших современников руки так и не доходят до «искусства, религии и т.д.», потому что они остаются полностью поглощены тем, чтобы «есть, пить, иметь жилище и одеваться».

И пока человек не задаст себе вопроса, зачем ему все это нужно, никаких духовных потребностей у него не возникнет. Стоит только попытаться поглубже заглянуть в себя, как ценность материальных достижений может значительно снизиться. Человек не только должен создать себе условия для реализации материальных потребностей, но и решить гораздо более сложную задачу – суметь «выстроить» себя, как выражались прежде, «стать духовно богатым». В этом плане пределы вообще не могут быть поставлены, успех или неуспех определяется здесь, как нам кажется, ощущением внутренней наполненности жизни и качеством отношений с окружающими людьми.

Критерии успеха задаются культурным потенциалом личности, ее «маштабом», отраженным в духовных потребностях. Культурный потенциал личности охватывает, по нашему мнению, совокупность знаний, ценностей

и идеалов личности, представлений, отражающих квинтэссенцию жизненного опыта. Эта характеристика всегда индивидуальна. Несмотря на то, что можно выделить некоторые общие критерии, тем не менее каждый человек индивидуально определяет рамки своего личного жизненного успеха. Точнее, содержание культурного потенциала личности задает критерии жизненного успеха индивида.

Тем не менее, нельзя не заметить некоторые типичные варианты соотношения культурного потенциала и распространенного сегодня понимания успешности: 1) большой культурный потенциал и большие материальные возможности; 2) небольшой культурный потенциал и большие материальные возможности; 3) большой культурный потенциал и ограниченные материальные возможности; 4) небольшой культурный потенциал и ограниченные материальные возможности. Первый вариант имеет воплощение в очень богатых и высокодуховных людях, которых всегда немного. Гораздо более распространены три остальных. Плохо образованный богатый получил название «нового русского» и навсегда запомнился малиновым пиджаком и массивной золотой цепью. Хорошо образованный бедняк, жертва капиталистических преобразований, собирательный образ пореформенной интеллигенции – гораздо более массовое явление. Картину дополняет социальный тип, не имеющий больших материальных возможностей, а то и просто достатка, и не слишком развитый духовно. Как бы ни отличались данные типы, важно понимать, что в любом из них отражается принцип единства культурного потенциала и его преломления в представлениях об успехе.

Именно поэтому в одном случае владение богатством само по себе не приносит полного удовлетворения, оно рассматривается как средство для самореализации на более высоком, духовном уровне, а в другом случае ощущение комфорта возникает уже от самого процесса приобретения и накопления материальных благ. Для первых двух типов непосредственное общение с духовными ценностями более доступно, чем для третьего и четвертого, однако мотивы приобщения к прекрасному и высокому у них очень отличаются. Для первого это жизненная потребность, для второго – мучительное занятие, направленное на поддержание статуса.

Сформулированный выше принцип объясняет такую ситуацию, когда люди с довольно скромными доходами вполне могут считать жизнь удавшейся, что совершенно нелогично в сегодняшней погоне за материальными благами. Более того, даже не имея возможности посещать концерты и выставки, приобретать книги и диски, они находят способы подпитывать себя духовно, опираясь на уже сформированный культурный потенциал, как свой собственный, так и людей своего круга.

Сложная ситуация существует вокруг представителей четвертого типа. По своим культурным характеристикам они ближе всего ко второму типу

– так же ограничены в своих духовных потребностях. Для них зачастую просто не существует всей этой сферы, называемой художественной культурой и духовной сферой, культурные запросы вполне могут удовлетворяться телесериалами и развлекательными программами. Учитывая, что это наименее обеспеченная часть населения, все можно объяснить приведенным выше рассуждением К. Маркса, предположив, что им просто не удастся выбиться из круга задач жизнеобеспечения, направленных на простое выживание. Однако, нельзя утверждать, что при достижении более высокого уровня материального достатка представители данного типа обретут и более высокие духовные потребности. Более того, именно среди наиболее бедных слоев населения понимание жизненного успеха прочно связано с достижением материального благополучия. Наконец, следует принять во внимание и то, что среди данного типа есть особая категория людей – тех, кто вообще ни к чему не стремиться, ни к материальным благам, ни к духовному развитию. Жизненный успех в этом случае определяется просто – лишь бы хуже не было. Я бы назвала их «убежденными неудачниками», и этот «статус», как и все предыдущие, тоже задается культурным потенциалом личности, ее мировоззрением, убеждениями, ценностными установками.

Таким образом, формирующиеся под влиянием либеральной идеологии стереотипные представления о жизненном успехе как о создании «потребительского рая» и приобщении к нему, распределены в обществе неравномерно. Само понимание успеха, способы его достижения и отношение к нему значительно различаются в зависимости от культурного потенциала личности.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М., 1990.
2. Федотов Г.Г. Судьба и грехи России. В 2-х тт. – СПб., 1991.
3. Франк С.Л. Сочинения. – М., 1990.
4. Эрн В.Ф. Сочинения. – М., 1991.
5. Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса./ К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 19, с. 350.

Г. Г. Сорокина, Е. В. Викторова
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ЭМОТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА: СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современные исследователи такого сложного, многогранного феномена, как искусство, склоняются к признанию его полифункциональности (Ю. Боров, М. С. Каган, Л. Н. Столович и др.). Однако особая роль эмоциональной составляющей в этом комплексе функций остается очевидной: в искусстве

«сохраняется... живая слитность интеллектуального и эмоционального, сознательного и бессознательного уровней ценностной ориентации...» [1:261]. Эмоционально-оценочная природа искусства обусловила то, что среди многочисленных взаимосвязанных функций, которые способно выполнять и выполняет искусство, одной из важнейших является эмотивная функция (В. М. Аллахвердов, Н. Б. Берхин, Л. С. Выготский, А. С. Кармин, С. Х. Раппопорт и др.).

Суть эмотивной функции – в воздействии искусства на сферу человеческих эмоций и чувств. Именно этой функцией во многом обусловлено выполнение искусством и других своих функций, в частности, воспитательной, когда искусство выступает как средство воспитания, духовного, нравственного, социального совершенствования человека. Эффективность воспитательного влияния высокого искусства определяется тем, что оно формирует человека целостно, в единстве его интеллектуальных и эмоциональных способностей, и при этом не имеет ничего общего с нравоучительством. Искусство осуществляет переход общественно признанных ценностей в личностно значимые посредством художественного образа, свободно воздействующего на эмоциональный мир реципиента. Это возможно благодаря эмоционально-компенсаторному и эмоционально-рефлективному воздействию художественного образа на личность. Суть первого состоит в компенсации посредством искусства дефицита эмоций и чувств, второго – в активизации действий рефлексии.

Художественный образ как «органическая духовно-эйдетическая целостность, выражающая, презентующая некую реальность в модусе большего или меньшего изоморфизма (подобия формы)» [2: 268], «идеальное реконструирование реальности, практические операции в пределах духовного воссоздания бытия» [1: 265], «следствие и факт человеческого... смыслового освоения действительности» [3: 172], во всей своей полноте реализуется только в процессе восприятия произведения искусства конкретным реципиентом. Основные черты художественного образа – эмоциональность, условность, символичность и многозначность – формируются при создании образа художником и усиливаются при актуализации художественного полотна, т. е. при непосредственном его восприятии зрителем.

Эмоциональность – важнейшая черта художественного образа, так как в нем художник выражает эмоционально-ценностное отношение к миру. Эмоционально-выразительная форма воплощения художественного образа необходима для того, чтобы «эмоция, возникающая при восприятии этой формы, «подогревала» бы, усиливала ту эмоцию, которая возникает при оценке нравственных... и т. д. ценностей, описываемых в произведении искусства» [4: 30]. «...Колорит, цветовая гамма и композиция в произведении живописного искусства как таковые никак не приспособлены к передаче со-

держательной информации. Зато на возбуждение эмоции они могут оказать сильное влияние» [4:32]. Художник, не имеющий возможности заставить человека переживать какие-то чувства, просто назвав их или даже подробно описав, возбуждает переживания, моделируя средствами художественного языка породившие их причины. Если в процессе восприятия живописного полотна зрителем эта модель «срабатывает», то, воссоздавая силой своего воображения то, что представлено в произведении искусства, зритель становится «соавтором» художественного образа. Эмоции же, которые вызывают у человека произведения искусства, не просто делают более глубоким и волнующим его восприятие художественных образов: происходит «не только познание неведомого ранее, но и восприятие целого потока глубоких чувств, нравственных проблем, продумывание с новых точек зрения прежних жизненных решений...» [5: 18]. Эмоционально-ценностный характер художественного образа предполагает также его условность как отступление от бесстрастной объективности в изображении; символичность, несущую как весомое, не всегда простое – «лежащее» на поверхности – смысловое содержание, так и мощный эмоциональный заряд; и многозначность, более всего влияющую на реализацию художественного образа в акте восприятия в силу того, что произведение искусства каждым воспринимается по-своему.

Итак, в процессе восприятия художественного образа зритель становится в определенной степени его соавтором. Основные черты художественного образа, исходное действие которых определяется спецификой замысла художника, глубиной и силой переживания им изображаемого, а также его мастерством, и содержательно, и формально воздействуют на реципиента, невольно заставляя его переживать увиденное и прочувствованное и тем самым наполнять образ неким новым, характерным лишь для этого человека ценностным смыслом.

Осмысление-переживание художественного образа приводит к осмыслению-переживанию зрителем самого себя. Это связано с тем, что искусство способно удовлетворять потребность личности в самооценке наиболее психологически щадящим способом: посредством облечения ее в художественную, доставляющую эстетическое удовольствие форму произведения искусства. Удовлетворение потребности в самооценке посредством художественного произведения Н. Б. Берхин описывает так: обнаружение общего с самим собой в процессе восприятия произведения искусства происходит как неосознаваемое общение с той, как правило, тоже неосознаваемой, наиболее интимной частью внутреннего мира, в преобразовании или утверждении которой личность (также чаще всего неосознанно) испытывает потребность [4: 37]. Акцент здесь исследователь ставит на «теневой» характер возникновения «операции самооценки», т.е. на обязательность ее возникновения и довольно частую неосознаваемость ее реципиентом.

Обнаружение личностью в художественном образе каких-то сходств с собой приводит и к возникновению тесно связанной с операцией самооценки операции самопознания: личность часто впервые именно в процессе взаимодействия с художественным произведением начинает осознавать в самой себе то, что до этого было ей не известно. Особенность самопознания в процессе художественного восприятия заключается в том, что оно, в отличие от протекающих в других условиях процессов самопознания, может направляться личностью на выявленные в рамках операции художественной самооценки самых существенных для собственного развития, наиболее интимных и скрытых от процессов ясного сознания конфликтов. Кроме того, многозначность художественных образов, наделяющая их способностью модифицироваться в ходе восприятия, приводит к тому, что сознание реципиента выдвигает на первый план в этом художественном образе те его стороны, которые он хочет видеть в воображаемом герое как отражение самого себя. По мнению Н. Б. Берхина, это повышает эффективность самопознания в процессе художественного восприятия. Связующим звеном между самооценкой и самопознанием является рефлексия, которая может быть определена как способность человека при восприятии художественного образа размышлять над своей нравственной деятельностью, объяснять и оценивать ее.

Осмысление-переживание художественного образа автоматически переходящее в осмысление-переживание зрителем самого себя, своих потребностей и ценностей приводит, во-первых, к тому, что человек расстается с произвольностью своих чувств, овладевает ими, во-вторых, осознает нравственную ценность тех или иных присущих ему эмоций и чувств, в-третьих, избавляется от тех, что осуждаются в этом произведении, и обогащается теми, которые прославляются. Именно поэтому результат этого процесса связывают с катарсисом. В современной психологии катарсис чаще всего характеризуется как душевное облегчение, наступающее у человека после сильных эмоциональных переживаний [6: 662], в эстетике – как такое специфическое воздействие искусства на человека, для которого характерно пробуждение противоречивых чувств, связанных с постижением и оценкой противоречий жизни, и очистительное преодоление этих противоречий [7:198]. Неизменным остается берущее свое начало еще в учении Аристотеля признание катарсиса важнейшим результатом восприятия человеком произведения искусства, выражаясь словами В. В. Бычкова, «высшим или оптимальным духовно-эмоциональным результатом» [2: 168]. Именно с катарсисом традиционно связывается «воспитательно-формирующее» воздействие искусства на личность [8: 130], способствующее ее «духовно-нравственной самопроверке, самоиспытанию, самоосознанию и самооценке» [7: 198].

Л. С. Выготский описывал катарсис как сложное превращение чувств, связанное с преодолением (актом в определенной степени интеллектуаль-

ным) содержания произведения его формой. Основой такого превращения служат вызываемые искусством аффекты, переживаемые человеком «со всей реальностью и силой, но находящие себе разряд» не в реальных действиях, а в фантазии, «разрешающиеся преимущественно в коре головного мозга». «В этом превращении аффектов, в их самосгорании, во взрывной реакции, приводящей к разряду тех эмоций, которые тут же были вызваны, и заключается катарсис эстетической реакции» [9: 277]. В. М. Аллахвердов рассматривает катарсис – высокое эмоциональное наслаждение – как результат решения реципиентом содержащихся в художественном произведении противоречий. Решение осознанных противоречий художественного текста приводит к решению неосознанных, что и вызывает положительные эмоции от общения с художественным произведением [10: 94]. Немаловажное значение в этом процессе придается интеллектуальным способностям реципиента. Однако психолог подчеркивает, что «эмоциональная реакция субъективно принимается как приходящая из глубин неосознаваемого», поэтому реципиент не знает, почему он испытывает или не испытывает катарсис [10: 75].

Н. Б. Берхин, отталкиваясь от мысли Л. С. Выготского о том, что катарсис – это результат «интеллектуального акта преобразования житейского материала на основе сопоставления его с особой познавательной меркой – художественным эталоном («формой»)), говорит о том, что интеллектуальные процессы в искусстве предворяют более сложные процессы преобразования эмоций. Конечным и самым главным среди этих процессов является катарсис – «преобразование своих насущных житейских эмоций путем сопереживания воображаемому герою» [4: 43]. В соответствии с разработанным операциональным составом искусства Н. Б. Берхин определяет катарсис как операцию художественного преобразования реципиентом произведения самого себя. Ее ход, по мнению психолога, может быть представлен следующим образом: реципиент художественного произведения, установив общение с воображаемым героем, которое одновременно выступает как опосредованное общение с самим собой, идентифицирует себя с ним, с его поступками и качествами. При этом реципиент ставит себя в обстоятельства жизни героя: он совершает в своем воображении поступки этого героя одновременно и от его имени, и от своего; осмысливает одновременно и героя, его поступки, качества, и самого себя, свои поступки и свои качества. На этой основе происходит эмоциональная оценка внутреннего мира и поступков героя и оценка своего собственного внутреннего мира и своих поступков: сопереживая герою, реципиент сопереживает самому себе, «своим самым острым и насущным эмоциям». Эти чувства накладываются друг на друга: «свое житейское чувство переживается как чувство другого, житейское переживание «очищается»... реципиент прежде всего овладевает им, расставаясь с его жесткой неумолимой реальностью и произвольностью, и

в этом овладении своим чувством он обретает «успокоение» и художественное наслаждение» [4: 43–44].

«Очищение» житейского переживания в процессе взаимодействия художественной и житейской эмоций происходит и в том смысле, что оно избавляется от отдельных элементов, которые осуждаются в данном произведении, и обогащается другими, которые в произведении превозносятся [4:44]. Расширение эмоционально-нравственного опыта личности посредством искусства отмечается во многих этико-философских, искусствоведческих и психолого-педагогических исследованиях. В них говорится о том, что искусство восполняет недостающие в жизни человека ситуации, редко или почти не испытываемые им чувства (М. С. Каган, Е. В. Волкова). Указывается на способность искусства обеспечивать личность опытом других людей с тем, чтобы она могла ориентироваться в ситуациях, подобных изображаемым и могущих произойти с ней в будущем (Л. С. Выготский, Л. Т. Потанина). Предоставляемая искусством возможность пережить «дополнительные жизни» рассматривается как средство и постижения чего-то нового, и переосмысления с новых, неизвестных позиций уже имеющегося опыта (А. С. Кармин, М. В. Нечкина).

Из взаимодействия художественных и житейских эмоций житейские эмоции и личность, их переживающая, выходят преобразованными, обновленными. «Человек в той или иной мере перестроил себя, очистился от скверны дурных чувств, обогатил и развил наиболее благородные стороны своего характера, осознал свои чувства и, перестав быть их покорным рабом, становится способным управлять ими» [4: 44]. Так искусство формирует, развивает и совершенствует эмоционально-нравственную саморегуляцию личности, необходимо присущую человеку как существу социальному. Выражаясь словами С. Х. Раппопорта, «эстетические эмоции теряют в искусстве поверхностные черты обыденного переживания и поднимаются на высший уровень социальных чувств» [11: 212].

Эмоционально-нравственные самопознание, самооценка, рефлексия, происходящие со зрителем в процессе восприятия произведения искусства, совершаются в контексте социального опыта. Л. С. Выготский писал: «Искусство есть социальное в нас, и если его действие совершается в отдельном индивидууме, то это вовсе не значит, что его корни и существо индивидуальны... действие искусства, когда оно совершает катарсис и вовлекает в этот очистительный огонь самые интимные, самые жизненно важные потрясения личной души, есть действие социальное» [9:321–322].

Так осуществляется переход социально значимых ценностей, заключенных в ценностях художественных, в ценности лично значимые, т. е. они наделяются субъективным значением (Б. С. Братусь), личностным смыслом (А. Н. Леонтьев). Специфика же приобщения к нравственным ценностям посредством искусства заключается в том, что перенос их отдельной личностью

на самое себя и свое поведение, то есть акт саморегуляции выступает как не отделенный от выявления и усвоения этих ценностей, органически слитый с ними, протекающий одновременно с ними [4: 48]. Кроме того, по мнению Н. Б. Берхина, неотделенность акта усвоения реципиентом нравственных ценностей от акта переноса их на себя свидетельствует о том, что сам по себе акт усвоения в рамках искусства самостоятельного значения не имеет, а выступает как элемент переноса личностью художественных ценностей на себя и затем изменения своего поведения. Следовательно, акт саморегуляции выступает как обязательный, необходимый и принципиально важный компонент при восприятии произведения искусства, а его отсутствие свидетельствует о неполноценном общении с художественным произведением [4: 49].

Обязательность саморегуляции личности в процессе восприятия произведения искусства проистекает из специфики искусства: произведение искусства, не принуждая явно к принятию тех или иных нравственных ценностей, незаметно «заставляет» своих зрителей... проникнуться эстетической оценкой, вобрать ее в свои собственные отношения к миру и к самим себе» [11: 211]. «Через искусство ценность-долженствование усваивается как свободно выбираемая, не навязываемая извне» [7: 201], так как в процессе восприятия произведения искусства оценка отображенных в нем в художественной форме явлений действительности под влиянием возникших переживаний выступает одновременно и как оценка реципиентом самого себя. Сопереживая одновременно художественному образу и самому себе, т.е. испытывая эмпатию как проекцию, реципиент как бы проживает важные моменты своей жизни, но в условиях новых для себя ценностей – тех, в которых живет герой и которые одобряются автором произведения. Личность становится способной более чутко, более полно и точно, чем это можно было бы сделать на основе мышления, выявить пригодность характеризуемых автором общественно ценных норм поведения для того, чтобы руководствоваться ими в своей нравственной деятельности. Самооценка и самоконтроль при восприятии художественного произведения «стараются подтянуть личность к высшему уровню ценностных ориентаций, где стыкуются личностная и надличностная нормы» [7: 201].

Рассмотренный нами процесс реализации искусством эмоционально-компенсаторной и эмоционально-рефлексивной функций позволяет говорить о том, что искусство является мощным средством развития личности, в которой остро нуждается современное общество – личности гуманной, нравственно стойкой и эмоционально отзывчивой.

Библиографический список

1. Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб, 1997.
2. Бычков В. В. Эстетика. М., 2002.

3. Шимунек Е. Эстетика и всеобщая теория искусств. М, 1980.
4. Берхин Н. Б. Специфика искусства (Психологический аспект). М., 1984.
- Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. Сборник работ. – М., 1982.
5. Немов Р. С. Общие основы психологии // Психология: В 3 кн. Кн.1. – 3-е изд. – М., 1997.
6. Волкова Е. В. Производство искусства в мире художественной культуры. М., 1988.
7. Боров Ю. Б. Эстетика. 4-е изд., доп. М., 1988.
8. Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов-на-Дону, 1998.
9. Аллахвердов В. М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб, 2001.
10. Раппопорт С. Х. От художника к зрителю. М., 1978.

М. Н. Чекарев

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖОНА РОЛЗА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОСМЫСЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

В современной западной философии одну из лидирующих позиций занимает теория справедливости профессора Гарвардского университета, президента Американской ассоциации политических и социальных философов Джона Ролза. Его книга «Теория справедливости» вышла в свет в 1971 году и вызвала множество дискуссий, что свидетельствует о несомненном интересе к ней. Данный труд имеет междисциплинарный характер и интересен тем, что содержит определенные предпосылки для осмысления проблемы справедливости в социальной работе как социально-философской проблемы.

Ролз в своей теории справедливости продолжает традиции теории общественного договора. Однако общественный договор в теории Ролза является не реально происходившим в истории человечества событием, а неким теоретическим построением, моделью для рассмотрения справедливости, или, если быть точным, социальной справедливости. Концепция Ролза получила название «справедливость как честность».

Согласно теории Ролза, главным субъектом справедливости является базисная структура общества – основные социальные институты и способы их функционирования. При этом Ролз называет общество, о котором идет речь, «вполне упорядоченным (well-ordered)», то есть отвечающим следующим критериям: (1) каждый понимает и знает, что другие принимают те же самые принципы справедливости, и (2) базисные социальные институты, в общем, удовлетворяют, и, насколько известно, на самом деле удовлетворяют этим принципам. [3, с. 20] Для того, чтобы базисная структура общества

была справедливой, необходимо соблюдение принципов справедливости. Чтобы определить эти принципы, Джон Ролз вводит понятие «исходного положения», объектом которого являются эти принципы. В исходном положении равные, свободные и рациональные индивиды должны выбрать те принципы, в соответствии с которыми будет функционировать общество в дальнейшем и которым они сами будут следовать. Однако в реальном обществе невозможен объективный выбор таких принципов, так как индивиды обладают определенным социальным статусом, системой социальных ролей, определенными способностями и преследуют собственные интересы. Соответственно, при выборе принципов справедливости данные факторы, несомненно, повлияют на решение индивидов. Так, например, люди, входящие в элиту общества, будут стремиться сохранить статус-кво; индивиды, обладающие более высокими способностями, будут настаивать на меритократических принципах; те же, кто не обладает ни высоким статусом, ни выдающимися способностями, предпочтут равное распределение благ.

Ролз решает данную проблему, вводя понятие «занавес неведения». Данное понятие является одним из ключевых в теории Ролза. В исходном положении люди должны находиться под занавесом неведения для того, чтобы выбор принципов справедливости был честным. Это означает, что индивиды, выбирающие принципы справедливости, в соответствии с которыми в дальнейшем будет функционировать общество, и которым они сами обязуются следовать, не знают ни о своем положении в обществе, ни о своих склонностях, способностях, природных дарованиях и психологических склонностях. Соответственно, индивиды должны будут остановиться на тех принципах, при выборе которых они не проиграют, как бы ни сложилась социальная ситуация.

Ролз утверждает, что лица в исходном положении выберут два принципа: первый требует равенства в приписывании основных прав и обязанностей, а второй утверждает, что социальное и экономическое неравенство, например в богатстве и власти, справедливо, если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека, и, в частности, для менее преуспевающих членов общества. [3, с. 28]

Такой подход важен для понимания справедливости в социальной работе с четырех позиций. Во-первых, второй принцип справедливости Ролза предполагает выстраивание таких схем взаимодействия, от которых выигрывали бы наименее преуспевающие (по сути, социально незащищенные) члены общества. Такие схемы взаимодействия выстраивает социальная политика как направление политики государства, а помощь социально незащищенным людям и лежит в основе социальной работы как профессиональной деятельности. Во-вторых, понятие «занавеса неведения» предполагает, что индивид, принимающий решение о принципах справедливости, не знает, в

каком положении он находится. Социальная работа – это прежде всего помощь людям, находящимся в трудной жизненной ситуации, в которую при определенных обстоятельствах может попасть каждый из нас. Индивид, выбирая принципы справедливости, обозначенные Ролзом, таким образом, может быть уверен, что если в трудной жизненной ситуации окажется именно он, общество не останется в стороне от его проблем. В-третьих, признается справедливость социального неравенства как явления, что сохраняет за индивидом активную жизненную позицию, стимул к достижению своих целей и задач, в отличие от теорий, утверждающих уравнительную справедливость, воплощение в жизнь которых приводит к утрате у людей стимулов к развитию. Активная жизненная позиция клиента является одним из принципов социальной работы. Иными словами, при возникновении трудной жизненной ситуации у индивида, являющегося продуктом “вполне упорядоченного” общества Ролза, у этого индивида, обладающего активной жизненной позицией будут все шансы преодолеть эту ситуацию. Наконец, Ролз исходит из того, что общество справедливо, если справедливы его институты и их структура. Социальная работа является не просто социальным институтом, а институтом, который должен функционировать на основе принципа социальной справедливости.

Таким образом, теория справедливости Джона Роза является серьезной методологической базой для осмысления проблемы справедливости в социальной работе.

Библиографический список

1. Алексеева Т. А. Джон Роулс и его теория справедливости // Вопросы философии 1994. № 10.
2. Кузьмина А. В. Нравственные аспекты либеральной концепции справедливости общества и морально-политическая философия Дж. Роулса. М., 1998
3. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
4. Сидорина Т. Ю. Социальная политика – попытка философской интерпретации // Вопросы философии. 2005. № 12.

Н. Б. Ажнакина

ПГПУ им. В. Г. Белинского

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И РЕЛИГИОЗНОГО СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ

Социальное служение религиозных организаций – предмет не совсем обычный для философской рефлексии. Как самостоятельная проблема, заслуживающая социально-философского анализа, социальное служение не

выделялось четко ни в зарубежных, ни в отечественных исследованиях и в настоящее время находится в начальной стадии изучения. Уже начиная с энциклики «*Regum novarum*» (1871 г.) католической церкви, стало ясно, что современная церковь силою обстоятельств была вынуждена глубоко переосмыслить свое положение и роль в обществе. Динамизм социальных отношений оказался настолько активным, что не только католичество, но и другие религии вынуждены были определить свой собственный социальный статус и свое отношение к социальности вообще и ко многим социальным проблемам в частности (расовая дискриминация, война и мир, голод, геноцид и т. п.). На первый план в этих самоопределениях конфессий выдвигалась идея социального служения, которая имела разные категориальные модусы в зависимости от той или иной конфессии. Религия не могла остаться равнодушной к социальной реальности, поскольку через свои специфические организации она предназначена осуществлять богоустановленный план и порядок, воспринимаемый как заданность, которая определяется догматикой священнописания любой религии. Социальное служение – это мост между действительным миром со всеми его негативными проявлениями, смешением добра и зла и миром Высшим (Божественным).

Весьма плодотворными для осмысления природы социального служения являются работы русских религиозных философов конца XIX-начала XX в., сделавших попытку раскрыть социальный смысл мотивов милосердия и благотворительности. Наиболее заметное место среди представителей этого направления принадлежит В. С. Соловьеву, В. В. Розанову, С. Н. Булгакову, П. А. Флоренскому, ориентировавшимся на искоренение в мире социальной несправедливости, деяний зла и общественных пороков путем осуществления милосердия и благотворительности через принципы христианского учения.

Фундаментальный анализ сущностных характеристик социального служения в аспекте морального обоснования религии в целом, представлен в трудах выдающихся западных авторов конца XIX-начала XX в.: К. Тиле, Г. Зибек, М. Вебера, П. Тиллиха, А. Швейцера, Э. Трёлча, М. Бубера. Философский анализ основ социальной деятельности церкви содержится в исследованиях немецкого историка и философа А. Гарнака.

Духовную основу социального служения религиозных организаций представляют их социальные учения, складывающиеся в доктрины, с помощью которых объясняется широкий круг мирских проблем – личности и общества, свободы и справедливости, брака, семьи и нравственности, экономики, государственного строя, войны и мира и т. д.

Социальное учение католицизма в эпоху средневековья детально разрабатывали и Фома Аквинский, и Франциск Ассизский, тогда как в православии изменение социальной действительности рассматривалось как резуль-

тат внутреннего изменения человека (Василий Великий, Иоанн Златоуст). Инициаторами попыток создать православное социальное учение в начале XX в. выступили религиозно-церковные деятели (протоиерей С. Соляртинский, протопресвитер И. Янышев и др.) и религиозно-ориентированные представители либеральной интеллигенции (Д. Мережковский, Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк и др.).

Проблемами разработки социального учения протестантизма занимались М. Лютер, Ж. Кальвин, Ф. Шлейермахер, Э. Трёлч, А. фон Гарнак, К. Барт, Д. Бонхеффер, У. Гамильтон.

Среди авторов, плодотворно разрабатывающих социальное учение ислама, можно назвать целый ряд исследователей, начиная от мыслителей VIII века, таких как А. Х. аль-Газали, до современных мыслителей – А. Ахмедов, Н. Аширов, А. Баязитов, В. С. Кукушкин, Хазрат Мирза Галам Ахмад из Кадиана, Г. М. Шайдаева.

Концептуальный подход к объективному изучению и поиску оснований интеграции светской социальной работы и социального служения религиозных организаций осуществили М. П. Мчедлов, В. В. Горбунов, В. Л. Вихнович, С. В. Зуев, Б. У. Китинов, С. В. Медведко, А. А. Нуруллаев, Э. Г. Филимонов, Е. С. Элбакян, Е. В. Мочалов, Ф. А. Айязитов. Проблема социального служения религиозных конфессий через призму специфических особенностей светской социальной работы была актуализирована в работах отечественных авторов: Е. И. Холостовой, В. И. Курбатова, В. С. Брежнева, С. В. Тетерского, М. В. Фирсова, В. Н. Ярской и др.

Однако всестороннее, обобщающее изучение проблемы социального служения религиозных организаций, отразившееся в социально-философском знании, пока не эксплицировано.

Изучая труды различных исследователей по данной проблеме, мы можем обнаружить, что социальное служение религиозных организаций обнаруживается на самых ранних стадиях развития общества и религии в целом, которое проявляется с той или иной степенью акцентуации в виде общественной взаимопомощи верующих. Позднее социальное служение формируется как деятельность по организации и проведению милосердно-благотворительных акций гуманитарной и социальной помощи наименее защищенным слоям населения. В отличие от понятия социальная работа, рассматриваемое как профессиональная деятельность по оказанию помощи нуждающимся (в области светской), социальное служение есть род совершенно особой деятельности, включающей в себя также оказание помощи нуждающимся, к которой верующий особым образом «призван» (в области религиозной).

Таким образом, светская социальная работа и религиозное социальное служение в современных условиях не могут не взаимодействовать, так как

религиозные организации, учитывая особенности современной социальной действительности, все чаще осуществляют переход «внутреннего» во «внешнее», в профанное, т. е. мирское пространство, тем самым, намечая социально-футурологический вектор возможного развития государственных и конфессиональных отношений в сфере организации социальной помощи в рамках интеграции социальной работы и социального служения.

Признание интегративной модели взаимодействия светской социальной работы и конфессиональных социальных служб имеет социальную значимость в развитии как всего общества в целом, так и отдельного человека в частности, так как предполагает совмещение светского и религиозного компонентов к общезначимым для верующих и неверующих проблемам.

Данная модель исходит из убеждения того, что существует необходимость создания связующих звеньев между нуждающимися гражданами и социальными структурами, которые могут участвовать в решении их проблем. Такими связующими звеньями могут являться специалисты по социальной работе, которые должны иметь широкий религиозоведческий кругозор, обладать знаниями в области социологии, философии, истории, религии, вероучения, особенностей религиозной практики и социального служения не одной какой-либо, пусть даже и крупной конфессии, а всех конфессий, бытующих среди населения России или конкретного региона, и подходить к ним непредвзято.

В целом философия, определяя значимость и пределы функциональной применимости религиозно-философского компонента социального служения, осуществляемого религиозными организациями, характеризует взаимосвязь социального служения и социальной работы как сложно дифференцированное, многокачественное образование. Чем дальше развивается общественная жизнь, тем глубже разворачивается философско-социологическое познание светской социальной работы и социального служения религиозных организаций, тем больше раскрывается богатство и разнообразие их различных граней и качеств.

В. Кузнецов

*(Научный руководитель д. филос. н., профессор А. Б. Тугаров)
ПГПУ им. В. Г. Беллинского*

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Социально-философские исследования политической культуры рассматривают ее в основном как органическую часть общей культуры общества. Подобно тому, как культура определяет и предписывает те или иные правила и нормы поведения в различных сферах жизни и жизненных си-

туациях, политическая культура определяет нормы поведения и «правила игры» в сфере политики. В западной научной литературе ценность изучения политической культуры усматривается еще и в ее способности предсказывать политическое поведение людей, а стабильность политических режимов напрямую связывается с политическими ориентациями населения.

Проблема исследования политической культуры имеет давнюю историю и связана с именами выдающихся ученых XVIII–XX вв. И. Гердера, И. Канта, Г. Гегеля, Т. Карлейля, Дж. Г. Мида, М. Вебера.

Существует множество подходов и трактовок понятия «политическая культура». Большинство сторонников концепции политической культуры в целом признают существование в каждой общественно-политической системе и стране особой политической культуры, которая определяет политическое поведение людей, придавая ему то или иное содержание и направление. Однако исследователи вкладывают в понятие «политическая культура» разное содержание.

Г. Алмонд и С. Верба [1] считали, что «политическая культура» указывает на специфические политические ориентации – установки в отношении политической системы и ее различных частей и установки в отношении собственной роли в системе. Иными словами, политическая культура – это политическая система, интериоризованная в знаниях, чувствах и оценках населения. Ф. М. Бурлацкий и А. А. Галкин [2] под политической культурой понимают институализированный и неинституализированный исторический и социальный опыт национальной и наднациональной общности, оказывающий большее или меньшее воздействие на формирование политических ориентаций и на политическое поведение индивидов, малых и больших социальных групп. В работах Е. В. Притчиной [3] политическая культура определяется как система когнитивных и мотивационных структур, создающих контекст деятельности политических субъектов, который задает значения и смыслы политических явлений и процессов, порождает и организует политическую практику и представления. Вне культурного контекста они не могут быть поняты и правильно истолкованы.

Одним из признанных определений можно считать следующее: политическая культура — это системная характеристика политической сферы жизни общества, отражающая сложившиеся относительно устойчивые базовые установки, убеждения, ценности, образцы поведения, которые обеспечивают протекание и воспроизводство политической жизни общества, передачу политического опыта.

Одним из факторов, формирующим политическую культуру, является экономика. Вопрос о соотношении политики как специфической сферы жизнедеятельности общества с экономикой интересовал социальную философию уже давно. Экономическая сфера опосредованно, через политическую,

влияет на то, в каком виде сформируется, и будет существовать политическая культура. Аристотель связывал форму государственного устройства и правления с определенными большими группами в социально-экономической структуре общества (средний класс, богатое меньшинство, бедное большинство). Во всех случаях он связывает «правильные» и «неправильные» формы политической власти с определенными социально-экономическими слоями. Та или иная формы правления и государственного устройства непосредственно определяет черты и содержание политической культуры. Так, существуют и явно видны различия между политическими культурами тоталитарного и демократического обществ, например.

Анализируя взаимосвязь экономики и политики, следует избегать двух крайностей: абсолютизации роли либо политики над экономикой, либо наоборот. Примеры и того и другого в социальной философии существуют. Например, К. Маркс писал о том, что экономика, в основе которой лежат производительные силы, является базисом, то есть основой, а все остальное, в том числе и политика – надстройка, то есть второстепенное, производное от экономики. В то же время, В. И. Ленин отмечал, что политика не может не иметь первенства над экономикой, имея в виду то, что любые экономические решения принимаются и реализуются в рамках тех или иных политических систем.

На формирование политической культуры значительное влияние оказывает социально-политический климат, отражающий состояние всех сфер жизнедеятельности общества. Взаимосвязь политической культуры и социально-политического климата в обществе особенно ярко проявляется в переходные исторические периоды, когда осуществляется быстрый, иницируемый «сверху» переход к новой политической культуре.

Церковь так же принимает активное участие в процессе формирования политической культуры. М. Вебер пишет о том, что религиозные взгляды оказывают значительное влияние на формировании основных моделей политического мышления и поведения граждан.

Таким образом, в рамках социально-философского анализа политическая культура рассматривается как феномен, взаимосвязанный со всеми сферами общественной жизни, и цель анализа заключается в раскрытии характеристик и принципов этой взаимосвязи. Социально-философский аспект исследования политической культуры заключается в выявлении парадигмы политического поведения в процессе взаимодействия различных социальных феноменов.

Библиографический список

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократий // Полис. 1992. № 4. С. 122—134.

2. Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика международных отношений. М.: 1974.
3. Е. В. Притчина Понятие политической культуры // Социс. 1999. № 8.

М. А. Антипов

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ИСТОРИКО-ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ТЕРМИНАЛЬНЫМ БОЛЬНЫМ

Социальная помощь терминальным больным как вид социальной практики имеет длительную историю развития. Одновременно и в диалектической взаимосвязи с ней развивалась и совокупность философских знаний о социальной помощи терминальным больным, которую мы можем назвать философией социальной помощи терминальным больным.

В развитии социальной помощи терминальным больным, на наш взгляд, можно выделить три основных этапа:

1. этап допрофессиональной социальной помощи терминальным больным (конец XVI века – третья четверть XVIII века);
2. этап парапрофессиональной социальной помощи терминальным больным (конец XVIII века – первая половина XIX века);
3. этап профессиональной социальной помощи терминальным больным (с конца XIX – начала XX веков и по сей день).

Выделяя данные этапы, мы исходим, в первую очередь из того, как рассматривалось в философии и как проявлялось в общественной жизни сострадание к терминальным больным. Это обусловлено тем, что именно в отношении к умирающим больным сострадание проявляется наиболее ярко. В сострадании к умирающим больным демонстрируется высшая степень милосердия, человеколюбия, благорасположенности к людям. В сострадании к умирающим проявляются такие универсальные принципы социальной жизни, как гуманизм, социальная солидарность и социальная справедливость.

Появление истоков социальной помощи терминальным больным, на наш взгляд, было вызвано возникновением и развитием христианства. Именно в рамках христианства декларировалась идея милосердия, человеколюбивого отношения каждого к каждому, библейская идея сострадания положила начало философии социальной помощи терминальным больным. Первоисточниками социальной помощи терминальным больным как вида социальной практики можно считать деятельность «ксенодочий» в Древнем Риме.

Известно, что в середине IV — начале VI вв. ксенонии, а вслед за ними и прочие благотворительные учреждения, получили широкое распространение в восточной части Римской Империи, так что к середине IV в. В

одном лишь Константинополе существовало 35 благотворительных учреждений [7].

Наличие в Древнем Риме такого значительного количества благотворительных учреждений, в том числе и учреждений, в которых оказывалась помощь терминальным больным, обуславливалось усилением господства христианской религии, придание ей в Римском государстве официального статуса в IV веке. В связи с этим христианская религия начала играть огромную роль в общественной жизни и детерминировать социально-культурный контекст общественной жизни в Древнем Риме времен начала нашей эры. В эпоху раннего христианства помощь умирающим носила общинный характер, то есть оказывалась внутри христианских общин своим членам.

В философии того времени можно найти отдельные размышления, пускай не прямо, а косвенно, но все же касающиеся гуманизма. Так, Сенека писал о том, что необходимо приносить людям пользу, независимо от их социального статуса и положения [6, с. 282-283]. Человек, по его мнению, имеет возможность оказывать благотворительность везде и каждому. И в этом проявляется гуманизм в социальных отношениях.

Человек нуждается в таком особом отношении, которое мы называем социальной помощью не всегда, а лишь в отдельных ситуациях, которые могут возникнуть в его повседневной жизни. Одной из подобных ситуаций является неизлечимое заболевание. Болезнь, которую невозможно излечить, и которая угрожает жизни, зачастую лишает человека способности рационально мыслить и воспринимать окружающий мир (здравый ум), лишает мужества, энергичности, вызывает апатию и равнодушие ко всему происходящему. Таким образом, болезнь делает человека несчастным, вызывает страдания, лишает его «благой жизни». Из этого следует, что такой человек нуждается в помощи со стороны по преодолению несчастья: пусть смерть от болезни предотвратить невозможно, но помочь человеку достойно прожить последние дни и покинуть этот мир – вот смысл социальной помощи терминальным больным.

В то время христианство прочно утвердилось в качестве догматического учения о мире и человеке в нем, христианское мировоззрение детерминировало общественное сознание того времени и составляло тот социально-культурный контекст, в котором развивались истоки социальной помощи терминальным больным. Для человека того времени помощь умирающему имела огромную значимость, поскольку являлась выполнением нравственного долга, диктуемого искренней и непререкаемой верой в бога и религиозные догматы. Поэтому, говоря о помощи терминальным больным в средние века, важно отметить ее «нужность» не столько самим умирающим, сколько субъектам, осуществляющим ее.

Таким образом, истоки социальной помощи терминальным больным и философского обоснования данного фрагмента социальной реальности лежат в христианстве и религиозной философии, а именно в истинно христианском гуманизме, провозглашающем сострадание и благорасположенность к окружающим проявлением божьего начала в человеке, а значит сутью человеческого существования.

Переход от истоков социальной помощи терминальным больным к этапу допрофессиональной социальной помощи терминальным больным связан со сменой общего социально-культурного контекста, перехода от эпохи средневековья к эпохе Нового Времени в конце XVI века. Для данного этапа истории человечества характерно интенсивное развитие философской и научной мысли, провозглашение силы человеческого разума, стремление найти оптимальный метод научного познания и тем самым усовершенствовать жизнь общества и человека. Это время, когда религия и церковь значительно уменьшают свое влияние на жизнь общества, время смены мировоззрения с теологического на научное.

В то время Бэкон утверждал: «Жизнь должна быть понята как самоцель, как цель, которая в себе самой имеет средство, как тотальность, в которой каждое звено, отличное от другого, есть одновременно и цель и средство» [1, с. 233]. Таким звеном жизни является конкретный индивид. Если раньше терминальный больной рассматривался лишь как «средство» искупления человеком собственных грехов, то теперь уже сострадание к умирающим начало приобретать характер сострадания ради самих умирающих, облегчения их страданий. Признание величия человека непосредственно вызывало к жизни идею о необходимости поддержки людей, оказавшихся в состоянии терминального заболевания, так как в данной ситуации человек теряет свою сущность, становится «живым трупом».

Идея величия и активности человека получила свое еще большее развитие в трудах философов эпохи Просвещения (Вольтер, Руссо, Дидро). Гуманизм их учения о человеке заключался в признании его изначальной свободы и добродетельности. Так, Дени Дидро в одной из своих работ указывал на то, что добродетельность человека является прямым следствием знания справедливости и твердости разума [3, с. 85]. Тем самым он утверждал добродетельную сущность человека, веря в то, что зло в людях есть следствие незнания ими тех или иных вещей, законов, норм, правил.

Но гуманизм в то время был еще ограничен, что проявлялось в следующем: признание величия и уникальности человека не сопровождалось признанием равного величия и уникальности окружающих его людей, игнорировалась значимость «Другого» в жизни индивида. Ренессансно-просветительский гуманизм не содержал в себе целостной модели отношения че-

ловека к человеку, «Я» к «Ты», тогда рассматривалось лишь то, как человек должен относиться к обществу, к роду.

Эти ограничения начинают преодолеваться в конце XVIII века, когда помощь терминальным больным переходит в парапрофессиональную фазу, которая продолжалась примерно до середины XIX века. Вместе с ней в парапрофессиональную фазу входит в то время и область социально-философского знания, отражающая социальную помощь терминальным больным.

Огромную роль в этом сыграла немецкая классическая философия, а особенно такие ее представители, как Г. В. Ф. Гегель и И. Кант. Их философско-этические учения способствовали переходу помощи терминальным больным как элемента социально-философского знания и как фрагмента социальной реальности в парапрофессиональную фазу своего развития.

Гегель (1770–1831 гг.) сыграл значительную роль в развитии философии в целом, но для нас особый интерес представляют его этические взгляды. Он призывал людей к осуществлению добра, указывал на то, что мир должен быть построен на основаниях добра и справедливости. По мнению Гегеля, добро – это «абсолютная цель мира и долг для субъекта, который должен иметь понимание добра, сделать его своим намерением и осуществлять в своей деятельности» [2, с. 336]. Реализация добра каждым человеком, построение социальной жизни на началах взаимного добра для Гегеля было идеалом развития социума. Через человека, совершающего добро, по мнению Гегеля, в мире действует абсолютный разум. Делать добро другому человеку – значит реализовывать в социальной жизни принцип гуманизма, социальный мир, основанный на добре – это мир, построенный на началах гуманизма, социальной солидарности и социальной справедливости. Отличие такого гуманизма от ренессансно-просветительского заключается в том, что он носит практический характер.

Кант, наряду с Гегелем, также внес значительный вклад в развитие западноевропейской философской мысли. Для нас являются актуальными его этические воззрения, и, прежде всего, сформулированный им в «Критике практического разума» «основной закон чистого практического разума»: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [5, с. 305]. Под максимой Кант понимал субъективный закон действия или индивидуальное нравственное основание совершения поступка. Под законом Кант понимал всеобщее основание поведения людей в обществе, «объективный принцип» [4, с. 236]. Итак, каждый человек должен поступать так, чтобы основание его поступка могло служить законом для всех. Перед тем, как совершить (или не совершить) определенный поступок, человек должен задуматься, а что будет, если все остальные будут совершать (или не совершать) подобного рода поступки.

Кант в «Основаниях метафизике нравственности» утверждает, что «я всегда должен поступать только так, чтобы я также мог желать превращения моей максимы во всеобщий закон» [4, с. 238].

Данные рассуждения актуальны для обоснования необходимости помощи терминальным больным. Сформулируем кантовское правило, распространив его лишь на случаи терминальных заболеваний: перед тем, как отказать умирающему в помощи, не облегчить его страдания, нужно задуматься, а что будет, если каждый человек на земле будет поступать также, а именно: отказывать в помощи другому, находящемуся в ситуации терминального заболевания. Таким образом, такая максима не может служить всеобщим законом, поэтому поступать так не нужно. Отсюда следует, что общество должно по-особому относиться к умирающим, облегчать их страдания.

Этические рассуждения Гегеля и Канта вывели гуманизм на новый уровень – уровень практический, когда признание важности и уникальности индивида обязательно сопровождалось признанием важности и уникальности окружающих. С этого времени стремление индивида к саморазвитию и самореализации обязательно должно было соотноситься с подобными стремлениями окружающих, а наличие права на благополучие у одного считалось с признанием такого же права у всех остальных членов общества.

В это время понятие сострадания к умирающим окончательно приобрело форму практического содействия им в облегчении их страданий, форму конкретных действий в отношении терминальных больных.

Несмотря на то, что всеобщие основания социальной помощи терминальным больным были сформулированы в полной мере еще на парапрофессиональной стадии ее развития, в то время в философии не сложилось окончательно понимание того, что каждый человек уникален, каждый является творцом своей судьбы, через каждого человека можно и нужно познавать различные аспекты социальной жизни. Человек в философии того времени, в том числе и в философии Канта и Гегеля, был целиком подчинен общественной системе, человека в то время рассматривали сквозь призму универсализма, пытаясь найти универсальные константы его социального функционирования.

XVII – XIX века явились плодородной почвой, на которой выросла профессионально-технологическая социальная помощь терминальным больным. Профессиональная социальная помощь терминальным больным начала складываться в конце XIX – начале XX веков. В то время для системы философского знания стало характерным заметное влияние таких философских концепций, как философия жизни (Шопенгауэр, Ницше, Дильтей, Бергсон), экзистенциальная философия (Кьеркегор, Сартр, Камю, Хайдеггер, Марсель), психоанализ (Фрейд, Маркузе, Фромм). Все эти направления фи-

лософской мысли составили неклассическую философию, в недрах которой сформировались положения, наиболее актуальные для социально-философского обоснования социальной помощи терминальным больным, именно они способствовали переходу социальной помощи терминальным больным в профессионально-технологическую фазу своего развития.

Рассуждения, характерные для философов данных направлений, оказали значительное влияние на становление профессиональной социальной помощи терминальным больным в мире как вида социальной практики. Так, идеи философов-экзистенциалистов о смерти послужили складыванию в обществе идей о важности феномена смерти для жизни человека, о том, что признать свою смертность и смертность важно для благополучной, яркой и насыщенной жизни.

Еще одним вкладом экзистенциальных философов в философию социальной помощи терминальным больным явилась экзистенциалистская трактовка гуманизма, которая нашла свое наиболее полное обоснование в работе Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм», о чем уже было сказано ранее.

В целом иррационалистические философы показали, что человеком зачастую движет отнюдь не разум, и что найти общую константу социального бытия человека практически невозможно, поэтому необходимо признать уникальность каждого индивида. Провозглашение экзистенциалистами диалектически связанных между собой принципов свободы и ответственности человека за себя и окружающих означало признание обществом ответственности за судьбу каждого человека, за благополучие каждого на каждом этапе жизни, в том числе и на терминальной стадии.

Итак, к XX веку социальная помощь терминальным больным вошла в профессионально-технологическую фазу своего развития, и на протяжении всего века развивалась как в качественном плане (совершенствовались конкретные технологии социальной помощи умирающим больным, внедрялись все новые и новые методы), так и в количественном (современные учреждения и организации, реализующие эту помощь, например, хосписы, создавались в XX веке по всему миру, во многих странах, созданы также международные общественные организации, целями деятельности которых являются реализация и социальной помощи терминальным больным и ее развитие).

Библиографический список

1. Бэкон Ф. Сочинения в 2-х тт. Т. 1.– М., 1977.
2. Гегель В. Г. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 частях. Ч. 3. Философия духа. М., 1974.
3. Дидро Д. Сочинения в 2. т. т. Т. 1 / пер. с фр. П. С. Попова и др. М., 1986.
4. Кант И. Основания метафизики нравственности. М., 1999.
5. Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 1. М., 1965.

6. Сенека О благой жизни // Антология античной философии / Сост. и предисл. С. В. Перевезенцева. М., 2001.

7. Чернега К. А. Благотворительные организации в римском праве // Некоммерческие организации в России. 2004. № 2.

В. Л. Очкин

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ИДЕОЛОГИЗМ ФИЛОСОФСКОГО СОЗНАНИЯ И СПОСОБА МЫШЛЕНИЯ.

*«В сущности говоря, вся философия есть лишь
человеческий рассудок на туманном языке».*

И.В.Гёте.

«Брось свои иносказанья

И гипотезы святыя!

На проклятые вопросы

Дай ответы нам прямые!»

Генрих Гейне

*«Названия имеют свою судьбу, но редкое из них имело судьбу
столь странную, как слово «философия».*

В. Виндельбанд.

Изобретенное в древности оригинальное словечко «философия» обнаружилось за многовековую историю какую-то свою особую притягательность и привлекательность для человеческого умствования. В том числе, в частности, и в тех случаях, о которых сказано: «где недочет в понятиях случится, там можно словом заменить». Отсюда и замечание Ф. Шеллинга о том, как «бессовестно злоупотребляют понятием философии», и его предупреждение, что «в конце концов будет существовать столько философий, сколько вообще имеется предметов, так что среди такого множества философий сама философия совершенно потеряется».

В наше время, правда, уже не говорят, как во времена Ньютона или Ламарка, о «философских инструментах», «философии зоологии» или «философии сельского хозяйства» и т. п., но зато «философий» иных «предметов» ещё можно встретить немало. Ведь каждый, кому не лень, может украсить столь маняще-мудреным термином обозначение избранной им сферы занятий. Не отсюда ли все эти «философии» моды, дизайнера, пиара, секса, политики, образования, глобализма, а то даже и так весомо: «философия философии»? Но, с другой стороны, могут сказать, а чем, мол, это менее правомерно по сравнению с более известными и признанными «философиями» права, истории, искусства, политэкономии и т. д., за которыми стоят классическая

историческая традиция и великие имена? Разве тот же Шеллинг не написал «Философию искусства», а Гегель так даже целую систему «философий»: природы, истории, духа, права, религии?

Неминуемо напрашивается вопрос: что же на самом деле скрывается за таким «термином» (ходячим словечком!), который при желании можно «приклеивать» чуть ли не ко всему на свете? И тут-то, по сути дела, оказывается, что это не просто вопрос о правомерности того или иного словопотребления, но фундаментальнейший вопрос о самой сущности и назначении философии и способа деятельности философствующего сознания в собственном, истинном смысле слова, вопрос, который сама эта философия не перестает себе задавать с момента своего рождения, давая на него – и исторически, и в современности – весьма различные, вплоть до противоположности, ответы.

Не случайно ведь давно была высказана мысль, что «каков человек, такова и его философия», вследствие чего, между прочим, по выражению И.Г. Фихте, бывает время, «когда даже между настоящими философскими писателями вряд ли найдется и полдюжины таких, которые знали бы, что такое философия». А с той поры, когда это было сказано, столько философской воды утекло, что давняя сентенция насчет того, что, де, сколько голов, столько и философских умов, логично завершилась в эпоху постмодернизма предельными обобщениями типа выводов о «смерти философии», «смерти человека», «конце истории»... – и здесь уж, вроде как, нельзя добавить «и.т.д.», ибо куда же «далее»?!

Однако может быть все же, как говорится, слухи о «смерти философии» оказались сильно преувеличенными? Философию в том или ином виде продолжают пока ещё преподавать в вузах, издаются философские журналы, тысячи статей и книг по философии, защищаются диссертации, создаются новейшие модные концепции, являются на свет божий новые доктора философских наук и т. п. Жив курилка!

Значит ли это, что теперь всё ладно в философском «Датском королевстве»? Отнюдь. Совсем не случайны ведь эти периодически возникающие дискуссии по проблемам сущности, места и роли философии в жизни общества, в научном познании, в формировании личности, в учебном процессе высшего образования и т. д. Вот и в настоящее время, как отмечают профессиональные философы, «современное значение философии остается неясным и для студентов, и для самих лекторов. Продолжаются споры о научном статусе философии», вплоть до того даже, что (о, ужас!) «вопрос стоит так: быть философии в России, или не быть?» [7, с. 103]. В родственном духе другой почтенный автор констатирует в статье под симптоматичным названием «С чего начать возрождение философии»: «То, что философия как часть знаний человечества находится сегодня в плачевном состоянии,

признается большинством ученых. Самое веское тому подтверждение – ей отказано считаться наукой как таковой» [6, с. 106]. Ещё более выразительно звучит формула, заявленная швейцарским философом К. Свасьяном на IV Российском философском конгрессе, суть которой в следующем: «философ тот, кто видит философию. Тот, кто не видит, что философия умерла, вообще не философ. Видеть конец философии дано немногим» [5, с.108]. Вот так и не иначе! На такой эпатаж реагируют множеством критических возражений и опровержений.

И всё же не будет слишком большим преувеличением сказать, что подобного рода «похоронные» настроения давно и настойчиво носятся в воздухе. И причины для этого имеются весьма основательные, кроющиеся, в конечном счете, и в самой природе философского сознания и метода мышления. А вот как раз этот-то идейно определяющий аспект проблемы большей частью остается в тени или подается в произвольно-субъективном и превратном виде.

Но ведь кому-кому, а уж философам-то по профессии не может быть неизвестным, что научно-критическое выяснение того, почему и когда закономерно и неизбежно «всей философии в старом смысле слова приходит конец» [4, т. 21, с. 278], было великолепно осуществлено создателями материалистического понимания истории ещё в позапрошлом веке! И самодовольное игнорирование философами - именно и в особенности сегодня — этого глубокого анализа гениев является либо проявлением исторического беспамястства, либо чего-то ещё похуже. Социально-классовая подоплека такого явления понятна: в силу известных обстоятельств марксизм «из моды вышел ныне».

Но при всем притом, в плане теоретическом, в основе такого отношения лежит, полагаю, именно недопонимание и недооценка мировоззренческо-методологической значимости марксистского анализа того характерного для теоретического сознания и мышления (в особенности – спекулятивного) феномена, который основоположники марксизма именовали «идеологизмом» (иногда даже «мистицизмом»), *«идеологическим воззрением»*, а то и просто *«идеологией»* в том особо оговоренном смысле этого понятия, который призывает всю «Немецкую идеологию», подразумевается в последующих сочинениях и нередко особо подчеркивается и определяется авторами, а более всего Энгельсом в его работах периода полной идейной зрелости.

Итоговые формулировки этого анализа представлены, как известно, в особенности в «Анти-Дюринге», в некоторых теоретических письмах Энгельса 90-х годов и в работе, которую Г.В. Плеханов не зря называл «маленькой энциклопедией марксизма», в брошюре с символически звучащим названием: «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», написанной после смерти Маркса, логически подытожившей и тем завер-

шившей то дело критики идеологических взглядов немецкой философии, которое два великих друга начали совместно осуществлять в 1845 году. То есть, по выражению Энгельса, постарались «в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью». Однако при рассмотрении этого вопроса надо учесть, что, как учил Гегель, истина, без знания того пути, который к ней привел, «есть труп, оставивший позади себя тенденцию».

Так и резюмирующие выводы классиков марксизма по поводу методологическо-идеологической сущности, действительной роли и исторической судьбы классической (и соответственно, на свой лад, эпигонской, в том числе – при надлежащей экстраполяции — и современной) философии могут не произвести должного впечатления или быть восприняты как догмы, если отсутствует представление о том основательном исследовательском труде и долгом идейном пути развития, которые к ним привели. Исходя из этих соображений, начинать здесь следовало бы, — если, как говорится, действовать «по большому счету», — аж с докторской диссертации Маркса. Ибо именно в ней, между прочим, при анализе диалектики «чувственной достоверности», Маркс обозначил, как своего рода предпосылку последующего исследования феномена *идеологизма*, следующий важный тезис: «В обыденном мышлении всегда оказываются налицо готовые предикаты, которые оно отделяет от субъекта. Все философы делали из самих предикатов субъекты» [4, т.40, с.78].

В этом плане в диссертации намечены также и такие заслуживающие внимания моменты в указанном аспекте, как, например, указание на «несовершенство...всей древней философии, знающей, что представления даны в сознании, но не знающей их предела, их принципа, их необходимости» [4, т. 40, с. 46]. Иначе говоря, в подобных случаях «необъяснимым признается то, что должно быть объяснено – создание, возникновение и внутреннее воспроизведение мира в мышлении, и за объяснение выдается наличие этого представления в сознании». Таким образом обнаруживается, что такое «объяснение есть лишь самоотчет сознания, а суть дела мистифицируется», ибо за «объяснение выдается сам объясняемый объект, отодвинутый в туманную даль измышляющей абстракции».

Согласно Марксу, вообще «такова сущность всех объяснений представляющего сознания, скованного предпосылками», которых оно не знает и не понимает, поскольку здесь сам «метод измышляющего, представляющего сознания борется лишь со своей тенью; какой окажется тень – это зависит от того, как на нее смотрят, от того, как отражающее – из этого своего отображения – обратно отражается внутри себя» [см.: 4, т. 40, с. 46, 42, 34, 40 и др.]. Вот где, по-моему, уже можно усмотреть зарождение и исток всей той последующей критики гегелевского (как и любого другого) мистицизма, равно как и вообще «метода измышляющего сознания» [4, т. 40, с. 33], мето-

да, называвшегося впоследствии Марксом и Энгельсом «идеологическим», «абсолютным», «априорным», или просто *«идеологизмом»*, «идеологией», *«идеологическим воззрением»*.

Нельзя не заметить, вместе с тем, что здесь уже намечена, в самом абстрактном виде, также и общая логика критического преодоления самого такого метода «измышляющего», *идеологического* сознания вообще, — включая, прежде всего, мистифицирующую сторону гегелевской философии, — весьма подробно представленная затем и в «К критике гегелевской философии права», и в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», равно как и в критическом разоблачении «тайны спекулятивной конструкции» (см. «Святое семейство»), причем, в методологически принципиальном механизме её построения. Ибо подобные спекулятивные, идеологические конструкции, «так же как и гегелевский метод, можно критиковать лишь показывая, как они строятся, и тем самым доказывая, что ты господствуешь над ними» [4, т. 3, с. 515].

Но, разумеется, на этом (так сказать, «докторском») этапе формирования марксовых взглядов ещё не созрело то главное — для последовательного раскрытия и преодоления *идеологизма* — эпохальное открытие, развернутое затем в «Немецкой идеологии», которое столь лапидарно выражено в 8 тезисе «О Фейербахе»: «Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики». Однако, чтобы расставить скрупулезно все точки над «и» в этом поучительнейшем процессе идейной эволюции гениального мыслителя в рассматриваемом аспекте, нужен более основательный разговор, да и не для данного случая.

Поэтому ограничимся лишь некоторыми фрагментарными замечаниями (по возможности в формулировках самих авторов, поскольку сегодня так «не модно» обращаться к анализу самих классических текстов), руководствуясь ими как в некотором роде реперными точками, фиксирующими основной методологический вектор этого идейного процесса рефлексивного осознания самой критической философией – в лице её самых гениальных представителей в XIX веке – подлинной глубинной сущности и реального общественного значения философского сознания и способа мышления. В этой связи, полагаю, марксовы характеристики Сократа, как «воплощенной философии», «олицетворения философии», «демиурга философии», в еще большей степени могут быть отнесены к нему самому вкупе с Энгельсом, как его alter ego.

Прежде всего, поражает интенсивность, концентрированность и скорость развития этого духовного рефлексивно-философского процесса, на подобный которому у обыкновенного мыслящего человека может уйти вся

долгая жизнь; да и её в большинстве случаев, как известно, не хватает для достижения конгениальных результатов. Вот 19-летний юноша признается в письме к отцу: «Снова для меня стало ясно, что без философии мне не пробиться вперед» [4, т. 40, с. 13]. А как пафосно звучит характеристика философии в Предисловии к докторской диссертации, в котором Прометей с его признанием: «По правде, всех богов я ненавижу», определен как «самый благородный святой и мученик в философском календаре». В той же все еще положительной тональности год с небольшим спустя заявляется: «действие свободного разума» мы и называем философствованием»; констатируется, что «философия сделала в политике то же, что физика, математика, медицина и всякая другая наука сделали в своей области»; дается, наконец, то известное определение философии, которое прежде так любили цитировать в философских учебниках: «всякая истинная философия есть духовная квинт-эссенция своего времени, ... она представляет собой живую душу культуры» [4, т. 1, с. 109, 111, 105].

Но вот уже год спустя, в процессе критики гегелевской философии права, — а фактически, всей гегелевской системы и вообще метода мистифицирующего мышления как такового, — начинает звучать совсем иной мотив. Его неоднократно выражаемая здесь Марксом суть заключается в следующем. «Важно то, — по всякому подходящему поводу разъясняет здесь он, — что Гегель всюду делает идею субъектом, а действительного субъекта в собственном смысле, как, например, «политическое умонастроение», превращает в предикат. На самом же деле развитие совершается всегда на стороне предиката... Он развивает свою мысль не из предмета, а конструирует свой предмет по образцу закончившего своё дело мышления, — притом закончившего его в абстрактной сфере логики... Действительность рассматривается не как эта самая действительность, а как некая другая действительность. Выходит, что для обыкновенной эмпирии является законом не её собственный дух, а чужой; с другой стороны, наличным бытием для действительной идеи является не такая действительность, которая развилась бы из неё самой, а обыкновенная эмпирия... Эмпирическая действительность, таким образом, принимается такой, какова она есть; она объявляется также разумной, но разумной не в силу своего собственного разума, а в силу того, что эмпирическому факту в его эмпирическом существовании приписывается значение, лежащее за пределами его самого. Факт, из которого исходят, берётся не как таковой, а как мистический результат. Действительность превращается в феномен, однако идея не имеет никакого содержания, кроме этого феномена. Идея не имеет также никакой другой цели, кроме логической: «стать для себя бесконечным действительным духом».

В самом таком ходе мыслей, по Марксу, «дан сгусток всей мистики... гегелевской философии вообще» [см.: 4, т. 1, с. 228, 232, 226 и др.] Как и вооб-

ше, подобного рода идеологическое переворачивание действительных отношений с ног на голову, в какой бы форме сознания оно ни совершалось, мало того что «представляет собой явную мистификацию», но и выступает вместе с тем, в конечном счете, и как теоретико-идеологическое оправдание этой, якобы соответствующей логике разума, наличной действительности, этого, на данный момент существующего, земного мира как «наилучшего из возможных миров», т.е., в итоге, как традиционная богословско-философская апология: «все действительное разумно», «божественным разумом премудро устроено», а потому, грубо говоря, на богословско-полицейском языке: примиришься с тем *что* есть, Богом (сиречь, по-философски, Абсолютом, Вышшим Разумом, Мировой Волей и т.п.) установленного порядка не изменяй, и т.д. и т.п. Короче, на языке нынешней российской идеологии: «лимит на революции исчерпан», или, по Салтыкову-Щедрину, «история прекратила течение свое». Увы, ничто не ново под луной.

Причем, важно подчеркнуть, — как это сделал и сам Маркс год спустя в еще более углубленном критическом анализе философии Гегеля в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» (не иначе как во избежание предвидимого вульгарно-прямолинейного понимания своих выводов и оценок), что совершаемое Гегелем в форме «*мнимого* критицизма» подобное «философское разложение и восстановление наличной эмпирии» отнюдь не означает, что при этом «Гегель просто приспособлялся к религии, к государству и т. д., так как эта ложь есть **ложь его принципа**» (выделено мной – В.О.), иначе говоря, именно того способа идеологизирования, который Маркс и называет здесь «*мнимым* критицизмом», «*ложным* позитивизмом», «некритическим позитивизмом и столь же некритическим идеализмом» [4, т. 42, с. 166, 157], обозначая таким образом ту имманентную *ложь*, или, в более мягком выражении, *логику заблуждения*, которая лежит в основе самого *принципа идеологизма* как способа мышления.

В «Святом семействе», в котором по позднему признанию авторов ещё наличествует своего рода «культ Фейербаха», подчеркивается, что именно он «впервые охарактеризовал философию как спекулятивную и мистическую эмпирию и доказал это», заключая отсюда, что «философия должна с небес спекуляции спуститься в глубину человеческой нужды». При этом, в критическом и ироническом духе авторами отмечается (хотя и непосредственно по поводу эпигонов гегельянства, но в принципе - в обобщающем смысле), что «философия именно потому, что она была только трансцендентным, абстрактным выражением существующего положения вещей, вследствие этой своей трансцендентности и абстрактности, вследствие своего *мнимого отличия* от мира, должна была вообразить, что она оставила глубоко под собой существующее положение вещей и действительных людей.

С другой стороны, так как философия *в действительности* не отличалась от мира, то она и не могла произнести над ним никакого *действительного приговора*, не могла приложить ему никакой реальной силы различения, не могла, значит, *практически* вмешаться в ход вещей, и в лучшем случае ей приходилось довольствоваться практикой *in abstracto*. Философия была сверхпрактичной лишь в то смысле, что она сверху парила над практикой” [4, т. 2, с. 43]. Заметим мимоходом, что этот принципиальнейший вопрос об отношении философии и мира, философии и практики и т.п. затрагивался Марксом в разных контекстах и в предшествующих сочинениях, но невозможно здесь в это подробно вдаваться – это непомерно затянуло бы изложение, а конечная суть дела, к которой и следует незамедлительно перейти, дана, конечно же, в главном сочинении этого периода становления и оформления марксизма в его основных чертах — в “Немецкой идеологии”. В ней безапелляционно показывается, в процессе критики идеологических взглядов послегегелевской философии, что при помощи унаследованного от Гегеля теоретического вооружения эмпирическое материальное поведение действительных людей “нельзя даже и понять”.

Напротив, именно благодаря тому, что “Фейербах разоблачил религиозный мир как иллюзию земного мира, который у самого Фейербаха фигурирует ещё только как *фраза*, перед немецкой теорией встал сам собой вопрос, у Фейербаха оставшийся без ответа: как случилось, что люди “вбили себе в голову” эти иллюзии? Этот вопрос даже для немецких теоретиков проложил путь к материалистическому воззрению на мир, мировоззрению, которое *вовсе не обходится без предпосылок*, а эмпирически изучает как раз действительные материальные предпосылки как таковые и потому является впервые *действительно критическим воззрением на мир*” [4, т. 3, с. 224]. Здесь же выносятся и окончательный приговор тому типу философствования, на почве которого, к слову сказать, людям столь часто моралистами всех мастей предъявляется высокоморальное требование: “Вы *должны быть* не такими, каковы вы *в действительности*”, — фарисейское требование, методологическо-мировоззренческую суть которого и составляет идеологический (и чаще всего – откровенно идеалистический) “отрыв сознания от образующих его основу индивидов и их действительных отношений”. Тогда как на деле “всё это старая философская придурь”. Или, выражаясь мягче, бессильная благочестивая “старая фантазия”, или “старая иллюзия, будто только от доброй воли людей зависит изменить существующие отношения и будто существующие отношения – не что иное, как идеи.

Изменение сознания изолированно от отношений, - чем философы занимаются как профессией, *ремеслом*, - само есть продукт существующих условий и неотделимо от них. Это идеальное возвышение над миром есть идеологическое выражение бессилия философов по отношению к миру. Их

идеологическое бахвальство ежедневно разоблачается практикой”. Ибо и “вообще относительно идеологов, следует заметить, что они неизбежно ставят предмет на голову и считают свою идеологию творческой силой и целью всех общественных отношений, между тем как в действительности она есть лишь их выражение и симптом” [см.: 4, т. 3. с. 240, 376-377, 421 и др.]. Не о нас ли эта притча, — а вернее сказать, весь пафос великого, но так плохо всё ещё освоенного идеологами, сочинения – сказывается?

Нельзя не заметить, что все подобные идеологически “оторванные от действительных вещей представления и идеи людей неизбежно имеют, конечно, своей основой не действительных индивидов, а индивида философского представления, индивида, оторванного от своей действительности и существующего лишь в мысли, “Человека” как такового, понятия человека”. И здесь уже “вера в философию достигает своего завершения” [4, т. 3, с. 284]. Но это как раз есть и та самая философия, которой пробавляются также и всевозможные социалистические и коммунистические идеологи, не впитавшие в “плоть и кровь” своего теоретического мышления материалистическое понимание истории, когда они “отрывают сознание определённых, исторически обусловленных областей жизни от самих этих областей и прикладывают к нему мерку истинного, абсолютного, т.е. немецко-философского сознания. Они вполне последовательно превращают отношения данных определённых индивидов в отношения “Человека”, они толкуют мысли этих определённых индивидов об их собственных отношениях в том смысле, будто они являются мыслями о “Человеке”. Тем самым они сходят с реальной исторической почвы на почву идеологии, а так как действительной связи они не знают, то им не трудно – с помощью “абсолютного” или иного идеологического метода – конструировать фантастическую связь” [4, т. 3, с. 458]. И наконец, как апофеоз критической оценки подобного способа философствования, звучит — афористически-образно выраженная “дерзкими парнями” (самохарактеристика, данная Энгельсом в воспоминаниях о своей с Марксом молодости, об их периоде “бури и натиска”), - резюмирующая формулировка: “Философия и изучение действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь” [4, т. 3, с. 225]. Не в бровь, а в глаз?!

Сказанным ни в коей мере не исчерпывается всё богатство относящихся к обозначенной проблем идей, как в данном произведении, так и в более поздних, в которых эта проблематика получает свое развитие. Но ведь верно и то, что для того чтобы понять, оценить и даже установить «начало» пути и направленность его продолжения, надо – следуя методологическому принципу «анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны» – знать, к чему он привел, чем завершился. Ибо, как отмечал также молодой ещё Маркс, «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование

дование – это развёрнутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге» [4, т. 1, с. 7-8].

В определённом смысле, такой итог своих исследований сущности философского сознания в связи с природой теоретического мышления вообще Маркс сформулировал в своём общеизвестном анализе «правильного в научном отношении» метода восхождения от абстрактного к конкретному — как, в частности и в особенности, теоретического метода политической экономии — во Введении к «Экономическим рукописям 1857-1859 годов». «Философское сознание именно таково», подчеркивает он здесь, что для него «постигающее в понятиях мышление есть действительный человек и поэтому только постигнутый в понятиях мир как таковой есть действительный мир», а потому и «движение категорий выступает как действительный (хотя, к сожалению, и получающий некоторый толчок извне) акт производства, результатом которого является мир» [4, т. 46, ч. 1, с. 38]. «К сожалению» для «истинного философа», как иронизирует Маркс в том же духе в «Нищете философии». Таков, по его словам, к примеру, г-н Прудон (и ему подобные теоретики), который «понимает вещи наыворот и видит в действительных отношениях лишь воплощение тех принципов, тех категорий, которые дремали, как сообщает нам тот же г-н Прудон-философ, в недрах «безличного разума человечества» [4, т. 4, с. 133].

Однако было бы ошибочным и несправедливым не указать, вместе с тем, что сформулированное Марксом сущностное определение философского сознания есть лишь *предельное обобщение* специфического способа деятельности умозрительного, теоретического мышления как такового вообще, *по его природе*, «поскольку конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания». Ибо ведь и в самом деле, если всерьез и критически вдуматься в эту «специфическую логику», имманентную именно для *теоретического* познания, то будет несомненной тавтологией утверждение, что «целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает для себя мир единственно возможным для нее способом, — способом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира» [4, т. 46, ч. 1, с. 38].

Собственно *идеологический* выверт начинается лишь тогда, когда в той или иной форме забывают, что теоретические, вообще умозрительные концепции, мысленные «конструкции» суть «ни в коем случае не продукт понятия, порождающего само себя и размышляющего вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представления в понятия». И что, следовательно, познаваемая действительность, т.е. «реальный субъект все время остается вне головы, существуя во всей своей самостоятельности,

пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при теоретическом методе субъект – общество – должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка» (там же). Как это реализуется практически в конкретном научном исследовании Маркс блестяще продемонстрировал во всех своих научных исторических и экономических сочинениях.

В качестве чего-то вроде расширенного резюмирующего заключения данного рассмотрения проблемы *идеологизма* может выступить выяснение того, к каким обобщающим завершённым выводам приходит, в свою очередь, в своих популяризирующих и отстаивающих марксизм работах Энгельс, подытоживая совместно с Марксом выработанные взгляды и подтверждая вместе с тем их полное совпадение и по этому, столь принципиально важному вопросу, равно как и по другим.. Заканчивая свой критический анализ классической немецкой философии, Энгельс ещё раз (после неоднократных сходных по смыслу замечаний в предыдущих работах) констатирует, что материалистическое понимание истории «наносит философии смертельный удар в области истории точно так же, как диалектическое понимание природы делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию» [4, т. 21, с. 316]. Далее, как известно, так же как в соответствующем контексте «Анти-Дюринга», указывается *что* же именно остается от всей прежней философии, «изгнанной из природы и из истории», и какова та действительная задача, которой теперь должна истинная, осознавшая, наконец, свою подлинную сущность, философия (если ещё правомерно оставлять за ней это традиционное наименование?) заниматься. Но прежде чем об этом говорить, следует ещё раз уточнить, о какой собственно философии идет речь в критическом анализе её классиками марксизма. Очень уж это словечко, как уже было отмечено и признано, многозначно и потому толкует его «всяк язык на свой салтык» по сей день, нимало не смущаясь вышеуказанной марксовой критикой идеологизма, который именно в философии, и особенно в гегелевской, как «философии *по преимуществу*», достигает своего завершённого, предельного выражения, позволившего «создать, в качестве предмета критики, вместо какой-нибудь одной определенной абстракции абстракцию исчерпывающего, всеобъемлющего типа» [4, т. 42, с. 159, 172]. Вот потому-то, кстати сказать, и нельзя вполне осознанно и аутентично освоить метод Маркса, не осваивая вместе с тем его критически-творческого преоления гегелевского идеологизма, выступающего в превратном интерпретировании действительности как «логический, пантеистический мистицизм» [4, т. 1, с. 224].

Энгельс в своем критическом рассмотрении Фейербаха упрекает его более всего за то, что он «не сумел перешагнуть за пределы философии, выдававшей себя за некую науку наук, парящую над всеми отдельными науками и связывающую их воедино, — эта философия оставалась в его глазах

неприкосновенной святыней, — но даже как философ он остановился на полдороге, был материалист внизу, идеалист вверху» [4, т. 21, с. 300]. Сходным образом, в характеристике гегелевской философии, им отмечается, что «гегелевская система была последней, самой законченной формой философии, поскольку философия мыслится как особая наука, стоящая над всеми другими науками. Вместе с ней потерпела крушение вся философия» [4, т. 20, с. 23, примечание]. Причем, специально подчеркивается, что без того, что Энгельс называет идеологическим переворачиванием действительного отношения познающего мышления к бытию, невозможно возникновение и существование самой этой философии «в старом смысле слова», т.е. воспринимающей себя в качестве особой науки, некой «обособленной» науки наук, стоящей над всеми другими науками и связывающей их воедино в какую-то завершённую систему, наподобие гегелевской «Энциклопедии философских наук». В качестве частного примера Энгельс здесь приводит то, как Дюринг доказывал «принцип единственности бытия».

Единство бытия и нелепость потустороннего мира есть результат всего исследования мира, но здесь имеется в виду доказать его *a priori*, исходя из аксиомы мышления. Отсюда бессмыслица. Но без этого переворачивания *обособленная философия невозможна*» [4, т. 20, с. 630]. И здесь же он предупреждает, что «*систематика*» (т.е. построение абсолютно законченной системы. *Ред.*) после Гегеля невозможна. Ясно, что мир представляет собой единую систему, т.е. связанное целое, но познание этой системы предполагает познание *всей* природы и истории, чего люди *никогда* не достигают. Поэтому тот, кто строит системы, вынужден заполнять бесчисленное множество пробелов *собственными измышлениями*, т.е. *иррационально* фантазировать, заниматься идеологизированием» [4, т. 20, с. 630]. Как прежде, так и ныне этим приятным делом заняты идеологи всех мастей.

Таким образом, сущность *идеологизма*, как проявления старого излюбленного философами (и не только ими) «идеологического метода, называемого также априорным», согласно Энгельсу, заключается, попросту в том, что «сперва из предмета делают себе понятие предмета; затем переворачивают все вверх ногами и превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета. Теперь уже не понятие должно соотноситься с предметом, а предмет должен соотноситься с понятием». Иными словами, сущность подобного идеологизирования состоит, фактически, в том, что те или другие свойства и связи изучаемого предмета познаются не путем обнаружения их в самом предмете, открывая их в самих фактах действительности, а «путем логического выведения их из понятия предмета» или, соответственно, из каких-либо уже готовых принципов, аксиом, схем, создаваемых воображением, придуманных «из головы», или заимствованных из мышления своих предшественников, из унаследован-

ного мыслительного материала прошлых эпох. Что и оказывается «чистой идеологией, выведением действительности не из нее самой, а из представления» [4, т. 20, с. 97].

Отмечая властвование над сознанием людей авторитетов и традиций прошлых эпох («идолов театра», по терминологии Ф. Бэкона), Маркс выразительно заметил, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют подобно кошмару над умами живых». И как раз весьма существенно здесь то обстоятельство, что всякая идеология, раз возникнув, «развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений. Иначе она не была бы идеологией, то есть не имела бы дела с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам» [4, т. 21, с. 313]. Во всяком случае, так это представляется сознанию идеологизирующего мыслителя, который имеет дело исключительно с материалом мыслительным; и потому без дальнейших оценок считает, что этот материал порожден мышлением; выводит как содержание, так и форму мыслительного процесса из чистого мышления, и вообще не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника. И «такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое действие кажется *основанным* в последнем счете на мышлении, потому что совершается *при посредстве* мышления» [4, т. 39, с. 83]. Мыслящему таким образом идеологу истинные движущие силы, побуждающие его к деятельности остаются неизвестными, «в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах» [4, т. 39, с. 83].

Крайне примечательно то, выше уже отмеченное обстоятельство, что в своих характеристиках идеологии, *идеологического воззрения*, в указанном смысле слова, Энгельс особо настойчиво подчеркивает: «тот факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот (идеологический – В.О.) мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход, остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии» [4, т. 21, с. 313]. Вместе с тем, Энгельс обращает внимание и на активную роль этого превратного идеологического сознания, отмечая: «Отражение экономических отношений в виде правовых принципов точно так же необходимо ставит эти отношения на голову. Этот процесс отражения происходит помимо сознания действующего; юрист воображает, что оперирует априорными положениями, а это всего лишь отражения экономических отношений. Таким образом, все стоит на голове. А что это извращение, представляющее собой, пока оно ещё не раскрыто, то, что мы называем *идеологическим воззрением*, в свою очередь, оказывает обратное действие на экономический базис и может его в известных пределах

модифицировать, — это мне кажется само собой разумеющимся» [4, т. 37, с. 418].

К несчастью, то, что казалось «само собой разумеющимся» гениям, заложившим основы материалистического понимания истории, оказалось сплошь да рядом так до конца и не понятым или неправильно понятым (что проявилось в особенности в практике применения марксистского учения и метода) множеством как не по уму усердных сторонников, так и критиков исторического и диалектического материализма. То вознося марксизм на уровень «абсолютной науки» наподобие гегелевской системы, то низводя его на уровень вульгарного «экономического детерминизма», и хвалители, и хулители великого учения сходились в одном: «решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики» [4, т.45, с. 378]. Соответственно не поняли и того, что «все миропонимание (Auffassungsweise) Маркса – это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» [4, т. 39, с. 352].

Реальные исторические последствия как догматического, так и ревизионистского толкования марксизма всю свою вредоносную природу с особой силой продемонстрировали в той всемирно-исторической трагедии, какой явился развал СССР в связи с поражением первой исторически значимой локальной попытки совершить предсказанный творцами марксизма диалектический «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы», т.е. в реальности начать переход из «предыстории человеческого общества», которая завершается буржуазной общественной формацией, к *«действительной истории человека как уже предположенного субъекта»*. Когда, иначе говоря, «люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя – свободными» [4, т.13, с. 8; т. 19, с. 228, 230; т. 42, с. 155].

Современным циникам, нигилистам, филистерам разного уровня, вплоть до «элитарно-гламурного», сегодня, на фоне всего, что творится и вытворяется в мире и тем более на пространстве бывшего СССР, смешно, конечно, читать или слышать подобный футурологический прогноз. Его авторов принято нынче объявлять неисправимыми утопистами. Не вдаваясь по этому поводу в бесплодную в подобном ключе полемику, достаточно для начала просто поставить ребром вопрос: а что господа могут предложить взамен? И в конечном итоге в таком случае непременно получается то, что в свое время блестяще обосновал и выразил один из немногих настоящих марксистов XX века, Э.В. Ильенков, а именно, что «марксистский коммунизм в XX веке (и в XXI отнюдь не менее – В.О.) оказывается единственной рационально обоснованной доктриной, могущей предложить людям земной идеал их коллективно осуществляемой самодеятельности. Поэтому марк-

сизму ныне противостоит не «другая» теоретическая доктрина, а отсутствие доктрины» [1, с. 168]. Симптоматично, что сходным образом высказался и такой знаменитый автор, которого явно к правоверным марксистам не причислишь, как Ж.П. Сартр: «Тот, кто претендует на преодоление марксизма, в худшем случае вернется к домарксовской теории, а в лучшем – лишь вновь откроет для себя мысли, которые содержатся в философии, которую он надеялся превзойти». Автор статьи «О философии Маркса» К.Н. Любутин [3, с. 112] привел в начале её этот отзыв, замечает, что «конечно, как во всяком афоризме, здесь есть гиперболизация», хотя «в главном Сартр прав».

С моей же точки зрения, никакой «гиперболизации» в такой оценке нет, а есть, как и у Э.В. Ильенкова, точная обобщающая констатация реального положения дел в идейно-методологическом и идеологическом развитии всего современного общественного сознания. И особенно это надо подчеркнуть, — в целях более адекватного усвоения недопонятых уроков аутентичного марксизма – после той советской катастрофы, которая потрясла мир не менее того (только в противоположном смысле и векторе настроений), как это произошло, по знаменитому выражению Джона Рида, в 1917 году. Не зря же самый выдающийся политик-революционер второй половины XX столетия сравнил это с тем, как если бы вдруг солнце утром не взошло. И несомненно, что среди комплекса предпосылок и причин, обусловивших это трагическое поражение коммунистического движения, свою роковую роль сыграло и то обстоятельство, что о применявшемся на практике и преподносившемся массам «марксизме» сплошь да рядом можно было бы сказать то, что Маркс как-то заметил (в письме Энгельсу – от 9.XII.1861 г., соглашаясь с его мыслями) о книге Ф. Лассалья «Система приобретенных прав»: «Идеологизм проходит через все, а диалектический метод применяется *неправильно*. Гегель никогда не называл диалектикой подведение массы «случаев» под общий принцип». Сам же Энгельс в данном случае усматривал «большое суеверие» у Лассалья в том, что тот все еще верит в «идею права», в абсолютное право, тогда как «даже с чисто философской точки зрения он должен был бы уразуметь, что абсолютом является только процесс, а не просто временный результат последнего, и тогда у него не могло бы получиться никакой другой правовой идеи, кроме самого исторического процесса» [4, т. 30, с. 168, 165, 166].

Именно последовательно проводимый «материалистический историзм», закономерно делающий, по ленинскому выражению, «точку зрения жизни, практики первой и основной точкой зрения теории познания», и есть самое надежное средство против всяких рецидивов идеологизма, против того, в том числе, что авторы «Немецкой идеологии» называли «идеализацией идеологии», и *что* вновь и вновь гальванизируясь в качестве атавистической архаики философии в старом смысле слова, – но зачастую в новом терминологическом облачении, — существует так или иначе во всей буржуаз-

ной немарксистской философии. Равно как просуществовало — в некотором смысле спорадически и латентно (что, кстати сказать, нередко и давало повод язвительным студентам брежневской эпохи воспринимать преподносимый им «марксизм» иронически, как своего рода «закон божий») — и в так называемой советской философии, а в наши дни, на фоне столь любезной известно кому «дискредитации» марксизма, распустилось пышным цветом в трудах авторов, открестившихся от марксизма, избегающих его как черт ладана. Зато рьяно старающихся оживить бесплодный дух философствующего идеологизма, сокрушительный удар по самой методологии которого и наносит, как отмечалось, именно диалектико-материалистическое, а потому, и последовательно критическое, понимание истории и природы, а значит, вместе с тем, и человеческого сознания и мышления, в том числе и философского.

«Мы знаем только одну единственную науку, науку истории», отмечали авторы «Немецкой идеологии», утверждая, что «почти вся идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от неё. Сама идеология есть только одна из сторон этой истории» [4, т. 3, с. 16]. Сегодня же, в условиях господства политического «пиара» и квазиплюрализма власть и богатство имущих, может создаваться небезосновательное впечатление, что, скорее, сама *история* есть мистически воплощаемая в жизнь превратная *идеология* (идеологическая политика и политическая идеология), опрокинутая и в прошлое и командующая настоящим, и пытающаяся проектировать будущее (или хотя бы грезить о нём?) в интересах сохранения власти Капитала над Трудом в глобально и кризисно, антагонистически развивающемся организме мирового социума.

Одно из необходимых мировоззренческо-методологических условий сознательно-критического преодоления царящей ныне «разрухи в головах», в том числе и «философских», и является четкое выяснение природы и опасностей вышеописанного феномена *идеологизма*. И в этой связи более глубокое понимание ясно сформулированного в позапрошлом веке вывода, что истинная современная задача научного познания в любой его области заключается не а том, чтобы придумывать существенные связи вещей и явлений действительности «из головы», а в том, чтобы *открывать* их при помощи головы в самих наличных фактах объективной реальности. Ведь после крушения вместе с гегелевской философией, — как философией *по преимуществу*, как «самой законченной формой философии», — в принципе «всей философии в старом смысле слова», как «особой науки стоящей над всеми другими науками», после такого символически и принципиально обобщенного (по логике её развития) «конца» философии, по словам Энгельса, «остались только диалектический способ мышления и понимание всего природного, исторического и интеллектуального мира как мира бесконечно

движущегося, изменяющегося, находящегося в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Теперь не только перед философией, но перед *всеми* науками было поставлено требование открыть законы движения этого вечного процесса преобразования в каждой отдельной области. И в этом заключалось наследие, оставленное гегелевской философией своим преемникам» [4, т. 20, с. 23, примечание]. При таком подходе к логике философского и научного познания неизбежен сделанный Энгельсом вывод, что «за философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика».

Иначе говоря, «тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» [4, т. 20, с. 23, 25; т. 21, с. 316]. Достаточно сравнить эту предельно ясную логику классиков марксизма с той трактовкой философии как универсального мировоззрения, как учения (науки!) о «мире в целом», которая всё ещё весьма живуча в умах, чтобы видеть, что и в этом аспекте также марксизм не пощадила трагикомическая ирония всемирной истории, согласно которой, по марксовой же формулировке, «благие намерения при их реализации превращаются в свою прямую противоположность». Знай сам Маркс нынешнюю судьбу своих трудов, не иначе как вновь повторил бы слова своего друга Гейне: «я сеял зубы драконов, а сбор жатвы дал мне блох». Утешает одно: «еще не вечер» и развитие человечества, вопреки всяческим прогнозам о «закате» или «конце» то «коммунизма», то вообще «истории», в очередной раз похоронит надежды всевозможных любителей комфортной для них «стабильности» на то, что, де, наконец-то то ли мировая история вообще, то ли только Россия «исчерпали лимит на революции». Как говорится в подобных случаях, «не дождётесь!» Впрочем, не являются ли и данные размышлизмы всего лишь некоей отрывочкой идеологией?

Библиографический список

1. Ильенков Э.В. Философия и культура.- М.: Политиздат, 1991.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое.
3. Любутин К.Н. О философии Маркса. //Вестник Российского философского общества, 2007 - №2, С. 112 – 119.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе.
5. Перуанский С. С. Слухи о смерти философии сильно преувеличены // Вестник Российского философского общества, 2006, № 4, С. 108 – 114.
6. Харитонов В. А. С чего начать возрождение философии // Вестник Российского философского общества, 2007, № 1, С. 106 -107.
7. Чекалов А. Е. О научном статусе философии // Вестник Российского философского общества, 2006, № 4, С. 102 – 105.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Проблема профессионального самоопределения привлекала внимание широкого круга советских и российских исследователей на протяжении всей второй половины XX века. Именно в этот исторический период нашей страны социология, психология, педагогика, предметом изучения которых также является и профессиональное самоопределение, получили «второе дыхание» в своем развитии. И каждая из этих наук рассматривает данный феномен под своим углом.

С точки зрения социологии самоопределение рассматривается по отношению к поколению в целом и характеризует его вхождение в определенные социальные структуры и сферы жизни и его стабилизацию в этих социальных структурах и сферах. Виды самоопределения: профессиональное, личностное, семейное и т. д. соответствуют видам этих структур и сферам жизни. Критериями самоопределения являются включения в те или иные сферы жизни, а жизненные события, такие, как поступление в высшее учебное заведение, трудоустройство, которые фиксируют эти включения, с социологической точки зрения, являются этапами самоопределения [1].

Психология обращает основное внимание на процесс самоопределения, на психологические механизмы процесса самоопределения, которые обуславливают вхождение в социальные структуры и сферы жизни и формируют определенное состояние самоопределения личности [10].

Педагогика рассматривает профессиональное самоопределение как процесс формирования личностью своего отношения к профессионально-трудовой сфере и способ его самореализации через согласование внутриличностных и социально-профессиональных потребностей [6, С. 212].

Предметом социальной философии является отношение между обществом людей, социальными институтами, общественными сферами – с одной стороны, и общественным человеком – с другой. Общественный человек – это человек, принадлежащий какой-либо общности: семья, деревня, государство, этнос. [9, С. 7]. В данном контексте профессиональное самоопределение может рассматриваться как

- одно из обязательных условий становления общественного человека, активно действующего в рамках образовательной, политической, семейной, экономической, культурной сфер
- явление социальной реальности, отражающее особенности современного развития институтов образования, экономики, политики, культуры

- следствие аксиологических характеристик общественного человека.

Традиционно в рамках философии понятие «профессиональное самоопределение» рассматривалось сквозь призму смысла человеческого бытия.

В отечественной философии проблема смысла жизни получила отражение в работах И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, С. Л. Рубинштейна, С. Л. Франка. Русские ученые разрабатывали данную проблему и как на уровне индивида, так и на уровне социума. В последние десятилетия XX века тема смысла жизни обогатилась трудами таких исследователей, как, К. А. Абульханова-Славская, А. А. Бодалёв, Д. А. Леонтьев, Е. А. Климов, А. А. Пелипенко, В. П. Загороднюк, В. Э. Чудновский и др.

В работе Д. А. Леонтьева «Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности» [4] подчёркивается значение смысла как объединяющей основы личности, и выделяются три грани смысла - онтологический, феноменологический и деятельностный. Эти грани отражают структурно-содержательные характеристики бытия смысла. Онтологический аспект отражает «жизненный смысл и характеризующуюся в нём динамику жизненных отношений». Феноменологический аспект смысла подразумевает личностный смысл и «отражающуюся в нём динамику субъективного образа реальности». Деятельностный аспект смысла – это «смысловые структуры и отражающаяся в них динамика деятельности (жизнедеятельности)». [4].

Существуют определения смысла жизни. С. Л. Рубинштейн видит смысл человеческой жизни в том, чтобы «быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества». [7].

В. Э. Чудновский полагает, что смысл жизни - это «идея, содержащая в себе цель жизни человека, «присвоенная» им и ставшая для него ценностью чрезвычайно высокого порядка...». [13]. Причем ясно, как соотносятся в данном случае между собой цель жизни и смысл жизни: смысл подобен предназначению, которое предполагает определенный набор целей. Цели направлены на получение определенных результатов, которые в своей совокупности приводят либо к реализации, либо к не реализации своего предназначения, то есть смысла жизни. Реализация предназначения происходит в случае его осознания человеком, не реализация – если человек так и не смог понять, зачем он живет.

В. Франкл считает, что именно стремление к обретению смысла своего существования является той силой, которая детерминирует развитие личности. [12].

В философии есть мнение, что смысл жизни связан с духовным бытием и даже находится выше жизни (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, В. Франкл и др.). Так, И. А. Ильин подчёркивает, что «дух есть сила самоопределения к

лучшему. Дух есть сила, которая имеет дар усилить себя и преодолеть то, что отвергается: дух имеет силу и власть создавать формы и законы своего бытия, творить себя и способы своей жизни». [2].

Как пишет В. И. Слободчиков, духовное бытие человека начинается там, где человек освободился от чужой и своей «земной» самости. Именно духовное бытие определяет, что есть главное и что есть должное в жизни, ради чего стоит жить и не жалко отдать саму жизнь. Именно отсюда человек начинает осознавать смысл своей жизни. [8].

Через жизненный смысл строится и отношение к профессии. Профессиональное самоопределение в контексте осознания человеком своего предназначения имеет большое значение, так как профессия для личности – возможности и духовной, творческой самореализации, и материального обеспечения, получения социального опыта взаимодействия с другими членами общности.

В контексте смысла человеческого бытия философы рассматривают проблему самоопределения личности во взаимосвязи с процессом саморазвития. Самоопределяясь, человек находится в процессе становления, самоизменения. Профессионально самоопределяясь индивид не только становится и самоизменяется как профессионал, но и как личность в целом.

Современные исследователи данной проблематики Н. С. Пряжников, Е. Ю. Пряжникова определяют сущность профессионального самоопределения как поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также – нахождение смысла в самом процессе самоопределения [5].

В философской энциклопедии под редакцией Ф. В. Константинова представлены два значения понятия «смысл». В первом случае смысл употребляется как синоним значения [видимо, синоним предназначения – Е. Д.]; во втором – как обозначение мысленного содержания, информации, которая связывается с данным языковым выражением. [11, С. 38]. Смысл профессионального самоопределения как выбор человеком своего предназначения в жизни (в первом понимании понятия смысла) представляется не совсем исчерпывающим, поскольку предназначение человека, совершенно очевидно, не может ограничиваться лишь выбором профессии, хотя и имеет важное значение в жизни любой личности. Смысл профессионального самоопределения как обозначение или описание содержания данного феномена, информации, имеющейся о нем, также является, на наш взгляд, не достаточно глубоким для отражения сущности изучаемого явления. В этом случае необходим синтез двух значений понятия «смысл» и тогда под смыслом профессионального самоопределения можно понимать и предназначение, значение той или иной профессии для человека, общества, и обозначение содержания,

информации, которые связываются с языковым выражением «смысл профессионального самоопределения».

Понимание профессионального самоопределения как поиска и нахождения личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также – нахождения смысла в самом процессе самоопределения, по мнению Н. С. Пряжникова и Е. Ю. Пряжниковой, приводит к обнаружению парадокса самоопределения: найденный смысл тут же обесценивает жизнь (образуется как бы «пустота»). Поэтому важен именно процесс поиска смысла, где отдельные, уже найденные смыслы – это лишь промежуточные этапы процесса, то есть сам процесс становится главным смыслом – это и есть жизнь, жизнь как процесс, а не как некое «достижение» [5].

Н. С. Пряжников, Е. Ю. Пряжникова условно выделяют некоторые варианты смысла самоопределения в целом, предназначенные для общей ориентировки самоопределяющегося человека.

В качестве первого варианта авторы называют «обобщенный смысл» профессионального самоопределения, можно сказать практический, поскольку заключается он в поиске такой профессии и работы, которая давала бы возможность получать заработок (общественную оценку труда) по справедливости, то есть в соответствии с затраченными усилиями (или в соответствии с вкладом человека в общество).

При описании второго смысла самоопределения Пряжниковы ссылаются на Фромма, по которому человек выполняет значимую для себя деятельность, как бы лично «сливаясь» с ней, то есть когда человек «любит то, ради чего он трудится, и трудится ради того, что он любит».

В третьем пункте Пряжниковы предлагают такой вариант смысла самоопределения как страдание. Но, по Франклу, «только такого страдания, которое меняет человека к лучшему». Правда, до него еще Ф. Ницше писал, что «место человека в обществе определяется теми страданиями, которые он готов за это вынести» [5]. А. Шопенгауэр также продолжал развивать эту идею: «Если ближайшая и непосредственная цель нашей жизни не есть страдание, то наше существование представляет самое бестолковое и нецелесообразное явление. ... Работа, беспокойство, труд и нужда есть доля почти всех людей в течение всей жизни. Но если бы все желания исполнялись, едва успев возникнуть, – чем бы тогда наполнить человеческую жизнь, чем убить время?» [3, С. 32, 35].

В качестве четвертого варианта смысла самоопределения Пряжниковы, ссылаясь, на работу Дж. Ролза «Теория справедливости», отмечают чувство собственного достоинства, повышение чувства собственной значимости. Не деньги (и приобретаемые на них блага) становятся главным смыслом: деньги – это одно из средств для повышения чувства собственного достоинства. То

есть часто при выборе профессии (наиболее престижной и денежной) человек либо сознательно, либо интуитивно ориентируется на то, что может дать ему профессия для повышения чувства собственной значимости.

Сам Н. С. Пряжников, развивая идею чувства собственного достоинства, выделяет еще один вариант смысла – стремление к элитарности. Известно, что многие люди часто мечтают попасть «из грязи в князи» (в том числе и через «удачно» выбранную профессию, и через «удачное» трудоустройство). Это особенно важно в эпохи социально-экономических преобразований и потрясений, когда на первый план выходят не столько творческие, высококвалифицированные специалисты, эффективно работающие в более стабильных условиях, а так называемые «авантюристы», которые обладают не столько талантом хорошо работать, сколько талантом хорошо устраиваться [5].

Принимая решение выбора среди нескольких альтернатив, профессионально самоопределяясь, личность участвует в процессе поиска личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также находит смысл в самом процессе самоопределения. А способность к самоопределению становится фактором самопознания, самореализации в системе социальных отношений.

Библиографический список

1. Гинзбург М. Р. Психология личностного самоопределения. – М., 1996.
2. Ильин И. А. Пути духовного обновления // Собр. соч. В 10-ти тт. – М., 1993. Т. 1. С. 95.
3. К учению о страданиях мира. / Шопенгауэр А. Мысли. Пер. с нем. Ф. В. Черниговца. – М., 2006.
4. Леонтьев В. А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой деятельности. М, 2003. С. 13.
5. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда. www.ido.edu.ru
6. Российская педагогическая энциклопедия: В 2-х тт. / Гл. ред. В. В. Давыдов. Т. 2. М., 1999.
7. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. – М., 1997. С. 113.
8. Слободчиков В. И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе // Автореф. дисс... докт. психол. наук. – М., 1994. – С. 15.
9. Соколов С. В. Социальная философия. – М., 2003.
10. Суханова Н. А. Специфика профессионального самоопределения личности и его психологическая обусловленность на этапе освоения профессии // Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности : 2-я междунар. науч. интернет-конф., 01.03.07–01.05.07. Омск, 2007. <http://konfer.narod.ru/suhan.htm> (04.06.07).
11. Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. Т. 5.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
13. Чудновский В. Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» и «внутреннего» // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. – с. 15 – 16.

ЧЕЛОВЕК И ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Взаимосвязь человека и общества является неразрывной и рассматривается в самых разных аспектах и с различных позиций. В этой статье хочется обратить внимание на различные стороны человеческой жизни в условиях информационного или, по-другому, постиндустриального общества.

Для того, чтобы обнаружить трудности, с которыми сталкивается человек в этом обществе охарактеризуем основные черты данного этапа общественного развития. К определению основных характеристик и перспектив развития информационного общества существуют различные подходы для их освещения проведен небольшой экскурс в историю.

Впервые понятие «информационное общество» появилось во второй половине 1960-х годов. Изобретение самого термина «информационное общество» приписывается профессору Токийского технологического института Ю. Хаяши. Подходы к интерпретации информационного общества отражены в работах американского социолога Д. Белла (книга «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» вышедшая в 1973 г.), японского ученого И. Масуды (книга «Информационное общество как постиндустриальное общество»), английского ученого Т. Стоуньера, канадца М. Маклюэна, американского ученого Э. Тоффлера (книга «Третья волна»).

Рубеж 1980/90-х годов можно обозначить как начало нового этапа в развитии идей глобального информационного общества. Прежде всего этот период связан с результатами исследований Питера Дракера и Мануэля Кастельса. П. Дракер, известный американский экономист, один из создателей современной теории менеджмента, принимал активное участие еще в дискуссиях начала 70-х годов. Однако свой непосредственный вклад в формирование нового облика существующих концепций постиндустриализма он внес позднее, опубликовав книгу «Посткапиталистическое общество».

Для М. Кастельса формирование международных деловых и культурных сетей и развитие информационной технологии – явления неразрывно связанные и взаимозависимые. Все сферы жизни, начиная с геополитики крупных национальных государств и заканчивая повседневностью людей меняются, оказываясь помещенными в информационное пространство и глобальные сети. Его фундаментальное исследование «Информационная эра: экономика, общество и культура» посвящено развернутому анализу современных тенденций, приводящих к формированию основ общества, которое он назвал «сетевым».

За последнее десятилетие к теме глобального информационного общества неоднократно обращались и отечественные ученые, которые разработали собственные определения нового общества. Так, А. И. Ракитов в рабо-

тах конца 80-годов писал, что главной целью информационного общества является обеспечение правовых и социальных гарантий того, что каждый гражданин общества, находящийся в любом месте и в любое время, сможет получить всю необходимую для решения насущных проблем информацию.

Г. Л. Смолян и Д. С. Черешкин в разработанном ими подходе к основным признакам нового общества относят: формирование единого информационного пространства и углубление процессов информационной и экономической интеграции стран и народов; становление и в дальнейшем доминирование в экономике стран, наиболее далеко продвинувшихся на пути к информационному обществу, новых технологических укладов, базирующихся на массовом использовании сетевых информационных технологий, перспективных средств вычислительной техники и телекоммуникаций; повышение уровня образования за счет расширения возможностей систем информационного обмена на международном, национальном и региональном уровнях и, соответственно, повышение роли квалификации, профессионализма и способностей к творчеству как основных характеристик услуг труда. (7) Вместе с тем в концепции особое внимание уделяется вопросам информационной безопасности личности, общества и государства в складывающемся обществе и создания эффективной системы обеспечения прав граждан и социальных институтов на свободное получение, распространение и использование информации.

Известный ученый Никита Моисеев считал, что без свободного доступа всех людей к информации вообще не имеет смысла говорить о построении информационного общества – «общества коллективного интеллекта планетарного масштаба». Однако эта труднейшая социально-политическая проблема, на его взгляд, вряд ли может быть решена в рамках современных «присваивающих» цивилизаций, в которых большая часть людей далеко не всегда готова делиться знаниями, хотя это жизненно важно для всех остальных. Необходима смена шкалы ценностей и менталитета. «Информационное общество – это такой этап истории человечества, когда коллективный разум становится не только опорой развития Homo sapiens, но и объектом целенаправленных усилий по его совершенствованию». (5)

Обобщая существующие подходы к трактовке понятия «глобальное информационное общество», можно сказать, что в настоящее время под таким понимается:

- общество нового типа, формирующееся в результате новой глобальной социальной революции, основой которой является взрывное развитие и конвергенция информационных и телекоммуникационных технологий;
- общество знания, в котором главным условием благополучия каждого человека и каждого государства становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информации и умению с ней работать;

- глобальное общество, в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ; где с помощью научной обработки данных и поддержки знания будут приниматься более продуманные и обоснованные решения с целью улучшения качества жизни во всех ее аспектах;

- общество, которое, с одной стороны, способствует взаимопроникновению культур, а с другой, открывает каждому сообществу новые возможности для самореализации.

Как можно заметить жизнь в таком обществе имеет для конкретного, индивидуального человека как преимущества, так и недостатки. Что же представляет из себя человек в этих условиях? Какое место занимает?

Для ответа на эти вопросы сначала обратимся к интерпретации понятия «человек». Человек сложное по своей природе существо: он сочетает в себе биологические, психологические и социальные черты, способен к саморефлексии, а также использует не морфологический, а поведенческий способ адаптации к изменяющимся условиям среды. Это позволило выжить человеческому роду в естественных природных условиях. Сегодня на первый план вышли потребности приспособления человека к быстроменяющимся условиям жизни в обществе, особенно в условиях информационного общества, а, следовательно, главенствующее положение в оценке человека приобрели социально обусловленные черты.

В ходе исторического развития человек все больше становился зависимым от общества и старался соответствовать требованиям, предъявляемым необходимостью. Ресурсами для осуществления такого приспособления служат адаптивный потенциал и адаптивные механизмы. Л. В. Корель определяет термин «адаптивный потенциал», как совокупность свойств, которые существуют в скрытом виде и «задействуются» в ходе адаптации. (4) А в качестве основных адаптивных механизмов Б. Березиным представлены реакции напряжения и стресса. (1) Оба эти ресурса есть у каждого человека, но неповторимость каждого делает и эти ресурсы строго индивидуализированными. Другими словами, успешность адаптации зависит от личности, а точнее от личностного потенциала. При этом личностный потенциал следует понимать как совокупность личностного ресурса и уровня развития самопознания, обеспечивающих процесс саморегуляции и самореализации в измененных условиях существования. Понятие личностного ресурса включает также ряд более «жестких» структурных характеристик, каковыми являются индивидуальные психологические качества, начиная от свойств темперамента и заканчивая эмоциональными, интеллектуальными и коммуникативными характеристиками. Они в значительной мере определяют явление «стрессоустойчивости» и особенности развития адаптивных реакций. Следует отметить и еще один не маловажный аспект – возрастные

изменения человеческого организма. С изменением возраста личностный потенциал сначала возрастает до момента достижения человеком зрелости, а затем уменьшается, человеку все труднее становится приспосабливаться к изменениям условий своего существования. Этот процесс естественен и неотвратим.

Возвращаясь к мысли о преимуществах и недостатках жизни в информационном обществе необходимо отметить, что на современном этапе своего существования человек создал в техногенной цивилизации противоречивую техно-биосферную среду своей жизнедеятельности, почти полностью изменив все традиционные способы производства, умственного труда, быта, общения. Если раньше изменения в образе жизни, ментальности и психике людей все же оставляли человека человеком, то переход к постиндустриальному, информационному обществу наносит непоправимый ущерб «природной» жизни цивилизации и «природному человеку», вырвав из естественных условий развития и бросив в техносферные условия, в мир, наполненный различными техническими устройствами, сооружениями, опасной радиацией и «высокими скоростями» передвижений и изменений жизни. Потребность людей в развитой социокультурной среде, какой обладает современный крупный город, входит в противоречие с биосферным происхождением и природной жизнью человека. Стремительно социализирующийся биосферный человек ради своего дальнейшего социального возвышения и положения в обществе, особенно в условиях создавшихся на планете рыночных отношений, должен в самом себе изо дня в день вымещая природного, биосферного человека заменять его суррогатом из био- и техно-. Человек влияет на самого себя при помощи созданного им инструмента деятельности – техники и огромного искусственного окружения – техносферы, которые трансформируют его в конечном итоге.

В качестве преимущества можно отметить возможность практически безграничного общения, обмена опытом и знаниями, которое можно осуществить с помощью средств современной и широкодоступной коммуникации. Это в свою очередь является одним из аспектов глобализации. Б. А. Воронович и В. П. Торукало в статье «Человек в глобализирующемся мире: проблемы и тенденции» отмечают, что антропологическим корнем глобализации является иррационально данная природе человека способность или потребность в общении. Значит, люди «устроены» так, что они не могут не передавать и не получать опыт и ценности друг друга. Более того, глобализация является необходимым звеном в развитии социума, инструментом его жизнедеятельности и обновления. То есть, этот процесс для человека естественен, однако, практика обмена опытом, общением является закономерностью общественной жизни, которая пробивает себе дорогу как сознательно, так и стихийно.

В первом случае изучение и усвоение опыта осуществляется целенаправленно, продуманно, осмысленно. Общество знания насыщено информацией, можно узнать все и обо всем, но качество и количество предлагаемой информации невозможно контролировать и отфильтровывать. В результате чего человек оказывается заложником ситуации одновременного знания и не знания. Даже предпринимая усилия для некой систематизации имеющихся данных человек обладая современными техническими средствами оказывается бессилем перед скоростью изменения данных. Ситуация постоянного выбора держит организм человека в стрессовом состоянии, что в свою очередь накладывает значительный отпечаток на здоровье, работоспособность и адекватность восприятия человеком окружающего мира.

Во втором случае обмен опытом, знаниями идет стихийно – самопроизвольно, подсознательно, непреднамеренно. Поток этой информации идет постоянно. Не следует забывать, что это еще и общество потребления, а человек выступает в качестве потребителя, следовательно, является объектом внимания для всех систем работающих на реализацию товаров или услуг. Это запирает человека в рамки обыденности и подвергает постоянному агрессивному влиянию PR-технологий. Человек, в свою очередь, даже не пытается этому противостоять полагая, что это не приносит ему вреда.

Обратимся еще к одному аспекту, касающемуся взаимопроникновения культур и возможности самореализации сообщества. Без сомнения, информационное общество предоставляет для этого благоприятные условия и процесс глобализации тоже этому способствует. Каждый человек как бы состоит из двух: один из них — конкретное лицо, глубоко и сугубо индивидуальное, а дугой – мировое, общечеловеческое, тотальное, всеобщее, универсальное лицо. Аналогичную параллель можно провести между различными социальными общностями. Вернемся, к человеку как представителю социальной общности. Каждый человек универсален, поскольку он человек и в нем самом и в его жизнедеятельности заключены черты, которые присущи всем людям на земле. Будучи носителем общечеловеческих ценностей, качеств, отдельный человек является тотальным, универсальным, глобальным человеком, представителем всего человечества, всех людей на планете. Он развивается и как глобальная сущность за счет универсализации индивидуального опыта. С течением времени унификация форм жизни людей, народов и государств только усилится. Человек будет себя в большей степени идентифицировать как гражданина мира, а в меньшей как представителя определенной национальной или этнической группы. Индивидуальность должна сохраняться за счет сформированности у каждого человека чувства самоидентификации.

Сложившаяся ситуация является весьма противоречивой; с одной стороны, естественная потребность людей к самореализации и стремлением

к достижению успеха в общественной жизни, для этого информационное общество способно предоставить самые разнообразные ресурсы и возможности, с другой стороны – несвойственность и не естественность для человека формы организации общественной жизни и скорости ее протекания и изменения. Для успешной адаптации к этим условиям нужен новый взгляд на мир и переосмысление многих аспектов существования человека, в частности норм и ценностей, системы воспитания и образования.

Библиографический список

1. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988
2. Бодров В. А. Когнитивные процессы и психологический стресс. // Психологический журнал. 1994, № 6, С. 121-128.
3. Воронович Б. А., Торукало В. П. Человек в глобализирующемся мире: проблемы и тенденции. // Социально гуманитарные знания. 2004 № 6.
4. Корель Л. В. Женщины на крутых виражах реформ // ЭКО, 1995, № 6, С. 143-159.
5. Моисеев Н. Информационное общество как этап новейшей истории // Свободная мысль. 1996, № 1, с. 81-83.
6. А. А. Чернов Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. – М., 2003.
7. Черешкин Д. С., Смолян Г. Л. Сетевая информационная революция // Информационные ресурсы России, 1997, № 4, с. 15-18.
8. Чувин С. Н. К вопросу о направлениях трансформации человека. // Социологические исследования. 2007. № 1.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ

Т. Г. Скороходова

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А. ДЖ. ТОЙНБИ В МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ИНДИЙСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Теоретическая концепция британского историка, социолога, представителя философии культуры Арнолда Джозефа Тойнби (1889–1975), созданная в фундаментальном труде «Исследование истории», объединяет конкретно-фактологический анализ исторических процессов, философские, теологические, социологические и культурологические обобщения, и в силу этого привлекает внимание представителей социальных наук. Философы, как, например, Х. Ортега-и-Гассет, критикуют Тойнби за нефилософичность методов разработки философской проблематики, господствующей в его трудах [2, с. 15]. Историки нередко считают его труд «философией истории», однако это скорее историческая концепция, в которой «имманентно присутствует определённый философско-теолого-социологический костяк, благодаря которому тойнбианская историческая концепция обретает известную цельность и последовательность» [2, с. 14–15].

Если методологически разграничить теоретический и эмпирический уровни исторического мышления Тойнби, как это сделал видный российский историк-востоковед и философ Е. Б. Рашковский, то можно попытаться применить ряд теоретических положений Тойнби в качестве методологии анализа исторической динамики цивилизационных процессов на Востоке Нового и Новейшего времени.

Концепция «Вызова-и-Ответа» Тойнби позволяет нетривиально анализировать эпоху Индийского Возрождения (Ренессанса) XIX–1 трети XX вв. «Индия сама по себе – целый мир; – писал Тойнби, – она представляет собой общество не меньшей величины, чем наше западное, и в то же время это единственное значительное незападное общество, которое не просто подверглось нападению, но было захвачено силой западного оружия, и не только захвачено, но надолго осталось под властью западных правителей» [11, с. 170].

Вторжение европейцев на Индийский субконтинент и установление британского Раджа (правления) в XVIII – XIX вв. стало внешним Вызовом традиционному обществу. Вызов складывался из ряда компонентов. 1) Экономический компонент: метрополия, в отличие от традиционной Индии, успешно шла по пути рыночной модернизации и промышленного переворо-

та, и нуждалась в новых рынках сбыта и источниках сырья. 2) Политический компонент: парламентская система и ряд демократических институтов не были известны традиционным монархиям Индии. Системы управления колониальной администрации Ост-Индской компании качественно отличались от институтов, существовавших на субконтиненте, несмотря на демократические традиции древних республик и систем деревенских *панчаятов* Индии. 3) Социальный компонент: Британия представила модель общества, гарантировавшего личности свободу и формальное равенство прав, которое противостояло системе кастовой иерархии, ограничивающей возможности социальной мобильности индивида. 4) Культурный компонент сложился из проникновения в Индию идей философии европейского рационализма и достижений европейской науки и культурно-идеологической экспансии христианских миссионеров.

Согласно Тойнби, вызов внешнего фактора выполняет функцию превращения «внутреннего творческого импульса» в постоянный стимул роста общества. Вторжение мощной западной цивилизации в лице британцев создало в Индии кризисную ситуацию, заключающуюся в комплексном противоречии между традиционной социокультурной системой и принесёнными извне и внедряемыми элементами модернизированной экономики, управления, культуры и образа жизни. Ответ на Вызов – это определённое решение поставленных перед обществом задач, которое либо ведёт к более совершенному состоянию, либо тормозит или останавливает развитие.

Индия – целый комплекс полиэтнических и поликонфессиональных обществ, поэтому её цивилизационное единство складывается из многообразия регионов и соответствующих культур, что обуславливает многообразие социально-исторических опытов. Общий вызов внешнего окружения по-разному был воспринят не столько этническими и политико-государственными общностями, сколько религиозными общинами. По словам Тойнби, «одни дают успешный ответ, ... а другие, не будучи в состоянии сразу включиться в движение, в то же время не отказываются от ответа полностью, а ждут, когда какая-либо творческая личность или творческое меньшинство проложит для них путь» [10, с. 228]. Соответственно каждая община формирует собственный опыт в процессе ответа и роста, и таким образом в обществе формируется и прогрессирует комплекс дифференцированных опытов сторон, вовлечённых в развитие. Индия, на наш взгляд, – классический пример такой дифференциации опытов разных социальных слоёв и религиозных общин, что обусловлено наличием не менее четырёх вариантов ответов на Вызов и элитарным характером наиболее адекватного и творческого по характеру Ответа.

Первый вариант ответа условно можно обозначить, следуя терминологии Тойнби, как «зилотский» (по названию социально-религиозной партии в

Иудее I в. н. э.). Важно заметить, что категория «зилотизма» у самого Тойнби показана не только на примере антизападнических движений ваххабитов и ихэтуаней на Востоке, но и российского старообрядчества [10, с. 563]. В Индии «зилотский» ответ дали социально принижённые слои крестьян и ремесленников, которые неоднократно выступали против новых непомерных налогов, кабалы ростовщиков и произвола британских чиновников. Народные массы видели выход в возврате к доколониальному традиционному прошлому, и однозначно негативно относились ко всем проявлениям культуры Запада. Причём такую реакцию можно проследить по всей Индии безотносительно к религиозной принадлежности участников движений.

Второй ответ (как вариант «зилотизма») попытались дать аристократические круги, лишившиеся политической власти (главным образом мусульмане) и экономических позиций. Нередко землевладельцы и князья возглавляли крестьянские движения протеста. В ряде завоёванных британцами областей Индии основной массой землевладельцев были мусульмане (как, например, в Бенгалии). Сложилась парадоксальная ситуация: на первых этапах Раджа англичане больше опирались на мусульман как более близких себе по вере и менталитету (чему немало способствовало сохранение унаследованной от Моголов шариатской судебной системы) [3, с. 143–144]. Однако мусульманская аристократия придерживалась известной традиции непрестижности производительного труда для благородного человека, исповедующего ислам (А. Азиз) [8, с. 63–64]; достойной карьерой аристократа считалась служба при дворе, военная или духовная карьера. К тому же в силу религиозного запрета мусульмане избегали ростовщической деятельности, но их издавна устраивало, что её осуществляли представители торгово-ростовщических каст [1, с. 46]. А. Суворова указывает на отсутствие в мусульманской среде (по сравнению с индусской) необходимой обеспеченной прослойки между обнищавшей аристократией и низшими городскими слоями, что не в последнюю очередь объяснялось тем, что в глазах общины отсутствие работы не считалось зазорным [8, с. 63–64]. Подобные традиции противоречили условиям, сложившимся в эпоху Раджа – и если в сфере политики и права британцы опирались на мусульман, то в экономике они предпочитали индусов и их торгово-ростовщический капитал. Позиции в экономике перераспределились в пользу индусской компрадорской буржуазии. Поэтому аристократы-мусульмане в 1 половине XIX в. ответили изоляцией от новой власти: избегали учить английский язык и получать европейское образование, опасаясь насильственного обращения в христианство и навязывания британского образа жизни.

Зилотская реакция на Вызов – это одновременно и стремление к самосохранению, и к самоизоляции от внешнего (т. е. колониального) окружения, но реакция тупиковая, чреватая социальными потрясениями вплоть

до революций, так как без ущерба нельзя игнорировать вызов, брошенный социальному организму, или игнорировать ситуацию [10, с. 578]. Отзвуки «зилотизма» видятся нам и в деятельности индийских революционеров-террористов рубежа XIX–XX вв., и в идеологии и практике других радикальных политических организаций.

Активно адаптироваться к новой власти оказались способны индусские элиты – аристократы-землевладельцы и «нувориши»-предприниматели, связанные с нею в экономической и образовательной сферах. Они оказались более восприимчивы к европейскому образованию и в известной степени к образу жизни. «Индусов, в отличие от индийских мусульман, не будоражили воспоминания об утраченной власти, славе, которые тянут назад, в ушедшее прошлое, вместо того, чтобы устремляться в будущее, – метко замечает Тойнби [11, с. 171]. Однако видение этого будущего имело два варианта – либо *приспособление* к изменившейся ситуации, либо *синтез* нового с социокультурной традицией. В силу известной неоднородности индусских элит, на британский Вызов было дано два варианта Ответа.

Первый можно назвать, по терминологии Тойнби, «иродианским» (также по аналогии с партией в Иудее), – он отражает позицию части обеспеченных и сервиллистски настроенных автохтонных кругов в отношении колонизаторов [2, с. 75]. В этом ответе, всецело «индусском» по происхождению и характеру, ярко проявилось отмеченное Тойнби стремление «перехитрить врага», приспособившись к новой власти, а именно – воспринять внешние стороны западной культуры, не изменяя своей приверженности ортодоксальной традиции. Исследователи назвали его «брахманским возрождением» [15, с. 425]. Влияние брахманов в обществе ко времени британского завоевания было настолько поколеблено, что они, их идеология и представления о культуре и социальной организации индусской общины оказались на периферии социальной системы. Однако, как указывает С. А. Бэйли, в начале XIX столетия дух иерархии и ритуальных различий сделался более всеобъемлющим; британское правление ускорило подъем высококастовых индусских кланов, брахманизма и продвижения принципов ритуальной чистоты и нечистоты по всей территории Индии. В итоге брахманская интерпретация индийского общества из теоретической стала превращаться в актуальную, и британцы этому косвенно способствовали [12, с. 157–158]. Брахманы представляли англичанам собственную интерпретацию индийской культуры и общества, активно поддерживали и ревностно защищали от любой критики традицию индуизма. Брахманские круги (а вслед за ними другие высококастовые элиты) вполне устраивало компромиссное сотрудничество с европейцами в экономической, политической и культурной (прежде всего – образовательной) сферах, но они были непримиримы к попыткам поколебать свой статус.

Сущность «брахманского возрождения» – традиционализм, выразившийся в интерпретации истории Индии как истории индусов, культуры как санскритской образованности, социальной структуры как варново-джатной иерархии, индуизма как брахманской религии. В свете коллизии «западничества» и «почвенничества», отмеченной Е. Б. Рашковским, «брахманское возрождение» выглядит, по нашему мнению, чистым «почвенничеством» из-за безусловного примата идеи самосохранения при допущении отдельных элементов рациональной перестройки [3, с. 72].

Общественная деятельность лидеров бенгальских ортодоксов позволяет утверждать, что «брахманское возрождение» – это традиционалистский Ответ-реакция на внешний Вызов. Ответу присущи 1) претензия на эксклюзивное обладание информацией об истинной сути индуизма; 2) жёсткая приверженность ритуалам и обрядовой стороне религии индуизма; 3) попытка консервировать в неизменном виде социальные установления религии (*самы*, детские браки, полигамию, кастовую систему и т. д.); 4) невосприимчивость к критике индуизма извне и изнутри общины; 5) нетерпимость к инакомыслию и 6) компромиссное стремление к распространению западного образования при преобладании традиционной санскритской образованности. Это характеризует «брахманское возрождение» как «ревайвализм» («возрождение веры» индуизма), в который уходят корнями политизация индуизма с 1900-х гг., межобщинное противостояние индусов и мусульман и современный индусский фундаментализм.

Как и «зилотский», ответ «брахманского возрождения» в конечном итоге обречён на поражение, поскольку оба отождествляют поверхностные признаки вторжения с глубоко лежащей сущностью межкультурной коллизии и неспособны остановить победоносное шествие противника [10, с. 595–596]. «Зилотские» и «иродианские» варианты ответа на британский вызов были неадекватны ситуации, так как были «однобокими» и консервативными по сути, имея целью восстановление или прежних хозяйственных отношений, или политических позиций, или социально-кастовой иерархии. Но с приходом Запада в Индию начался трудный и медленный процесс трансформации традиционного общества в сторону модернизации.

Адекватный Ответ на британский Вызов дали представители новых слоёв интеллигенции, деятельность которых составила эпоху Индийского Возрождения, связанную с процессами модернизации в социальной, политической и культурной жизни. Присвоить новое и одновременно не утрачивать и возродить, если потребуется, все положительное в традиции во всех сферах жизни общества – главная характеристика этого Ответа.

Адекватность Ответа Индийского Возрождения объясняется тем, что оно отреагировало на все четыре компонента внешнего вызова. В экономической сфере Ответ предполагал освоение новой капиталистической систе-

мы и новых моделей поведения личности как субъекта рыночных отношений. В ответ на политический компонент Вызова предполагалось осваивать механизм действия демократических институтов для защиты своих социальных, гражданских, а впоследствии и политических прав (особенно – системе разделения властей). Социальный компонент Ответа воплотился в формировании системы социального реформаторства, в протесте против любых форм дискриминации и в освоении идеи личной свободы, достоинства и прав человека. Наконец, культурный компонент Ответа проявился в восприятии западного рационализма и науки, в распространении европейского образования, в критическом анализе религий (индуизма, ислама и христианства), и попытке создания на универсальных духовных основаниях новой культуры. Ответ был адекватен в силу того, что он подразумевал *синтез*.

В концепции Тойнби особый акцент сделан на современном столкновении незападных цивилизаций с Западом, которое, выявляя недостаточность Запада в изоляции от Востока, равно как недостаточность незападного традиционного пути, в долговременной перспективе выдвигает задачу синтеза, необходимого, в конечном итоге, для выживания человечества [10, с. 599]. О подобной взаимодополнительности Востока и Запада в мировом процессе, проявленной в Новое время, говорил также К. Ясперс. Наиболее дальновидные и масштабно мыслящие умы Востока и Запада, начиная с XVIII–XIX вв. в различных формах и вариантах обосновывали возможность и желательность такого синтеза как идеального философского проекта и реальной, осуществимой во времени программы. В эпоху Индийского Возрождения идеи синтеза традиции с европейским рационализмом и достижениями первыми актуализировали бенгальские мыслители.

Бенгальское Возрождение (Ренессанс) стал первым по времени *региональным* вариантом Индийского Возрождения, которое объемлет и другие региональные возрождения (Тамильское, Гуджаратское и т. д.) [6, с. 89–91]. Не только по времени начала ренессансных процессов, но и по продолжительности (хронологическим рамкам), Бенгальский Ренессанс *совпадает* с Индийским как таковым. В ряду региональных ренессансов он одновременно классический (подобно Итальянскому Ренессансу в Европе) и исключительный вариант. Классический, поскольку, играя роль «первопроходца», он артикулирует сквозные идеи эпохи и задаёт образцы действия для всей Индии. По меткому замечанию индолога Я. В. Василькова, высказанному в беседе с автором статьи, Индия начала XIX в. – это прежде всего Бенгалия. Исключительность же Бенгальского Возрождения обусловило наиболее интенсивное протекание процессов столкновения европейской и индийской культур в Калькутте – важнейшем политическом, экономическом, культурном и идеологическом центре Индии [6, с. 118]. История Бенгальского Возрождения – это история мысли, история философии, которую активно, с

разной степенью успешности, пытались реализовать в социальной практике – религиозном и социальном реформаторстве, сфере просвещения и науки, политике и художественном творчестве.

Через адекватные ответы, согласно Тойнби, происходит рост цивилизаций; однако одного ответа на вызов внешнего окружения для роста недостаточно – необходим перенос (этерификация) вызова из внешнего поля действия во внутреннее. В нашем случае можно говорить о диалектичности Ответа на британский Вызов: Ответ на внешний Вызов во всей его сложности вряд ли был бы возможен без его этерификации во «внутренний план» общества с самого начала эпохи. Этот процесс происходит в деятельности философа и реформатора Раммохана Рая (1772–1833). Отвечая на вопрос о том, почему стало возможно британское завоевание Индии, наряду с политическими и социальными причинами главной причиной он считает **моральный** упадок индийского общества.

Тойнби акцентирует именно моральный характер каждого вызова в развитии общества [10, с. 247]. Следовательно, чтобы дать внешний ответ британцам, надо прежде ответить самим себе – на собственный внутренний моральный вызов. Этим и объясняется направленность действия Бенгальского Ренессанса **вовнутрь**, на возрождение общества; в первую очередь в нравственном, этико-социальном плане (чтобы стало возможно возрождение во всех сферах общественной жизни). Ответ на внутренний вызов начинается с самодетерминации – постановки и решения в теории вопросов, касающихся собственной идентичности (условно говоря, это вопросы «кто мы», «какие мы», «что в нас положительного и отрицательного», «откуда и куда мы движемся», «что нам делать дальше»). Решение вопросов сопровождается нахождением средств и попытками исправления сложившегося положения. Иными словами, начинается *рост* – стремление «создать своё собственное окружение, породить своего собственного возмутителя спокойствия и создать своё собственное поле действия» [10, с. 250].

Создание нового социального окружения детерминировано, согласно Тойнби, прежде всего культурными, духовными компонентами цивилизации, которые представляют её сущность, «душу и кровь». Экономический и политический компоненты он также учитывает, но подчёркивает их неоднозначность (это «заурядные создания природы и движущих сил цивилизации») [10, с. 355–356]. Именно влияние иной, чуждой культуры на цивилизацию, утратившую внутреннюю силу культурного развития, мыслитель постулирует как более благодатное и полезное, нежели заимствования в экономическом и политическом плане. В этом контексте становится возможным объяснение причин начала Индийского Ренессанса через категорию «творческого меньшинства». Новое социальное окружение, в котором возникает творческое меньшинство, порождено индийской (по преимуществу

индусской) аристократией, которая ответила на экономический вызов активным включением в новые экономические отношения, развитием предпринимательства, а также выходцами из иных социально-статусных групп, различными путями сделавших себе состояние. Формируется средний класс, подобный аналогичному на Западе. Именно этот класс отвечает на вызов порождением «творческого меньшинства».

Но одних экономических и социальных детерминант в объяснении недостаточно. Новый средний класс оказывается наиболее восприимчивым к культурным заимствованиям идей и достижений западной цивилизации. Причём самым действенным каналом заимствования становится английское образование, транслирующее идеи европейского философского рационализма, социальные и политические представления, достижения науки, литературы, искусства.

Тойнби подчёркивает, что творческое меньшинство всегда рекрутируется обществом из тех социальных слоёв, которые наиболее адекватно отвечают на исторический вызов [10, с. 340]. Однако первоначальный импульс к деятельности творческого меньшинства даёт «возмутитель спокойствия». Эту роль в начале эпохи Индийского Возрождения сыграл Раммохан Рай, которому наследовал целый ряд выдающихся личностей эпохи.

В первые десятилетия XIX вв. в Калькутте среди индусов, связанных с предпринимательством и колониальным управлением, стали появляться люди, склонные к свободному от традиционных общинных установок мышлению, но до появления Раммохана Рая в Калькутте эти свободомыслящие интеллектуалы были разобщены – словно ждали истинного лидера, который сможет объединить их и повести за собой. Основание «Атмийя Сабхи» («Общества друзей» (1815)) обозначило актуализацию этого творческого меньшинства. «История не сохранила всех имён «Атмийя Сабхи»; многие из тех, кто остался в памяти современников и потомков, известны главным образом как отцы и деды своих знаменитых внуков. Но в своё время все они были авангардом общества», – заметил И. Сингх [14, с. 122].

Общепризнанна роль Раммохана Рая как «создателя эпохи» (epoch-man; Ш. Шоркар), как основоположника движения Ренессанса. Тойнби подчёркивал нарицательный характер термина «ренессанс», поскольку это постоянно повторяющийся исторический феномен, одна из форм контакта цивилизаций во временном измерении [10, с. 600], причём ренессансы имеют место во всех сферах культурной жизни – от политики, права, философии до языков, литературы, искусства, религии. В анализе Бенгальского Возрождения обратим внимание на то, что начинается оно как религиозный ренессанс, как «духовное возрождение».

Тойнби выявляет обратную пропорциональную зависимость между вышшими точками секулярной и религиозной истории: «...религиозный взлёт,

сопровождающий мирской упадок, является не просто духовным достижением, но и духовным возрождением» [10, 535]. Социальный кризис, современником которого оказался Раммохан Рай, был воспринят им как *духовный, религиозный, моральный упадок*, обусловленный забвением высших истин монотеизма, обоснованного в Упанишадах. Раммохан Рай начинает с попытки возродить истинный дух религии (попытки религиозной реформации) и ставит социальное возрождение в зависимость от возрождения духовного. В короткий срок (2 года) он осознаёт необходимость решения социальных проблем для духовного возрождения, затем – решения вопросов просветительского, правового и (в перспективе) политического характера. Движение духовного возрождения оказывается интегрирующим стержнем не только философской рефлексии, но и практических направлений деятельности.

Раммохан Рай – первая творческая личность Бенгальского Ренессанса; пройдя собственный путь внутренних духовных исканий, он предпринял попытку преобразить окружение, действовать во имя пробуждения других. И его обращение к религии показательно. Действуя на рубеже, отделяющем традиционное общество от модернизированного, он выступает одновременно и как «пророк», и как реформатор Нового времени. «На уровне высших религий поражение священника – сигнал для пророка» [10, с. 535], – это афористическое замечание Тойнби хорошо характеризует роль Раммохана Рая в духовном плане. Так же как и в своё время Мартину Лютеру, Раммохану Раю было очевидно поражение брахманского священства, и индикатором поражения были изуверские обычаи, суеверия, предрассудки, идолопоклонство, социальные пороки, поэтому он, сам являясь брахманом, обличает брахманов как «пророк». Но, как реформатор, он развёртывает комплексную программу преобразований, которая, в силу своего творческого характера не просто неясна, но и неприемлема для большинства, и в первую очередь – для ортодоксальных индусских слоёв, решающих всё за общину, навязывающих ей своё видение инициативы группы Раммохана Рая как «оскорбления традиции» и «вероотступничества». Деятельность группы Раммохана – первая основополагающая попытка преодоления инерции враждебного социального окружения [См.: 7], которая вызвала *внутри* самой индусской общины конфликт с далеко идущими последствиями.

Борьба Раммохана Рая за реформы в ряде сфер социальной жизни, его труды имели результатом формирование комплекса идей, которые обозначили направления, основания и методы деятельности, стали фундаментом для новых теоретических построений и практики его духовных наследников в социокультурной и политической сферах на протяжении всего Индийского Ренессанса. К Раммохану с полным основанием можно отнести слова Тойнби: «пророк, поэт или учёный напоминает лучника, посылающего стрелу в цель, которая находится так далеко, что и разглядеть-то её невозможно».

но» [10, с. 632], Цель эта – модернизированная Индия, в которой достигнуто оптимальное сочетание западных достижений с традициями и мудростью собственной цивилизации.

Социальный конфликт между сторонниками Раммохана и ортодоксальными индусами достиг апогея в момент законодательного запрета англичанами самосожжения вдов (*сати*) в 1829 и ответного основания ортодоксами «Дхармо Сабхи» («Общество защиты *дхармы* (религии)») в противовес обществу Брахмо Самадж («Общество [поклонения] Богу»), учреждённого реформатором. Конфликт примечателен и тем, что он иллюстрирует действие закона, обозначенного Тойнби как «Уход-и-Возврат». На этот путь встают творческие личности или меньшинства для преодоления социального кризиса, для ответа на вызов, брошенный их обществу [10, с. 274]. Отъезд Раммохана Рая в Англию, где он выступил в качестве эксперта в британском парламенте, затем его смерть в Бристоле (1830–1833) обозначили его «уход», ставший рубежом, с которого можно отсчитывать деятельность его духовных наследников. Духовное воздействие идей Раммохана Рая, их развитие прослеживается у всех представителей творческого меньшинства Бенгалии на протяжении столетия. «Возврат» произошёл в теории, в социальной практике, в художественной сфере культуры и в сфере политики. На это указывает и общепринятая оценка Раммохана Рая как «Отца современной Индии», но ещё более – развитие его основополагающих идей в трудах и деятельности творческого меньшинства.

Тойнби подчёркивает, что новые идеи всегда проявляются только в рамках творческого меньшинства, и все акты социального творчества – прерогатива творцов-одиночек или этого меньшинства [10, с. 258–259]. Именно благодаря им происходит рост цивилизаций, и социальная система получает новую жизнь. Роль творческого меньшинства в Индийском Ренессансе играет новая интеллигенция, классическим примером которой выступает формирующийся в Бенгалии XIX в. слой *бходролок* (букв. «образованные, уважаемые люди»). Несмотря на преобладание в слое *бходролок* индусов высоких каст (брахманы, *вайдыя* и *каятха*), статус и членство в слое не являются полностью аскриптивными: посредством образования в этот слой может войти (хотя и не без труда) низкокастовый индус или мусульманин [13, с. 9]. Дж. Х. Брумфилд связывает формирование этого слоя с опытом Бенгальского Ренессанса – «продуктом маленькой группы интеллектуалов калькуттских колледжей; европейские ценности очаровали или отпугнули их, и они почувствовали настоятельную необходимость пересмотреть философские основы своей культуры. Эти люди распространили интеллектуальный фермент среди всех образованных бенгальцев» [13, с. 11].

Интеллигенция, по справедливому мнению Е. Б. Рашковского, выполняет функции носителя воли народа к познанию и творчеству, поскольку от

решения первоначальных задач европеизации – выборочного заимствования культурных достижений Европы ради самозащиты от европейской экспансии в сферах политики, социальности и духа, – она приходит к серьёзным конструктивным духовным перестройкам, связанным с усвоением качественно новых понятий о Вселенной, о причинности, о векторном времени, человеке как сознательном субъекте истории [3, с. 110, 124–125]. Именно в сознании интеллигенции разворачивается коллизия западничества и почвенничества, решаются вопросы культурной идентичности, исторического самоутверждения, происходят процессы синтеза инновации и традиции.

После трудов Раммохана Рая, нарушившего сложившееся «социальное равновесие», на сцену выходят новые творческие группы, подхватывающие идеи, которые буквально «носятся в воздухе». Так, духовный вакуум, образовавшийся, казалось бы, после отъезда и кончины Раммохана Рая, немедленно заполнили ученики и последователи поэта, просветителя, преподавателя Хинду колледжа, евразийца Г. В. Л. Дерозио (1809–1831) – младобенгальцы. От исходного «западничества» (концепция прав народа, демократии, республики, свободы и достоинства личности, равенства людей, секуляризма и др.) через критику традиционалистско-догматических реалий индийского общества и поиск в собственном наследии аналогов западных идей младобенгальцы пришли к общеиндийскому секулярному патриотизму и политическому национализму; в которых сочетались внимательное отношение к историко-культурному наследию и программа возрождения и социального и политического развития индийского общества.

С именем Дебендронатха Тагора (1817–1905) связано обновление Брахмо Самаджа и распространения духовного влияния идей реформированного индуизма [15, с. 39–46]. Несокрушимое противостояние Дебендронатха догматизму и обрядности в религиозной жизни со временем трансформировалось у его ученика, а впоследствии оппонента Кешобчондро Сена (1838–1884) в широкое движение против социального традиционализма – детских браков, за вторичное замужество вдов и межкастовые браки, против кастовой системы. Нельзя не упомянуть просветительскую и социально-реформаторскую деятельность примыкавшего к брахмоистам Ишшорчондро Биддешагора, который инициировал масштабные кампании за вторичное замужество вдов, против полигамии и детских браков, содействовал ликвидации кастовых ограничений в колледжах и распространению женского образования.

Вклад в развитие Индийского Ренессанса таких корифеев, как политик Сурендронатх Банерджи, философ Свами Вивекананда, писатель Бонкимчондро Чоттопадхай, поэт, писатель, общественный деятель, просветитель, музыкант и художник Рабиндранат Тагор, писатель Шоротчондро Чоттопадхай, художники «бенгальской школы» Обониндронатх и Гогонендронатх Тагоры, Нондолал Бошу и многие другие, достоин отдельного

анализа в контексте Возрождения как Ответа на Вызов. Причём это только бенгальские деятели Ренессанса, не говоря о представителях других региональных ренессансов. Общий вектор движения их мысли и практики, идей и образов – сознательная или неосознанная попытка западно-восточного синтеза во всех сферах социальной и культурной жизни.

Хорошо известно неприятие со стороны большинства тех идей, которые выдвигали представители творческого меньшинства Бенгалии. Сам факт появления гения, по Тойнби, нарушает социальное равновесие, и восстановить его можно либо через его победу, либо через поражение [10, с. 257]. Однозначной и всеобъемлющей победы творческого меньшинства и восприятия большинством социального порыва история никогда не знала, поэтому Тойнби говорит о конфликте между меньшинством и большинством, который на практике принимает форму обоюдного вызова [10, с. 284]. Показательно, что в Бенгалии изначально этот конфликт происходил в каждой семье, вовлечённой в орбиту действия западного образования и культуры. «...Отчуждение от веры ...отцов было полным и даже воинствующим, – вспоминал С. Банерджи, – ...Посреди этого конфликта противоположных сил прошли мои ранние годы, и то, что происходило в моей семье, было символом борьбы и соревнования между Восточной ортодоксией и Западной культурой; и это продолжалось в каждом образованном доме Бенгалии» [11, с. 2]. В биографиях известных деятелей Возрождения нередки факты «бунта» против всевластия родителей (отказ от женитьбы на девочке-невесте (Р. Шикхдар и др.), вплоть до перехода в христианство (поэт Майкл Модхушудон Дотто), принятие христианства (Кришномохон Банерджи, Джнанендромохан Тагор и ещё около 50 младобенгальцев), выступление против обрядов и установлений индуизма и уход из дома (Кешобчондро Сен) и т. п. В извечном конфликте поколений, проявился конфликт старого и нового в обществе. Медленное, но верное завоевание общества творческим меньшинством проявилось в следующих знаковых изменениях: если деды находились в лагере противников Раммохана Рая (как, например, Рамкомол Сен), то внуки оказывались радикальными продолжателями его дела (как внук Р. Сена Кешобчондро Сен); если отцы преуспевали в бизнесе и общественной жизни (как Дароканатх Тагор, младший сподвижник Раммохана Рая), то дети совершали прорыв в жизни духовной и культурной (как сын Дароканатха Дебендронатх, а также его многочисленные внуки). Со временем вчерашние «бунтари» становились более умеренными в мыслях и действиях – младобенгальцы примкнули к брахмоистам, Дебендронатх, столь последовательный в духовном реформаторстве, не смог принять радикальных социально-реформаторских усилий и идей Кешобчондро Сена, чем способствовал первому расколу Брахмо Самаджа, а Сен через несколько лет оказался непоследователен в проведении в жизнь социально-реформаторских завоеваний, чем вызвал новый раскол [5,

с. 53–55]. Но на смену прежним смелым идеям приходили новые – вместе с новыми поколениями, отвечавшими на новые вызовы. Иными словами, исходный импульс творческого меньшинства Индийского Возрождения был развит и неуклонно, десятилетие за десятилетием, завоёвывал позиции в мышлении и жизни образованных слоёв общества.

Особо скажем о религиозном измерении Бенгальского Возрождения. По конфессиональной принадлежности большинство деятелей эпохи были индусами, исповедуя одну из высших, в терминологии Тойнби, религий (к ним он относит также ислам, христианство и буддизм махаяны), в которых видит ряд моментов сходства. Согласно Тойнби, Бог – это Бог человеческий, которого носят в сердце и который порождает новый взгляд на отношения между людьми, который един и позволяет человеку преодолевать политические и культурные барьеры между разными цивилизациями [10, с. 524]. Британское господство в Индии создало «новый экуменический режим» [10, с. 252], в котором коренное население, исповедовавшее индуизм, ислам и другие религии, став подданными новой империи, не спешило принимать веру победителей – христианство, а британцы поставили известный предел на пути сближения с новыми подданными, руководствуясь политическими мотивами и предубеждениями. В религиозном измерении Ответа на Вызов элиты разных общин по-разному реагируют на христианство. Мусульманские элиты делают ставку на изоляцию от новой власти, а в ряде мест (Восточная Бенгалия) отмечается т. наз. мусульманское возрождение, сопровождавшееся переходом в ислам индусов [1, с. 52]. Индусские ортодоксальные элиты ответили «брахманским возрождением». Творческое меньшинство Индийского Возрождения ответило попыткой реформации индуизма, в которой переосмыслило не только собственное вероучение, в котором открыло новый гуманистический смысл, но и ислам и христианство.

В религиозно-философской мысли и секулярном наследии Индийского Ренессанса наблюдается подвижный адогматический синтез исламских, христианских и индуистских идей и ценностей, что, с одной стороны, обусловлено инклюзивным характером индуизма, с другой – мощным влиянием ислама и христианства на мыслителей. Воздействие исламского монотеизма, идей равенства и братства людей перед Богом на Раммохана Рая, Тагоров, Кешобчондро Сена, Вивекананду, собственное истолкование учения Христа Раммоханом Раем и брахмоистами, усвоение христианских ценностей и идеалов младобенгальцами, восприятие учения индусского проповедника Рамакришны Парамахансы широким кругом интеллигенции имели следствием появление комплекса идей и религиозного, и светского характера. В сфере религии это монотеизм, братство и равенство перед Богом, неприятие ограничений кастовой системы, всеобщая любовь людей к Богу-Творцу и друг к другу, самопожертвования и прощения, религиозный универсализм

(все религии – разные пути к единому Богу). В социальной сфере – идеи надконфессионального единства индийцев, социального служения, борьбы с социальными пороками, совершенствования общества путём реформ, признания абсолютного достоинства личности, институт прав человека и демократии, важность личного совершенствования и просвещения народа. Главная ценность религиозного измерения эпохи заключена в том, что её наследие стало проектом основ взаимопонимания народов и культур через нахождение глубинного сходства во внешнем многообразии, проект понимания другого человека и его духовного и социокультурного опыта.

Чтобы всё общество было способно к восприятию «культурной радиации» (Тойнби), нужен свободный мимесис (подражание) духовному порыву носителей нового, а неотъемлемое условие мимесиса – достаточная сила духа [10, с. 260–261]. Иными словами, требуется внутренняя готовность к восприятию нового, «синтезного» знания, которая создаётся соответствующей интеллектуальной подготовкой большинства населения. В индийских условиях, в которых огромные массы народа социально принижены и неграмотны, элитарный характер модернизации (Э. Н. Комаров), реформации (Р. Б. Рыбаков) и ренессансных процессов был неизбежен и исторически обусловлен. «В каждой растущей цивилизации, даже в периоды наиболее оживлённого роста её, огромные массы народа так и не выходят из состояния стагнации, подобно примитивному обществу, пребывающему в постоянном застое, так как подавляющее большинство представителей любой цивилизации ничем не отличается от человека примитивного общества» [10, с. 260], – замечает Тойнби. Творческое меньшинство, в сущности, заставляет большинство принимать его вариант решения общей проблемы (Ответ), но, к сожалению, у большинства не происходит внутренней адаптации, что сохраняет духовную пропасть между большинством и творческим меньшинством [10, с. 284]. Об этой так и не преодоленной пропасти между элитами и народом свидетельствуют романы Рабиндраната Тагора «Гора» и «Дом и мир». В первом жительница деревни считает Брахмо Самадж некой христианской сектой [9, т. V, с. 273], во втором романе деревенские жители неспособны понять стремления просвещённого землевладельца рационально перестроить их хозяйственную жизнь [9, т. VI, с. 20–21].

Именно социально принижённые массы оказываются прочной опорой для традиционалистски настроенных элит, ставящих превыше всего интересы религиозной общины и пренебрегающих интересами личности и интересами народов. Традиционализм, в каких бы формах он ни выступал, оказывается исторически обречённым, поскольку противоречит свободе человека. Е. Б. Рашковский отмечает, что чем сильнее ярость и конвульсии социо-исторического и духовного традиционализма в нашу эпоху, тем очевиднее их нахождение под вопросом [4, с. 54]. Новая история Индии пока-

зала, что эксплуатация традиционализма и отказ от синтеза оборачивается межконфессиональным насилием, революционным авантюризмом, ревайваллизмом, переходящим в фундаментализм, и т. д., причём все эти последствия активно использовались внешними силами, а именно британскими властями, в собственных политических интересах. Это не просто не решает внутренних проблем общества, но бросает ему новые – внешние и внутренние – вызовы, от ответа на которые зависит выживание социума.

Но с другой стороны, без интеллектуального Ответа Индийского Возрождения М. К. Ганди не выстроил бы национально-освободительную *сатьяграху* (букв. «упорство в истине») широких народных масс, её идеями духовного и социального единства и равенства, преодоления межконфессиональных и социальных предрассудков и ненасильственного сопротивления злу. Это было бы совершенно иное движение, и называлось бы оно иначе. Гандистские идеи сострадания к обездоленным и униженным, достоинства и прав человека, нравственного совершенствования человека, всеобщего просвещения народа, уважения к труду и многие другие просто не могли появиться без опоры на наследие Индийского Возрождения. Подчёркнём, что идею мимесиса Тойнби вывел на основании анализа деятельности и феномена Ганди [См.: 2, с. 76–78, 146].

Концепция Тойнби, таким образом, открывает ряд возможностей как методология анализа Индийского Ренессанса. 1) Категория «Вызова-и-Ответа» чётко разграничивает ответы разных социальных слоёв и выявляет группу, соответствующую критериям творческого меньшинства и представившую наиболее адекватный Ответ. 2) Индикатором творческого характера меньшинства у Тойнби является ориентация на высокие духовно-нравственные ценности, в которых отражено общее благо народа и цивилизации. Отсутствие у группы ориентира на ценности указывает на отсутствие творческого характера деятельности [2, с. 142–147]. Творчество, понимаемое Тойнби как дар свыше, несовместимо с насилием, подразумевает самоотречение, самоотдачу и внимание к насущным проблемам человека и народа. Взаимосопряжённые категории творчества и ценности раскрывают историческую обречённость «зилотского» ответа народных масс и мусульманской аристократии и «иродианского» ответа «брахманского возрождения», делающих ставку на разного рода насилие и тем самым тормозящих развитие. 3) Аксиологический подход Тойнби даёт возможность показать творческий характер процессов Индийского Ренессанса, в котором на основе ценностей собственной цивилизации и творческих заимствований с Запада создаётся проект нового, модернизированного общества. Через концентрацию внимания на исконном своеобразии индийской цивилизации возможно раскрыть содержание и характер синтеза эпохи как межцивилизационного культурно-исторического диалога, взаимообогащающего обмена ценностями, в котором

находят множество точек соприкосновения и аналогий между аксиологическими системами Индии и Запада, и, как следствие этого, начинается синтез в социокультурной жизни.

Библиографический список

1. Котин И. Ю. Ислам в Южной Азии. Мечом и молитвой. СПб., 2005.
2. Рашковский Е. Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби (опыт критического анализа). М., 1976.
3. Рашковский Е. Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX-XX вв. М., 1990.
4. Рашковский Е. Б. Осознанная свобода. Материалы к истории мысли и культуры XVIII-XX столетий. М., 2005.
5. Рыбаков Р. Б. Буржуазная реформация индуизма. М., 1981.
6. Серебряный С. Д. Роман в индийской культуре Нового времени. М., 2003.
7. Скороходова Т. Г. Раммохан Рай, родоначальник Бенгальского Возрождения (Опыт аналитической биографии). СПб., 2008.
8. Суворова А. Ностальгия по Лакхнау. М., 1995.
9. Тагор Р. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1961-1964.
10. Тойнби А. Дж. Постигание истории / Пер. с англ. М., 1991.
11. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. М., СПб., 1996.
12. Banerjea Surendranath. A Nation in Making. Reminiscences of Fifty Years of Public Life. Bombay, etc., 1963.
13. Bayly C. A. Indian Society and the Making of the British Empire. Cambridge, 1988.
14. Broomfield J. H. Elite Conflict in a Plural Society: Twentieth Century Bengal. Berkeley & Los Angeles, 1968.
15. Singh Iqbal. Rammohun Roy. A Biographical Inquiry into the Making of Modern India. New Delhi, 1958.
16. Washbrook D. From Comparative Sociology to Global History: Britain and India in the Pre-History of Moderhity // Journal of The Economic and Social History of the Orient. 11. 1997. Vol. 40. Part 4.

Д. Е. Мартынов

*Казанский государственный университет
им. В. И. Ульянова-Ленина, г. Казань*

ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕНЦИИ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИСТОРИОГРАФИИ КНР: ОБЗОР

После окончания маоистских экспериментов, в конце 1970-х китайская научная общественность стала вновь проявлять интерес к общественным наукам [10, 21-23]. Уместным представляется дать краткий обзор тех достижений, которыми отмечено развитие этой терминологии в национальном обществоведении КНР, с привлечением альтернативных точек зрения, представляемых, в основном, сходной по генезису отечественной историографией.

Характерно, что и по сей день у китайских учёных не сложилось единого представления о содержании и целях социологической науки, поэтому не утихает полемика по поводу разграничения предмета и объекта социологии с таковыми смежных дисциплин – исторической наукой вообще и социальной историей в частности. Такой подход доминирует в опубликованном в 1987 обзоре по социальной истории (он был подготовлен историческим факультетом Нанькайского ун-та) [14, 125]. Уместно коснуться некоторых аспектов этого обзора.

Нанькайские социологи Су То и Ван Чу-хай рассматривали социологию как ветвь исторической науки, цель которой – изучение современности и предсказание будущего [там же]. Характерно, что их коллега Лу Чжэнь подчёркивал интерес социологии именно к внешней стороне различных аспектов жизнедеятельности общества. В своей статье, опубликованной в том же номере журнала «Лиши яньцзю», он писал, что социология «...не обращается к вопросам внутренних связей социальных явлений, закономерностям их развития... Такие проблемы, как просвещение, религия, демография, семья являются прерогативой социальных наук – педагогики, религиоведения, демографии... Социология же изучает лишь взаимосвязи этих социальных факторов с внешней средой» [9, 98]. Фэн Эр-кан, чуть ли не единственный в то время, обращал внимание на специфику методологии науки об обществе. Однако ясным свидетельством отсутствия сколько-нибудь чёткого представления о социологии в КНР свидетельствует отнесение трудов по древней истории Китая к социологическим исследованиям [5, 7].

В 1989 дискуссия продолжилась, когда в её ход вступил доцент исторического факультета Педагогического ин-та Восточного Китая – Ван Цзя-фань. Хотя на разницу в методологии социальной истории и социологии обращал внимание ещё Фэн Эр-кан, но работа Ван Цзя-фаня демонстрирует совсем другие подходы. С его точки зрения, социология использует позитивистский метод, с помощью которого и проводится анализ состояния общества. От истории как науки, социологию отличает увлечение причинно-следственными отношениями и линейным рядом, а от социальной философии социологию отличает нерассмотрение «побочных абстрактных идей» [3, 99]. Ван Цзя-фань пытается разобраться в процессах развития мировой социологии, от её родоначальника – О. Конта к К. Марксу и М. Веберу. Однако с его точки зрения, кроме О. Конта, XIX в. почти не занимался теорией социологии, а исследователи «диагностировали болезни в социальных вопросах» [3, 99]. Впервые же мосты между социологией и историей навёл М. Вебер [3, 100].

Главная особенность в развитии социологии в XX в. по Ван Цзя-фаню проявилась после Второй Мировой войны: выход социологической науки за пределы высокоразвитых социумов. «Теории, разработанные в западных обществах с современной индустрией, а также соответствующая мето-

дология в новых регионах подверглись переосмыслению... Поэтому, следуя М. Веберу, многие социологи стали использовать исторические методы для изучения социальных изменений, что дало толчок историзации социологии» [3, 100].

Похожие взгляды ещё в 1987 высказал профессор Пекинского ун-та Ло Жун-цуй. Социология как наука в его понимании возникла ради нужд изучения индустриального общества [8, 163]. Помимо О. Конта, Ло Жун-цуй высоко оценивает наследие Э. Дюркгейма, увязавшего учение о разделении труда с социальными конфликтами и деградацией природы современного человека [там же]. Не меньшее внимание профессор уделял традиционно популярным в Китае американцам – П. А. Сорокину и Т. Парсонсу. Впрочем, Парсонс им критикуется за то, что никаких систем, кроме западных, тот не признавал [8, 164].

Редакционная статья в том же номере «Лиши яньцзю» особое внимание уделяет вопросам восприятия западной социологии в Китае. Признаётся, что современная социальная наука в Китае появилась не ранее 1920-х, «когда постепенно развернулось изучение жизни общества» [2, 77].

Отечественная историография с такой постановкой вопроса и хронологическими рамками не соглашается. В настоящее время комплексные исследования по заявленной в заглавии проблематике осуществляет только Н. М. Калужная (Институт востоковедения РАН). В её монографии «Проблемы социологии в трудах китайских просветителей (начало XX в.)» указано, что первые попытки социологического творчества уже присутствуют в работах просветителей рубежа XIX – XX вв.: Янь Фу, Кан Ю-вэя, Лян Ци-чао, Тань Сы-туна и Чжан Бин-линя [5, 10].

Впервые к опыту предсинхайской общественной мысли историография Китая обратилась ещё до образования КНР. В 1947 выходит обобщающая монография Фань Вэнь-ланя *Чжунго цзиньдай ши* («Новая история Китая»), которая в 1953 была переиздана в скорректированном марксистском духе. Автор уделил достаточное внимание общественным теориям Янь Фу, Кан Ю-вэя и Лян Ци-чао, в которых затрагивались и социологические аспекты, Впрочем, никак не обозначенные [13, 319-322].

Обобщающие труды по истории китайской мысли и китайской философии, созданные под редакцией и при участии крупнейшего китайского историка Хоу Вай-лу, грешат полным невниманием к социологической стороне деятельности рассматриваемых авторов, и это при всех марксистских декларациях авторского коллектива! Заметим, что изданные на рубеже 1970-1980 гг. обобщающие труды грешат также и чрезмерно пристрастным отношением к разбираемым персоналиям. Так, учения Тань Сы-туна и Кан Ю-вэя оставлены вообще без комментариев, а Янь Фу и Лян Ци-чао сурово осуждаются. Янь Фу обвинялся «в популяризации вульгарной философии класса

капиталистов. Лян Ци-чао же совершил грех ещё более непростительный: «слизал чуждый плевков современного реакционного социолога Спенсера» и «погряз в болоте просвещённого абсолютизма», ибо пропагандируя западную цивилизацию, оказывается, имел в виду не западные науки вообще, а именно «реакционную буржуазную социологию» [5, 11].

Характерно различие в подходе синхронно творивших авторов СССР и КНР: советские исследователи общественной мысли Китая (особенно Л. Н. Борох) всячески подчёркивали социологические методы интерпретации западных учений тех же Янь Фу и Лян Ци-чао, в то время как китайские исследователи (напр., Чэнь Сюй-лу) не пытаются увязывать явно социологические пассажи с наукой об обществе. Тем более это касается творчества китайских анархистов – Лю Ши-пэя и Лю Ши-фу. В то же время имеются и исключения, так, автор вышедшей в 1984 «Истории реформ 1898» Тан Чжи-цзюнь, указывал на искреннее восприятие Янь Фу и его современниками спенсеровских идей [11, 225].

Значительные разногласия вызывает оценка наследия Тань Сы-туна, особенно приоритета идеологического влияния на него. В упоминавшейся «Истории китайской философии» (1979, ред. Хоу Вай-лу) особенно подчёркивается христианское влияние на автора «Учения о гуманности». В противоположность «учению Иисуса о всеобщей любви», другие авторы, в частности, Чэнь Сюй-лу, напротив всячески выпячивали роль моизма в формировании взглядов Тань Сы-туна на «самоотверженность» (*жэнься*) и «всеобщую любовь» (*цзянь ай*) [6, 474-482]. Впрочем, тот же Чэнь Сюй-лу не забыл и о списке книг для обязательного ознакомления, приведённого в «Жэнь сюэ», где упоминаются «работы социологов». «Несомненно, Тань Сы-тун уже обратил внимание на западную социологию и соприкоснулся с ней» [5, 15].

Отечественная историография. Представляется, что важным является сопоставление воззрений отечественных исследователей по поводу формирования социологических взглядов у китайских мыслителей начала XX в. Если не считать не слишком удачного перевода в 1955 «Новой истории Китая» Фань Вэнь-ляня, первая оригинальная работа по этой проблематике вышла в 1972, принадлежа перу А. Г. Крымова (Афанасьева; подлинное имя Го Шао-тан) [о нём см. : 10, 27; прим. 2]. В этой работе, также переполненной идеологическими штампами, тем не менее, делается важный вывод о распространении в Китае начала XX в. (досиньхайского периода) позитивистской философии и социологии [7, 279], что прямо противоречит выводам китайских теоретиков. Однако по неизвестной причине, российский историк китайского происхождения сосредоточился только на наследии Янь Фу, а точнее, его оценкам значения науки об обществе [7. 41].

Один из крупнейших исследователей общественной мысли Китая С. Л. Тихвинский, также связывал проблемы восприятия социологии в Китае толь-

ко с личностью Янь Фу. В своей обобщающей работе (созданной на основе его докторской диссертации), он особенно сосредотачивался на рецепцию Янь Фу взглядов Г. Спенсера, а центральное место в наследии этого мыслителя, как известно, занимала социология [12, 140–141]. Эту же линию продолжила Л. Н. Борох, которая в своём труде, посвящённом раннему восприятию социализма в Китае, высоко оценивала роль Янь Фу [1, 31]. Характерно, что Лилия Николаевна особенно выделяла интерес китайских мыслителей к основному тезису Г. Спенсера о специфике человеческого сообщества, тяготеющего, в отличие от мира животных, к коллективизму [там же].

В работе Л. Н. Борох «Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX – XX вв.» (2001) можно отметить тенденцию отказа автора от определения некоторых взглядов Лян Ци-чао как социологических, но в одной из глав подробно анализируется представление Лян Ци-чао об обществе как едином функционирующем организме, а также поиска соответствия основной терминологии [10, 84–89].

Наиболее последовательно социологическую интерпретацию социологического характера воззрений китайских просветителей предприняла Н. М. Калюжная, начиная с 1995 (монографии «Традиция и революция», её нет в книжных собраниях Казани). С точки зрения Н. М. Калюжной историю восприятия и изучения социологии в Китае следует отсчитывать именно от работ Чжан Бин-линя.

Н. М. Калюжная, публикацией в 2002 монографии, предприняла попытку разрешить ряд вопросов, в частности, толкования идеологами начала XX в. понятия «общества» (в т. ч. адекватного перевода); определения функций общества; анализ социальной стратификации и т. д. [5, 21]

В вышедшем в 1994 энциклопедическом словаре «Китайская философия», а также издаваемой с 2006 года пятитомной энциклопедии «Духовная культура Китая» (пока вышел только том первый – «Философия») проблемы социологии не затронуты никак.

Библиографический список

1. Борох Л. Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.). М., 1984.
2. Бэнь кань пиньлуньюань (Обозреватель). Ба лишиды нэйжун хуаньгэй лиши (Вернём истории историческое содержание!) // Лиши яньцзю. 1987. №1.
3. Ван Цзя-фань. Чжунго шэхуй ши сюэжэ цзяншэ чуй (Моё мнение относительно формирования науки – социальной истории Китая) // Лиши яньцзю. 1989. №4.
4. Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиск новой идентичности. М., 2005.
5. Калюжная Н. М. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей (начало XX в.). М.: ИВ РАН, 2002.
6. Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.

7. Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1900 – 1917. М., 1972.
8. Ло Жун-цзюй. Сифан сяндайхуа ши сюэ ды лай лун цзюй май (Панорама идейных течений в исторической науке в период модернизации Запада) // Лиши яньцзю. 1987. № 1.
9. Лу Чжэнь. Гуаньюй шэхуэйши яньцзю ды сюэкэ дуйсян чжу вэньти (Относительно вопрос научного объекта изучения социальной истории) // Лиши яньцзю. 1987. № 1.
10. Мартынов Д. Е. Конфуцианское учение и маоизм: Из истории социально-политической теории и практики Китая в XX веке. Казань, 2006.
11. Тан Чжи-цзюнь. Усюй бяньфа ши (История движения за реформы 1898). Пекин, 1984.
12. Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. 2-е изд. М., 1980.
13. Фань Вэнь-лань. Чжунго цзиньдай ши (Новая история Китая). Пекин, 1953.
14. Чжунго шэхуэйши яньцзю цзуншу (Итоги исследований в области социальной истории Китая) // Лиши яньцзю. 1987. № 1.

С. В. Пахомов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. С.-Петербург*

ГЕНЕЗИС ИНДУИСТСКОГО ТАНТРИЗМА⁵⁹ **(Часть вторая)**

Не следует забывать, что тантризм – это все-таки совокупность отдельных традиций, имеющих свою собственную историю. Все тантрические школы (капалика, панчаратра, натха и др.) не восходили к некоему единственному источнику, но формировались на собственной основе. В противном случае придется принимать «диффузионистскую» точку зрения, согласно которой в каком-то одном определенном регионе, в определенное время, прототантризм превратился в тантризм и своеобразными концентрическими кругами распространился бы по всей Индии, вовлекая в свои практики все большее количество духовных искателей. Несомненно, подобная точка зрения весьма привлекательна, поскольку она дает ясный ответ на вопрос о происхождении тантры, однако она страдает изъяном редукционизма, а следовательно, искусственна и ложна.

Впрочем, если и нельзя сказать с определенностью относительно региона происхождения тантризма (о чем еще см. ниже), то относительно времени его происхождения ситуация чуть более ясна. Если и не во всех своих на-

⁵⁹ Окончание. Начало см.: IX Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов. Межвузовский сборник научных трудов. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, 2007.

правлениях, то хотя бы в некоторых из них, тантризм *начинает* складываться приблизительно к концу IV – V вв., когда в Индии окончательно созревают условия для формирования этой специфической духовной культуры. Эти условия появились прежде всего в русле политики гуптских царей, благодаря которой интенсивнейшим образом шло сращивание индоарийской и неарийской форм религиозности, а также «классицизация» этого сращивания. Межкультурные контакты и привели к тем последствия, которые уже были освещены нами выше.

Разумеется, далеко не сразу тантризм стал широко известным. Так, о нем молчат многие авторитетные индийские источники, например, лексикографический словарь «Амаракоша» (V в.)⁶⁰, ранние дхармашастры, «Рама-яна» и «Махабхарата»; тантры не входят в число традиционных жанров литературы, и даже китайские буддисты-паломники более позднего времени, не только Фа-сянь (V в.), но и Сюань-цзан и И-цзин (VII в.), не упоминают тантрические традиции. Однако уже в пуранах, создававшихся примерно в то же время, тантрические элементы или упоминания о тантре распространяются достаточно широко, и позднее известны даже целые «тантрические» пураны, например, «Калика-упапурана».

Мы можем сделать определенный вывод о том, что, несмотря на умалчивание со стороны ряда важных свидетелей (вроде того же Сюань-цзана), тантризм становится достаточно известен и даже популярен в Индии уже с VII – VIII вв. Это начало расцвета индуистской тантры, который продолжается примерно до XII – XIII вв.⁶¹ По словам Элиаде, тантризмом оказываются «заражены» едва ли не все направления индийской духовной культуры – «философия, мистицизм, ритуалистика, этика, иконография и даже «художественная» литература. <...> Это было паниндийским движением, т. к. его разделяли все великие индийские религии и все «сектантские» школы» [18, с. 272].

Место возникновения тантризма. Относительно этой проблемы между учеными также существует много расхождений. Если суммировать высказывания исследователей, то можно свести их в две основные версии. Согласно первой из них, тантризм имеет *экстраиндийское* происхождение, т. е. был импортирован на индийскую территорию из других мест; согласно второй, напротив, тантризм появился в самой Индии (*интраиндийское* происхождение тантры). Вкратце остановимся на этих мнениях. Так, известный синолог Дж. Нидэм утверждает, что «тантризм глубоко обязан китайским влияниям», ссылаясь в этом и на Ж. Фильоза⁶². О китайской родине тант-

60 Хотя «Амаракоше» и знакомо слово «тантра», однако там оно не обозначает соответствующее религиозное движение.

61 О расцвете тантрических систем в этот период см. : [29, с. 275] (VII – XII вв.); [39, с. 1073] (VII – XII вв.); [36, с. 25] (к 1000 г.); [25, с. 254] (IX – XII вв.); [22, с. 42] (VII – XII вв.); [27, с. 419]. (VIII – IX вв.), и др.

62 [43, с. 283]. Нидэм постулирует сильное даосское воздействие на тантризм, в частности, в сфере сексуальных религиозных практик [Needham, 284].

ризма пишут также Д. Ч. Сен [48, с. 228] и Н. Н. Бхаттачарья [25, с. 90]. Во внешних истоках тантры были убеждены Х. П. Шастри и Дж. Вудрофф, которые верили в западно-азиатские («халдейские») корни тантризма. Вполне определенно относительно дальневосточных (даосских) и центральноазиатских (из Тибета и даже Монголии) влияний на тантризм высказывается П. Ч. Багчи [19, с. 226].

Радикально «интраиндийскую» точку зрения принимает бенгальский ученый С. Банерджи, который считает, что индуистская тантра появилась в Бенгалии [22, с. 32 ff.]⁶³. На Бенгалию как на родину тантризма и тантрической литературы указывает также М. Винтерниц [53, с. 482]. Как считают многие исследователи, тантрическая школа кула происходит из Ассам⁶⁴. С другой стороны, школа панчаратра, по мнению авторитетного исследователя этой школы Ф. О. Шрадера, возникла на севере Индии и позже распространилась к югу [47, с. 16]. А вот М. Л. Видьяртхи уверен в том, что «тантрическая традиция происходит от дравидов» [52, с. 27], следовательно, ее истоки следует искать на юге страны. С ним в целом согласен и Д. Лоренцен, обнаруживающий истоки школы капаликов на юге или в Декане [41, с. 53].

Некоторые исследователи занимают среднюю позицию между двумя этими крайними точками зрения. Так, П. В. Кане допускает возможность происхождения кулачары за пределами Индии, однако отказывается считать, что *вся* тантра – чужеродный для Индии феномен: напротив, по его мнению, тантрические учения, появившись в Индии, мигрировали в другие регионы – Тибет, Китай⁶⁵. Кис Болле считает, что тантра возникла в приграничных регионах [26, с. 42]. Мирча Элиаде, который также отмечает факт развития Индии в приграничных районах (северо-запад страны, а также Бенгалия и Ассам), в то же время допускает какие-то «вероятные гностические влияния, которые могли проникнуть в Индию через Иран и северо-западную границу» [18, с. 273 – 274]. Авторы труда «Индуистский тантризм» осторожно замечают, что «процесс формирования тантрических ритуалов мог складываться в тех землях, занимаемых ариями, где сильнее всего была неарийская традиция. Есть основания полагать, что по крайней мере некоторые элементы тантрического культа возникли у народов с горной культурой на северо-западе Индии (Уддияна или Сват, Гандхара или Кашмирская долина) и потом были перенесены вдоль Гималаев к востоку, в Бенгалию и в Ассам» [36, с. 36].

Нельзя не упомянуть и стоящую особняком точку зрения авторитетного французского индолога Луи Рену, который, отмечая новизну «тантрической системы», в то же время признает, что не знает ни то, «какие события при-

63 Впрочем, в другой своей монографии этот автор дает понять, что родиной тантры уместно считать Ассам. См. : [21, с. 10].

64 Напр. : [50, с. 14].

65 См. : [22, с. 35].

вели к ее формированию, ни то, чисто ли он индийского происхождения или создан из разномастных источников, внешних по отношению к индуизму» [45, с. 87]. Все эти мнения демонстрируют сложность данной проблемы, далеку от разрешения и по сей день.

Как представляется очевидным, тантризм в виде своих отдельных школ и практик, основанных на тантрах, действительно должен был возникнуть в тех регионах, где проявления местного субстрата (а следовательно, и «вызов времени») оказывались наиболее сильными и влиятельными для индоарийской культуры⁶⁶. Хотя прародинами тантризма могут быть чуть ли не любые регионы Индии (версию об экстраиндийском происхождении тантры приходится отбросить), нам кажется, что наибольшие «претенденты» на эту роль – Ассам (Камарупа), Бенгалия, Орисса и Тамилнад, т. е. северо-восток, восток и юг страны, регионы с сильным неарийским присутствием. Возможно, что тантрические школы и культы появились во всех этих областях почти одновременно. Нельзя исключить и определенное индийское влияние, особенно со стороны приграничных горных племен из Непала и Тибета⁶⁷.

Буддийский и индуистский тантризм. Еще одну проблему представляет сопоставление двух разновидностей тантризма, одна из которых развивалась в рамках индуизма, а другая – в рамках буддизма. Даже при беглом взгляде на обе традиции бросается в глаза их поразительное сходство в самых разных компонентах – теоретических постулатах, духовных практиках, используемых средствах; наконец, общим является даже название священных текстов («тантры»). Резонно спросить: с чем связано такое сходство и не является ли оно плодом влияния одной традиции на другую; можно еще больше заострить данный вопрос: не происходит ли одна форма тантризма от другой?

С одной стороны, многие исследователи и активные приверженцы буддийской тантры утверждают, что она древнее индуистской тантры (а значит,

66 М. Элиаде склонен говорить об этих проявлениях как о «возрождении женственности», «духовном контраступлении», «новых победах доарийских племен» и т. д. (См.: [18, с. 274 – 275]). Нам же кажется, что «возрождение» и тому подобные феномены уместны были бы только в том случае, если бы местная религиозность долгое время находилась под гнетом ведической традиции. На самом деле никакого гнета не существовало – по той простой причине, что индоарии еще не были близко знакомы с этими верованиями, а если и были, то не обращали (до определенного времени) на них внимания, тем самым позволяя им развиваться самостоятельно. Подлинный же прорыв в этой области, приведший к формированию тантризма, случился только тогда, когда индоарии ощутили настоятельную необходимость развить духовные или магические практики, обогатившись вневедическим материалом, о чем уже говорилось выше.

67 По крайней мере, установлено, что культ тантрической богини Кубджики – непальского происхождения. См.: [46, с. 5]. Однако Шотерман датирует начало этой школы достаточно поздно – с XII в.; к тому времени индуистский тантризм переживал пору расцвета. Неиндийский характер культа Кубджики отмечает и Ч. Чакраварти. См.: [31, с. 46]. Есть версия и о том, что свой вклад в формирование тантрических практик могли внести тибетские племена, во время военных походов в VII в. к югу от главного Гималайского хребта [42, с. 83 f].

и была первоисточником влияния). Авторы труда «Индия в древности» полагают, что буддийские тантры древнее индуистских [6, с. 524].⁶⁸ Систематическую форму тантризм, по-видимому, впервые приобрел в буддизме, замечают М. и Дж. Статли [51, с. 298]. Бенойтош Бхаттачарья также придерживается подобной точки зрения: по его мнению, буддийская «Гухьясамаджа-тантра» написана не много ни мало как в III в. н. э. Опираясь на этого ученого, известной немецкий последователь буддийского тантризма Лама Анагарика Говинда (Э. Л. Гоффманн) подчеркивает, что «сравнение буддийских тантр с индуистскими не только показывает удивительное расхождение в методах и целях, несмотря на некоторое внешнее подобие, но и доказывает духовный и исторический приоритет и оригинальность буддийских тантр» [8, с. 276]. На его взгляд, буддийский тантризм глубоко повлиял на индуистский тантризм, но никак не наоборот. Например, идея шакти, столь важная в индуистском аналоге, не играет никакой роли в ваджраяне, где, напротив, на первом месте стоит праджня. Вообще, «из-за смешения буддийского тантризма с шактизмом индуистских тантр возникла огромная путаница, которая до сих пор мешает пониманию ваджраяны и ее символизма» [8, с. 278, 281] Многие другие авторы акцентируют внимание на различии между двумя формами тантризма, которое, на их взгляд, гораздо существеннее, чем внешнее, поверхностное сходство⁶⁹.

Другие представители ученого мира отдают в этом вопросе первенство индуистскому тантризму. Например, среди буддологов XIX в. господствовало мнение о том, что буддийский тантризм есть некое вырождение изначально чистого духа раннего буддизма, который начал искажаться уже в период составления махаянских сутр под воздействием индуистского тантризма (шактизма). Подобного мнения, например, придерживался Л. Уодделл. В XX в. буддология преодолевает столь узкое, однобокое воззрение. Далее, С. Банерджи, критикуя Б. Бхаттачарью, также ревностно отстаивает приоритет индуистского тантризма над буддийским и его более раннее происхождение⁷⁰. Уважительно относясь к буддийскому аналогу, Дж. Вудрофф все-таки более древним считает индуистскую ее форму. В целом можно сказать, что авторы, в вопросе «кто раньше?» отдающие первенство индуизму, в большей степени, чем «буддологи», склонны подчеркивать сходства и до определенной степени взаимозависимость между обеими традициями. Оригинальную концепцию предложил Х. фон Глазенапп, достаточно резко отличающий

68 Впрочем, авторы тут же оговариваются, что «по характеру своих положений тантризм скорее тяготеет к индуистской религии; ряд его идей восходит к упанишадам и даже ведам».

69 [3, с. 8]; [4, с. 94]: «Цели и задачи буддийского тантризма, основой и объединяющим принципом которого является махамудра, не имеют ничего общего с целями и задачами шиваитского тантризма».

70 [22, с. 28]: «Культе Шакти и индуистская тантра намного старше ранних буддийских тантр». Впрочем, он соглашается с тем, что впоследствии индуистским тантризм мог проникнуться влиянием буддизма [22, с. 29].

тантризм от шактизма: он выделяет в буддийском тантризме два течения: одно шактистское по своему характеру, другое нет, и считает, что на первое из них оказали влияние бенгальские индуистские йогини [34, с. 130 ff.]⁷¹.

Наконец, еще одна группа авторов убеждена в том, что, во-первых, буддийский и индуистский тантризм возникают из некоего праисточника, а, во-вторых, учение той и другой традиций, по существу, одно и то же. Агехананда Бхарати решительно заявляет об идеологическом единстве буддийского и индуистского тантризма⁷². По словам Р. Н. Дандекара, «тантрический буддизм соответствует тантрическому индуизму» [32, с. 100]. Активным сторонником общего происхождения обеих традиций является Шашибхушан Дасгупта. По его мнению, «тантризм из-за своего гетерогенного характера не является ни исключительно индуистским, ни исключительно буддийским по происхождению». Многочисленные черты сходства явно говорят о том, что обе традиции опираются на общий культурный фундамент [33, с. 20] Причем это сходство отнюдь не внешнее: «Основные положения индуистских и буддийских тантр одни и те же. Они отличаются друг от друга только по окраске и по тону. <...> Фундаментальная идеология праджни и упаи по существу та же, что и идеология Шивы и Шакти» [33, с. 20, 195]. Автор реконструирует некое общее для обеих традиций учение: «Все виды эзотерической садханы имеют общее основание. Во всех эзотерических школах абсолютная реальность, как считается, имеет два аспекта-атрибута – негативность и позитивность, статичность и динамичность, покой и подвижность, чистое сознание и чистое действие, субъективность и объективность, наслаждающееся и наслаждаемое. В абсолютном бытии эти два аспекта связаны друг с другом в состоянии абсолютной недвойственности, но в процессе становления или феноменализации происходит отделение и дуализация. Этот процесс изменений или становления через двойственность есть опутывание, связанность, и окончательное избавление от нее есть освобождение. Тайна всякой эзотерической садханы – разрушить все принципы дуализма и достичь окончательного состояния недвуальности. Это предельное состояние недвуальности называется по-разному в различных эзотерических системах: адвая, майтхуна, юганаддха, ямала, самараса или сажаджа-самадхи...» [33, с. xxxiv].

Среди других представителей этой группы авторов, с разной степенью убежденности высказывавших мнение о сущностном единстве тантрической традиции, можно назвать также М. Элиаде, Дж. Фойерштайна, Дж. Хартцелла⁷³ и некоторых других.

71 По его мнению, «буддийский шактизм» появляется на северо-востоке Индии, в Бенгалии и Ассаме, а также и в Ориссе. [34, с. 131].

72 [23, с. 20]. В то же время автор допускает влияние ваджраяны на индуистскую тантру. По его мнению, такие божества, как Экаджата, Махачинатара, Курукулла, Джангули, пришли из буддийского тантризма. [23, с. 38].

73 Дж. Хартцелл даже приводит названия текстов, которые свободно использовались в обеих традициях – «Калогтара-тантра», «Амрита-тантра», «Бхутадамара-тантра». См.: [38, с. 440 ff].

Мы согласны с тем, что уровень сходства между двумя тантрическими традициями достаточно высок – настолько высок, что это препятствует думать о том, будто подобное сходство случайно и что оно просто представляет собой выражение некоего типического компонента индийской духовной культуры в ее целостности. Хотя версия о происхождении буддийского тантризма из индуистского и кажется чуть-чуть более убедительной (хотя бы в силу большей систематизированности и организованности буддизма), все-таки более верной представляется версия об их происхождении из неких общих источников, в которых были сильны прототантрические элементы. Без всякого сомнения, этими общими источниками являются различные местные религиозные традиции. По всей видимости, практически одновременно и в одних и тех же регионах в буддийских (точнее, махаянских) кругах, с одной стороны, и в брахманистско-индуистских, с другой, осуществлялись тесные контакты с представителями местных народных и племенных культов и шло активное заимствование их практик, с адаптацией под определенную систему идеологических координат. Собственно, создание тантр и преследовало задачу описания и анализа полученного материала на основе тех категорий, которые были разработаны как в махаянском буддизме, так и в позднем брахманизме и индуизме.

Скорее всего, тантрические тексты в обеих традициях также появлялись одновременно [39, с. 1038]. В некоторых (возможно, нередких) случаях местная религиозность становилась основой сразу и для той, и для другой традиции, что в результате приводило к довольно причудливым религиозным образованиям. Так, в Непале, по мнению А. А. Ледкова, тантризм предшествовал как буддизму, так и индуизму, и в ходе его развития две основные религии тесно переплелись; этот «соперничающий» синкретизм ярко выражен как в популярном местном культе богини Таледжу, так и во всей уникальной неварской культуре [9, с. 394].

Мы не станем вслед за Ш. Дасгуптой и другими авторами утверждать, что по своей сути и буддийские, и индуистские тантрические системы являются одним и тем же, что их учения – это фактически одно учение. Говорить так означает неоправданно мешать в один котел совершенно различные по своему характеру доктрины: все-таки, как бы ни был похож буддийский тантризм на индуистский тантризм, с духом и учением раннего буддизма он имеет куда больше сходства и явного родства. Тем не менее, касаясь сложного вопроса о заимствованиях, следует заметить, что как буддийские, так индуистские тантристы, будучи в первую очередь практиками, обычно пренебрегали религиозным «политесом» и сквозь пальцы смотрели на необходимость установления своего рода «железного занавеса» между собой. Представители обеих традиций всегда были достаточно открыты друг для друга и могли свободно обмениваться идеями и практическими достижениями.

ями. «Не имея догматических преубеждений, махасиддхи свободно общались с такими же, как они, индуистскими йогинами, презревшими ограничения брахманской ортодоксии, что приводило к неограниченному обмену идеями и методами йогической практики» [15, с. 126]⁷⁴. С упадком буддизма его богатым наследием в полной мере воспользовались индуистские тантрические школы. Так, очевидна связь между вишнуйскими сахаджиями и буддийским направлением сахаджаяна [48, с. 228], [33].

Подведем некоторые итоги. Индуистский тантризм стал результатом длительного развития специфических концепций и духовных практик, которые, с одной стороны, относились к брахманистской культуре, а, с другой, к местной, неарийской религиозности. В свою очередь, эта встреча брахманизма и автохтонных культов, приведшая к появлению собственно тантризма, была связана с рядом насущных духовных проблем, вставших перед некоторыми представителями тогдашнего индоарийского общества, – теми, кто имел отношение к ритуально-магической деятельности или мистическому созерцанию. Тантризму по времени предшествовал период «прототантризма», закончившийся в эпоху Гуптов, когда созрели благоприятные условия для трансформации прототантризма в тантризм и были написаны первые тантры, – тексты, в которых идеи и практики формирующейся системы приняли удобный и систематический вид. Происхождение индуистского тантризма, по всей видимости, было связано с северо-востоком, востоком и югом Индии, хотя нельзя полностью исключить и вклад иных индийских областей. Индуистский тантризм не произошел от буддийского тантризма, равно как не произошел и буддийский тантризм от индуистского. Обе традиции складывались практически одновременно на основе двух источников: в первом из них они отличались друг от друга (буддизм для одной тантрической традиции, брахманизм для другой), а во втором почти совпадали друг с другом, поскольку оба черпали из богатого наследия местных религиозных практик. Под эти локальные духовно-религиозные практики, весьма схожие в разных регионах, были подведены различные мировоззренческие схемы, которые затем развивались в том числе и путем заимствований. Все это и помогает объяснить странное смешение поразительных сходств и не менее разительных отличий, которое наблюдается при сравнении буддийской и индуистской форм тантризма.

Библиографический список

1. Атхарваведа. Избранное. Пер. с санскр. Т. Я. Елизаренковой. М., 1989.
2. *Бонгард-Левин Г. М.* Древнеиндийская цивилизация. М., 1993.
3. *Гюнтер Г., Трунгпа Ч.* Заря тантры. СПб., 1993.

⁷⁴ Ср. также: [38, с. 203]. Но ср. мнение авторов сборника *Hindu Tantrism*: «Тантрические божества и практики должны были проникать в буддизм не из индуистского тантризма, а из брахманистских ритуалов и спекулятивных доктрин, йоги сиддхов или популярных верований» [36, с. 21].

4. Дандарон Б. Д. Махамудра как объединяющий принцип буддийского тантризма // Дандарон Б. Д. Буддизм. СПб., 1996.
5. Зонтхаймер Г. -Д. Пять компонентов индуизма и их взаимодействие // Древо индуизма. М., 1999.
6. Ильин Г. Ф., Бонгард-Левин Г. М. Индия в древности. М., 1985.
7. Кулке Г., Ванина Е. Ю. Орисса: Джаганнатх // Древо индуизма. М., 1999.
8. Лама Анагарика Говинда. Основы тибетского мистицизма. СПб., 1993.
9. Ледков А. А. Непал: Таледжу // Древо индуизма. М., 1999.
10. Махабхарата. Карнапарва. Пер. с санскр. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1980.
11. Повесть о браслете («Шилаппадикарам»). Пер. с тамилск. Ю. Я. Глазова. М., 1966.
12. Ригведа. Мандалы I–X. Пер. с санскр. Т. Я. Елизаренковой. М., 1989 – 1999.
13. Рукавишникова Н. Ф. Колесница Джаганнатха. М., 1983.
14. Чаттопадхья Д. Локаята даршана. История индийского материализма. Пер. с англ. М., 1961.
15. Торчинов Е. А. Введение в буддологию. СПб., 2000.
16. Упанишады. В 3-х кн. Пер. А. Я. Сыркина. М., 1992.
17. Фёрштайн Г. Тантра. М., 2002.
18. Эшаде М. Йога: бессмертие и свобода. СПб., 2004.
19. Bagchi P. Ch. Evolution of the Tantras // Cultural History of India. Vol. IV. Calcutta, 1956.
20. Baki A. A. The Appropriation of Śiva's attributes by Devī // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Univ. of London, 1955. Vol. XII. Part 3.
21. Banerji S. C. A Brief History of Tantra Literature. Calcutta, 1988.
22. Banerji S. C. Tantra in Bengal. Calcutta, 1978.
23. Bharati A. Tantric Tradition. London, 1992 (4th ed.).
24. Bhattacharyya N. D. Tantric Religion // The History and Culture of the Indian People. Vol. IV. Bombay, 1955.
25. Bhattacharyya N. N. History of the Tantric Religion. Manohar, 1982.
26. Bolle K. Persistence of Religion. Leiden, 1965.
27. Borsani G. S. La Filosofia indiana. Milano, 1976.
28. Bose D. N., Haldar H. Tantras: their Philosophy and Occult Secrets. Calcutta, 1981 (3rd ed.).
29. Briggs G. W. Gorakhnāth and the Kānpāca Yogins. Calcutta, 1938.
30. Chakravarti Ch. Antiquity of Tantricism // The Indian Historical Quarterly. Vol. VI, №. 1. March, 1930.
31. Chakravarti C. Tantras. Studies on their Religion and Literature. Calcutta, 1963.
32. Dandekar R. N. Religion and Philosophy in the Age of the Guptas (circa 200 – 700) // Rocznik Orientalistyczny, XXI. Warszawa, 1957.
33. Dasgupta S. B. Obscure Religious Cults. Calcutta, 1946.
34. Glasenapp H. von. Tantrismus und Maktismus // Ostasiatische Zeitschrift. Neue Folge. Jg. 12 (22) 1936.

35. *Gonda J.* Les religions de l'Inde. Vedism et hindouisme ancien. Paris, 1962.
36. *Gupta S., Hoens D., Goudriaan T.* Hindu Tantrism. Leiden / Köln, 1979.
37. *Hacker P.* Inklusivismus // Oberhammer G. (Hrsg.). Inklusivismus. Eine Indische Denkform. Wien, 1983.
38. *Hartzell J. F.* Tantric Yoga. Columbia University, 1997.
39. *Kane P. V.* History of Dharmaśāstra. Vol. V. Part II. Poona, 1964.
40. *Little L.* An Introduction to the Tamil Siddhas // www.alchemywebsite.com/indian_a.html
41. *Lorenzen D. N.* The Kāpālikas and Kālāmukhas. Two lost śaivite sects. Berkeley and Los Angeles, 1972.
42. *Majumdar R. C.* History of Ancient Bengal. Calcutta, 1971.
43. *Needham J.* Science and Civilisation in China. Cambridge etc, 1983. Vol. V. Pt. V.
44. *Padoux A.* Recherche sur la symbolique et l'énergie de la parole dans certains textes tantriques. Paris, 1963.
45. *Renou L.* Religions of Ancient India. London, 1953.
46. *Schoterman J. A.* Introduction // The úacsahasra Samhita. Ed., tr. and annotated by J. A. Schoterman. Leiden, 1982.
47. *Schrader F. O.* Introduction to the Pancaratra and the Ahirbudhnya Samhita. Adyar, 1916.
48. *Sen D. Ch.* History of Bengali Literature. Calcutta, 1954 (2nd ed.).
49. *Silburn L.* Introduction // Hymnes aux Kālī. La roue des énergies divines. Paris, 1975.
50. *Silburn L.* Introduction // Maheśvarānanda. Mahārthamañjari. Ed. et tr. par L. Silburn. Paris, 1995 (1st ed., 1968).
51. *Stutley M. and J.* A Dictionary of Hinduism. Its Mythology, Folklore and Development 1500 B. C. – A. D. 1500. London, 1977.
52. *Vidyarthi M. L.* India's culture through the ages. Kanpur, 1952 (2nd ed.).
53. *Winternitz M.* Geschichte der Indischen Litterature. Leipzig, 1904 – 1913. Bd. II.
54. *Zvelebil K.* The Poets of the Powers. London, 1973.

Е. Н. Успенская

*Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН, г. С.-Петербург*

МОДЕЛИ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ КАСТОВОГО СТРОЯ

Общий рисунок этнической истории Индии с глубокой древности – взаимодействие и взаимовлияние многих народов и культур, как автохтонных, так и пришлых. История и культура Индии получили судьбоносный вектор развития с приходом во II тыс. до н. э. кочевников-арья и складыванием индоарийского сообщества создателей Вед. Уже в ходе первых контактов племен арья с автохтонами Индии (предками современных дравидов, мунда и др.) начали формироваться те особые модели межэтнического вза-

имодействия, которые оказали решающее влияние на формирование традиционной кастовой организации индийского общества.

Классическое брахманическое объяснение возникновения института варны-касты (так называемая «теория культурного шока») со времен английской колониальной школы этнографии (1) занимает лидирующее положение в научном знании. Последний по времени появления яркий образец научной концепции, основанной на брахманическом учении, – теория касты Л. Дюмона (2). Несмотря на риторику древнеиндийской классической литературы про «дикие» племена *даса*, *млечча* и др. и их варварские обычаи, и несмотря на строгости созданной на этих представлениях брахманической традиции жестко ограничивать контакты вне своей группы, нет оснований думать, будто арья оттеснили местные племена в сторону Юга Индийского субконтинента и не общались с ними из расистских предубеждений. Не менее правдоподобным оказывается предположение, что арья и местные племена вполне миролюбиво общались друг с другом, уже хотя бы потому, что арья оказались в новых для себя экологических условиях и нуждались в помощи и услугах специалистов из числа местных жителей – об этом говорит характер четырех варн древнеиндийского общества ⁷⁵. Арья смогли утвердить свое влияние во всех сферах жизни, сначала в Пенджабе и долине Ганга, а потом и по всему Индийскому субконтиненту. Со временем их язык распространился, а ведическая культура стала эталонной, и для этого не обязательно было сгонять или менять население. (3). Они брали жен из местных племен, хотя не отдавали им своих дочерей, и это способствовало формированию широких слоев индоарийского населения, организованного в племена и родовые общины, которые впоследствии превратились в кастовые общины (4).

Эта историческая реальность, осмысленная религиозным сознанием, дала яркие и действенные идеологемы индуизма, легшие в основу апологии касты. Брахманы научились до определенной степени управлять ситуацией. Под влиянием их учения разнородные группы населения Индии должны были выстраивать свое общение в быту, в брачных отношениях и в хозяйственной деятельности на началах обособленности и капсулирования, что приняло форму кастового взаимодействия. В кастовом сообществе и сегодня действует тот самый древний механизм налаживания системного взаимодействия между основанными на отношениях родства социальными группами, и занимаются этим кастовая идеология и религиозные предписания индуизма. Само брахманическое социальное учение называется «закон четырех варн и четырех стадий жизни» (*чатурварварнашрама дхарма*).

⁷⁵ В древнеиндийском обществе было четыре иерархических варны сословно-классового характера: 1) *брахмана*, т. е. жрецы, учителя и учителя, чиновники (уже тогда); 2) *кшатрия*, или раджанья, – правители и воины, знать; 3) *вайшья*, торговцы и земледельцы; 4) *шудра* – ремесленники и другие обслуживающие общество группы.

Наука приняла за истину объяснения брахманов, что территория Индийского субконтинента и его население были в свое время «арьянизированы» или «брахманизированы», или «индуизированы». Как понятно по самому термину, такое развитие событий предполагает, что собственная духовная культура местного населения была полностью заменена на брахманическую. (Так примерно, как это происходило с язычниками в случае их христианизации или исламизации). Но похоже, что на самом деле имел место несколько иной процесс.

Социально-регулятивные потенции индуизма позволяли брахманским идеологам контролировать и даже направлять общественные процессы. Брахманы понимали процесс культурной экспансии как «арийское завоевание» в древности и как распространение брахманского ритуала *санскара* (букв. «усовершенствование» души и образа жизни) в историческую эпоху, и такая терминология привычна для индийских авторов. Все говорит о том, что именно этот механизм социализации работал и работает во всех случаях, когда речь идет об этнически и культурно инородных соседях уже существующего кастового общества, причем на протяжении всей истории кастового строя. Понятно, что для арья такими чужеродными общностями были все встреченные ими в Индии этнические группы населения. Многочисленные волны более поздних, чем сами арья, иноземных завоевателей и переселенцев в большинстве своем были полностью ассимилированы в индийском кастовом обществе – через принятие ими системы мировоззренческих установок индуизма, что с необходимостью влекло за собой принятие норм жизни в кастовом обществе и вписывание в варново-кастовую структуру. Они получали в этом обществе более низкий, чем у самих брахманов, общественный и ритуальный статус. Уже внутри кастового общества продолжались процессы «усовершенствования» культуры низких каст до уровня приемлемых стандартов брахманической культуры. Этот способ взаимодействия направлен не только на периферию кастового общества: это системный принцип, работающий, благодаря усилиям брахманов, на всех уровнях структуры. Сам индуизм формировался в ходе масштабного процесса инкорпорирования разнородных местных верований и религиозных практик в единый, хотя и довольно аморфный, комплекс на основе ведической религии и брахманических учений, что происходило в ходе налаживания межэтнических контактов. То есть эта ассимиляция и аккультурация проходила в своеобразном индийском стиле, и для ее описания более всего подходит понятие «санскритизация» (букв. «окультуривание»)⁷⁶, предложенное индийским этнологом М. Н. Шринивасом (5). Санскритизация могла

⁷⁶ Индийско-английский научный термин «санскритизация» имеет в основе санскритский корень «делать улучшения, совершенствовать», который присутствует в самом названии языка *санскрит* (букв. «обработанный, усовершенствованный») и в названии обрядов *санскара*.

проходить волнообразно, даже переживать периоды регресса. Но она всегда происходила, о чем говорит характер индийской цивилизации.

Теоретический аппарат общей этнографии содержит ряд понятий, описывающих характер сходных процессов межэтнического взаимодействия, а именно: интеграция, консолидация, ассимиляция. Ассимиляция, например, приводит к разрушению традиционной социальной организации и размыванию оригинальной культуры ассимилированной общности. Сопутствующая ей аккультурация означает ту или иную степень изменения национальной культуры. В Индии процессы межэтнического взаимодействия происходили менее травматично и менее драматично. Взаимоотношения разных этносов и культур в процессе санскритизации строились в ключе взаимовлияния и взаимообогащения. Индийский способ «санскритизации» и материалы на эту тему могли бы добавить в устоявшиеся теоретические представления новые краски.

Кастовое общество, как выясняется, имеет свои законы развития, одним из которых является возможность притока новых сил извне, и существует способ реализации этого принципа. Именно таким образом появились в обществе индуистов многочисленные «касты этнического происхождения». Но и те касты, которые не сохранили в своих названиях этнонимы, на самом деле тоже в отдаленном прошлом составляли каждая некий чужеродный для локального кастового сообщества коллектив, организованный на родственных началах (вплоть до племени). «Вступив» в кастовое общество, такие коллективы со временем принимали форму каст с их характерными особенностями, в числе которых строгая эндогамия, а также наследственная передача профессии и статуса. К этому разряду относится подавляющая часть земледельческих, ремесленных и так называемых обслуживающих каст.

Очень интересны в этом контексте общности, санскритизация которых не была полной. Их особенности могут быть экстраполированы на множество ситуаций с другими кастовыми и племенными группами, что позволит определить степень их адаптированности в кастовом окружении, понять, какие факторы имеют для кастового общества сущностное значение (например, брачные отношения), а какие носят внешний, формальный характер. В результате неполной санскритизации образуются «этно-кастовые общности», сохраняющие под кастовой оболочкой этническое своеобразие. Обычно они выглядят как крупные многосоставные комплексы каст с запутанной внутренней структурой и «плавающим», неоднородным статусом. В привычной терминологии они называются над-кастами (6), супер-кастами, кластерами каст (7) и т. п., но такие определения не отражают сущности феномена.

Раджпуты, пожалуй, самый яркий пример этно-кастовой общности, сохранившей традиции племенной жизни, сравнимые по потенциям с возможностями касты. Их в Индии не менее 18 млн. чел. Раджпуты, кшатрии сов-

ременной Индии (8), представляют собой в кастовом обществе целый слой каст, выше которых только брахманы. Внутренняя структура раджпутской общности невероятно сложная, и в нее входят очень разные компоненты, в том числе имеющие иноземное происхождение. Эти компоненты не коррелируют с классическими подразделениями касты, о которых много говорится в теориях, но они выстроены в специфическую функциональную систему, определяющую взаимоотношения в сфере брака и ритуала. В основе эта система имеет кланы и другие семейно-родственные группы.

История раджпутов прослеживается начиная с VI в. н. э. Довольно понятно, какие именно раджпутские группы могут быть возведены к ведическим кшатриям, а какие происходят от иноземных завоевательных групп и племен более позднего времени. Эти последние были восточно-иранские по происхождению племена так называемого гуджаро-джато-раджпутского комплекса, пришедшие в Индию с эфталитской волной завоевателей. Предположение об иноземном происхождении по крайней мере части древних раджпутских племен хорошо подтверждается свидетельствами современной этнографии.

Судьба раджпутов в Индии могла стать столь благополучной, какой она оказалась, только в результате социализации в кастовом обществе, и это действительно произошло. Иноземные предки раджпутов, по-видимому, включились в этот процесс сразу после их появления в орбите индуизма. Санскритизация раджпутских племен развивалась в период укрепления системообразующей социальной роли индуизма, тогда, когда в стране существовали параллельно брахманизм, джайнизм и тантрический буддизм (около VI – VIII вв. н. э.) и решался вопрос о доминирующей идеологической концепции. Будучи многочисленными и успешными завоевателями, раджпуты претендовали на значительную социальную роль правителей завоеванных земель, и им требовалась идеологическая санкция на правление. Соглашение брахманской элиты с раджпутами «о разделении полномочий» получилось, по-видимому, именно таким, как хотели брахманы: до начала периода мусульманских завоеваний в Северной Индии, до XII в., ситуация полностью контролировалась брахманской традиционной элитой. Раджпуты, чья кастовая обязанность состоит в том, чтобы «защищать брахманов, коров и быть правителями», то есть заставлять все касты выполнять свои обязанности, правили под неусыпным наставничеством со стороны брахманов. Только этим я могу объяснить единодушно представленное в индийской историографии и брахманической традиции мнение, что VII – XII вв. под властью раджпутов были «золотым веком» индийской истории, несмотря на то, что время это также носит название «раджпутское завоевание». Начиная с этого времени и вплоть до XX в. раджпутская общность регулярно пополнялась всевозможными корпоративными груп-

пами, связанными с военным делом и властью, выходцами из разных местных каст и племен, и на протяжении всего этого времени прочно держала и сейчас держит за собой место кшатриев Северной Индии. При этом все новые члены раджпутской общности получали с помощью брахманов место в раджпутской традиционной социальной системе, унаследованной еще из доиндийского кочевнического периода. В ней социально и ритуально значимые группы – это единицы раджпутской родо-племенной организации, а именно генеалогические Линии: Солнечная, Лунная, Огненная, экзогамные категории *кула*, кланы и т. д.

Этот факт является важнейшим аргументом в пользу гипотезы о санскритизации иноземных племенных предков раджпутов. А сама раджпутская общность не является кастовой по сути, если следовать научным представлениям о признаках и характерных особенностях касты. Предки нынешних раджпутов приняли лишь внешние характеристики касты, что совершенно необходимо для налаживания взаимоотношений с остальным населением, и рассматриваются представителями иных каст как группы каст кшатрийского уровня. Но, например, важнейшая сущностная характеристика касты, эндогамия, в раджпутской общности не работает.

Говорят о раджпутах как об этно-кастовой общности, хотя не употребляют этот термин, многие исследователи. М. Сато: «Не решен вопрос, кем раджпуты являются – племенем или кастой» (9). Н. Пибоди: У раджпутов наблюдается «родовая система в пределах касты» (10). А. Мейер: «Раджпуты являются кастой, которая имеет несколько подкаст... Их подкаста, по-видимому, похожа на то, что Э. Блант называет «кастой этнического происхождения» в противоположность «профессиональным кастам»» (11). И это действительно так. Общественные отношения у раджпутов базировались на патриархальной клановой системе; на ее основе развивались хозяйственно-экономические связи и даже система государственной власти. Язык и особенно литература, традиционная социальная организация и культурное единство, выражающееся в почитании и сохранении раджпутского наследия, в следовании дхарме кшатрия – главные факторы для раджпутского самоопределения до сих пор. То есть и сегодня, несмотря на кастовую обособленность, этнообразующие моменты очень сильны, что особенно заметно в Раджастхане, где раджпуты составляют ядро формирования раджастханской народности. Раджпутские традиции и ценности стоят в Раджастхане на главном месте – все иные кастовые группы давно и прочно втянуты в орбиту раджпутской культуры по причине обязательной для раджпутов гипергамии. Для того, чтобы соблюсти этот обычай предков, они брали жен из групп ниже своего по статусу. Это делало открытой снизу границу раджпутской общности, и постоянные ссылки разных каст на их причастность к раджпутскому образу жизни и притязания на раджпутский статус объясняются этим обычаем

раджпутов. «Обычная» каста отгораживает своих членов от неконтролируемого внешнего воздействия и влияния.

Этно-кастовые общности – это прошедшие санскритизацию крупные племенные союзы и народы с их действенными традициями существования. Они «надели» на себя кастовую форму на сравнительно позднем этапе этнического и общественного развития. Поэтому, несмотря на брахманическую регламентацию, они сохранили обычаи, которые часто отличаются от нормативных, брахманических («санскрита»), правил жизни. Такая общность, если ее рассматривать как касту, будет всегда носить неортодоксальный, «неправильный» характер, а ее подразделения будут строить социальные связи и систему жизнеобеспечения по своим особым правилам (например, матриархальным и родовым). Так, например, как это происходит в другой этнокастовой общности, веллала Южной Индии. Г. С. Гхурье: «В некоторых кастах подкасты имеют такие различия в культуре, как это видно, например, у веллала, что совершенно невозможно дать общее описание брака и других обычаев, приложимых ко всем подкастам. Некоторые из них признают свободу развода, повторные браки и даже полиандрию, другие – строго следуют брахманическим нормам» (12). Эти затруднения кажутся непреодолимыми потому, что веллала – не каста. Тамильские племенные союзы вошли в процесс санскритизации уже к началу VI в. н. э., «надев на себя» кастовые формы и подавшись брахманическому «усовершенствованию». Известно, что в сообществе веллала и сегодня сохраняют свои позиции до-брахманические традиционные жрецы, очень многочисленные, влиятельные и авторитетные *пандарам*, которые еще в начале санскритизации сочинили «пятые веды» тантрического, шиваитского и вайшнава направлений на тамильском языке, уже в раннем средневековье подчинили себе храмовый ритуал в Тамилнаде, и теперь контролируют главные индуистские храмы и домашнюю культурную практику дравидийского юга. Брахманам северного происхождения, носителям санскритизации, рядом с ними живет нелегко.

Есть и другие варианты исхода санскритизации. Чужеродная для кастового общества группа может оставаться в течение бесконечно долгого времени в положении независимого кастоподобного образования. Евреи и христиане в Керале, парсы в Гуджарате и г. Бомбее (Мумбаи), джайны и множество мусульманских каст повсеместно, – все они в сфере культа и ритуала сохраняют самостоятельность. Их локальные группы выполняют важные экономические функции в традиционной системе общественного разделения труда, и на них распространяется кастовое правило наследственной профессии. Они не могли бы налаживать контакты с кастовыми индуистами, если хотя бы внешне, по способу взаимодействия, не были оформлены как касты, не соблюдали кастовых правил общения, не имели своего общественно признаваемого «лица». Уважая основные кастовые предписания, не

пытаясь заставить индуистов нарушать свою обособленность и не делая попыток вести активную миссионерскую деятельность, чужеродный коллектив может спокойно строить планы на будущее в кастовом окружении. При этом, поскольку кастовые индуисты не вступают с ними в брак (провоцируя у тех свою эндогамию), не отнимают их профессию и не навязывают другую (уважая их кастовое занятие), и т. д., те становятся похожими на касты и по формальным параметрам вполне входят в состав индийского кастового общества. Сосуществование в обществе «настоящих» каст и в сущности некаст, очень возможно.

Формирование консолидированных этносов на основе разрозненных компонентов также возможно в условиях кастового общества, хотя для этого требуются дополнительные факторы. Посмотрим на пример гуджаратцев, которые имеют с раджпутами общие корни.

История населения Гуджарата, западного региона, расположенного у побережья Аравийского моря, уходит корнями в эпоху протоиндийской цивилизации. Кроме дравидов, здесь были расселены племена мунда, потомки которых до сего дня представлены в числе «зарегистрированных племен» Гуджарата и соседних областей. По этой земле волна за волной прошли многочисленные завоеватели и переселенцы: арья, саки, кушаны, белые гунны, арабы, персы, белуджи, афганцы, тюрки, даже немногочисленные африканцы. Это одна из немногих частей Индии, затронутых завоеваниями Александра Македонского и влиянием эллинистического мира, что заметно в культуре гуджаратцев, сохранивших традиции кушанского искусства в архитектуре и некоторых ремеслах. Этноним «гуджаратцы» восходит к названию племени *гурджара*, пришедшего в Индию в период эфталитских завоеваний. Джайны и буддисты на некоторых ранних этапах истории численно преобладали над остальными общинами, но брахманы восстановили свое влияние, и теперь около 90% гуджаратцев – индуисты. История мусульманской общины Гуджарата началась в к. VII в н. э. с появлением арабов, к которым добавились потомки средневековых мусульманских переселенцев и новообращенных горожан и ремесленников. Парсы, прибывшие в Западную Индию в VIII – IX вв н. э., и поныне говорят на языке гуджарати, хотя большая их часть сосредоточена теперь в г. Бомбее (Мумбаи). Первые европейцы в начале XVI в. также высадились в этих местах.

В составе современных гуджаратцев отчетливо видны многочисленные кастовые, конфессиональные, племенные, локальные и иные общины, но все они демонстрируют высокий уровень этнической консолидации на основе неортодоксального отношения к институту касты. Каста здесь сохраняет свое традиционное значение в семейном ритуале и обрядовой практике, но в сфере хозяйственной деятельности она претерпела изменения.

Жители Гуджарата с глубокой древности (еще до наступления н. э.) и особенно в период средневековья и нового времени вели активную морскую торговлю со странами бассейна Индийского океана, включая все побережье Индостана, африканские и арабские страны, а также острова Индонезии и Китая. Для ведения обменно-торговых дел гуджаратские купцы и предприниматели создавали базы и ремесленные мастерские в портовых городах, организовывали к ним караванное сообщение. Высокого развития достигло кораблестроение и производство предметов роскоши: шелковые и изысканные хлопковые ткани, резные изделия из слоновой кости и камня, ювелирное искусство и т. д. В период Могольской Империи из портов Гуджарата было налажено активное сообщение с Меккой и Мединой, куда доставлялись многочисленные паломники. В ходе всей этой деловой активности деревенская кастовая община уже к XIV в. разрушилась. В связи с развитием товарно-денежных отношений, предпринимательства, ростом городов и товарного ремесленного производства возникли новые сферы деятельности и современные востребованные кастовые занятия, а характерные для касты закрытость рядов и наследственность профессии способствовали раннему появлению гильдий ремесленников. Окрепили влиятельные торгово-ростовщические группы, которые и по сей день имеют огромный вес в экономике и политике всей страны: индусские касты *банья*, *патель*, кастоподобные общины мусульман – торговцев и предпринимателей *бохра* и *ходжа* (шииты-исмаилиты) и *меман* (сунниты). В этом же ряду стоит община парсов. И, хотя сегодня три четверти гуджаратцев занимаются сельским хозяйством, большинство их добрую половину года занято товарным кустарным производством – муссон длится четыре месяца, а почвы бедные. Спрос на качественные разнообразные ремесленные изделия всегда высок. Многие гуджаратцы поселились за границами Индии – в странах Африки, Юго-Восточной Азии, в Англии, Америке, Канаде, но не теряют своей этнической самоидентификации.

Кастовое общество стоит на идеологии индуизма, и некоторые теории и практики брахманического учения видят в индуизме мощную основу для национальной интеграции, для превращения сообщества индуистов в своего рода супер-этнос. Во всяком случае, именно на этой основе была сформулирована «теория двух наций», индуистской и мусульманской, руководствуясь которой англичане разделили в 1947 г. дотоле единую страну на два доминиона – Индию и Пакистан. В современной Индии, как считается, все этнические и этнолингвистические группы составляют унитарную нацию.

Каста – это категория родственности, и в ней имеют значение не только реальное, но и потенциальное, фиктивное, ритуальное родство, даже родство по деревне. Касты внутренне структурированы для обеспечения брачных законов, основанных на разных вариантах экзогамии, и представляют

собой эндогамные группы. Эндогамные единицы кастовой структуры (особенно так называемые «подкасты») представляют собой, так сказать, квинтэссенции «этничности», и современные индийские антропологи активно разрабатывают эту проблематику в своих исследованиях (13). Как видно из приведенных выше примеров, взаимоотношения «этнос-каста» представлены всем спектром возможных вариантов на переходе от одного полюса к другому. И это обстоятельство характеризует параметры этнических процессов в Индии.

Библиографический список

1. Risley H. H. *The People of India*. Calcutta, 1915; Ibbetson D. *Punjab Castes*. Lahore, 1916; Calcutta, 1893; Blunt, E. A. H. *The Caste System of Northern India with Special Reference to the United Provinces of Agra and Oudh*. London, 1931; Hutton J. *Caste in India : Its Nature, Function and Origins*. Cambridge, 1946; Ghurye, G. S. *Caste and Race in India*. Bombay. 1969; etc.
2. Dumont L. *Homo Hierarchicus. The Caste System and Its Implications*. Complete Revised English Edition. Delhi, 1988.
3. Jaisval Suvira. *Caste. Origin, Function and Dimensions of Change*. New Delhi, 2000. P. 136-137.
4. Кудрявцев М. К. Кастовая община (специфика сельской общины в Индии). // Проблемы аграрной истории. Ч. I. Минск, 1978. С. 137 – 144.
5. Srinivas, M. N. *Coorgs of South India*. Bombay, 1965. P. 30.
6. Кудрявцев М. К. Кастовая система в Индии. М., 1992. С. 35–42.
7. Mandelbaum, G. D. *Society in India*. Vol. 1. *Continuity and Change*. Berkeley – Los Angeles, 1970. P. 19.
8. Успенская Е. Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб, 2000; Успенская Е. Н. Раджпуты. Традиционное общество, государственность, культура. СПб, 2003.
9. Sato M. *The Mughal Impact on the Political and Social Institutions of the Rajputs* // *Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Culture*, Tokyo, 1985, № 48, p. 51–71. P. 53.
10. Peabody N. *Tod's "Rajasthan" and the Boundaries of Imperial Rule in Nineteenth Century India*. // *Modern Asian Studies*, Vol. 30, pt. 1, February 1996, p. 185 – 220. P. 195.
11. Mayer A. C. *Caste and Kinship in Central India. A Village and its region*. Berkeley – Los Angeles, 1970. P. 154.
12. Ghurye G. S. *Caste and Race in India*. Bombay. 1969. P. 21.
13. Danda A. K. *A Critique on Theories of Ethnicity* // *Journal of Indian Anthropological Society*. Calcutta, 1993, № 28. P. 301–315.

Федеральное агентство по образованию

Пензенский государственный педагогический университет
имени В. Г. Белинского

**X Социологические чтения
преподавателей,
аспирантов и студентов**

Межвузовский сборник научных трудов

Главный редактор –
доктор философских наук, профессор А. Б. Тугаров

Редактор – Л. И. Дорошина
Корректор – Л. И. Дорошина
Набор – А. С. Дудкин, Т. Г. Скороходова
Верстка — О. В. Сиротин

План ПГПУ 2008 г. (Поз. 127)

Подписано к печати 16.07.2008. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Уч.-изд. л. 17,25. Усл. печ. л. 16.
Тираж 100 экз. Заказ № 104/08. Цена С. 104.

Издательство ПГПУ им. В. Г. Белинского:
440026, Пенза, ул. Лермонтова, 37. Корп. 5. Комн. 466

Типография ПГПУ им. В. Г. Белинского
440026, Пенза, ул. Лермонтова, 37. Корп. 8. Комн. 311